

ISSN 0321-0391

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

3

« НАУКА »

1993

**В № 4 за 1993 г. и в 1994 г.
«ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ»
предполагает опубликовать:**

**ДРЕВНЕЙШИЕ ПИСЬМЕННОСТИ ЕВРОПЫ
СЕНЕКА. О СКОРОТЕЧНОСТИ ЖИЗНИ
ПО СЛЕДАМ АРГОНАВТОВ И ОДИССЕЯ: НОВОЕ О ГРЕЧЕСКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ
УЧЕНИЕ УЧЕНИЕ ДВЕНАДЦАТИ АПОСТОЛОВ
ПРАРОДИНА СКИФОВ
ГРИФОН И СВЯТИЛИЩА СЕВЕРНОЙ БАКТРИИ
КИММЕРИЙЦЫ И ДРЕВНИЙ ВОСТОК
В ОЖИДАНИИ ГРЕЧЕСКОГО ЧУДА
САРМАТЫ НА ПУТИ ИЗ АЗИИ В ЕВРОПУ
ЗАВЕТ И ЦАРСТВО
НОВЫЕ ДВОРЦЫ И ХРАМЫ ХОРЕЗМА
ХЕРСОНЕССКАЯ БОГИНЯ-ДЕВА
РИМ НА ПУТИ ОТ ЯЗЫЧЕСТВА К ХРИСТИАНСТВУ
ИСКУССТВО КОПТСКОГО ЕГИПТА
АКАД. М. РОСТОВЦЕВ И ПОЭТ ВЯЧ. ИВАНОВ**

**Читайте «Вестник древней истории»
Журнал выходит 4 раза в год
Подписку можно оформить в почтовых отделениях связи
Индекс издания 70119**

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ
ЦЕНТР СРАВНИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

JOURNAL OF ANCIENT HISTORY

3(206)

Июль—Август—Сентябрь

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ОСНОВАН В 1937 г.

Редакционный совет

член-корр. Российской АН С.С. *Аверинцев* (председатель),
д. филол. н. В.И. *Абаев*, член-корр. АН Азербайджана И.Г. *Алиев*,
д.и.н. О.Д. *Берлев*, акад. Т.В. *Гамкрелидзе*, д.и.н. И.М. *Дьяконов*,
д. филол. н. Вяч. Вс. *Иванов*, д.и.н. Ю.К. *Колосовская*,
д. филол. н. В.А. *Лившиц*, акад. АН Таджикистана Б.А. *Литвинский*,
д.и.н. И.Л. *Маяк*, акад. АН Грузии Г.А. *Меликишвили*,
д. филол. н. В.П. *Нерознак*, акад. АН Узбекистана Г.А. *Пугаченкова*,
акад. АН Армении Г.Х. *Саркисян*

Редакционная коллегия

Г.М. Бонгард-Левин (главный редактор),

Ю.В. Андреев, *Е.В. Антонова*, *Л.С. Баюн*,
Ю.Г. Виноградов (зам. главного редактора), *М. Л. Гаспаров*, *Г.Г. Гиоргадзе*,
В.А. Головина (зам. главного редактора), *Е.С. Голубцова*, *М.А. Дандамаев* (зам.
главного редактора), *С.Г. Карпюк* (ответственный секретарь), *И.С. Клочков*,
Г.А. Кошеленко, *В.И. Кузицин* (зам. главного редактора), *Л.П. Маринович*,
А.И. Павловская, *А.В. Подосинов*, *Д.С. Раевский*, *В.М. Смирин* (зам. главного
редактора), *М.К. Трофимова*, *В.И. Уколова*, *Э.Д. Фролов*, *С.В. Шкунаев*

Заведующая редакцией *И.К. Малькова*

Editorial Board

G. Bongard-Levin (Editor-in-Chief),

Yu. Andreyev, *Ye. Antonova*, *L. Bayun*, *M. Dandamayev*, *E. Frolov*, *M. Gasparov*,
G. Giorgadze, *V. Golovina*, *Ye. Golubtsova*, *S. Karpyuk*, *I. Klochkov*,
G. Koshelenko, *V. Kuzishchin*, *L. Marinovich*, *A. Pavlovskaya*,
A. Podosinov, *D. Raevsky*, *V. Smirin*, *S. Shkunayev*, *M. Trofimova*,
V. Ukolova, *Yu. Vinogradov*

Consultative Council

S. Averintsev (Chairman), *I. Aliev*, *V. Abaev*, *O. Berlev*, *I. Diakonoff*,
T. Gamkrelidze, *Vyach. Vs. Ivanov*, *Yu. Kolosovskaya*, *B. Litvinsky*,
V. Livshits, *I. Mayak*, *G. Melikishvili*, *V. Neroznak*, *G. Pugachenkova*,
G. Sarkisyan

Head, Editorial Office *I. Malkova*

Ю.Б. Юсифов, А.Н. Алимierzоев
К РАСШИФРОВКЕ ЗНАКОВ-ЦИФР
ПРОТОЭЛАМСКОГО ПИСЬМА

Более 90 лет прошло с того времени как были обнаружены и стали исследоваться так называемые протоэламские пиктографические таблички. Нет сомнений, что результаты исследований в этой области могут дать сведения о материальной и социально-экономической жизни эламского общества начала III тыс. до н.э.

Первые свидетельства об этих табличках были получены в 1897 г. Ж. де Морганом при раскопках большого холма на месте древних Суз. С тех пор благодаря усилиям французских археологов в слоях XVI—XIII Акрополя I Суз было обнаружено и позднее опубликовано в общей сложности более 1400 табличек¹.

Протоэламские рисуночные таблички были обнаружены также далеко за пределами Суз. Так, 20 табличек происходят из Тепе-Сиалка, вблизи современного города Кашан, 6 — из Тепе-Яхья, к югу от современного города Керман. Несколько обломков с протоэламскими знаками обнаружены в Шахри-Сохте в Сеистане, в Талл-и Мальяне и других пунктах². Вслед за Л. Ле Бретеном³ ныне большинство исследователей датируют таблички 2900—2500 гг. до н.э.⁴

В результате предварительных исследований табличек было установлено, что возникновение протоэламского письма обусловлено потребностями экономического и административного характера; в этом отношении мнение исследователей совпадает. Эти в основном небольшие⁵ глиняные (иногда каменные) таблички фиксировали важнейшие виды хозяйственно значимых предметов и их количество; в них производился учет поступлений, рас-

¹ Scheil V. Petits textes // MDP. Т. 2. 1900. P. 129—132 (опубликованы три таблички); *idem*. Documents archaïques en écriture proto-élamite // MDP. 1905. Т. 6. P. 57—128 (опубликована 201 табличка); *idem*. Textes de comptabilité proto-élamites (nouvelle série) // MMAP. 1923. Т. 17. (485 табличек); *idem*. Textes de comptabilité proto-élamites (troisième série) // MMAP. 1935. Т. 26. (646 табличек); de Mecquenem R. Epigraphie proto-élamite // MMAI. 1949. Т. 31. P. 16—42 (50 табличек); Vallat F. Les documents épigraphiques de l'Acropole (1969—1971) // DAFI. 1971. 1. P. 235—243 (29 табличек); *idem*. Les tablettes proto-élamites de l'Acropole (Campagne 1972) // DAFI. 1973. 3. P. 93—103 (7 табличек).

² Vallat F. The Most Ancient Scripts of Iran: the Current Situation // WA. 1986. V. 17. № 3. P. 340.

³ См. Le Breton L. The Early Periods at Susa. Mesopotamian Relations // Iraq. 1957. V. 19. Pt 2. P. 104.

⁴ Carter E., Stolper M.W. Elam: Surveys of Political History and Archaeology. L., 1984. P. 7, 129; Le Brun A. Suse, chantier, l'Acropole I. Recherches stratigraphiques à l'Acropole de Suse (1969—1971) // DAFI. 1971. 1. P. 190—191.

⁵ Пиктографические таблички Элама по размерам невелики — от 1,2 × 2,5 см до 17,3 × 22,7 см (см. Vallat. The Most Ancient Scripts... P. 338).

№	Цифровые знаки	Значение	№	Цифровые знаки	Значение
I		100.000	XI	0	1
II		100.000	XII		1/2
III		10.000	XIII		1/5
IV		10.000	XIV		1/5
V		1000	XV		1/10
VI		1000	XVI		1/10
VII		100	XVII		1/30
VIII		100	XVIII		1/30
IX		10	XIX		1/60
X		5	XX		1/120

Рис. 1. Таблица протоэламских цифр

ходов, остатков и т.д. Данное мнение аргументировалось тем простым обстоятельством, что во всех табличках встречаются знаки, обозначавшие цифры-числительные, которые указывали на количество учитываемых предметов. Поэтому первым этапом в истории исследования протоэламского письма являлось установление смысла этих цифровых знаков. Это не представляло практической трудности: ученые имели уже дело с аналогичными знаками, когда брались за дешифровку архаических табличек Шумера.

Начало изучения протоэламских цифр было положено В. Шейлем. Ему удалось установить правильное значение следующих цифровых знаков: [VII] — «100»⁶; [IX] — «10»⁷; [XI] — «1»⁸; [XII] — «1/2»⁹; [XVII] — «1/30»¹⁰; [XIX] — «1/60»¹¹. Кроме того, В. Шейль правильно предположил, что знак [XX] является числительным, однако цифровое значение его установить не смог¹²; предложенные им толкования других цифровых знаков оказались ошибочными¹³.

Смысл цифровых знаков, использовавшихся для обозначения мер емкости, впервые был истолкован Р. де Меккенемом, который предложил для некоторых из них следующие значения¹⁴: [I] — «10 000»; [III] — «1000»;

⁶ См. MDP. Т. VI. № 873. Здесь и далее по техническим причинам протоэламские знаки-цифры и обозначения товаров заменены соответственно римскими и арабскими цифрами (см. рис. 1, 2).

Там же, № 836.

⁸ Там же, № 814.

⁹ Там же, № 833.

¹⁰ Там же, № 853.

¹¹ Там же, № 857—861.

¹² См. MMA. Т. XXVI. P. 111.

¹³ Например, он ошибочно толковал знак [VI] как «1/2» (см. MDP. Т. 6, знак № 834), а знак [XIII] почему-то как «1/6» (там же, знак № 867).

¹⁴ MMA. Т. XXXI. P. 40—41.

№	Цифровые знаки	№	Цифровые знаки
Т.Н/1		Т.Н/10	
Т.Н/2		Т.Н/11	
Т.Н/3		Т.Н/12	
Т.Н/4		Т.Н/13	
Т.Н/5		Т.Н/14	
Т.Н/6		Т.Н/15	
Т.Н/7		Т.Н/16	
Т.Н/8		Т.Н/17	
Т.Н/9		Т.Н/18	
		Т.Н/19	

Рис. 2. Таблица отдельно упоминаемых товаров

[V] — «300»; [XIII] — «1/5»; [XV] — «1/10»; [XX] — «1/120» (ср. ниже). Сравнительным анализом протоэламских и протошумерских числительных занимались также А. Фалькенштейн¹⁵ и А.А. Вайман¹⁶.

Цифровые знаки протоэламского письма нуждаются в дальнейшем изучении, поскольку детальный анализ хозяйственных документов дает основания считать, что знаки, идентифицированные как метрологические единицы, выполняли и иные функции. Кроме того, в письме наряду с установленными существовали и другие метрологические единицы, на которые не было обращено внимания.

При раскопках XVIII слоя Акрополя I в Сузах было обнаружено несколько десятков глиняных оболочек, представляющих собой своего рода «конверты». Внутри таких «конвертов» находились мелкие поделки из камня и глины разных типов — шарики, цилиндры, конусы, диски, половинки шаров и конусов¹⁷. Иногда оттиски этих поделок наносились на поверхность «конверта»¹⁸.

Исследователи полагают, что с помощью таких поделок обозначались различные товары и их количество. Так, Ф. Валла считает, что эти поделки имели прямое отношение к системе учета и в зависимости от своей формы передавали определенные цифровые понятия¹⁹. Однако не со всеми предлагаемыми им отождествлениями поделок и их оттисков с поздними пиктографическими знаками, особенно цифровыми, можно согласиться. Так, в древний период вряд ли существовали поделки, обозначающие такие крупные цифры, как «300», «1000» и т.д. В ранних образцах протоэламского письма, в так называемых «цифровых табличках», предшествующих пиктографическим документам²⁰, первоначально, по-видимому, существовало лишь два знака: «10» и «1», остальные же цифры стали приме-

¹⁵ См. *Falkenstein A. Archaische Texte aus Uruk.* Lpz, 1936. S. 42.

¹⁶ См. *Вайман А.А.* О связи протоэламского письма с протошумерским // ВДИ. 1972. № 3. С. 126 сл.; *он же.* О протошумерской письменности.

¹⁷ См. *Le Brun A., Vallat F. L'origine d'écriture à Suse* // DAFI. 1908. 8. P. 30—34. Pl. 1.

¹⁸ *Ibid.* Pl. 1.

¹⁹ *Ibid.* P. 32—34; *Vallat. The Most Ancient Scripts...* P. 337.

²⁰ Такие таблички происходят из XVIII—XVII слоев Акрополя I и соответственно датируются 3100—3000 гг. до н.э. (см. *Le Brun., Vallat. L'origine...* P. 31).

няться позже. Так, в одной надписи из Тепе-Сиалк (рис. 3)²¹, количество «100» передано с помощью десяти «малых кружков», обозначающих «десятку».

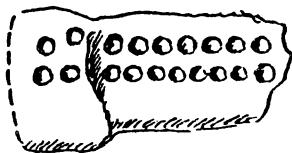

Рис. 3. Табличка из Сиалка-IV (Ghirshman R. Fouilles de Sialk. I. Paris, 1938. Pl. XII)

Однако подобное обозначение «сотни» — с помощью десяти «малых кружков» — было весьма неудобным, что, видимо, и побудило писцов ввести особый знак для числа «100». В одной сузской «цифровой табличке», например, (рис. 4) число «285» передано с помощью двух «больших кружков», восьми «малый кружков» и пяти оттисков указательного пальца, обозначавших единицы²².

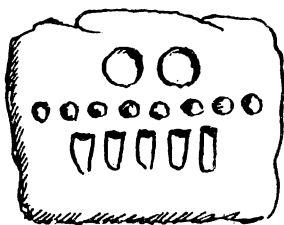

Рис. 4. Табличка ММАР. Т. XVII, 20

Как видно, первоначально в табличках фиксировалось лишь три знака, притом все они являлись числовыми обозначениями. Из рассмотренных выше двух табличек видно, что знаки эти выписывались строго горизонтальными рядами. В подобных «цифровых табличках» отражалась первоначально лишь одна учетная операция, т.е. каждый такой документ составлялся по мере получения или сдачи одного определенного товара или предмета, однако какого именно, оставалось неизвестно: особых знаков, обозначающих род товара, ставшего предметом счета, в то время не существовало. Все прочие знаки в том числе и другие числительные, впервые начинают фигурировать в табличках XVII слоя В Акрополя I²³. Как было установлено Ф. Валла, тогда и появились впервые знаки, помечающие определенные виды товаров или предметов²⁴. По-видимому, в соответствии с «грамматическими особенностями» языка их создателей, эти знаки-товары

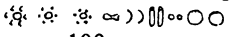
²¹ Эта табличка происходит из слоя Сиалк-IV, который синхронен XVII слою Акрополя I в Сузах (см. Carter, Stolper. *Elam*... P. 122, 130).

²² Видимо, знак [X1] — «1» представляет собой схематическое изображение пальца с ногтем.

²³ Датировка табличек по слоям осуществляется лишь применительно к тем из них, которые были обнаружены в 60-е годы, когда культурные слои и горизонты Акрополя I стали четко выделяться (см. Vallat F. *Le matériel épigraphique des couches 18 à 14 de l'Acropole // Paléorient*. 4. P., 1978. P. 193—195; *idem*. *Les documents épigraphiques*... P. 235—245; *idem*. *Les tablettes proto-élamites*... P. 93—103). Что же касается находок, сделанных при раскопках Ж. де Моргана и Р. де Меккенема, то эти датировались лишь по глубине их залегания. По этой причине вряд ли когда-либо удастся установить слои, из которых происходят документы, опубликованные В. Шейлем и Р. де Меккенемом.

²⁴ Например, такие знаки содержит опубликованная Ф. Валла табличка под шифром S. Agr. 72. 1820-1 (см. Vallat. *Les tablettes proto-élamites*... P. 93—94), которая была обнаружена в слое XVII В Акрополя I.

стали наносить перед цифрами, а не после них. В дальнейшем появилась необходимость экономить место на документе для дополнительной информации, поскольку на одной табличке стали помещать одновременно «запись» нескольких учетных операций. Экономия эта достигалась двояким способом, притом оба способа были связаны с изменением графики передачи числительных: 1) писцы начали вводить новые знаки, с помощью которых можно было передать более крупные числа; 2) писцы отказались от старой, «линейной» передачи числительных: так, например, число «5» передавали попрежнему с помощью пятикратно повторенных оттисков указательного пальца, однако «выписанных» не рядом, как прежде, но в «два столбца» — .

Наблюдения за системой графического изображения числительных дает основание полагать, что в той их группе, которая обозначала определенные количества чего-либо, знаки-цифры располагались по принципу «от большого к малому». Поскольку надписи составлялись в направлении справа налево, группа числительных начиналась справа соответственно крупными и завершалась малыми цифрами. Например, группа знаков-числительных (ММАР. Т. XXVI, 362) начинается двумя знаками «100» и завершается дробным числом «1/60». В некоторых документах эта закономерность нарушается, однако отклонениям почти во всех случаях можно найти объяснения.

Например, в одной из табличек (ММАР. Т. XVII, 136, см. рис. 5)

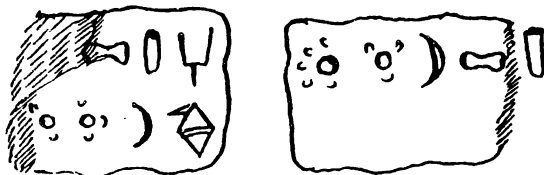

Рис. 5. Табличка ММАР. Т. XVII, 136. Лицевая (слева) и оборотная (справа) стороны

(судя по оттиску, левая часть лицевой и правая часть оборотной стороны разрушены) уцелевшие цифры обеих сторон дают основание считать, что на ее оборотной стороне подводился итог, где цифровой ряд передан в «нестандартной» форме; по правилам следовало бы ожидать [XVII]; [XVII]; [XV]; [XIII]; [XI], так как цифра «1/5» ([XIII]) должна была стоять перед «1/10» ([XV]), что видно также из приведенного выше примера в ММАР. Т. XXVI, 362. Такую «нестандартную» последовательность цифр, видимо, можно объяснить следующим образом. При внимательном рассмотрении таблички (рис. 5) становится ясно, что фиксируя итог на оборотной стороне, писец наносил цифры в том порядке, в каком они следовали на лицевой стороне. Поэтому в итоге цифра «1/5» оказалась после цифры «1/10». Таким образом, есть основания полагать, что в группе числительных знаки-цифры располагались в основном по принципу от большего числительного к меньшему.

Изучение графической передачи числительных по названному принципу дает возможность проверить, правильно ли было установлено значение, например, дробных чисел, предложенное ранее²⁵.

1. [XIII] — «1/5». Данная цифра обычно стоит после «единицы», следовательно, она была меньше цифры «1». Нет ни одного случая, где эта

²⁵ См. Brice W.C. The Writing System of the Proto-Elamite Account Tablets of Susa // Bulletin of the John Rylands Library, 40. Manchester, 1962. P. 15—39.

цифра повторялась бы пять раз, что дало бы значение единицы. Единицу удобнее было написать с помощью одного знака [XI], а не посредством пятикратного повтора знака [XIII]. Следовательно, этот знак действительно передает «1/5».

2. [XV] — «1/10». Этот знак обычно стоит после цифры «1/5». Нам не известны случаи повтора знака [XV] дважды. Отсюда можно сделать вывод, что эта цифра имела такую величину, что, умножая ее на два, получили бы «1/5». Значит, цифра [XV] действительно означала «1/10».

3. [XVII] — «1/30». Этот знак обычно стоит после цифры «1/10» и может повторяться максимум дважды. Трижды повтор этой цифры не зафиксирован. Едва ли удастся его обнаружить, так как трижды повтор цифры «1/30» в сумме дает «1/10», для которой существовал специальный знак ([XV]). Поэтому значение «1/30» для знака [XVII] кажется единственно допустимым.

4. [XIX] — «1/60». Эта цифра, как правило, не повторяется, поскольку редупликация этого знака в сумме дала бы «1/30», что, естественно, удобнее передавать с помощью знака [XVII]. Следовательно, знак [XIX] действительно мог обозначать «1/60».

5. Этим же способом проверяется значение цифры «1/120» для знака [XX].

Таким образом, проверка показывает, что значение дробных величин было установлено правильно.

Для исследования протоэламских цифр важное значение имеет также изучение существующих в пиктографических документах систем счета. Обилие цифровых знаков свидетельствует о наличии четких систем счета в Эламе в начале III тыс. до н.э. Протоэламские цифры, по мнению А.А. Ваймана, использовались для счета предметов, а также в качестве мер емкости и веса²⁶. Но как выделить существовавшие в то время системы счета, которые нашли свое отражение на пиктографических табличках, и какие метрологические единицы включала в себя та или иная система? Вопрос этот имеет прямое отношение к дешифровке и поэтому требует подробного освещения.

Предварительные исследования показали, что шумеры в своих ранних хозяйственных документах делали различия в обозначении числа, например, штучно исчисляемых товаров и сыпучих или жидких веществ. Эти различия выражались в выборе тех или иных знаков²⁷. Аналогичная ситуация наблюдается и в протоэламском письме. Для передачи некоторых определенных метрологических единиц в пиктографических табличках Суз применялись различные цифровые знаки. Например, в протоэламском письме выражение «100» обозначалось с помощью двух знаков: [VII] и [VIII]. Первый знак-цифра мог применяться в контексте с дробными числами, а второй нет. Поэтому знак [VII] — «100» был включен А.А. Вайманом в систему мер емкости, а [VIII], также означающий «100», в систему счета²⁸. Значит, если в цифровом комплексе в качестве цифры «100» употреблен «большой кружок», то речь идет о мерах емкости и, соответственно, об учете жидких или сыпучих тел. Если же в цифровом комплексе цифра «100» передана посредством знака [VIII], значит, речь может идти о штучно исчисляемых товарах. Эти цифры, видимо, выполняли своего рода ориентировочную функцию для эламских писцов. Так, если одним из компонентов цифрового ряда является знак [VIII], то другие его элементы (цифровые знаки) следует отнести к системе счета, которая обозначала количество штучно исчисляемых предметов. А цифры, передававшиеся в контексте со знаком [VII], можно отнести к мерам емкости.

²⁶ См. Вайман. О связи... С. 126 сл.

²⁷ См.: он же. О протошумерской письменности. С. 583 сл.

²⁸ Он же. О связи... С. 126.

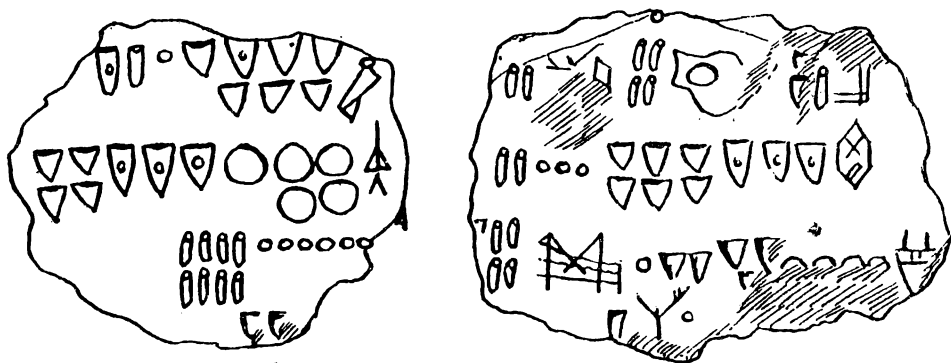

Рис. 7. Табличка S. Aск. 72. 1820-1. DAFI, 3. Fig. 14:1. Лицевая и оборотная стороны

следует считать «100.000»³¹ — знак [I], который в цифровых комплексах стоял перед [III]³².

Известен случай применения единиц системы мер емкости для передачи количества штучно исчисляемых товаров.

В приведенном на рис. 7 документе при передаче количества птиц (знак Σ) и стрел (знак \perp) использованы единицы системы мер емкости. Рассматриваемая табличка происходит из слоя XVII B Акрополя I. Хронологически это соответствует тому времени, когда, согласно Ф. Валла, в протоэламском письме появляются знаки для передачи крупных цифр и объектов учета³³. Поэтому в период составления документов S. Aск. 72.1820-1, видимо, еще не существовало тех четких систем счета, которые наблюдаются в табличках более поздних слоев³⁴. А.А. Вайман допускает возможность существования в Эламе в начале III тыс. до н.э. особой системы счета, включавшей меры веса, со следующими метрологическими единицами³⁵: [III] — «600»; [V] — «60»; [IX] — «10»; [X] — «1»; [XII] — «1/2».

Включение цифры «600» (?) в систему мер веса вызывает сомнение. Так, анализ цифровых комплексов дает основание считать, что знаки-цифры «600» (?) и «1/2» не могли входить в одну счетную систему. Цифра «1/2» в других системах счета не встречается, поэтому ее можно использовать в качестве ориентира. Как правило, в цифровых комплексах, где употреблена цифра «1/2», знак [III] отсутствует, и наоборот, в цифровых комплексах, где он появляется, цифра «1/2» не обнаружена. Поэтому знак [III] не следует включать в эту систему.

Самое большое значение в этой системе было у знака-цифры [V]. Впервые Р. де Меккенем высказал мнение, что в зависимости от контекста знак [V] передавал числительные «1», «300» или «60»³⁶. Попробуем выяснить его значение на примерах (см. рис. 8, 9, 10).

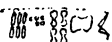
В первой табличке (рис. 8, 3-я строка) количество товаров (или предметов) [I] составляет «1/2» (знак [XII] с графическим вариантом (см. рис. 1)).

³¹ Такое толкование указанных трех знаков-цифр впервые было предложено В. Шейлем (ММАР. Т. XXVI, IV), на что, однако, не было обращено надлежащего внимания.

³² Возможно, что знак «большого кружка» в табличке S. Aск. 72. 1820-1 (см. рис. 7) является графической разновидностью цифры «100.000».

³³ См. Vallat. Les tablettes proto-élamites... P. 95—97.

³⁴ Например, в документе ММАР. Т. XXVI, 156 количество птиц (?) передано посредством знаков системы счета:

³⁵ См. Вайман. О связи... С. 127.

³⁶ См. ММАИ. Т. XXXI, № 5276—5277.

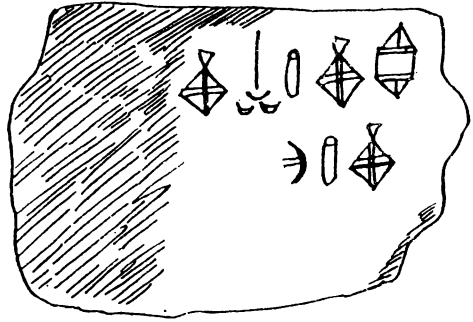
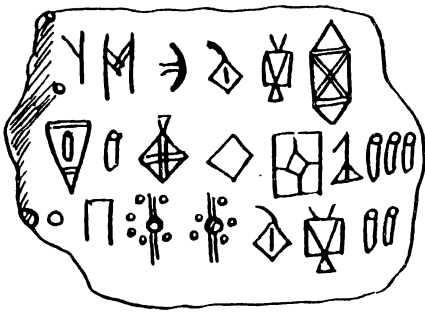

Рис. 11. Табличка ММАР. Т. XVII, 80. Лицевая и оборотная стороны

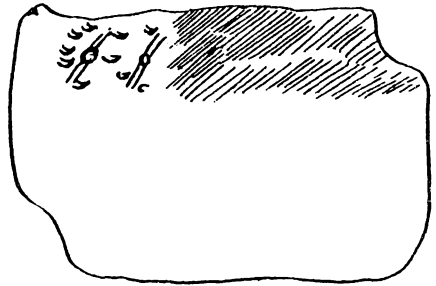
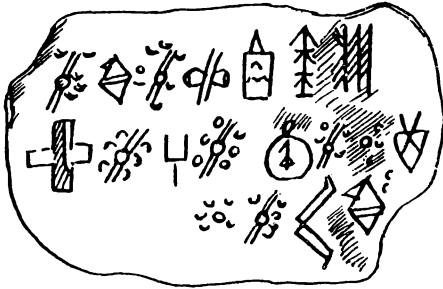

Рис. 12. Табличка ММАР. Т. XXVI, 95. Лицевая и оборотная стороны

ные числительные. Мы склонны полагать, что с помощью знака [XIV] в системе мер веса передавалась цифра «1/5», а посредством знака [XVIII] — цифра «1/30». Видимо, чтобы отличить эти цифры от аналогичных по назначению емкостных единиц «1/5» и «1/30», в системе мер веса к этим знакам добавлялись две черточки.

Факт наличия цифр «1/5» и «1/30» дает основания предполагать существование в системе мер веса также цифры «1/10», промежуточной между «1/5» и «1/30». Кажется, наше предположение находит себе подтверждение в документе ММАР. Т. XXVI, 95 (см. рис. 12), в котором произведен учет сдачи весовых товаров.

Как видно, в 1-й строке перед числительным «1/30» нанесен знак [XVI], который, видимо, обозначал «1/10». Подобно другим дробным числительным системы мер веса, на знак-цифру «1/10» нанесены две черточки.

Таким образом, на наш взгляд, в составе системы счета, применявшейся для измерения количества весовых товаров, употреблялись следующие цифры-числительные: [V] — «1000»; ? — «100»; [IX] — «10»; [XI] — «1»; [XII] — «1/2»; [XIV] — «1/5»; [XVI] — «1/10»; [XVIII] — «1/30».

Анализ многочисленных пиктографических документов свидетельствует о существовании еще какой-то системы счета. Предположительно в этой системе существовали следующие цифры: [IV] — «10 000»; [VI] — «1000»; [V] — «?»³⁷; [VII] — «100»; [IX] — «10»; [XI] — «1»; [XIII] — «1/5»; [XV] — «1/10»; [XVII] — «1/30». Такая система счета частично отражена в документе ММАР. Т. XXVI, 360 (см. рис. 13).

В этой табличке произведен учет трех предметов, см. рис. 2, [4].

При передаче количества первых двух знаков-предметов использована

³⁷ Трудно сказать, каково значение этой цифры в данной системе счета. Едва ли этот знак-цифра означал здесь «1000», для передачи которого в этой системе использовался знак [VI].

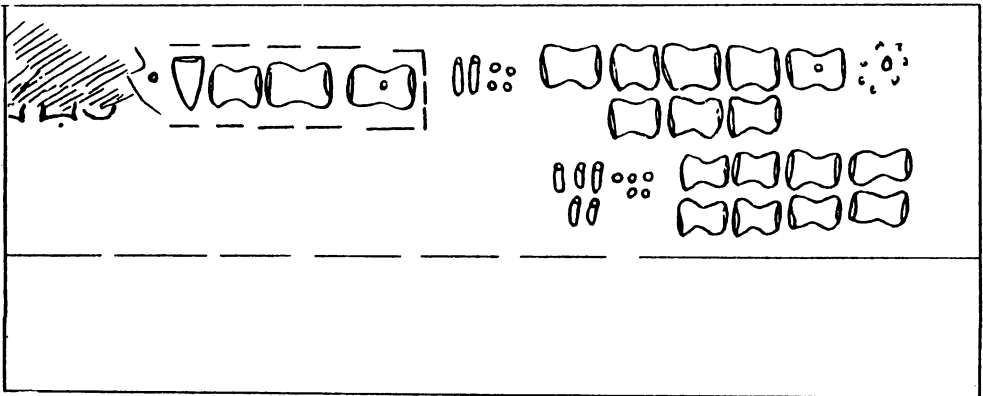
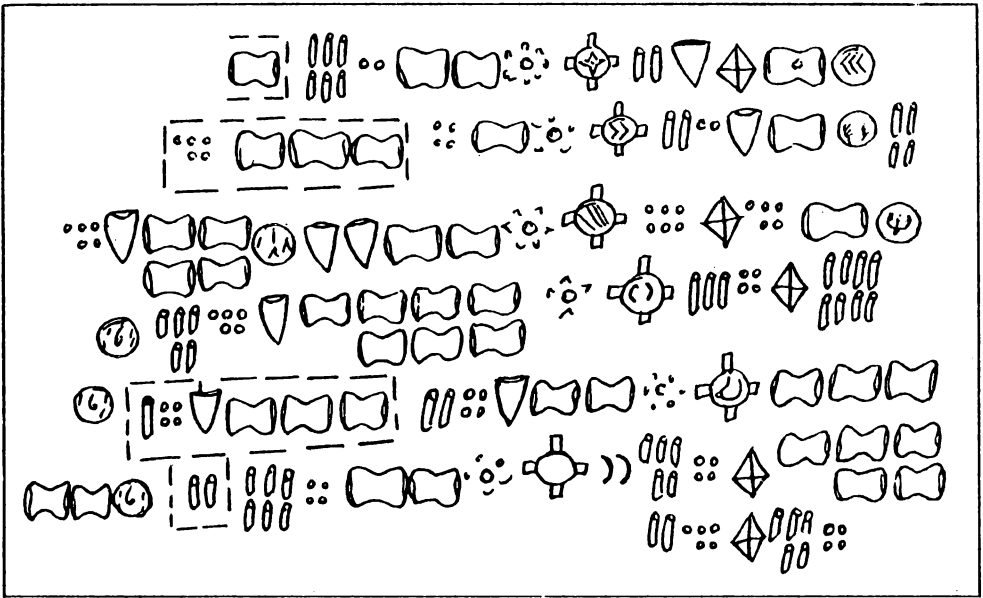

Рис. 13. Табличка ММАР. Т. XXVI, 360. Лицевая (сверху) и оборотная (снизу) стороны

цифра [IV], которая представляет собой комбинацию двух элементов: [VI] × [IX], т.е. «1000» × «10». Исходя из этого, можно допустить, что знак [IV] означал «10.000». Значение остальных цифр этой системы уже известно. Существование в этой системе дробных чисел устанавливается на основе таблички ММАР. Т. XXVI, 386 (рис. 14).

Как видно, лицевая сторона таблички завершается комплексом дробных чисел: $4/5$ (« $1/5$ » × 4) + « $1/10$ » + « $1/30$ ». Скорее всего, эти дробные числа являются продолжением графической передачи количества товара [3]. Обозначение количества этого товара начинается цифрой [VI] — «1000». Эта цифра обычно применялась в системе счета штучно исчисляемых предметов. Однако в этой системе счета дробные числа, как известно, отсутствовали. Это дает основание полагать, что перед нами совершенно иная система счета³⁸.

³⁸ Об эламском названии ряда цифр см. *Mc Alpin D.W. Proto-Elamo-Dravidian: the Evidence and its Implications. Philadelphia, 1981. P. 73.*

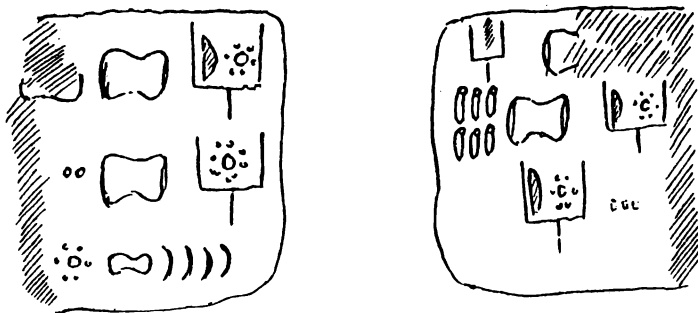

Рис. 14. Табличка ММАР. Т. XXVI, 386. Лицевая и оборотная стороны

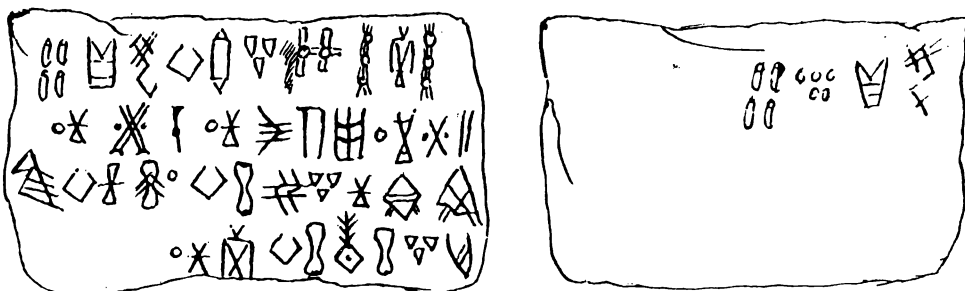

Рис. 15. Табличка ММАР. Т. XXVII, 18. Лицевая и оборотная стороны

Детальный анализ протоэламских пиктографических документов заставляет пересмотреть традиционные представления о протоэламских цифрах-числительных. Все исследователи, занимавшиеся дешифровкой протоэламской пиктографии, в цифровых знаках видели только количественное выражение, т.е., согласно им, цифры отражали количественную сторону учетной операции. Количество предметов, ставших объектом учета, могло быть передано либо одной цифрой, либо целым цифровым комплексом. Анализ табличек показывает, что в отличие от цифрового комплекса, который всегда указывал на количество, отдельный знак-цифра иногда мог терять свое первоначальное числовое значение. Рассмотрим такие знаки в отдельности.

1. [VIII] (рис. 15).

Оборотная сторона таблички содержит итоговую запись: товар, переданный посредством двух знаков [5] с общим количеством «54». Данная сумма совпадает с лицевой стороной: в 1-й строке — «4», во 2-й — «30», в 3-й — «10», в 4-й — «10».

Интересующий нас знак [VIII] трижды встречается на лицевой стороне, однако ни в одном случае не обозначает цифру «100». В противном случае итог составлял бы 354, а не 54. Аналогичное явление можно наблюдать также в документе ММАР. Т. XXVI, 4782 (рис. 16).

На оборотной стороне таблички, видимо, подведен итог количества какого-то товара, переданного посредством знака [6]. Однако этот знак-товар не зафиксирован на лицевой стороне. Поэтому на первый взгляд кажется, что объектом учета в лицевой стороне являются знаки [7], так как в тексте после этих знаков стоят числительные, но это не так. Если бы указанные знаки обозначали объект учета, то они обязательно фиксировались бы на оборотной — итоговой стороне. В рассматриваемом

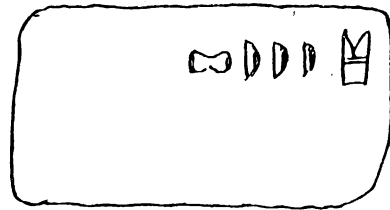
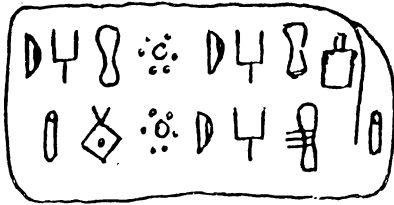

Рис. 16. Табличка ММАР. Т. XXVI, 4782. Лицевая и оборотная стороны

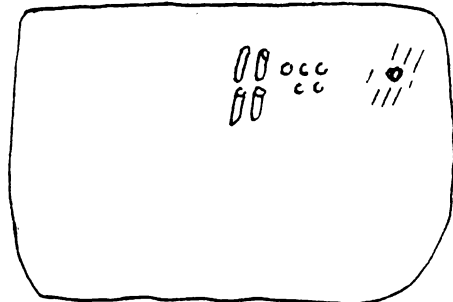
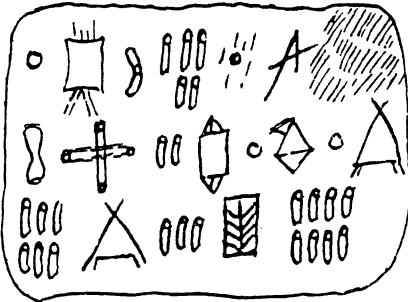

Рис. 17. Табличка ММАР. Т. XXVI, 234. Лицевая и оборотная стороны

документе знаки [VII] и [XI] не обозначают числительных. Только при таком подходе количество предметов на обеих сторонах будет совпадать.

Путем комбинации знака [VIII] с другими элементами древнеэламские писцы передавали определенные понятия. К сожалению, смысл таких комбинированных знаков³⁹ не установлен, однако, повторяем, едва ли они были связаны с числительными⁴⁰.

2. [XIX]. При анализе документа ММАР. Т. XXVI, 360 (рис. 13) было отмечено, что посредством этого знака-цифры писцы обозначали также какой-то товар. Такую же функцию этот знак выполняет в документе ММАР. Т. XXVI, 234 (рис. 17).

Анализ этой таблички свидетельствует о том, что рассматриваемый знак не мог означать дробную величину «1/60». Во-первых, цифра «1/60» как метрологическая единица была меньше «1». Если бы знак [XIX] в этом тексте обозначал «1/60», то, согласно принципу графической последовательности числительных «от большого к малому», он должен был следовать за числительным «5» (в 1-й строке лицевой стороны) или за «54» (на оборотной стороне). Во-вторых, сумма приведенных на лицевой стороне цифр должна была совпадать с числительными оборотной стороны, где был подведен итог. В рассматриваемом тексте знаки [VIII] («100») и [XIX] («1/60»), скорее всего, не обозначали числительных. Поэтому итоговое количество обеих сторон совпадает.

3. [VI]. Судя по итоговой оборотной стороне, в документе ММАР, XVII, 93 (рис. 18) был произведен учет двух товаров (или предметов). На лицевой стороне привлекает внимание группа знаков 2-й строки: [9]. Знак, стоящий в середине данного комплекса, судя по итогу, не мог обозначать дробную величину «1/10», так как итоговая оборотная сторона не содержит каких-либо дробных чисел.

³⁹ К числу таких знаков можно отнести лигатуры $\text{𐎧}:\text{𐎧}:\text{𐎧}:\text{𐎧}$; 𐎧 .

⁴⁰ Р. де Меккенем полагал, что знак [19] означал «1000» (см. MMAI, Т. XXXI, 5298). Однако, судя по контексту (см. табличку в ММАР. Т. XXVI, 4766), едва ли знак [19] вообще обозначал цифру.

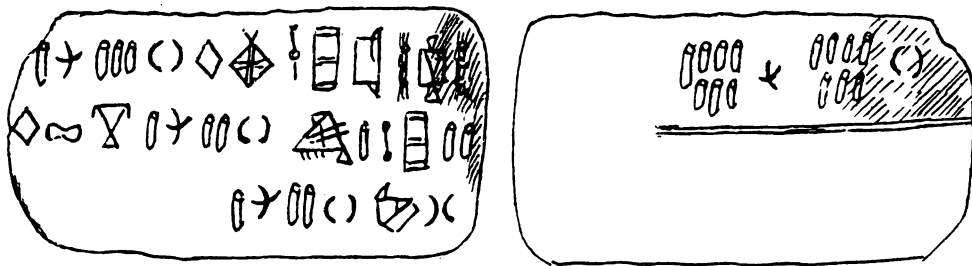

Рис. 18. Табличка ММАР. Т. XVII, 93. Лицевая и оборотная стороны

Таким образом, становится очевидным, что в некоторых контекстах цифровые знаки [VIII], [XI], [XIX], [VI] не обозначали метрологических единиц, а выполняли иные функции⁴¹.

До сих пор не рассмотрен один существенный вопрос, непосредственно связанный с количеством предметов счета. Речь идет о цифрах — числительных, помещенных внутри своеобразных «рамочек». Такая передача древнезламских цифр встречается довольно часто, что, однако, не наблюдается в протошумерском письме. Рассмотрим некоторые особенности такой передачи числительных.

1. Все числительные текста находятся внутри «рамки» (см. рис. 19).

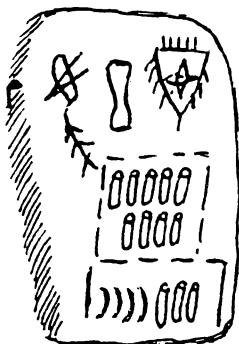

Рис. 19. Табличка ММАР. Т. XVII, 104. Лицевая и оборотная стороны

Количество «9» во 2-й строке и количество «28» в 3-й строке окружены «рамками».

2. Цифры, помещенные в «рамку», в сумме могли быть меньше цифр, предшествующих «рамке» и написанных в обычном порядке (см. рис. 20):

Как видно во второй строке надписи, за цифрой «1/5» следует находящаяся в «рамке» «1/30», а в 3-й строке после количества «2/5» («1/5» × 2) идет находящееся в рамке сравнительно меньшее количество «2/15» («1/10» + «1/30»).

3. Цифра, помещенная в «рамку», могла быть равной предшествующей цифре, написанной в обычном порядке. Такая передача числительных на-

⁴¹ Исходя из анализа документов ММАР. Т. XXVI, 360 и 234 (см., соответственно рис. 13 и 17), можно сказать, что знак [XIX] обозначал какой-то товар. Вполне возможно, что в некоторых текстах цифровые знаки использовались для слоговой записи при передаче имен собственных или таких слов, как «выдано», «отпущено», «получено», «изготовлено», которые характерны для клинописных учетных документов. Ряд исследователей (Вайман. О связи... С. 125; Vallat. *The Most Ancient Scripts...* P. 339) указывали на возможность использования слоговой записи в протоэламских пиктографических надписях.

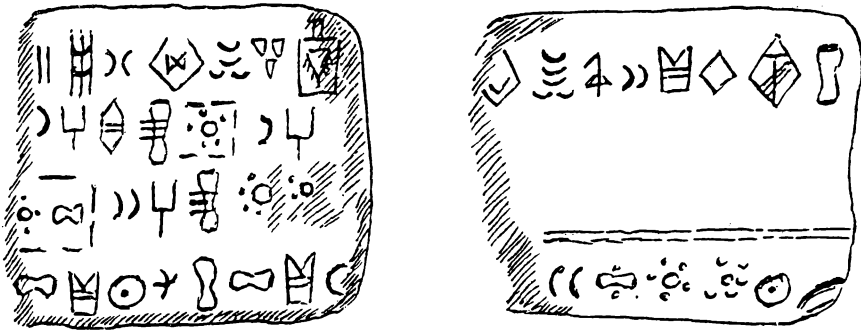

Рис. 20. Табличка ММАР. Т. XVII, 109. Лицевая и оборотная стороны

блюдается в контексте [10] (4-я строка лицевой стороны таблички ММАР. Т. XVII, 7).

4. Цифры, помещенные в «рамку», в сумме превышали предшествующие «рамке» и написанные в обычном порядке числительные. Такая фиксация наблюдается во 2-й и 4-й строках лицевой стороны и 1-й строке оборотной стороны документа ММАР. Т. XXVII, 360 (см. рис. 13).

Интересно, что итог цифр, помещенных в «рамку», подводился отдельно. Ясно, что при этом писцы старались различить количество цифр, помещенных в «рамку», от цифр, переданных в обычном порядке. Сначала подытоживались цифры, переданные в тексте в обычном порядке, а потом суммировались цифры, находящиеся в «рамке». Такая фиксация имеет место в документах ММАР. Т. XXVI, 360 (рис. 13) и Т. XVII, 228 и некоторых других.

Несомненно, что помещение числительных в «рамку» имело какой-то смысл. А.А. Вайман предполагает, что знак [11] мог обозначать пшеницу⁴². Но в протоэламском письме в «рамку» помещали только цифровые знаки, поэтому, скорее всего, такая фиксация передавала количественные показатели⁴³. Данные табличек дают основание связать подобную передачу числительных со способом передачи части исчисляемого товара или предмета, для чего требовались специальные знаки. Возможно и иное объяснение⁴⁴.

Загадочным является еще одно обстоятельство. В 1972 г. А.А. Вайман писал: «Почти любой протоэламский знак, обладающий внутренним пространством, встречается в роли носителя другого знака, причем во многих случаях в качестве вписанного выступает не один определенный знак, а различные знаки»⁴⁵. Отмеченное характерно также для цифровых знаков. Например, 1-я строка надписи S. Aсг. 72.1820-1 (см. рис. 5) содержит следующие знаки: $\circ \cdot \nabla \nabla \nabla \nabla \nabla \nabla \nabla \nabla$.

В данной записи произведен учет предмета ∇ , следовавшие за этим знаком числительные, видимо, передавали его количество. Но как прочесть это количество? На первый взгляд кажется, что числительные расположены здесь в нестандартной последовательности, ибо едва ли в этом

⁴² См. Вайман. О протошумерской письменности. С. 582, 584.

⁴³ Р. де Меккенем связывал знак в ММАІ. Т. XXXI, № 5262 (видимо, разновидность знака [11], т.е. «1» + «рамка») с числительным.

⁴⁴ В протоиндийском письме существовало по крайней мере восемь разновидностей таких «рамок», в которых помещались два или три знака, в том числе и цифры. К сожалению, назначение «рамок» в протоиндийском письме окончательно не выявлено (см. Алексеев Г.В. Комментарий к статье П. Мериджи «О письменности долины Инда» // ТДП. С. 495).

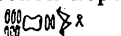
⁴⁵ См. Вайман. О связи... С. 125.

контексте знак [III], как было предложено выше, означал «10 000». Если бы это было так, то он стоял бы в начале цифрового ряда. Такой же кружок вставлен в единицу. Поскольку знаки с кружком находятся рядом с цифрами «1000» и «1», то они, вероятно, имели соответствующую величину. С чем была связана такая передача числительных, сказать трудно. К сожалению, в протоэламском письме таких фактов очень мало⁴⁶. Интересно, что близкую аналогию этому находим в архаических табличках Шумера. Зафиксированы случаи, когда в этих табличках «малый полуовал» (цифра «1»), малый кружок (цифра «10») и большой полуовал (цифра «60») перечеркнуты горизонтальным штрихом. А.А. Вайман считает, что с помощью такого приема шумерские писцы передавали количество мертвых рабов или павших животных⁴⁷. В протоэламском письме это явление пока остается необъясненным.

Изучение протоэламских пиктографических знаков для передачи тех или иных чисел открывает возможности не только для понимания систем счета, характера и назначения этих документов, но также позволяет оценивать математические знания древнейших писцов-счетоводов Элама.

Пиктографические таблички иногда грешат простыми математическими ошибками. Рассмотрим некоторые типичные случаи.

I. Ошибки в графической передаче числительных.

1. Группа знаков (табличка ММАР. Т. XVI, 342). Согласно принципу графической передачи числительных «от большого к малому», числительное «2» (графически «1 + 1») должно было стоять после цифры «1000» (графически [VI]), а не перед ним.

2. Группа знаков (в табличках ММАР. Т. XXVI, 159), видимо, также содержит ошибки. Во-первых, комплекс 10 «единиц» в сумме дает «10» и, значит, писцу намного удобнее было бы написать знак десятки, т.е. «малый кружок». Во-вторых, числительные, находящиеся внутри «рамки», как уже было отмечено, должны были следовать в конце количества. Учитывая эти обстоятельства, рассматриваемую группу знаков правильно было бы написать следующим образом: .

II. Ошибки в системе счета.

Группа знаков (в табличке ММАР. Т. XXVI, 4770). Как видно, в цифровом ряду, где обозначается количество товара [6], после повторяющегося числа «1/5» стоит цифра «1/2», что, несомненно, является ошибкой счетовода. Это противоречит правилу графической передачи числительных, согласно которому после цифры «1/5» могут стоять дробные числа «1/5», «1/10», «1/30», «1/60», «1/120», но не «1/2». Кроме того, товар обычно измерялся посредством числительных мер емкости, а цифра «1/2» не входила в эту систему. Учитывая эти обстоятельства, можно допустить, что здесь произошла графическая ошибка и последнюю цифру надо восстановить как «1/10».

III. Ошибки при подведении итога.

Документ ММАР. Т. XVI, 355 (см. рис. 21) вообще полон ошибок.

Рассмотрим эти ошибки.

1. В 3-й строке лицевой стороны при передаче количества товара использована цифра [VIII] — «100», после которой в тексте следуют дробные числа. Выше было отмечено, что цифра [VIII] — «100» не могла употребляться в комплексах с дробными числами, так как эта цифра применялась в системе счета штучных предметов или товаров, количество которых не передавалось дробными числами. На оборотной стороне, где подведен

⁴⁶ См. также (в табличке ММАР. Т. XXVI, 4773).

⁴⁷ См. Вайман А.А. Истолкование некоторых знаков в протошумерских списках рабов и рабынь // ВДИ. 1981. № 4. С. 81—82.

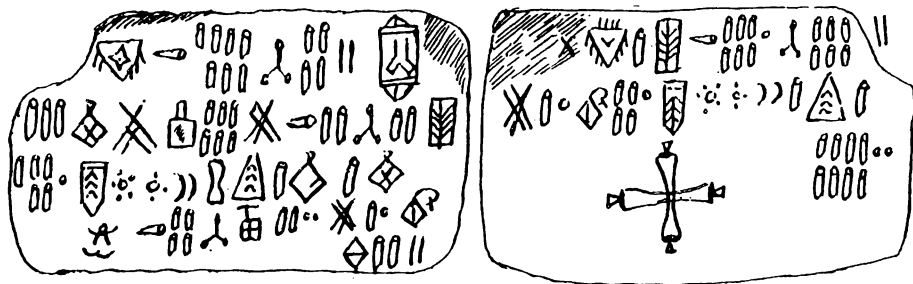

Рис. 21. Табличка ММАР. Т. XVI, 355. Лицевая и оборотная стороны

итог, видно, что количество товара [14] в действительности составляло $1\frac{7}{15}$. Значит, счетовод ошибся в знаке для «единицы»: вместо правильного [XI] на лицевой стороне используется [VIII].

2. Количество объектов учета, приведенных на лицевой и оборотной (итоговой) сторонах, не совпадает. Ошибки допущены, главным образом, на оборотной стороне, при подсчете и составлении итога общего количества израсходованных (?) товаров. Совпадает количество товаров [15] (6) и [16] (28). Количество товара [17] на лицевой стороне составляет 15, а в итоге — 14, количество же товара [18] на лицевой стороне составляет 2, а в итоге — 1.

В этой статье мы попытались рассмотреть ряд вопросов, связанных с цифровыми знаками протоэламского пиктографического письма. Выясняется, что в учетной практике писцы-счетоводы древнего Элама в основном использовали 15 цифровых символов — от $1/120$ до 100.000. С помощью этих числительных производилась фиксация количества предметов быта, сельскохозяйственных продуктов, домашних животных, измерялась площадь пахотной или орошаемой земли и т.п. С этой целью были разработаны стандартные величины и четкие системы счета с десятичной структурой.

Было установлено, что некоторые цифровые знаки иногда обозначали объекты учета (т.е. товары или предметы), а также лиц, доставлявших или потреблявших продукты. Однако причины применения цифровых знаков в указанном качестве пока неизвестны. Неясной остается также цель комбинации «рамка» + числительное. Эти и другие аналогичные вопросы о протоэламских числительных ждут еще дальнейшего исследования. Пока же полученные в ходе изучения цифровых знаков результаты могут сыграть ключевую роль при дешифровке протоэламского пиктографического письма. Например, протоэламское предложение, содержащее учетную информацию, как правило, завершалось числительными, а протошумерское, наоборот, начиналось с цифр. Следовательно, язык, на котором составлялись протоэламские хозяйственные документы, отличался от языка архаических табличек Урука и Джемдет-Насра.

Кроме того, опираясь на числительные, можно установить форму товаров. Например, количество штучно исчисляемых товаров, имеющих твердую форму, невозможно измерять дробными числами. Значит, если при передаче количества неизвестного товара использованы дробные числа от $1/5$ до $1/120$, то речь могла идти об учете жидкого или сыпучего вещества. Анализ этих аспектов дешифровки выходит за рамки темы данной статьи, и мы намерены рассмотреть их в другой работе.

ON THE DECIPHERMENT OF NUMERICAL SIGNS OF THE PROTO-ELAMITE SCRIPT

Yu.B. Yusifov, A.N. Alimirzoev

The article considers a number of questions connected with numerical signs of the proto-Elamite pictographic script. The study of proto-Elamite tablets showed that the proto-Elamite script owes its appearance to economic and administrative needs. It is becoming clear that scribes-accountants of ancient Elam, while keeping accounts, mainly used 15 numerical signs from $1/120$ to 100,000. With the help of these symbols they took stock of the quantity of agricultural products, cattle, household utensils, measured the area of arable and irrigated land, etc. With this aim standard values and precise systems of calculation with a decimal structure were developed.

It was established that some of the numerical signs sometimes denoted objects of stock-taking (i.e. goods or articles), as well as persons connected with delivery or consumption of products. But the reasons for the use of numerical symbols in the stated capacity are not yet clear. The meaning of the combination «frame-numerical sign» is still a mystery. This and other similar questions connected with the proto-Elamite numerals await further research. However, the results of the study of numerical signs already obtained may play a key role in deciphering the proto-Elamite pictographic script. For example, it has become clear that a proto-Elamite sentence, containing stock-taking information, as a rule ended in numerals, whereas a proto-Sumerian sentence, on the contrary, began with figures. Consequently, the language of proto-Elamite economic documents was different from the language of ancient tablets of Uruk and Jemdet Nasr.

Proceeding from numerals one can also determine the type of goods: For example, the number of solid goods counted by pieces cannot be measured with the help of fractions. Thus, if in stating the quantity of unknown goods, fractions from $1/5$ to $1/120$ were used, it means that liquid or dry substances were referred to.

В.Н. Ярхо

ПОЭТИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ИГРЫ

(Папирусные тексты Каллимаха и Гермесианакта)

В своем отношении к обществу древнегреческая поэзия проходит за 250 лет (от начала V до середины III в. до н.э.) три четко выделяемых этапа.

Первый, совпадающий целиком с V веком, отличается непосредственным обращением поэта к гражданскому коллективу, постановкой серьезных нравственных проблем. Форма и содержание такого обращения могут, конечно, существенно различаться как между жанрами, так и между представителями одинаковых жанров: этические проблемы, которые ставят перед афинянами в своих трагедиях Эсхил и Софокл, значительно глубже, чем наставления, которые дает героям своих эпиникиев Пиндар; вопрос о божественном вмешательстве в судьбу человека решается в «Агамемноне» или «Царе Эдипе» иначе, чем в еврипидовских «Елене» или «Ифигении в Тавриде»; живописное изложение мифа в дифирамбах Вакхилида существенно отличается от назидательности Пиндара. Тем не менее в каждом случае поэт ориентируется на всю массу граждан, будь то афиняне, ожидающие начала представления в театре Диониса, или подданные царя Аркесилая, собравшиеся на городской площади Кирены.

На втором этапе, совпадающем почти целиком с IV веком, аудитория поэта остается той же, что в предыдущем столетии, но его мировоззренческий горизонт сильно сужается. Миф, который для трагиков V в. был их священной историей, у комедиографов IV в. становится объектом травестирования и пародирования. Напротив, бытовой элемент, игравший даже в комедии V в. всего лишь служебную роль при обсуждении живо-трепещущих общественно-политических вопросов, заполняет «среднюю» и «новую» аттическую комедию почти без остатка, приводя к формированию стандартных масок воина, парасита, повара, врача, гетеры и т.п. Поэты хоровой лирики, творящие ее все еще для общенародных празднеств, ищут не нового раскрытия и тем более глубокого осмысления темы, а достаточно вычурных художественных образов, — чтобы оценить результаты этого качественно нового шага в мелике, достаточно сравнить «Персов» Тимофея с хорами из «Персов» Эсхила.

На третьем этапе, охватывающем эллинистическую поэзию первой половины III в., наряду с дальнейшим сужением общественного значения поэзии происходит резкое сокращение ее аудитории. Александрийский поэт творит для интеллектуальной элиты птолемеевского Египта, и притом не столько для слушателей или зрителей, сколько для читателей, в которых предполагается достаточно высокий культурный уровень и художе-

ственный вкус, позволяющий им оценить не только ученость поэта, но и его стилистические эксперименты. Одной из ведущих эстетических установок оказывается в этих условиях литературная игра, чьими объектами становятся все три составные части поэтического произведения: содержание, размер и лексика.

Признанным мастером такой литературной игры, создателем ее поэтики по праву считается Каллимах¹, и доказательства этому были известны задолго до открытия его папирусных текстов. Здесь достаточно напомнить несколько примеров из гимнов, чтобы было ясно, о чем идет речь. Это — вынесенные «на публику» в гимне к Зевсу колебания поэта, под каким же именем его воспевать, — как Диктейского или как Ликейского? Одни называют местом рождения Зевса Крит, другие — Аркадию, — кто из них лжет? (I. 3—9). «Душа моя в сильном сомнении!» — восклицает автор, используя только однажды засвидетельствованное в эпосе выражение, относящееся к несравненно более ответственной ситуации². Это — знаменитое описание детства Артемиды в посвященном ей гимне (III. 4—29), где одна лишь форма ἄλλα («папуля») переносит читателя с вершины Олимпа в детскую комнату среднезажиточной семьи, притом что вводится это обращение вполне эпическим проσέειλε (III. 5 сл.). Это — негодование Геры по адресу возлюбленных Зевса, рожаящих от него детей в тайне от законной супруги даже не на рабском ложе (как подобает рабыне-наложнице в богатом доме), а как тюлени, на пустынных морских рифах (IV. 240—243)³. Это, наконец, — широко известная история мучимого голодом Эрисихтона, съевшего в своем неукротимом обжорстве домашнюю кошку, «которой трепетали маленькие зверьки» (VI. 110 — эпический гексаметр передает отнюдь не возвышенную ситуацию)⁴.

Добавим сюда еще несколько примеров из папирусных текстов Каллимаха, ставших известными в первой половине нашего столетия. Наиболее выразительный случай — «самообуздание» поэта в элегии об Аконтии и Кидиппе, входившей в его «Причины»⁵. В связи с предстоящим свадебным обрядом автор вспоминает «священный брак» Зевса и Геры, издавна занимавший прочное место в мифологическом сознании древних греков; «добрачные» интимные отношения между Кронидом и его супругой упоминались уже в «Илиаде» (XIV. 294—296). Между тем Каллимах, вспомнив о первом свидании олимпийцев, обрывает себя, чтобы его «бесстыдная душа не пропела чего-нибудь нечестивого», и жалуется на свое многознание, которое подобно ножу в руках ребенка (4—9)⁶. Поэт, всю жизнь гордившийся своими знаниями, здесь кокетливо избегает возможности их обнаружить, дабы не вызвать на себя гнева богов, едва ли являвшегося в те времена предметом веры.

¹ Из обширной литературы о Каллимахе назовем здесь работы, особенно близкие к теме статьи Snell B. Die Entdeckung des Geistes. 4. Aufl. Göttingen, 1975. S. 244—256; Schwinge E.R. Künstlichkeit von Kunst. Zur Geschichtlichkeit der alexandrinischen Poesie. München, 1986; Zanker G. Realism in Alexandrian Poetry. A literature and its Audience. L.-Sidney, 1987.

² Каллим. Гимн Зевсу. 5: ἐν δοίῃ μάλα θυμός; Ил. IX. 230: ἐν δοίῃ (ἔμεν).

³ ἐνὶ σπλάδεσσιν ἐρήμοις, 243 — тот же эпический датив σπλάδεσσιν, что в Од. III. 298; V. 401.

⁴ Слово, обозначающее домашнюю кошку, в форме αἴλουρος, использованной Каллимахом, — только в научной прозе (Аристот. История животн. 540 а 10; Физиогн. 811 б 9). Параллельная форма αἰέλουρος — также в источниках, далеких от эпоса: Геродот. II. 66; Аристоф. Ахарн. 879; Анаксандрид. Фр. 39, 12; Тимокл. Фр. 1.

⁵ Фг. 75 Pf. = P. Оху. 1011. Русский перевод в кн.: Александрийская поэзия. М., 1972. С. 130.

⁶ К технике «умолчания» Каллимаха в этих стихах см.: Fuhrer Th. A Pindaric feature in the Poems of Callimachus // AJPh. 1988. V. 109. P. 53—68.

Сюжетные и стилистические сдвиги, обнаруженные в гексаметрах или элегических дистихах, не менее характерны для каллимаховских ямбов, о которых мы, к сожалению, знаем все еще гораздо меньше, чем хотелось бы⁷. И все же, в ямбе V явно звучит совет поэта некоему учителю отказаться от постыдного влечения к своим ученикам, причем предупреждение это отождествляется с пророчествами, исходящими от прорицателей Бакида и Сивиллы, а также от жрецов, выражающих волю дельфийского Аполлона и додонского Зевса. Уже обращение к авторитету общегреческих святых по достаточно низменному поводу настраивает читателя на иронический лад; к тому же прорицания богов формулировались обычно в гексаметрах, — Каллимах свое предостережение облекает в эподические двустушия, образуемые из холиямба в сочетании с диметром и начисто разрушающие торжественный колорит божественной речи (перевод здесь и далее — автора статьи):

Пока огонь не вспыхнул, что затлел в сердце,
Не дай ему владеть собой.
Сдержи коня, когда уже близка мета,
Дай отдохнуть и бег смири.

(фр. 195, 23—26).

Употребленный в ямбе V холиямб Каллимах использует и в лучшем случае всего сохранившемся ямбе IV, стихотворном варианте басни о споре между двумя деревьями, — на этот раз между посвященными богам лавром и оливой. Необыкновенно живой диалог с ироническим комментарием рассказчика сам по себе является одной из жемчужин в творчестве Каллимаха; нам же здесь важно отметить, что деревья, олицетворяющие Аполлона и Афину, разговаривают не возвышенным слогом, а все тем же насмешливым и агрессивным холиямбом.

Новый повод для исследования приемов столь любимой Каллимахом литературной игры дают папирусные отрывки из его элегии «Победа Береники», о которой я однажды уже писал вкратце на страницах ВДИ⁸. Там, однако, основное внимание было уделено соображениям идеологического и общественно-политического характера. Здесь мы займемся литературной стороной вопроса, поскольку за истекшие 10 лет новая элегия Каллимаха не привлекла внимания отечественных исследователей. За основу берется текст, воспроизведенный в собрании «*Supplementum Hellenisticum*» (SH); фрагменты, известные ранее, нумеруются по изданию Пфейффера.

Напомним, что из элегии общим объемом около 200 стихов благодаря новейшей папирусной публикации и ранее известным фрагментам набирается (в разной степени сохранности) около трех четвертей текста, что позволяет делать достаточно надежные выводы стилистического порядка. Мы используем для этой цели три фрагмента.

Первый из них — начальные 10 стихов нового текста — дошел в таком состоянии, что позволяет дать вполне связный перевод:

⁷ Callimachus' Iambi by D.L. Clayman. Leiden, 1980; особенно с. 23—33, 41—44, 55—61.

⁸ ВДИ. 1983. № 3. С. 139—142. К литературе, упомянутой в прим. 108, теперь следует прибавить: Bornmann F. La poesia di Callimaco Sulla vittoria nemea di Berenice // Quaderni del A.I.C.C. di Foggia. 1981. P. 95—111; Thomas F. Callimachus, The Victoria Berenices, and Roman Poetry // ClQu. 1983. V. 33. P. 92—113; Krevans N. P. Oxy. 2258 B fr. 2: A scholion to Callimachus' Victoria Berenices? // ZPE. 1986. Bd 65. S. 37 f.; Livrea E. Callimaco e la Beozia // ZPE. 1987. Bd 67. P. 31—36; Szastyńska-Siemion A. 'Victoria Berenices' as a victory ode // Eos. 1988. T. 76. P. 260—268; Livrea E. P. Oxy. 2463: Lycophron and Callimachus // ClQu. 1989. V. 39. P. 141—147.

Зевсу воздать и Немее достойный я должен подарок, —
 Царская дочь и жена, отпрыск четы двух богов! —
 В честь скакунов твоих быстрых поем мы победную песню.
 С дальних равнин, где царил телкой рожденный Данай,
 В Нилово устье, на остров Елены, к пророчице славной,
 К пастырю тварей морских, весть золотая пришла:
 Там, где воздвигли надгробье Офельту, потомку Евфета,
 Коней твоих обогнать, быстрых, никто не сумел.
 Их не касалось дыханье упряжек, что мчались за ними⁹,
 И, словно ветер, они не оставляли следов.

(SH 254, 1—10).

Общий смысл отрывка ясен: из Арголиды, где справляются Немейские игры, в Египет пришло сообщение о победе упряжки Береники. Однако выражает эту мысль Каллимах достаточно вычурно, не упуская случая показать свою ученость. Поэтому вместо «Арголиды» речь идет о «равнинах, где царил Данай», да к тому же «рожденный телкой» — разумеется, не в прямом смысле слова, так как от телки Ио произошел Эпаф, которому Данай приходится внуком, но прилагательное *βουγενής* так же не предполагает прямого родства, как, скажем, гомеровское *διογενής* в отношении любого царя.

Конечный пункт для радостного известия — Египет, который Каллимах называет «островом Елены», имея в виду о-в Фарос, куда, по Гомеру, был занесен бурей Менелай, чтобы спросить о своей дальнейшей судьбе Протея — «пастыря тварей морских», чьей сестрой была «пророчица» Эйдофея (Од. IV. 354—393). Однако у Гомера Елена в этой истории участия не принимает, оставаясь на корабле. Поэтому назвать Фарос островом Елены можно только, используя вариант мифа, принятый Гесиодом, Стесихором и Еврипидом: Троянская война шла-де за призрак Елены, сама же спартанская царица была перенесена в Египет, где ждала окончания войны под присмотром Протея¹⁰ — в данном случае, праведного царя, а не морского старца, повелителя тюленей. Таким образом, в двух стихах Каллимах соединяет две версии мифа, уснащая их тремя перифразами. Что касается возникновения Немейских игр, то Каллимах, как видно, принимает здесь версию, по которой они были учреждены семью вождями, выступившими против Фив, в память о погибшем от укуса змеи младенце Офельте. (Попутно заметим, что по наиболее распространенной генеалогии Офельт — сын Ликурга; Каллимах, конечно, выбирает менее распространенную, делая Офельта сыном малоизвестного Евфета¹¹.)

Между тем, эта версия сразу же приходит в противоречие с мифом, составляющим главное содержание «Победы Береники»: в ней рассказывалось, как Геракл одолел Немейского льва и в честь этой победы основал игры в Немее. Сделать это поручила ему Афина, и ее наставление Геракл излагал, естественно, ближе к концу поэмы, уже вернувшись с львиной шкурой через плечо (фр. 597, 677). Завещание Афины составляет содержание второго разбираемого здесь фрагмента.

⁹ К ст. 8—10 см.: Ebert J. Callim. fr. 383, 8 ss. Pf. [= SH 254] // Museum Criticum. 1980—1982. V. XV—XVII. P. 151 sg.

¹⁰ Гесиод. Фр. 358; Стесихор. Фр. 193; Еврип. Елена. 31—48.

¹¹ Пиндар. Гипотесис к Нем. III. 3; см. Клем. Алекс. Протрепт. II. 34. 1.

Дети Алета царя, что празднуют издавна игры
Бога эгейского в честь, древнего близ алтаря,
Знаком Истмийской победы положат венок сельдерейный.
Споря с Немейской игрой, в чести откажут сосне,
Что победителей лик венчала в старинной Эфире.

(фр. 59 = SH 265, 5—9).

Здесь что ни слово, то либо перифраза, либо источник противоречья. «Дети Алета» — коринфяне (древнее название Коринфа — Эфира, где справлялись Истмийские игры в честь Посидона, «эгейского бога»); наградой победителю служил венок из сосновой ветки, впоследствии замененной на сельдерей. По Каллимаху получается, что устроители Истмийских игр только по истечении длительного времени заменили сосновый венок на сельдерейный, подражая в этом Немейским играм. Но в историческую эпоху оба праздника приобрели общегреческое значение в начале VI в. почти одновременно, и это обстоятельство отражено в двух исключаящих друг друга версиях об их учреждении: и Геракл, и семеро вождей, шедших на Фивы, принадлежат к одному поколению мифологических героев. Поэтому ни с мифологической, ни с исторической точки зрения не приходится говорить о заимствовании ритуала одного праздника после длительного времени другим. Наконец, Алет — потомок Геракла, захвативший царскую власть в Коринфе, когда, по поверию, там уже справлялись Истмийские игры. Поэтому назвать коринфян именем царя, который еще когда-то у них появится, можно только в порядке такого же вычурного изыска, как разводиться во времени Геракла с «семерыми против Фив». Снова перед нами — пример литературной игры, напоминающей ребус: как читатель разберется в этих хронологических неувязках? Кажется, что непосредственно к этим стихам относятся слова Б. Снелля, сказанные обо всем творчестве Каллимаха: «Его поэзия использует обширное знание не столько для того, чтобы поучать слушателей, сколько для того, чтобы их развлекать или вовсе сеять сумятицу в их головах. Вместо всем известного он приводит редкие варианты, занимается всякого рода игрой и шуткой, прятками и загадками»¹².

Третий папирусный фрагмент, который мы используем здесь для анализа стиля «Победы Береники», был известен задолго до опубликования Лилльских фрагментов¹³, но только теперь нашел свое надежное место в «Причинах» Каллимаха¹⁴. Как видно из Лилльского папируса, Геракл, прибыв в окрестности Немеи, остановился в домике бедного селянина Молорха, который рассказал ему об ужасных повадках льва-людоеда. Когда же герой отправился на подвиг, крестьянин решил заняться домашними делами. Но —

Дверь (в кладовую) открыл и рокот услышал он грозный,
Будто бы издалека вняла пугливая лань
Рыжего львенка рычанью. И слово сказал он такое:
«Что вы изгрызть собрались, твари несносные, вновь
В нищенском доме моем? Добра мне от вас не дожидаться!
Создал соседей мне бог — плач и стенанье гостям!».
Вымолвил так, он оставил то дело, которым был занят;
Стал для мышей мастерить втайне коварный обман.
Он положил в две ловушки губительной долю приманки...

(фр. 177 = SH 259, 9—17)

¹² Snell. Op. cit. S. 248.

¹³ Fr. 177 Pf. = PSI. XI. 1935. № 1218.

¹⁴ Livrea E. Der Liller Kallimachos und die Mäusefallen // ZPE. 1979. Bd 34. S. 37—42.

Как видно из плохо сохранившихся следующих стихов, это была смешанная с чем-то мука, гнившая смерть для мышей, которые причиняют Молорху много бед:

Ведь из лампы они тянут безжалостно жир,
Внутри хвосты опустив, если горло открыто сосуда.
... Ночью ж недавней свершили хищницы лютое дело,
Наглою отвагой своей гнев распалили его:
Сгрызли, злодейки, тряпье, и овчину, и даже котомку.
Стал он готовить для них тотчас двуликую смерть,
Чтоб им под грузом погибнуть, иль за крючок зацепиться.

(Там же, ст. 22 сл., 29—33).

Как по содержанию, так и по стилю этот отрывок представляет один из замечательных образцов серьезно-шутливого искусства Каллимаха, причем эффект достигается противопоставлением героического и повседневного, эпической фразеологии и обыденных деталей. Начнем с содержания.

Геракл уходит на единоборство с грозным львом, которого как знали читатели, ни сможет взять ни стрела, ни палица, — герою придется сойтись со зверем в рукопашную, — и победа его увенчается учреждением Немейских игр. Молорху предстоит состязание с мышами, и против них он заряжает хитрый капкан, грозящий либо умертвить их ударом груза по хребту, либо зацепить крючком, чтобы они не смогли с него сорваться. Немейский лев наносит ущерб всей округе, пожирая людей и скот; мыши Молорха расхищают масло из светильни, опустив в нее хвосты и потём слизывая с них жир. Рык льва наводит ужас на всех вокруг; шорох от мышей производит такое впечатление на Молорха, что Каллимах сравнивает старика с ланью, услышавшей рычанье даже не льва, а льянка.

Переходя к стилистическому плану, мы найдем здесь тончайшую литературную игру, основанную на совмещении «возвышенной» лексики с «низменными» объектами изображения.

Чтобы обозначить шорох, производимый мышами, Каллимах берет слово ἤχη (9) — у Гомера оно характеризует шум, производимый войском в бою или ветром (Ил. VIII. 159; XV. 355; XVI. 769). Напротив, для рычания льва используется частый у Гомера глагол ἰάχω (10), однако в эпосе эта форма применяется обычно к людям или богам, «возопившим» при наступлении на врага, при ранении, в знак одобрения и т.п. (например, Ил. IV. 506; V. 343; II. 333). «Плачу и стенанию» гостей (в данном случае Геракла, которому мыши не дали уснуть, если бы он остался ночевать в доме у Молорха) в оригинале соответствует существительное κωκύβς (14), больше нигде не засвидетельствованное, но родственное по корню другому существительному — κώκυρα («воплъ», «плач», «стон»), употребляемому в трагическом языке: разгромленным при Саламине персам достались на долю «тяжкие стенания» (Λιγέα κωκύρατα — Эсх. Персы. 332); впавший в состояние протрации Аякс не издавал «резких стонов» (δξέων κωκύβτων — Соф. Аякс. 321). Гости бедного Молорха, стенающие от мышей, подобно побежденным персам или Аяксу, — несомненно, комический образ, как и мыши, вытягивающие хвостами масло из лампы, когда хозяин забывает заткнуть пробкой ее горлышко (22 сл.). К тому же в одном стихе 23 собраны образы из эпического лексикона, сниженные до последнего предела возможности. Действие мышей Каллимах характеризует причастие ἀφύσσαντες от хорошего гомеровского глагола ἀφύσσω «черпать» (вино из бочки, кратера или амфоры: Ил. I. 598; Од. II. 349; IX. 9. 165; XXIII. 305); затычку для светильника — словом λῶμα, которое и в эпосе обозначает «крышку», но для богато украшенного ларца (Ил. XVI. 221; Од. VIII. 443, 447), колчана (Ил. IV. 116; Од. IX. 314), на худой

конец, — для амфоры (Од. II. 353) или для рокового сосуда Пандоры (Гес. Труды. 94 и 98). Самое же замечательное, что мышинные хвосты Каллимах называет не обычным словом οὐρά, а редким — ἄλκαϊα, которое в эллинистической и более поздней литературе сбозначает хвост льва (по ассоциации с ἄλκη — «отвага, мощь»). Достаточно сопоставить два образа: льва, в раздражении бьющего хвостом по бокам, и мышей, аккуратно запускающих свои хвостики в узкое горлышко лампы, чтобы ощутить иронический подтекст такого словоупотребления. (На что, как видно из схождения к «Аргонавтике» Аполлония Родосского — IV, 1614, совершенно не был способен чересчур ученый соперник Каллимаха; он порицал его как раз за употребление слова ἄλκαϊα применительно к мышам!) Да и к самим мышам Каллимах прилагает определение σίνται (29, «хищные»), в то время как у Гомера оно характеризует все того же льва или волка (Ил. XI. 481; XX. 165; XVI. 353). Наконец, прилагательное κύντατος (30, «лютое» дело) тоже относится к почтенному эпико-трагическому лексикону, обозначая нечто «дерзновенное», «ужасное», «тягчайшее» (Ил. X. 503; гимн Дем. 306; Еврип. Молящие. 807).

Последнее в нашем отрывке накопление эпико-лирической лексики в сниженной до предела ситуации — ст. 32 сл. Здесь Молорх готовит мышам «двуликую смерть», διχθαδίας ... φονέας — это почти буквальное повторение гомеровского нарах в Ил. IX. 411, но там διχθαδίας κήρας относится к будущему Ахилла: Фетида предлагала ему выбрать либо героическую гибель под Троей, либо возвращение домой и бесславную смерть. Здесь мышам предстоит быть придавленными либо грузом (ἴπος; у Пиндара — Ол. IV. 7 — так обозначается Этна, придавившая Тифона¹⁵), либо длинным рычагом, сорвавшимся с пружины. Да и сам глагол εὐτύκασε («стал готовить») имеет предшественника в эсхилевских «Семерых», 149: хор призывает Артемиду приготовить лук для защиты Фив от нападающего войска.

К этому можно добавить, что, хотя встречающийся в ст. 17 глагол ἐντίθημι не принадлежит к специально эпической лексике, но форма имперфекта с тмесисом в начале стиха ἐν δ' ἐτίθει идеально повторяет начало ст. 70 в VIII книге «Илиады»; но там Зевс положил на весы смертельные жреби троянцев и ахейцев (Ил. XX. 210 — Ахилла и Гектора), здесь Молорх кладет в мышеловку «губительную приманку»¹⁶.

Как я уже упомянул, фр. 177 стал известен примерно за 40 лет до публикации папируса с «Победой Береники», но только теперь нашел свое место в «Причинах» и вместе с другими дал возможность оценить те приемы литературной игры, которая составляет едва ли не основной художественный принцип Каллимаха¹⁷.

Второе имя, вынесенное в подзаголовок настоящей статьи, менее зна-

¹⁵ Эсхилевский глагол ἴπω (Пром. 365), вероятно, выбран под влиянием Пиндара, ибо здесь описывается состояние того же Тифона, «теснимого корнями Этны».

¹⁶ Пример такой же литературной игры дает и начало фр. 177, предшествующее рассказу о борьбе Молорха с мышами. С одной стороны, здесь дается вполне эпическое описание вечера («Когда взошла звезда, освободившая шеи быков от ярма», 5; ср. Гес. Труды. 469), с другой, — описывается, как хозяйка поднимает «двуругие вилы» (2), чтобы снять с чердака окорок. При этом «вилы» Каллимах обозначает поэтическим словом φίτρος («ствол», «полено», — см. Ил. XII. 29; XXI. 314; XXIII. 123; Од. XII. 11).

¹⁷ Среди фрагментов «Победы Береники», не вошедших в предшествующее изложение, отметим две безобидные перифразы в фр. 55 (= SH 267): Гера — «гневная супруга Зевса», Геракл — «тайное порождение Зевса», и характерный для Каллимаха способ избежать повторения всем известного: когда Геракл возвращался с победой, он не излагал подробностей, обещая Молорху рассказать все за ужином, который, однако, так и не был описан. Воздержаться от этого описания побуждает Каллимаха и потенциальный читатель: «Мне бы он мог предложить: Прерви свои длинные речи» (фр. 57 = SH 264).

комо, чем имя Каллимаха, даже антиковедам, если только им не пришлось заниматься историей Средиземноморья в первые десятилетия III в. или начальным периодом александрийской поэзии. Причина этому достаточно простая: от Гермесианакта дошло несравненно меньше, чем от Каллимаха, и даже годы его жизни не могут считаться вполне установленными¹⁸. О поэте известно, что он написал три книги элегий, объединенных именем его (скорее всего, фиктивной) возлюбленной Леонтион и содержащих примеры несчастной любви, большей частью, — с трагической развязкой. Содержание двух из них передает Парфений в «Любовных историях», гл. V и XXII¹⁹, еще о трех сообщается в «Метаморфозах» Антонина Либера (гл. XXXIX), в «Содержании» 9-й идиллии Феокрита и у грамматика Геродиана²⁰. Наконец, из кн. 3-й дошел курьезный отрывок объемом в 98 стихов, содержащий каталог влюбленных поэтов и философов, начиная от легендарного Орфея и кончая близким другом и учителем Гермесианакта поэтом Филетом с о-ва Кос. Стихи эти отмечены несомненными чертами литературной игры, но известны давным-давно, так как сохранились у Афиней (XIII 597 b — 599 b)²¹, и возвращаться сейчас к ним ради них самих нет особого резона²². Вспомнить Гермесианакта в настоящей статье побуждают два новых папирусных текста, найденных в разное время и в разных местах, но счастливым образом составивших одно целое.

В первом из них, из Сорбонны (P. Sorb. 2254), изданном в 1962 г.²³, находим оборванную слева колонку высотой в 24 стиха. В уцелевшей ее правой части сохранились примерно на две трети элегические дистихи, к которым примыкает несколько начальных букв от левой части следующей колонки. Второй папирус, приобретенный в 1988 г. Королевским музеем истории и искусства в Брюсселе (P. Brux. E 8934), безусловно примыкает к парижскому, представляя собой не только начала ранее известных стихов, но и предшествующую им еще одну колонку слева. Стихи в ней сохранились опять примерно на две трети. Оба куска происходят из картонажа мумии, причем были высвобождены еще до их приобретения. Датируется папирус серединой или второй половиной II в. до н.э. На обоих листах уцелели верхнее и нижнее поля, так что есть возможность восстановить непрерывный текст элегии эллинистического времени на протяжении 46 стихов (два верхних стиха брюссельского папируса утрачены).

Соединение двух папирусов и их образцовое издание осуществил бельгийский исследователь Марк Хойс, доказав к тому же принадлежность получившегося отрывка Гермесианакту. Правда, сам Хойс предлагает свои атрибуции с некоторой осторожностью, но произведенный им всесторонний и исчерпывающий стилистический и метрический анализ не оставляет сомнений в авторстве Гермесианакта. Не ссылаясь в дальнейшем каждый раз на издание Хойса²⁴, я должен сразу же отметить, что в части,

¹⁸ Fraser P.M. Ptolemaic Alexandria. Oxf., 1972. P. 624.

¹⁹ См. ВДИ. 1992. № 1. С. 259; № 2. С. 241.

²⁰ Peri monog. lex. I. 16.

²¹ С наиболее обстоятельным критическим аппаратом изданы в кн.: Powell J. Collectanea Alexandrina. Oxf., 1925. P. 98—105. К ст. 45 сл. см.: Fuchs H. Hermesianax über die Lyde des Antimachos // M. Helv. 1970. Bd 27. S. 179.

²² Самым тщательным анализом этого плохо сохранившегося текста остается до сих пор раздел в кн.: Couat A. La poésie alexandrine sous les trois premiers Ptolémées. P., 1882. P. 80—99.

²³ Papathomopoulos M. Un poème élégiaque inédit sur Méléagre... Recherches de papyrologie. 2. P., 1962. P. 99—111; SH, fr. 970.

²⁴ Huys M. Le poème élégiaque hellénistique P. Brux. inv. E. 8934 et P. Sorb. inv. 2254. Papyri Bruxellenses Graecae. V. II, 22. Bruxelles, 1991. Приношу сердечную благодарность за присланный мне экземпляр этого издания М. Хойсу, а также проф. Я.М. Бремеру (Амстердам), подарившему мне весной 1990 г. препринт этой работы. См. также: Bremer Y.M., Huys M. Some Remarks of the New Edition of the «Tattoo Poem» // ZPE. 1992. Bd 92. S. 118—120.

касающейся папирусного текста, на нем во многом основывается дальнейшее изложение. Поскольку издание брюссельских папирусов едва ли можно найти в каждой нашей библиотеке, я привожу здесь греческий текст с последующим его объяснением и, где возможно, переводом.

col. I

P. BRUX. E 8934

→ 1] . [] . [.] . . . [.] . . [] . π . [. .] . μνήσονται αἰοδαί
3] . . [.] . [.] . φς τε πυρί φλέγομαι
4] γῶτον στίξω μέγα Εὐρυτί[ω]γα
5 — — — — — N] . φέλησ υἱὸν ἀτρεστοβῆν
6 — — — — — Ἀμφιτρωνί] ἀδ . ο δαίζόμενον ὑπὸ χερσίν
7 — — — — —] κ . . ζος τε μνηστεύετο κούρην
8 — — — — — ἀνθ] ρῶπων ἄζόμενος νέμεσιν
9 — — — — —] ας δεινὸ . χόλον, δς ἔπι δειλ [.] .
10 — — — — —] . ον δριμύγ [ἀει] τίθεται
11 — — — — —] τίσις τφ . σ . . ο . ρι' ἡ γὰρ δ γ' οὐδὲν
12 — — — — —] π [.] κακῆς ὕβριος
13 — — — — —] . . . ε [τρ]ίποδα μέγα
14 — — — — —] . φο . . [.] ; σ κρατὸς ὑπε[ρ] λαφίου
15 — — — — —] . ει μέσουον δ' εἰς στήθ[ο]ς ἔρεισεν
16 — — — — — —] ν ἀνέρος οὐδεμίαν
17 — — — — —] εθηκε βέλος Τριτωνίς Ἀθήνη
18 — — — — —] του φειδομένη μεγάλης
19 — — — — — ἐτ] ἔρηι μὲν ὑπ' ἀσφάραγον λάβε χειρί,
20 τῆι δ' ἑτέρηι β] ὄπαλον σκληρόν ἀγασχόμενος
21 — — — — —] κρόταφον σὺν [τ' ὀ] στέα πάντα ἤραξεν
22 — — — — —] νων ἔκπεσεν [ἐγ] κέφαλος
23 — — — — —] πλήγην ψυχῆ [δ'] γὰρ ἤερα δὴνε
24 — — — — —

5. πρῶτά σ' ἐπὶ ν] γῶτων e.g. 8. δς τε vel ἀέ] κοντός τε e.g., ὄστε βίαιος ἀ] κλητός τε Lupre 10. οὔτε θεῶν δείσ] ας Parsons 10—11. δειλ[ὸν/ὄβρισταίς Πόλε] μνον δριμύς Parsons 14. an τε[τ]ρίποδα? 16. Ἑρακ] λεί Parsons 18. ἀλλ' ἐν χερσίν] ἔθηκε e.g., εἰ τότε μὴ παρ] ἔθηκε Parsons 19. αὐ] τοῦ vel βιό] του e.g. 20. init. Ἑρακ] λές Parsons 22. Κενταύρου] Parsons 23. ρι] νῶν Parsons.

col. II

P. BRUX. E 8934

P. SORB. 2254

col. III

→ 1 μείδησεν [δ] ἐ Δίκη παρθένος ἀθάνα[τος], 1 []
2 ἦτε ἀναπεπταμένους ἀτενὲς βλέπε[ι ὀφθαλμοῖσιν], 2 []
3 ἐν δὲ Διὸς Κρ[ο]νίδεω στήθεσιν ἐδριάζει . 3 []
4 στίξω δ' ἐν κορυφῆι σε μέγα καὶ ἀναιδέα λῆαγ, 4 []
5 ὄς τε καὶ εἰν Ἀἰδέω κρατὸς ὑπερκρέμαται 5 []
6 Ταντάλωι ἀξυνέτου γλώσσης χάριν· ἡ μέγ' ἐκείνωι 6 . []
7 πῆμα καὶ εἰν Ἀἰδέω δώμασιν ἐστρέφετο. 7 . . . []
8 ἡ μὲν δὴ καὶ θεοῖσιν ὀμέστιος ἀθανάτοισιν, 8 α . . []
9 ἦεν καὶ Ζηνὸς παῖς νεφεληγερέος, 9 β] ημ . []
10 καὶ πλούται καὶ παισὶ μέγας καὶ τίμιος ἀήτως. 10 . . σγ . []
11 ἀλλ' οὐδ' ὧς γλώσσηι δούς χάριν ἀξυνέτως 11 . . . []
12 ποιήην ἐξήλυξε' σὺ δ' ἔλπει ἐκφεύξεσθαι; 12 . . . []
13 μήπω τοῦτο [θ]εοῖς ἀνδάνοι ἀθανάτο[ις]. 13 οξ . []
14 αὐτὰρ ὑπὲρ σφ' ὀφρῶν στίξω σὺν ἀργιόδον.^α 14 πε . . []
15 ὄς ποτ' ἂν Ἀιτ[ω]λῶν ἐρχόμενος καμάτ[ους] 15 πε . []
16 Ἀρτέμιδος βουλήισι — τὸ γὰρ φίλον ἐπλετ[ο] κούρηι — 16 φρ . []
17 σίνετο μὲν [σίτ]ον, σίνετο δὲ σταφυλάς, 17 πολ[]
18 πολλοὺς δὲ σκ[ύλ]ακας θηρήτορας ἐξενά[ρι]ξεν, 18 στίξω
19 πρὶν γ' ὄτε οἱ μελίην πῆξεν ὑπὸ λαπά[]] ην 19 οἶσι π[]
20 Οἰγείδης Μελέαγρος ὁ γὰρ θηρέστατος ἦεν 20 η . . []
21 πολλῶν ἡρώων σὺν τότ' ἄθροισαμένων. 21 τ . []
22 ἦλυθε μὲν Θησεὺς Πιτιθητός, ἦλυθε δ' Αἰῶφ, 22 . . []
23 ἦλυθε δ' Ἀγκαῖος σὺμ μεγάλωι πελέκει, 23 . . []
24 ἦλθον δὲ Λήδης κούροι Ζηνὸς ἀνακτρος. 24 []

II 2. βλέπε[ι ὀφθαλμοῖσιν] Barns 19. οἱ Lupre (an δη?) III 9. βήμεναι e.g. 18. στίξω ed. pr.

После несохранившихся из кол. I стихов 1 и 2 в двух следующих читаются слова $\mu\eta\acute{\nu}\sigma\omicron\nu\tau\alpha\iota \delta\omicron\iota\delta\alpha\iota$ («напомнят <мои> песни») и $\omega\varsigma \tau\epsilon \tau\upsilon\rho\iota \phi\lambda\acute{\epsilon}\gamma\omicron\upsilon\alpha\iota$ («как я пылаю огнем»). Автор, охваченный какой-то сильной страстью — любовью? ненавистью? — надеется, что в последующем его излияния найдут свое выражение. И в самом деле, вторая половина, уцелевшая от ст. 5, начинается с очень сильного слова $\sigma\tau\acute{\iota}\zeta\omega$ — будущего времени от глагола $\sigma\tau\acute{\iota}\zeta\omega$ со значением «наносить с помощью уколов рисунок на кожу», т.е. татуировать, клеймить. Поскольку за этой формой следует прямое дополнение («огромного Евритиона... дерзкого в насилии сына Нефелы», 5 сл.), то ясно, что мифический кентавр будет не объектом клеймения, а предметом изображения в татуировке, место нанесения которой вполне надежно читается в том же ст. 5: $[\acute{\epsilon}\pi\iota] \nu\acute{\omega}\tau\omicron\nu$ («на спине»). Как видно, автор или персонаж, от имени которого ведется речь в 1 л. ед.ч., грозит кому-то нанести на его спину целую картину: кентавра Евритиона, «укрощенного руками Амфитрионова сына» (7), т.е. Геракла. Тотчас же выясняется причина расправы с Кентавром: он проявил недозволенный интерес к некоей деве, не испытывая страха перед возмездием ($\nu\acute{\epsilon}\mu\epsilon\sigma\iota\varsigma$) со стороны людей и не боясь страшного гнева (богов — $\omicron\upsilon\tau\epsilon \theta\epsilon\acute{\omega}\nu \delta\epsilon\acute{\iota}\sigma\alpha\varsigma$ — восстановление начала ст. 10 по предложению Парсонса), вызванного его «злым насилием» ($\kappa\alpha\kappa\acute{\eta}\varsigma \delta\upsilon\beta\rho\iota\omicron\varsigma$, 13). Кентавру не помогло, что он успел схватить «огромный треножник», занести его высоко «над своей косматой головой» и даже «обрушил его в самую середину груди» Геракла (14—16), — на помощь своему любимцу пришла Тритонида Афина. Она вложила ему в руки оружие, — конечно, не в буквальном смысле²⁵, а вдохновляя его своим присутствием, вследствие чего Геракл «одной рукой схватил» кентавра «за горло», «другой воздел ввысь тяжкую палицу» и обрушил ее на череп насильника, так что у того от удара выпали наземь мозги и отлетела в воздух душа (18—24). Завершение эпизода носит назидательный характер в духе Гесиода (с той лишь разницей, что у него Дика восседает на Олимпе *рядом* с Зевсом):

И улыбнулась, узрев, Дика, Крониона дочь,
Что за людьми наблюдает, вперив свои ясные очи,
И на коленях сидит Зевса, бессмертных царя.

(II. 1—3).

Что касается Евритиона, то это, конечно, не участник известного нападения кентавров на лапифов во время свадьбы Пирифоя (Од. XXI. 295—304), а его тетка, явившийся в гости к царю Олена Дексамену. Здесь он то ли уже успел, то ли только хотел овладеть царской дочерью, с которой был обручен сын Амфитриона. Ясно, что Геракл не мог стерпеть такого оскорбления и вступил в бой с обидчиком. Об этом в V в. рассказывал в одной из своих поэм Вакхилид (фр. 44), а затем с различными вариантами многие поздние источники²⁶. Для нас особенно важно, что посредником между ними и Вакхилидом был как раз Гермесианакт²⁷.

Итак, первые 23 стиха нового отрывка содержат угрозу неизвестному ближе персонажу отметить его за что-то таким оригинальным способом, как изображении с помощью татуировки на его спине целой картины сражения Геракла с кентавром Евритионом. Конец раздела, посвященного этому эпизоду, отмечен на папирусе параграфом между ст. 3 и 4.

²⁵ Как, например, в папирусном отрывке поэмы «Меропида» (ВДИ. 1983. № 3. С. 124—127).

²⁶ Диод. Сиц. IV. 33. 1—2; Аполлодор. II. 5, 5 Гигин. Фаб. 33. 1—2.

²⁷ Павсаний. VII. 18. 1.

В ст. 4 начинается новая угроза — разрисовать также и голову обидчика²⁸:

На голове у тебя нарисую я камень огромный,
Тот, что в Аиде висит Тантала над головой.
Речи своей не умел положить он предел, и за это
В доме Аида над ним злая нависла беда.
Был между тем сотрапезником часто богам он бессмертным,
Тучегонитель Зевес сыном его называл,
И за богатство свое, за детей был людьми почитаем,
Но неуместную дал волю он речи своей.
Кару злую понес. Так тебе ли ждать спасенья?
О, да не будет на то воли бессмертных богов!

(II. 4—13).

На этом, однако, вереница эпизодов, подлежащих изображению на теле адресата, не прекращается. После очередного параграфа, отделяющего ст. 14 от ст. 13, следует новая картина:

Я нарисую на лбу у тебя белозубого вепря,
Что этолийцам принес тяготы многих забот:
Воля была Артемиды божественной; ей же в угоду
Их разорял он поля, лозы свирепо ломал.
Многих охотничьих псов истребил он в безжалостном гневе,
Прежде чем в бок угодил зверю могучим копьем
Оинеид Мелеагр, охотников всех наилучший.
Много героев тогда вместе на бой собралось.
Был там Фесей Питфеид²⁹, был там герой Пламеневший³⁰,
Был там могучий Анкей с грозным своим топором.
Были два сына там Леды и Крониона владыки.

(II. 14—24)

На этот раз речь идет о знаменитой охоте на вепря, насланного Артемидой на город Калидон в Этолии за то, что местный царь Ойней забыл упомянуть ее при жертвоприношении. После победы над зверем разгорелся спор между сыном Ойнея Мелеагром и его родичами по матери, стоивший юноше жизни. Поскольку на ст. 24 колонка кончается, неизвестно, был ли об этом событии разговор дальше, после перечисления других участников охоты, или Гермесианакт рассчитывал на осведомленность своих читателей, способных дополнить картину победы Мелеагра воспоминанием о его преждевременной смерти.

С уверенностью можно сказать одно: перечень картин, которые автор предполагал нанести посредством татуировки на тело своего обидчика, не кончался Калидонской охотой. Как ни мало сохранилось от еще одной, III колонки, в ней все же отчетливо виден параграф после ст. 17, а в начале следующего стиха — снова στίξω. Значит, предыдущие 17 стихов были заняты еще одним или двумя примерами, и перечень их не кончался в кол. III, так как семи стихов с 18-го до 24-го, было, вероятно, мало для очередного эпизода. Следует предположить, что не сохранилась по меньшей мере еще одна, четвертая колонка, а нынешней первой должно было предшествовать какое-то введение, объясняющее причину дальнейших угроз. Кроме того, нечетные стихи в кол. I и II -- пентаметры, с которых не может начинаться элегия. Надо заключить, что в предыду-

²⁸ Для чего предварительно голову надо обрить; ср.: *Геродот. V. 35.*

²⁹ Питфеид — Фесей, названный так по Питфею, деду со стороны матери.

³⁰ Пламеневший — субстантивированное причастие, которым Гермесианакт наделил, вероятно, Пелея. См. прим. 45.

щей (утерянной) колонке насчитывалось 23 стиха, а верхнюю строчку занимало название и (или) имя автора; например, Ἐπιγραμμάτων Ἄραϊ. Таким образом, по минимальному расчету в новой элегии было не менее 120 стихов.

Предлагая для этой поэмы название «Проклятья», я разделяю мнение Дж. Барнса и Х. Ллойд-Джонса, проникательно угадавших содержание нового отрывка почти за 30 лет до опубликования брюссельского папируса³¹. И в самом деле, известно о существовании по меньшей мере трех поэм, написанных в III в. до н.э. и состоявших из вереницы проклятий. Две из них принадлежали Евфориону; первая так и называлась «Похижитель чаша, или Проклятья» — отсюда ясно, что объектом негодования стал кто-то, укравший чашу, а небольшой папирусный отрывок показывает, что проступок этот был несоизмерим с силой проклятий³². Другая поэма того же Евфориона называлась «Фракиец», и два эпизода из нее сохранились в изложении Парфения (XIII, XXVI). Речь идет здесь о всяких ужасах, возникших из кровосмесительной любви или насилия, хотя ни одна из историй не может рассматриваться как результат какого-либо проклятья. Разгадку дают опубликованные в середине 30-х годов папирусные отрывки из того же «Фракийца»: в отместку за совершенное кем-то убийство на виновного призываются всякие бедствия. Пусть боги пошлют ему отведать мяса собственных детей, испить отравленного вина, вступить в гибельный брак, попасть на море в кораблекрушение, — что бы с ним ни случилось, все будет заслуженной карой. Однако, как считают исследователи, вина проклинаемого состояла в убийстве фракийского щенка из породы, которая очень ценилась в Греции, и пожелание виновнику всяких ужасов нельзя принимать всерьез³³. По-видимому, в обеих поэмах Евфориона достаточно незначительный повод давал возможность развернуть целую вереницу мифологических эпизодов, среди которых находилось место и для историй, пересказанных у Парфения³⁴. У него же (гл. XXVII) мы встречаем один эпизод из поэмы «Проклятья», сочиненной потессой Мойро из Византия (ок. 250 до н.э.). Дальнейшие подробности об этом произведении не известны, но и здесь можно предположить, что его содержанием служили нападки на недругов, снабженные мифологическими примерами.

К сожалению, кроме весьма нелестного отзыва в словаре Суда мы ничего не знаем о поэме Каллимаха «Ибис», направленной, скорее всего, против Аполлония Родосского³⁵. Возможно, что она состояла из очередной вереницы проклятий, которым в своем «Ибисе» подражал Овидий. Эта загадочная поэма примечательна, в частности, тем, что при ее достаточно обширном объеме (644 стиха) так и остается непонятным, против кого направлено около двухсот вариантов возможной гибели и в чем

³¹ *Barns J.W.B., Lloyd-Jones H.* Un nuovo frammento papiraceo dell'elegha ellenistica // *Studi It. fil. class.* 1963. V. 35. P. 205—227. Автором этого отрывка Барнс и Ллойд-Джонс сочли Фанокла, у которого был рассказ о том, как фракийские мужчины заклеили своих жен в наказание за убийство Орфея (фр. 1 P., 23—23). Но там речь шла о «реальном» наказании в отличие от фиктивного у Гермесианакта. К элегии Фанокла см.: *Marcovich M.* Phanocles ap. Stob. 4. 20. 47 // *AJPh.* 1979. V. 100. P. 360—366; теперь в его же *Studies in Greek Poetry.* Illinois Class. St. Suppl. 1. 1991. P. 165—171.

³² *Collect. Alex.* P. 31.

³³ SH, ad fr. 413—415. См. также: *Hollis A.S.* The Thrax of Euphorion // *ZPE.* 1991. Bd 89. S. 30.

³⁴ *Latte K.* Der Thrax des Euphorion // *Philologus.* 1935. Bd 64. S. 129—155. См. особенно: «Старые истории используются только как предмет для остроумной игры, которая обращается главным образом к интеллекту» (с. 154).

³⁵ *Wilamowitz-Moellendorff U.* Hellenistische Dichtung. 2. Aufl. B., 1962. Bd I. S. 207; Bd II. S. 96—101.

состоит вина обидчика. Создается впечатление, что и его личность, и преступление — фикция, дающая только повод для решения чисто литературной задачи: набрать невероятное число всяких примеров насильственной или вынужденной смерти и уложить почти каждый из них в один дистих.

Первым произведением в ряду таких фиктивных проклятий, построенных на мифологическом материале, становится теперь новая поэма Гермесианакта. В самом деле, предлагаемая в ней месть неизвестному обидчику представляется в реальной жизни совершенно неосуществимой. Во-первых, потому что клеймение и татуировка применялись в классической Греции, как известно, в качестве наказания только к рабам³⁶. Схватить свободного человека и подвергнуть этой унижительной процедуре значило поставить ее исполнителя перед угрозой мести родных или судебного преследования. Во-вторых, если на спине еще можно изобразить борьбу Геракла с Евритионом, то обритая голова и особенно лоб оставляют слишком мало места для многофигурной композиции с участием Мелеагра и других героев, столпившихся над убитым вепрем. Гораздо естественнее предположить, что придуманная Гермесианактом расправа с мнимым обидчиком всего лишь повод для вереницы весьма динамичных картин. Первые примеры такой экфразы видят иногда в известном описании щита Ахилла в «Илиаде» или щитов нападающих на Фивы в «Семерых» Эсхила³⁷. Едва ли это верно, так как для слушателей ионийского рапсода картины, изображенные на щите Ахилла, были частью их повседневного быта, и целью автора являлось не описание щита как такового, а введение бытового материала, заполняющего паузу перед вступлением Ахилла в бой. Тем более символы на щитах «семерых» интересовали Эсхила не как плоды художественного творчества, а как показатель их бо.опротивной гордыни. Первым примером экфразы, решающей самостоятельную художественную задачу, можно считать описание дельфийского храма в еврипидовском «Ионе», но как оформившийся творческий прием она получает распространение как раз в первой половине III в. в александрийской поэзии³⁸. Новый фрагмент Гермесианакта оказывается первым по времени и в этом ряду. Впрочем, сразу же следует отметить его отличие от других названных примеров: там описание памятника искусства дается вполне всерьез, здесь и в качестве места для изображения выступает не кубок, не щит, не платье, а такой своеобразный «материал», как отдельные части человеческого тела, и назначение этих «картин» носит достаточно ирреальный характер. Перед нами снова — яркий пример литературной игры, в которую вовлекается читатель.

Другая область ее применения — сама художественная ткань нового отрывка, в которой автор иногда прямо заимствует лексику и фразеологизмы из более ранних жанров, но чаще помещает их в новую среду, рассчитывая на обширную читанность своих современников.

В рамках хорошей эпической традиции находятся у Гермесианакта такие сочетания, как $\theta\epsilon\omicron\iota\sigma\iota\nu\dots \acute{\alpha}\theta\alpha\nu\acute{\alpha}\tau\omicron\iota\sigma\iota\nu$ ³⁹, $\kappa\alpha\kappa\eta\ \upsilon\beta\rho\iota\varsigma$ ⁴⁰; имя Зевса, сопровождаемое приложением $\acute{\alpha}\nu\alpha\kappa\tau\omicron\varsigma$, при том что в формуле, завершающей стих, может быть назван и другой бог — Посидон, Гефест⁴¹. С на-

³⁶ См.: Jones C.P. Stigma: tattooing and branding in Graeco-Roman Antiquity // JRS. 1987. V. 77. P. 139—155, особенно 147 f.

³⁷ Downey G. Ekphrasis // Reallexikon für Antike und Christentum. Bd IV. Stuttgart, 1959. Sp. 921—944, особенно 923 f.

³⁸ Irmscher J. Über hellenistische Ekphrasis // Acta Debrecen. 1988. V. XXIV. S. 23—27

³⁹ II. 8. 13, ср. Ил. VI. 140; Од. XII. 117; Гесиод. Труды. 336.

⁴⁰ I. 13; ср. Гесиод. Труды. 214. 238.

⁴¹ II. 24; ср. Ил. XV. 8. 214.

чалом стиха Ἄρτεμιδος βουλῆσι (II. 16) сопоставляются такие же сочетания типа ἀθανάτων βουλῆσι (Гес. Труды. 16) или Ἑρμῆω βουλῆσι (гом. гимн Гермесу, 413). Восстанавливаемый Барнсом дательный падеж мн.ч. ὀφθαλμοῖσιν (II. 2) встречается у Гомера в конце стиха 18 раз⁴². Часто в раннем эпосе, как и в новой поэме, Геракл обозначается по отцу: Ἄρφίτρουωνιάδης⁴³. Контаминацию двух эпических формул представляет собой выражение ἀνθρώπων ἀζόμενος νέμεσιν «(не) боясь негодования людей» (I, 9); здесь сочетание ἀνθρώπων νέμεσιν заимствуется из Гомера⁴⁴, а ἀζόμενος νέμεσιν — из Феогида (I. 280), где оно также занимает вторую половину пентаметра. Встречая в тексте поэмы подобные словосочетания или патронимик, читатель чувствовал, что находится в русле хорошей литературной традиции.

Однако гораздо ценнее для современников Гермесианакта были такие отклонения от классического словоупотребления, которые показывали способность поэта к стилистическим вариантам. Так, не является эпическим сочетание имени Дики с определением ἀθάνατος. Афина имеет в эпосе определения γλαυκῶπις и Τριτογένεια; Гермесианакт предлагает до тех пор не употребительный эпитет Τριτωνίς (I. 18), который потом закрепляется за богиней. Прилагательное αἶθων («огненный», «яростный») употребляется в эпосе применительно к отважному или разгневанному зверю или птице — льву, коню, быку, орлу⁴⁵: у Гермесианакта оно в субстантивированной форме обозначает героя — участника Калидонской охоты (II. 22). Что из черепа, развалившегося от сильного удара, вываливается мозг (I. 23), — постоянная подробность гомеровских батальных сцен⁴⁶. Но при этом обычно употребляется глаголы «течь», «осквернять» (ρέω, παλάσσω «осквернять кровью и мозгом землю», Од. XIII. 395), с глаголом же «выпасть» (ἐκίπτειν) соединяется дополнение «из руки» (Од. XIV. 31). Описывая охоту на Калидонского вепря, Гермесианакт заимствует у Гомера не только сюжет, но также слово θηρήτωρ (II. 18), встречающееся в обеих поэмах только один раз (Ил. IX. 544); но там оно относится к людям, здесь — к собакам («псы-охотники»). В этом же эпизоде «Илиады» герои охотятся на «белозубого лютого вепря» (σὺν ἄγριον ἀρχιόδοντα — IX. 539), Гермесианакт грозит нарисовать «белозубого вепря» (II, 14), опуская второе определение, а первым так же завершая стих, как в эпосе.

Некоторый сюрприз читателю приготовлен в кол. I. 5, где конец стиха занимает имя Евритиона. Так же в конце стиха стоит оно в «Одиссее» (XXI. 295), но там оно вводит рассказ о сражении лапифов с кентаврами. Читатель, помнящий этот эпизод, ожидает, что и у Гермесианакта речь пойдет о том же кентавре; однако один стих спустя выясняется, что в виду имеется совсем другой кентавр, носивший то же имя. Такая же игра, основанная на переходе от ожидаемого к неожиданному — в начале 2-го эпизода (II. 4 сл.). Автор грозит обидчику нарисовать на голове у него μέγαν καὶ ἀναϊδέα λίαν — «огромнейший камень», усиливая образ, содержащийся в «Одиссее» (XI. 598 — λίας ἀναϊδής). Но в эпосе речь идет о камне, который должен был вкатывать Сисиф, и читатель, конечно, настроился на воспроизведение у Гермесианакта именно этой истории,

⁴² Например, Ил. X. 275; Од. IV. 47 = X. 181.

⁴³ I. 7. Ср.: Гесиод. Теог. 317; Шит. 165, 416, 433, 459; фр. 25, 23; 26, 33; 33а, 32.

⁴⁴ Ил. VI. 351; Од. II. 137; нагляднее всего в Од. XXII. 39—40, где ἀνθρώπων так же находится перед цезурой в третьей стопе, как у Гермесианакта; в этой же позиции νέμεσιν у Гесиода (Теог. 223).

⁴⁵ Ил. XVIII. 161; II. 839 и XII. 97; XVI. 488; XV. 690. К человеку это понятие прилагается впервые у Эскила (Семеро, 488: «пылкий дух»), за которым и следует Гермесианакт.

⁴⁶ Ил. XI. 97 сл.; XII. 185 сл.; XVI. 346—350; XX. 399 сл.

как вдруг появляется образ камня, *висящего* над головой Тантала (в соответствии с рассказом Пиндара: *πατήρ ὑπερκρέμασε... λίθον* — Ол. I. 57сл.; ср. *ὑπερκρέματα* — II. 5).

Нечто подобное происходит у Гермесианакта с выражением *μνήσονται ἄοιδαί* «напомнят <мои> песни» (I. 3), которым дальше *вводится* ряд эпизодов. Между тем, фраза *μνήσοι' ἄοιδῆς* «помяну (тебя в другой) песне» — традиционная *концовка* гомеровских гимнов: изложив историю какого-нибудь бога, автор обещает вернуться к нему еще в другой раз⁴⁷. Кроме всего прочего, для автора и исполнителя гимна он был действительно *песней*; для Гермесианакта «песня» — совершенно условное понятие, так как ни он сам, ни его читатели не станут распевать «проклятья»⁴⁸.

В качестве последнего примера вариаций Гермесианакта на темы эпического языка приведем слово из категории гомеровских *нарах*: *ἄσφάραγος* («гортань», «глотка»). В «Илиаде» (XXII. 328) Ахилл поражает Гектора копьем в шею, не задев при этом гортани, что дает возможность тяжело раненому герою произнести несколько фраз. У Гермесианакта *ἄσφάραγος* появляется в рассказе об убийстве Евритиона (I. 20). Здесь и кентавр ничем не напоминает благородного защитника Трои, и Геракл не мечет копье, а идет в рукопашную, — гомеровское слово попадает совсем в другую обстановку и окрашивается новым светом. Какой же должна была быть начитанность в Гомере у самого поэта и его читателей, чтобы из 27 тысяч стихов в обеих поэмах автор мог выбрать одно из редчайших слов и обыграть его, рассчитывая на адекватное восприятие!

Впрочем, предметом словесной игры Гермесианакта становится в этой небольшой поэме не только эпос.

Один из папирусных фрагментов принес в наше время отрывок нескольких стихов из дифирамба, в котором описывалось, как кентавр Несс пытался овладеть Деянирой и как с ним разделался Геракл. Был ли автором этого дифирамба Пиндар или Вакхилид, для нас сейчас безразлично, так как в любом случае произведение было написано в первой половине V в. В нем мы читаем: *ἐν δὲ χειρὶ δεξιτερῶν ῥόπαλον μέγα [...] φηρὸς ἀγρίου [κεφαλὴν ἐπ'] οὐάτος μέσσαν [ἔπλαξε] συνάραξέ τε π[αμβίαι] κρανίον* («держа в правой руке огромную палицу, (ударил) он по голове в самое ухе дикого зверя и разломил ему (со всей силы череп)»⁴⁹). Теперь вспомним Геракла с Евритионом у Гермесианакта (I. 20—23); в руке могучая палица (*χειρὶ... ῥόπαλον σκληρόν*), раздробленная височная кость (*ὀστέα... ἄραξεν*) — детали сражения, относящегося в дифирамбе V в. к борьбе Геракла с Нессом, перенесены в нашей поэме на участь другого кентавра, Евритиона.

Судьбу Тантала Гермесианакт считает следствием его «неумеренной речи» (*ἄξυνέτου γλώσσης χάριν* — II. 6); объяснение это восходит к прологу еврипидовского «Ореста», где Электра вспоминает, как Тантал «не смог сдержать своего языка» (*ἀκόλαστον ἔσχε γλώσσαν*, 10), — расчет у поэта делается на хорошо подготовленного читателя. Еще один любопытный пример использования уже известного образа — «огромный топор» (*μέγας πέλεκυς*) героя Анкея (II. 23). *Πέλεκυς* обозначает, собственно, секиру с двумя лезвиями; она могла употребляться и для домашней работы, и как боевое оружие. Несомненно раз это слово встречается у Гомера и трагиков, но редко — с определением, и только однажды с прилагательным *μέγας*; Калипсо дала Одиссею большой топор для изготовления плота (Од. V. 234). Однако вероятнее, что читателю могла прийти в голову не эта подробность из Гомера, а знаменитые строки Анакреонта: Эрос уда-

⁴⁷ Гимн Дем. 495; Аполл. 546; Гермесу 580; Афрод. II. 21; III. 6.

⁴⁸ Другой пример переносного значения: *πυρὶ φλέγονται* у Гермесианакта (I. 4) при конкретном *πυρὶ φλέγεται* в Ил. XXI. 365: от огня загораются волны Скамандра.

⁴⁹ *Вакхилид*. Фр. 64, 25—29 (дополнения Б. Снелля).

рил влюбленного огромным топором (μεγάλῳ πελέκει), а потом искупал в холодной пучине (fr. 413 PMG). Здесь словом πέλεκυς обозначается, конечно, не топор, а молот — по сходству действия ими с размаху. Именно поэтому грамматически абсолютно тождественное сочетание позволяет увидеть оружие Анкея не лежащим спокойно у него на плече, а находящимся в движении, в поднятой руке героя. Наконец, особого внимания заслуживает ключевой для всего отрывка глагол στίξω. В эпосе и ранней элегии он не засвидетельствован. Первое и единственное его употребление в высоких жанрах — у Симонида, фр. 600 PMG, где говорится о том, что дуновение ветра как бы «накладывает печать» на морскую гладь. В дальнейшем στίξω становится достоянием поэты и бытовой комедии⁵⁰, причем в последней мы находим два раза 1-е лицо ед.ч. будущего времени в форме угрозы⁵¹, т.е., как у Гермесианакта. Таким образом, эпический колорит сразу снижается за счет вполне прозаического предупреждения⁵².

В результате поэма Гермесианакта напоминает мозаику, в которой внимательному читателю надлежит выявить происхождение отдельных камешков и подивиться тому, как ловко они подошли друг к другу. Итальянские исследователи обозначили это стремление александрийских поэтов к использованию классической фразеологии в неожиданном контексте «искусством намека», *arte allusiva*⁵³. Мы называем это литературной игрой, которая распространяется не только на тончайшую технику заимствований и переосмыслений, но и на собственные стилистические приемы автора.

Главным из них следует считать его пристрастие ко всякого рода повторениям. Они могут занимать одинаковое положение в стихе. — в конце его (ἀθανάτοις — II. 8, 13), в конце первого полустишия в пентаметре (εἰν Αἴθεω — II. 5, 7), но могут быть не связаны ритмической позицией (γλώσσης χάριν — γλώσση δούς χάριν — III. 6, 11); могут употребляться анафорически, как четырехкратное ἦλυθε (ἦλθον) в II. 22—24. Анафора может, в свою очередь, содержать оппозицию: «многим охотничьим псам» противопоставляются «много героев» (πολλοὺς — πολλῶν — II. 18, 21). Анафора может подкрепляться аллитерацией: σίνετο в начале обоих полустиший (II. 17) имеет в качестве дополнений σίτον и σταφυλάς. Заметим также пристрастие автора к прилагательному μέγας (I. 5, 14, 19 — наречие; II. 4, 6, 13); в двух случаях из семи повторение подчеркивает размер предполагаемых объектов татуировки — «огромного Евритиона» и «огромного камня» (I. 5 и II. 4). Еще более изощренный пример — повторение глагола στίξω. Дважды он употреблен анафорически в начале стиха (II. 4 и III. 18); дважды помещен в середину стиха (I. 5 и II. 14), занимая конец 3-й и начало 4-й стопы, — тогда глаголу предшествует указание на место, где будет нанесена татуировка (спина, лоб), а за ним следует содержание картины (Евритион, охота на вепря). Обратим внимание в заключение на употребление спондического стиха. Таких случаев всего два (II. 2 и 12), но второй особенно выразителен (спондеи в 1, 2 и 5 стопах), ибо замедленность темпа передает неотвратимость наказания для недруга.

Анализ содержания и стиля нового папирусного отрывка Гермесианакта побуждает вкратце вернуться к его уже упомянутому каталогу влюбленных из III кн. «Леонтион», ибо здесь мы обнаружим знакомые нам приемы литературной игры.

⁵⁰ Геродот. V. 6. 35; VII. 35. 233; Ксеноф. Анаб. V. 4. 32 (с аккузативом τὰ νῶτα!); Аристоф. Лягушки. 1511.

⁵¹ Евполид. Фр. 277 PCG; Менандр. Самиянка. 323.

⁵² Ср. также у Герода (Мимиямбы. V. 28) и в уже упоминавшемся фрагменте Фанокла (прим. 31): оба раза татуировка должна служить наказанием.

⁵³ Giangrande G. «Arte allusiva» and Alexandrian Epic Poetry // *ClQu.* 1967. V. 17. P. 85—97; *idem.* Hellenistic Poetry and Homer // *Antiquité classique.* 1970. V. 39. P. 46—77.

В сохранившейся части каталога содержится описание 15 пар, из которых семь восходят к достаточно давней традиции (Орфей и Агриопа, Мусей и Антиопа, Софокл и Феорида, Мимнерм и Нанно, Алкей и Сафо, Пифагор и Феано, Аристипп и Лаида), независимо от достоверности самой традиции. На худой конец, можно представить себе, что Еврипид на старости лет влюбился в служанку царя Архелая. Менее вероятной является любовная тоска по Аспасии, якобы снедавшая Сократа, и вовсе невероятной — любовная страсть, заставившая Анакреонта бросить Теос и Самос и искать взаимности у Сафо, жившей за несколько десятков лет до него. На эту хронологическую «ошибку» Гермесианакта обратил внимание источник Афиня (XIII. 599 с), хотя, очевидно, что это была сознательная игра с читателем, как и в случае с пятью оставшимися парами, где возлюбленными поэтов становятся героини их сочинений: Пенелопа у Гомера, Лида у Антимаха, Галатея у Филоксена, Биттида у Филета и вовсе фантастическая Эоя у Гесиода, чье имя складывается из слов ἡ οἴη («или как такая-то»), которыми в «Каталоге женщин» начиналось описание каждой женщины, положившей начало роду царей и героев. Уже Куа охарактеризовал этот ряд влюбленных как «игру ума», и Виламовиц через много десятилетий присоединился к такой оценке⁵⁴.

Мы можем с полным правом считать подобную литературную игру признаком «искусства для искусства», но нельзя отрицать, что она является неотъемлемой составной частью александрийской поэтики, и новые папирусные тексты Каллимаха и Гермесианакта служат тому прекрасным подтверждением.

⁵⁴ Couat. Op. cit. P. 91; Wilamowitz. Op. cit. S. 81 f.; Giangrande. Hellenistic Poetry. P. 46—48.

POETICS OF A LITERARY PLAY (Papyrus texts by Callimachus and Hermesianax)

V.N. Yarkho

Poetry of the Hellenistic time, designed for a narrow circle of connoisseurs, was particularly valued for the novelty of content and stylistic refinement with an element of humor. Both earlier known samples of the works by Callimachus (hymns, Acontius and Cydippe, papyrian excerpts from iambi) and the new text, reconstructed from papyrian fragments, «Victory of Berenice» (see: АНВ. № 3. 1983. P. 139—142) testify to this. The article analyses on the basis of three excerpts from this poem (Suppl. Hellenisticum. № 254, 265, 259) the sophisticated literary play of the author, based on putting together different versions of the myth, opposition of the heroic to the everyday both in the content and the style («elevated» vocabulary and «sordid» plot).

Another vivid example of the Hellenistic poetry is an excerpt from an elegy made up of two papyrian fragments (P. Sorb. 2254 and P. Bruk inv. E. 8934) and published in this form in 1991 by M. Huys (see: Note 24). Many things suggest that the author of the elegy was Hermesianax, an older contemporary of Callimachus. The new excerpt is a description of several pictures to be tattooed on the body of an unknown offender. The poem belongs to the genre of *arai*. Works by Callimachus (Ibis), Euphoriion and the Byzantine poetess Moero, which were not preserved, were written in this genre later. The article analyses the new papyrus text both from the point of view of its contents (clearly unrealizable curses addressed to a fictitious offender), and the style (shift of accents in the use of «heroic» vocabulary, substitution of the unexpected for the expected, lexical repetitions, alliterations. In the context of the new fragment it is deemed possible to assess as a literary play the big fragment by Hermesianax, known from Athenaeus (XIII 597b—599b)

ПУБЛИКАЦИИ

© 1993 г.

Хр. Хабихт

ИАСОС И САМОФРАКИЯ

В СЕРЕДИНЕ III в. до н.э.

Карийский город Иасос богат археологическими находками и надписями¹. Здесь я собираюсь проанализировать одну интересную, но до сих пор совершенно недостаточно известную надпись из этого города. Столетие назад Теодор Рейнак опубликовал наряду с прочими надписями из Иасоса также фрагменты одного 14-строчного декрета, который он обнаружил на длинной мраморной плите в Музее Стамбула. Он отмечает, что на камень нанесен достаточно аккуратный шрифт эллинистической эпохи, хотя и сильно стертый, и что эстампаж не может быть полезен для расшифровки². Рейнак смог прочесть полностью лишь вторую строку, а из остальных читаемых остатков разобрал лишь немногое. После воспроизведения разобранного им текста маюскулами он замечает, что перед нами проксенический декрет в честь иностранных феоров, вероятно, постановление другого полиса по поводу прибывших из Иасоса феоров, который потом был сообщен этому городу. Он не высказывает никакого предположения о том, о какой декретирующей общине может идти речь. Его текст выглядит следующим образом:

..... ΛΕΙΣΙΑΣΩ ΑΓΑΘΗΤΥΧΗΝ
ΤΩΝΠΟΛΕΩΝΑΜΦΟΤΕΡΩΝΔΕΔΟΧΘΑΙΤΩΙΔΗΜΩΙΔΕΧΕΣΘΑΙ
..... τΗΝΘΥΣΙΑΝΚΑΙΤΗΝΑΠΑΡΧΗΝ
..... ΟΝΤΑ
5 ΜΕΝΑ ... ΤΟΥΧΙΑ ... Α ... Υ
ΥΣΩΙΚΑΙΕΠΑΙΝΕΣΑΙ
..... ΣΤΕΦΑΝΩΙΔΙΟΝΥΣΙΩΝ ευσΕΒΕΙΑΣΕΝΕΚΕΝ
..... ΟΥΣΚΑΙΕΥΝΟΙΑΣΤΗΣ ΕΠΑΙΝΕΣΑΙΔΗ ...
... ΠΑΡΑΓΕΓΕΝΗΜΕΝΟΥΣΘΕΩΡΟΥΣ
10 ΚΑΙ ... ΑΥΤΟΥΣ
..... ΠΑΝΤΩΝΩΝΚΑΙΟΙΑΛΛΟΙ πολῖται ου πρόξενοι
καὶ ἀναγράψαι αὐ ΤΩΝΤΑΟΝΟΜΑΤΑΕΙΣΤΗΝΣτήλην? ... ΑΑΙΣΑΙΛΥ
..... ΑΝΑΛΩΜΑ ...
..... ΤΡ

Некоторые дополнения дал в 1927 г. Луи Робер³ в сткк. 1—2: ἀγαθῆι

¹ Обзор находок и исследований дан в томе: Studi su Iasos di Caria, 1985 (Supplemento di Bolletino d'arte 31—32). На с. XI—XIII ценная библиография.

² REG. 1893. 6. P. 156 suiv., № 2: «На длинной мраморной плите. Довольно хорошие буквы александрийской эпохи, сильно стертые. Эстампаж почти ничего не дает, а Жюбин камень не обнаружил».

³ Rev. phil. 1927. 53. P. 120 (Opera minora selecta. 2. P. 1075).

τύχη [καὶ ἐπὶ σωτηρίαὶ καὶ εὐτυχία] τῶν πόλεων ἀμφοτέρων, а также следующее восстановление сткк. 6—9: ἐπαινέσαι [δὲ τὸν δῆμον τὸν — καὶ στεφανῶσαι αὐτὸν χρυσῶι σ]τεφάνωι Διονυσίωι [τραγωιδῶις τῶι ἀγῶνι] εὐσεβείας ἔνεκεν [τῆς πρὸς τοὺς θε]οὺς καὶ εὐνοίας τῆς [πρὸς τὴν πόλιν]. ἐπαινέσαι δ[ὲ καὶ τοὺς] παραγεγενημένους θεωρούς. В своем новом издании текста (Inscriften von Iasos 72) В. Блюмель принял эти дополнения и, доверяя гипотезе Рейнака, что перед нами декрет другого города в честь граждан Иасоса, вставил в стк. 6 этникон: [τὸν δῆμον τὸν Ἰασέων].

Далее, для сткк. 10—13 он предложил следующее дополнение: [μετέχουσι] πάντων ὧν καὶ οἱ ἄλλοι [πολίται μετέχουσιν] τοὺς δὲ νεωποίας ἀναγράψαι αὐ]τῶν τὰ ὀνόματα εἰς τὴν σ[τοάν--] αἰσαίλυ-- [τὸ δὲ] ἀνάλωμα [τὸ εἰς τὴν ἀναγραφὴν τελεσάτωσαν οἱ ταμίαι--].

Блюмель уже знал, что Робер в ходе предварительных работ над каталогом надписей Музея Стамбула нашел там этот камень в 1964 г. В «Annuaire du College de France» 1965—1966.65 Робер сообщает об этом⁴: «В Музее Стамбула можно обнаружить некоторые надписи, которые практически исчезли под землей: ... прежде всего найденный в Иасосе декрет, от которого читались лишь клочки (Rev. Et. Gr. 1893, p. 156. not. 2) и который был вырезан в два столбца». Однако Робер далее не высказался по сути дела, а Блюмель не нашел камень в Музее Стамбула⁵.

Благодаря любезности Жанны Робер я смог изучить эстампаж, в свое время изготовленный Луи Робером⁶. Изучение его привело к нескольким неожиданным результатам. Тогда как Рейнак говорил об остатках одного декрета, имевшего, по его мнению, явно 14 строк, а Робер, напротив, пришел к выводу, что он был выполнен двумя столбцами, то сейчас выясняется, что перед нами два различные, хотя очевидно вырезанные одной и той же рукой декрета, из которых каждый занимает по одному столбцу. Слева виден неполно прочитанный Рейнаком декрет, а справа — в значительной степени не читаемый декрет Иасоса. Однако прежде всего выходит, что от текста, согласно Рейнаку, якобы сильно стертого, за исключением лакуны в середине первой строки, все читабельно, соответственно (в сткк. 13—15) легко восстановимо.

Прежде чем этот текст будет представлен в новом чтении, следует высказать некоторые замечания о нечитабельном в значительной части постановлении Иасоса во втором столбце. В стк. 1 распознается: [Ε]πὶ στεφανῆ[φόρου имя, отчество, месяц], в сткк. 2—3: ἔδοξεν τῇ βουλῇ καὶ τῶι δ[ήμωι ἔκτι / ἴσταμέν]η⁷ Νύσι[ος] Ἀντιφῶντος [ἐπεστά/τει]. Далее читаются некоторые имена, соответственно части имен: в стк. 5 -οκρεον-, в сткк. 8 и 16 Θεοδώρου, в стк. 10 Πausανίου τοῦ Κραναοῦ, в стк. 12 Πολυκλείτου, Εὐθυφρ-, далее в стк. 13 προστάται. С Νύσιος Ἀντιφῶντος в стк. 3 сопоставим Ἀντιφῶν Νυσίου, секретарь в надписи Inscriften Iasos 77.1—2, с Παυσανίας Κραναοῦ — грамматевс Κραναοῦ Παυσανίου в Inscriften Iasos 39.3, хотя и нельзя сказать, как все три декрета соотносятся по времени. В остальном я способен извлечь из эстампажа этого сильно стертого текста только более или менее принадлежащие друг другу группы букв, но ничего смыслового.

⁴ Цит. по: Opera minora selecta. 4. P. 276.

⁵ Он замечает в т. I своего Корпуса: «Четыре опубликованные Т. Рейнаком надписи, по сведениям М. Хамди Сайара, нельзя разыскать в Музее (у нас № 48, 72, 374, 426)».

⁶ И здесь я хотел бы поблагодарить мадам Ж. Робер за ее великодушие.

⁷ За одним-единственным исключением принятого на экстренном заседании декрета все остальные, во всяком случае две дюжины текстов с сохранившейся датой, датированы шестым числом месяца — днем регулярных народных собраний (Inscriften Iasos. 20) с комм. Р. Готье — ВСН. 1990. 114. P. 417—443, особенно 431. Ссылки см. в индексе к Inscriften Iasos. Bd 2. S. 260, s.v. ἴστημι.

Стоящий на плите слева и совершенно неполно прочитанный Рейнаком декрет можно, напротив, насшифровать с помощью эстампажа без больших трудностей. Шрифт датируется III в. и относится, по моему заключению, примерно к середине этого столетия. Текст выглядит следующим образом:

- Βασιλεὺς Ἰάσω[ν.....]ου εἶπεν. ἀγαθῆι τύχηι
τῶν πόλεων ἀμφοτέρων, δεδόχθαι τῶι δήμωι· δέχεσθαι
τὴν θυσίαν καὶ τὴν ἀπαρχὴν καὶ τὴν θεωρίαν τὴν παραγεγεννη-
4 μένην εἰς τὸ ἱερὸν παρὰ τοῦ δήμου Ἰασέων κατὰ τὰ ἐψη-
φισμένα ἐπ' εὐτυχίαι καὶ ὑγίαιαι τῶν τε ἀποστειλάντων καὶ
τῶν ἐν τῆι νήσωι, καὶ ἐπαινέσαι τὸν δῆμον τὸν Ἰασέων καὶ στεφανῶ-
σαι χρυσῶι στεφάνωι Διονυσίων ἐόντων εὐσεβείας ἕνεκεν ναc.
8 τῆς εἰς τοὺς θεοὺς καὶ εὐνοίας τῆς εἰς τὸν δῆμον, ἐπαινέσαι δὲ
καὶ τοὺς παραγεγεννημένους θεωροὺς Γρύλλον Εὐκλείδου, Εὐκτον
Μενεκάρους καὶ εἶναι αὐτοὺς προξένους τῆς πόλεως μετ-
έχοντας παντῶν ὧν καὶ οἱ ἄλλοι πρόξενοι· ἀναγράψαι ναc.
12 δὲ αὐτῶν τὰ ὀνόματα εἰς τὴν στήλην καὶ καλέσαι αὐ-
[τοὺς ἐπι] ξένια εἰς τὸ πρυτανεῖον· τὸ δὲ ἀνάλωμα δοῦ-
[ναι τοὺς] ἀργυρολό[γους] ἐκ τοῦ κατατεταγμένου
[ἀργυρίου].

Речь идет действительно, как и предполагал Рейнак, о почестях феорам Иасоса, оказанных другим городом, а именно одной островной общиной (стк. 6). Как свидетельствует упоминание об ἀργυρολόγοι в стк. 14, это Самофракия⁸. С этим согласуется внесение предложения басилевсом⁹. Имена «Эвклид» и «Эвкт» уже были засвидетельствованы в Иасосе¹⁰.

Почести Гриллу и Эвкту — не первый декрет Самофракии, найденный в Иасосе. Опубликованная в 1886 г. стела Британского музея содержит два постановления этого города в честь трагического поэта Димаса из Иасоса¹¹. Он воспел в одной из своих драм деяния Дардана, Зевсова сына, который, согласно одной версии сказания, сообщенной Геллаником и другими авторами, был рожден на Самофракии¹². От II в., как и эти декреты, с Самофракии дошло еще одно более позднее постановление в честь эпического поэта Герода из Приены, который изложил деяния Дардана и Аэтиона (или Иасиона) и свадьбу Кадма с Гармонией¹³. Содержание второго декрета в честь Димаса предполагает, что феоры регулярно прибывали из Иасоса на Самофракию, поскольку эпоним этого города должен передать копию данного постановления первому отправляющемуся из

⁸ Samothrace II, 1 (1960). № 5. 14—16: τοὺς δὲ ἀργυρολόγους[διδόναι τοῖς] σιτοθέταις ὅτι ἀν αὐτοῖς[δοκῆι]. В качестве магистратов аргирологи засвидетельствованы лишь здесь. Ср. Robert L. // Gnomon. 1963. 35. P. 54.

⁹ См. прим. 16.

¹⁰ Эвклид — Inschriften Iasos 1.11 и 266.12; Эвкт — Inschriften Iasos 74.34 (Inschriften von Priene. 34).

¹¹ GIBM 444 (Inschriften Iasos 153). Исправнейший текст см. теперь: Snell B. Tragicorum Graecorum Fragmenta. 1.1971. P. 302. № 130. Чествуемый засвидетельствован и в своем родном городе Иасосе как хорег и донатор: Inschriften Iasos 160.5.

¹² FGrH 4, 23. Более подробная версия у Diod. 5.47—48, которая, согласно Р. Шапутье (см. след. прим.), уже подверглась влиянию местной самофракийской поэзии.

¹³ Inschriften von Priene 68—69. Об этом см. Chapouthier F. // BCH. 1956. 80. P. 142—145; Robert L. // Gnomon. 1963. 35. P. 39; Prinz F. Gründungsmythen und Sagenchronologie. 1979. S. 187—193; Guettel Cole S. «Theoi Megaloi». The Cult of the Great Gods at Samothrace. 1984. P. 52 f. Литературное обожествление мифических истоков Самофракии может также лежать в основе декрета Samothrace. III. 1, № 8 (Robert L. // Gnomon. 1963. 35. P. 58 suiv.).

Иасоса на Самофракию феору¹⁴. Следующее награждение двух феоров Иасоса проксенией засвидетельствовано на Самофракии во II в. до н.э.¹⁵

В роли рогатора выступает эпонимный магистрат Самофракии — бацилевс, как здесь, так и в других декретах этого города¹⁶. Недавно опубликован фрагмент нового самофракийского декрета из Книда¹⁷. Кария вообще представлена многими городами в качестве клиентов святилища кабиров Самофракии. Этот список охватывает теперь Антиохию на Меандре¹⁸, Нису, Алабанду, Стратоникею, Миласу, Иасос, Керамос, Баргилию, Галикарнасс, Книд и Кавн. От соседних островов представлены Самос, Астипалея и Кос¹⁹.

Из предписания сткк. 11—12 вытекает, что имена обоих награждаемых проксенией мужей должны были быть зафиксированы не только декретом в их честь — на Самофракии и в Иасосе, но кроме того записаны на стеле, которая содержала либо список прибывших в соответствующий год на Самофракию праздничных посланников, либо перечень почтенных там проксенией.

В своей книге о культуре «Великих богов» Самофракии Сьюзен Геттел Коул пришла к выводу о том, что он (а вместе с ним и остров, на котором он отправлялся) достиг в III в. до н.э. большого расцвета²⁰. Далее она указала на то, что общественное празднество в честь этих божеств должно было быть учреждено до середины этого столетия, поскольку оно регулярно посещалось феорами других городов, и древнейший список их дошел примерно от середины века²¹. Обсуждаемое здесь награждение двух феоров Иасоса принадлежит, таким образом, к самым ранним свидетельствам об этом празднестве и, вероятно, было вообще древнейшим.

Самофракия могла быть в это время независимой, поскольку дарственное сооружение престижных построек Арсиной II и Птолемеем II не принуждает к предположению о итолемеевском господстве над островом²². А когда Птолемей III в 245 г. или немного позже завоевал фракийское побережье и посадил там царских функционеров, он контролировал, однако, приморскую область — перею Самофракии, но совсем не обязательно и сам остров²³.

Город Иасос, очень рано посвятивший себя заботе о «Великих богах» Самофракии попал в конце IV в. (в 309 г.) в руки Птолемея I, который контролировал Иасос и после принятия им царского титула в 305 г.²⁴ Абсолютно неизвестно, как долго длилось там господство Птолемеев,

¹⁴ *Inscriptiones Iasos* 153. 30—31: δοῦν[αι τόδε τὸ] ψήφισμα τὸν βασιλέα τοῖς πρώτοις παραγενομένοις θεωροῖς ἐξ Ἰασοῦ]. Подобным же образом декрет в честь эпического поэта Герода из Приены принимает во внимание скорый повторный визит феоров из Приены (*Inscriptiones von Priene* 68.9—11).

¹⁵ *IG XII*. 8. 1/0. 70—71.

¹⁶ *IG XII*. 8. 156. 1; 157. 1; *Inscriptiones Iasos* 153. 1 и 153. 14, где отнесенное к нему в сткк. 31 предложение тем самым сформировано им самим (*Études thasiennes*. 1958. 5. P. 18. № 169).

¹⁷ *I Knidos* 233. Книдские феоры уже были засвидетельствованы на Самофракии: *Hesperia*. 1979. 48. P. 16, менее надежно: *Samothrace*. II. 1. № 22. 5—8 и 71.

¹⁸ *Robert L.* // *Gnomon*. 1963. 35. P. 62; *Cole*. *Op. cit.* P. 48—56 и карта II в конце тома.

¹⁹ Для Самоса см. *Cole*. *Op. cit.* P. 51; для Коса — *Robert L.* // *Gnomon*. 1963. 15. P. 61. *Not.* 2.

²⁰ *Cole*. *Op. cit.* P. 20—25.

²¹ *Samothrace*. II. 1. P. 63. № 22; *Cole*. *Op. cit.* P. 21.

²² *Fraser P.M.* // *Samothrace*. II. 1. P. 5—7; *idem*. *The Rotunda of Arsinoe* // *Samothrace*. 1992. VII; *idem*. *The Propylon of Ptolemy* // *Samothrace*. 1990. X.

²³ *Roussel P.* // *BCH*. 1969. 63. P. 133—141; *Robert L.* // *Gnomon*. 1963. 35. P. 78 *suiv.*; *Cole*. *Op. cit.* P. 22. Иначе: *Fraser* // *Samothrace*. II. 1. P. 7—8; автор считает птолемеяское господство над островом очевидным.

²⁴ *Inscriptiones Iasos* 2—3.

продолжалось ли оно, к примеру, после того, как для них были потеряны в 259 г. расположенные по соседству значительные города Милет и Самос. Во всяком случае ситуация выглядит так, как будто Иасос в 242 г. до н.э. был независим, поскольку город признал тогда асилию территории Коса целиком собственной властью, т.е. не ссылаясь на соответствующее волеизъявление какого-либо царя²⁵. В 227 г. он был инкорпорирован Антигоном Досоном на срок в 30 лет в македонскую монархию²⁶. Его феоры, почтенные Самофракией вышеразобранном декретом, были, однако, без сомнения праздничными посланниками на остров в один из более ранних годов, и вполне вероятно, что обсуждаемая здесь надпись относится к тому времени, когда обе общины были свободны от иноземного господства*.

IASOS AND SAMOTHRACE IN THE MID III CENTURY B.C.

Ch. Habicht

The article deals with the fragment of the inscription I.v. Iasos 72. The conclusion is that firstly the inscription contained two different decrees written by the same hand.

The second column, which is not deciphered till the present time represents actually honorific decree from Samothrace for the theoroi from Iasos. It is dated back to the mid III century B.C. The document in question is probably the earliest testimony of the «Great Gods» cult at Samothrace.

²⁵ *Inscripfen Iasos 21*, с замечаниями: *Giovannini A.* // *Ancient Macedonia*. 1977. 2. P. 467—471.

²⁶ *Crapa J.* *Labraunda*. III. *Greek Inscriptions*. 1969. 1. P. 49, 93—96, 127.

* Перевод Ю.Г. Виноградова.

КЛАД ЭЛЕКТРОВЫХ БОСПОРСКИХ СТАТЕРОВ С ГНИЛОВСКОГО ГОРОДИЩА

В начале апреля 1958 г. на северо-западной окраине Гниловского городища Василий Петрович Черсков и его жена Александра Андреевна Михайленко случайно обнаружили клад электровых боспорских статов середины II — начала III в. н.э. Монеты находились в обломке сосуда, который, к сожалению, не сохранился. В Ростовской областной музей краеведения поступила 31 монета¹. Гниловское городище, находящееся на территории бывшей станицы Нижне-Гниловской (ныне город Ростов-на-Дону) на берегу Мертвого Донца, пятое по счету из девяти известных позднеантичных поселений, вытянутых цепочкой вдоль берега к востоку от Танаиса². Этот клад уже упоминался в литературе³. Интересен тот факт, что в пределах Ростовской области это второй достоверно зафиксированный клад подобного рода монет⁴, и оба они относятся к Гниловскому городищу. В районе Танаиса и других связанных с ним поселений подобные находки еще не были зафиксированы. Кроме этих двух кладов автору известны лишь две медные монеты, происходящие с Гниловского городища⁵.

В состав клада входят монеты трех царей Боспора. Евпатора (154—170 гг. — 7 экз.), Савромата II (174—210 гг. — 20 экз.), Рескупорида⁶ (211—226 гг. — 4 экз.) (рис. 1—3). Хронологически клад охватывает период с 155 по 216 г. Изображения на всех монетах стандартны: Ав. — бюст боспорского царя вправо, легенда, точечный ободок; Рв. — бюст римского правителя, годы боспорской эры, точечный ободок. В поле той и другой стороны включены различные дифференты.

ЕВПАТОР

№ 1. Статер 155 г. н.э. является хорошо известным типом золотых монет

¹ Акт приема-сдачи № 1074 от 07.05.58 г. Инв. № 1263/1 — 31.

² Шелов Д.Б. Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М., 1972. С. 176.

³ Голенко К.В. Монеты из раскопок Нимфея 1939—1970 гг. // НЭ. 1974. XI. С. 74; Фролова Н.А. Вторжение варварских племен в города Северного Причерноморья по нумизматическим данным // СА. 1989. № 4. С. 196.

⁴ Люценко Е.Е. Описание кладов с древними монетами, найденными на Керченском и Таманском полуостровах и частью в Новороссийском крае на юге России // Архив ЛОИА АН СССР. Ф. 28. Д. 29. Л. 53. В 1868 г. на берегу Мертвого Донца, недалеко от Гниловского городища найден клад из 200 статов Савромата I и Евпатора.

⁵ Каталог Ростовского-на-Дону городского Музея. М.Б. Краснянский — предисловие. Ростов-на-Дону, 1912. С. 35: «Древности Брянцевского городища — медная Боспорская монета весьма плохой сохранности». Второй экземпляр — из некрополя, раскопки В.К. Гугуева, также медная монета плохой сохранности.

⁶ Во избежание путаницы, связанной с вопросом, является ли этот царь Рескупоридом II или III, автор ограничивается указанием дат его правления.

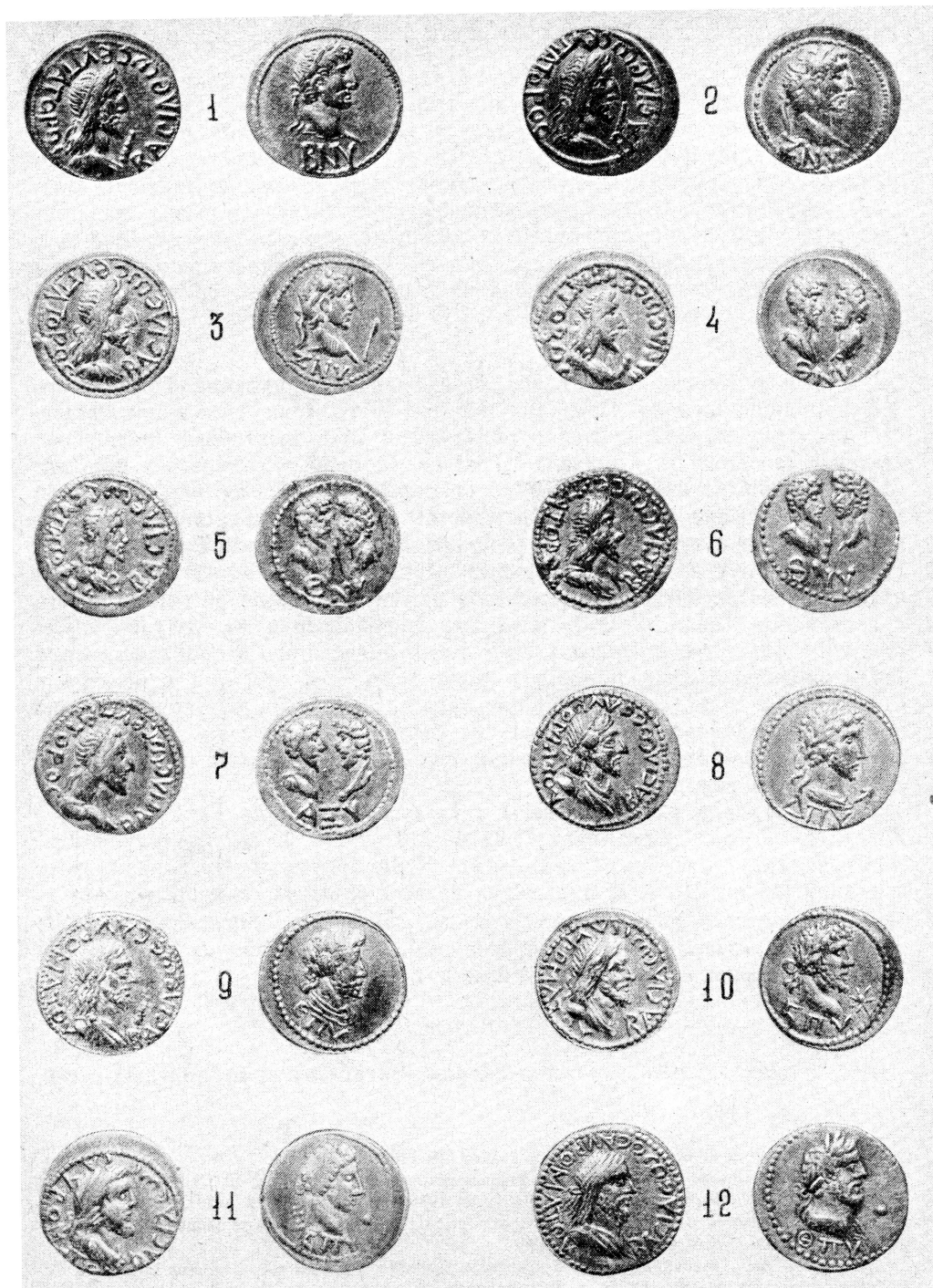

Рис. 1—3, 1—31. Клад электровых боспорских статов с Гниловского городища

Рис. 2

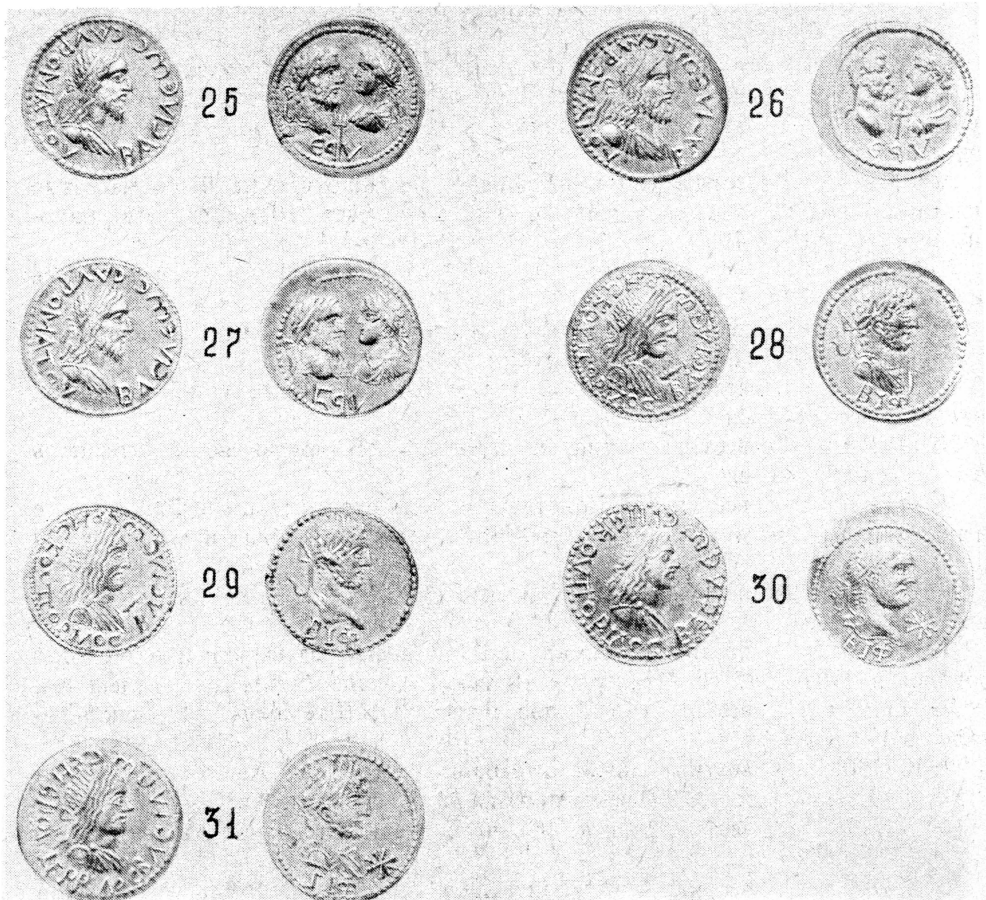

Рис. 3

этого года, также хорошо известны и оба его штампеля⁷. Большинство зафиксированных монет 155 г. отчеканены этой парой штампелей. Использование штампеля Ав. в другие годы неизвестно.

№ 2 (160 г.). Идентичная по типу и штампелям монета опубликована К.В. Голенко. Штампель Ав. использовался и в следующем, 161 г.

№ 3 (160 г.). Также известен тип, но неизвестны штампели. Вообще монеты 160 г. редки.

№ 4 (162 г.). Известны и тип, и штампели. Штампель Ав. в другие годы не использовался.

№ 5 (162 г.). Также известны и тип, и штампели. Штампель Ав. в другие годы не использовался.

№ 6 (162 г.). Известны и тип, и штампели. Штампель Ав. в другие годы не использовался.

№ 7 (164 г.). Известны и тип, и штампели. Штампель Ав. в другие годы не использовался.

Таким образом, все семь экземпляров статеров Евпатора принадлежат известным в науке типам монет. Штампели Ав. и Рв. статера № 3 публикуются впервые.

Со 165 г. чеканка статеров резко сокращается, монеты этого времени в кладе отсутствуют.

⁷ Ссылки на литературу даны в таблице, где также указаны: номер п/п, годы боспорской и нашей эр, вес в граммах, соотношение осей Ав. и Рв. по часовому циферблату, диаметр монет в мм, тип со ссылками на публикации, а также публикации штампелей Ав. и другие годы.

№ 8 (187 г.). Этот тип монеты публикуется впервые. Штемпель Рв. также еще не был отмечен в науке. Штемпель Ав. использовался ранее в 186 г. и позднее — в 189 и 190 гг. Использование его в 187 г. до этого не фиксировалось.

№ 9 (188 г.). Известны тип и штемпели, но до этого не было известно использование этих штемпелей в одном комплекте. Штемпель Ав. находился в работе и в 190 г.

№ 10 (189 г.). Известны и тип, и штемпели. Штемпель Ав. использовался в 187 и 188 гг.

№ 11 (189 г.). Известны тип монеты и штемпель Ав., использовавшийся в 186, 188 и 190 гг. Штемпель Рв. публикуется впервые.

№ 12 (192 г.). Известны и тип, и штемпели. В другие годы штемпель Ав. не использовался.

№ 13 (194 г.). Известны и тип, и штемпели. В другие годы штемпель Ав. не использовался.

№ 14 (194 г.). Известен тип монеты, но неизвестен штемпель Рв., а также использование штемпеля Ав. в этом году. До этого он был в работе в 192 и 193 гг.

№ 15 (194 г.). Известны и тип, и штемпели. Штемпель Ав. использовался и в 195 г.

№ 16 (195 г.). Известны и тип, и оба штемпеля. Штемпель Ав. использовался в 196 и 197 гг. Статер № 18 также чеканен этим штемпелем Ав.

№ 17 (196 г.). Известны тип и оба штемпеля. Штемпель Ав. использовался в 193 и 197 гг.

№ 18 (196 г.). Известны тип и штемпели. Штемпель Ав. использовался в 195 и 197 гг. Статер № 16 чеканен этим же штемпелем Ав.

№ 19 (197 г.). Известны тип и оба штемпеля. Штемпель Ав. использовался в 198 и 200 гг.

№ 20 (197 г.). Известны тип и штемпели, но до настоящего времени не было зафиксировано использование этого штемпеля Ав. в 197 г. Он был в работе в 193, 194 и 195 гг. Рв. чеканен общим штемпелем с № 21.

№ 21 (197 г.). Известны тип и оба штемпеля. В другие годы использование штемпеля Ав. не зафиксировано. Рв. чеканен общим штемпелем с № 20.

№ 22 (197 г.). Известны и тип, и штемпели. Штемпель Ав. использовался и в следующем, 198 г. Статер № 26 чеканен этим же штемпелем Ав.

№ 23 (198 г.). Известны тип и оба штемпеля. Использование штемпеля Ав. в другие годы не зафиксировано.

№ 24 (198 г.). Известны и тип, и штемпели. Штемпель Ав. использовался в 203 г.

№ 25 (197 г.). Известны и тип, и оба штемпеля. Штемпель Ав. был в работе и в следующем, 199 г. Им же отчеканен Ав. статера № 27.

№ 26 (198 г.). Известны тип и штемпель Ав., им же отчеканен Ав. статера № 22. Штемпель Рв. публикуется впервые.

№ 27 (199 г.). Известны и тип, и штемпели. Штемпель Ав. использовался и ранее, в 198 г.

Из 20 монет Савромата II, представленных в кладе, один тип статера (№ 8) публикуется впервые. Впервые же публикуются штемпели реверсов монет № 8, 11, 14, 26. до этого не фиксировалось использование штемпелей аверсов монет № 8 и 14 соответственно в 187 и 194 гг. Монеты I и II периодов⁸ в кладе отсутствуют.

⁸ Зограф А.Н. Античные монеты // МИА. 1951. № 16. С. 204.

№	Год			Вес (г)	Соотношение осей (ч)	Диаметр (мм)	Проба	Тип	ЛИТЕРАТУРА*				
	Б.Э.		Н.Э.						ШТЕМПЕЛИ			Примечания	
									Аб		Рб		
									использование в этом году	использование в другие годы			
2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13		

ЕВПАТОР

1	ВNY	452	155	7,77	12	18,5	550	Палица – ВNY Ан. – табл. 23, 531 З. – табл. XI, VIII, 2 Фр. НЭIX – табл. 1, 5–8 Fr. – pl. XXIV, 11–18	Ан. – табл. 23, 531 Фр. НЭ.IX — табл. I, 6–8 Fr. – pl. XXIV, 11–16	–	Фр. НЭIX – табл. I, 5–7 Fr. – pl. XXIV, 11–15
2	ZNY	457	160	7,71	12	19	600	Палица – ZNY Ан. – табл. 23, 536 Гол. – табл. V, B1 Фр. НЭX – табл. II, 11 Fr. pl. XXV, 14, 15	Ан. табл. 23, 536 Гол. – табл. C, B1 Фр. НЭ.IX — табл. II, 11 Fr. – pl. XXV, 14, 15	161 г. Fr. – pl. XXV, 25	Гол. табл. V, B1
3	ZNY	457	160	7,83	12	18	550	Без дифферента, ZNY, копье Ан. – табл. 23, 536 Фр. НЭX – табл. II, 10 Fr. – pl. XXV, 13	–	–	–
4	ΘNY	459	162	7,72	11	18	500	Палица – ΘNY Ан. – табл. 23, 538 Фр. НЭIX – табл. III, 7–9, 17–18 Fr. – pl. XXVI, 4–10, 18–19	Фр. НЭ.IX — табл. III, 9 Fr. – pl. XXVI, 8	–	Ан. – табл. 23, 538 Фр. НЭIX – табл. III, 9 Fr. – pl. XXVI, 8

5	ӨНҮ	459	162	7,79	11	18,5	480	Без дифферента -ӨНҮ, копые Ан. – табл. 23, 5386 Фр. НЭХ – табл. I, 4–6, 10, 13–16 Fr. – pl. XXV, 39, 40 pl. XXVI, 1–3, 11–17, 20,22	Фр. НЭ.IX — табл. III, 16 Fr. – pl. XXVI, 17	–	Фр. НЭ.IX — табл. III, 16 Fr. – pl. XXVI, 17
6	ӨНҮ	459	162	7,85	10	18,5	480	Как № 5	Фр. НЭ.IX — табл. III, 4, 5 Fr. – pl. XXV, 39, 40, pl. XXVI, 1, 2	–	Фр. НЭ.IX — табл. III, 5 Fr. – pl. XXVI, 2
7	АЭҮ	461	164	7,67	12	18	550	Без дифферента – АЭҮ Ан. – табл. 24, 540а Бур – табл. XXIX, 196 Фр. НЭ.IX –табл. IV 6 18, 19, – табл. V, 9 Fr. – pl. XXVII, 9–12, 23, 27	Фр. НЭ.IX — табл. V, 9 Fr. – pl. XXVII, 23	–	Фр. НЭ.IX — табл. V, 9 Fr. – pl. XXVII, 23

САВРОМАТ II

8	ΔПҮ	484	187	7,60	1	18,5	450	Без дифферента – ΔПҮ, копые	–	186, 189, 190 гг. Ан. – табл. 25,564 Гол. – табл. V, Б2. Fr. – pl. XXIX, 39, 41 pl. XXX, 16, 20, 30–32	–	–
9	СПҮ	485	188	7,72	12	18,5	350	Палица – ЕПҮ Ан. – табл. 25, 566 Fr. – pl. XXX, 5–9, 11–14	Fr. – pl. XXX, 6–9	190 г. Fr. – pl. XXX, 33	Fr. – pl. XXX, 13	
10	ЃПҮ	486	189	7,77	12	18,5	300	Без дифферента – ЃПҮ звезда Ан. – табл. 25, 567 Бур. – табл. XXIX, 205 Fr. – pl. XXX, 15, 17–19	З.ВДИ. С. 293. Рис. 26 № 10	187, 188 г. Ан. – табл. 25, 565 Fr. – pl. XXX, 17, 19, 24	Fr. – pl. XXX, 18	

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
11	ЃПУ	486	189	7,73	1	18	350	Без дифферента – ЃПУ точка Анох. – табл. 25, 567a Fr. – pl. XXX, 16, 20	Fr. – pl. XXX, 18, 21, 25	186, 188, 190 г. Fr. – pl. XXIX, 34, 40, pl XXX, 10, 26, 27	–	
12	ӨПУ	489	192	7,70	2	19	350	Без дифферента – ӨПУ, точка Fr. – pl. XXX, 37	Fr. – pl. XXX, 36, 37	–	Fr. – pl. XXX, 37	
13	АҚҮ	491	194	7,70	11	19,5	350	Палица – АҚҮ Ан. – табл. 25, 512 Гол. – табл. VI, А3 Fr. – pl. XXXI, 13, 14	Ан. – табл. 25, 572 Гол. – табл. VI, А3 Fr. – pl. XXXI, 13, 14	–	Ан. – табл. 25, 572 Fr. – pl. XXXI, 25	
14	АҚҮ	491	194	7,69	12	19	300	Без дифферента – АҚҮ, звезда Ан. – табл. 25, 572a Бур. – табл. XXX, 209 Fr. – pl. XXXI, 19, 20	–	192, 193 гг. Ан. – табл. 25, 5706 Лун. – с 212, № 1 Fr. – pl. XXX, 38, 39, pl. XXXI, 6, 7	–	
15	АҚҮ	491	194	7,66	12	19,5	350	Без дифферента – АҚҮ трезубец Ан. – табл. 26, 572в Fr. – pl. XXXI, 15, 16, 21–24	Ан. – табл. 26, 572в Fr. – pl. XXXI, 21–24	195 г. Fr. – pl. XXXI, 27, 28	Fr. – pl. XXXI, 24	
16	ВҚҮ	492	195	7,63	11	17,5	350	Палица – ВҚҮ Ан. – табл. 26, 573 Fr. – pl. XXXI, 26	Fr. – pl. XXXI, 26	196, 197 гг. Гол. табл. VI, А4 Fr. – pl. XXXI, 36, 37 pl. XXXII, 13–14	Ан. – табл. 26, 573 Fr. – pl. XXXI, 26	Чеканен обцим штемпелем А с № 18
17	ГҚҮ	493	196	7,80	1	19	400	Без дифферента – ГҚҮ, звезда Ан. – табл. 26, 574a Fr. – pl. XXXII, 1–4	Fr. – pl. XXXII, 1–4	193–197 гг. Ан. табл. 25, 571a. Fr. – pl. XXXI, 10–11 pl. XXXII, 21, 21a	Fr. – pl. XXXII, 1–2	

18	ГҒУ	493	196	7,67	12	18	350	Палица – ГҒУ Ан. табл. 26, 574 Гол. табл. VI, А4 Fr. – pl. XXXI, 36, 37	Гол. – т. VI, А4 Fr. – pl. XXXI, 36, 37	195–197 гг. Fr. – pl. XXXI, 26, pl. XXXII, 13, 14	Ан. – табл. 16, 574 Гол. – табл. VI, А4 Fr. – pl. XXXI, 36, 37	Чеканен общим штемпелем А с № 16
19	ΔҒУ	494	197	7,77	1	18	350	Палица – ГҒУ Ан. – табл. 26, 575 Гол. – табл. VI, А5 Fr. – pl. XXXII, 11–14	Ан. – табл. 26, 575 Гол. – табл. VI, А5 Fr. – pl. XXXII, 11–12	198, 200 г. З. ВДИ, с. 295, № 23 Fr. – pl. XXXII, 34 pl. XXXIII, 11, 36	Ан. – табл. 26, 575 Гол. – табл. VI, А5 Fr. – pl. XXXII, 11–14	
20	ΔҒУ	494	197	7,74	11	18,5	350	Без дифферента – ΔҒУ, звезда Ан. – табл. 26, 575а Fr. – pl. XXXII, 8, 21, 21а	–	193–195 гг. Fr. – pl. XXXI, 5, 19, 20, 29, 30	Fr. – pl. XXXII, 8	Чеканен общим штемпелем R с № 21
21	ΔҒУ	494	197	7,80	11	18,5	350	Как № 20	Fr. – pl. XXXII, 8	–	Как № 20	Чеканен общим штемпелем R с № 20
22	ΔҒУ	494	197	7,67	1	18	350	Без дифферента – ΔҒУ, трезубец Ан. – табл. 26, 575б Гол. – табл. VI, А6 Fr. – pl. XXXII, 9, 10, 15, 16, 18–20	Гол. – табл. VI, А6 Fr. – pl. XXXII, 16, 18–20	198 г. Fr. – pl. XXXIII, 15– 18	Гол. – табл. VI, А6 Fr. – pl. XXXII, 20	Чеканен общим штемпелем А с № 26
23	ЄҒУ	495	198	7,72	11	19	400	Без дифферента – ЄҒУ, точка Ан. – табл. 26, 576а Fr. – pl. XXXIII, 6, 10	Ан. – табл. 26, 576з Fr. – pl. XXXII, 28, 29 pl. XXXIII, 6–8	–	Ан. – табл. 26, 576а Fr. – pl. XXXIII, 7, 8	

(Продолжение таблицы)

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
24	ЄҚҮ	495	198	7,82	11	18	370	Без дифферента – ЄҚҮ, полумесіц Ан. – табл. 26, 576e З. – табл. XLIX, 4 З.ВДИ – с. 295, № 19 Fr. – pl. XXXII, 22–24, 35, 36; XXXIII, 13, 22, 25	З.ВДИ – с. 295, № 19 Fr. – pl. XXXII, 35, 36	203 г. – Fr. – pl. XXXIV, 11	Fr. – pl. XXXII, 35, 36	
25	ЄҚҮ	495	198	7,81	11	18	350	Без дифферента – ЄҚҮ, трезубец Ан. – табл. 26, 576d Fr. – pl. XXXII, 32, 33; XXXIII, 15–20, 27	Fr. – pl. XXXII, 32, 33	99 г. Ан. – 26, 577φ Fr. – pl. XXXIII, 26, 29, 30, 33	Fr. – pl. XXXII, 32, 33	Чеканен обцим штемпедем А с № 27
26	ЄҚҮ	495	198	7,82	11	18	400–450	Как № 25	Fr. – pl. XXXIII, 26, 29, 30, 33	197 г. Гол. – табл. VI, A6 Fr. – pl. XXXII, 16, 18–20	–	Чеканен обцим штемпедем А с № 22
27	БҚҮ	496	199	7,81	18	19	370	Без дифферента – БҚҮ, трезубец Ан. – табл. 26, 577a Fr. – pl. XXXIII, 28–30, 32–34	Ан. – табл. 26, 577a Fr. – pl. XXXIII, 26, 29, 30, 33	198 г. Fr. – pl. XXXII, 32, 33	Ан. – табл. 26, 577a Fr. – pl. XXXIII, 29–30	Чеканен обцим штемпедем А с № 25
РЕСКУПОРИД (211–226 гг.)												
28	ВІФ	512	215	7,72	11	19	330	Палица – ВІФ Ан. – табл. 30, 632a Фр. НЭ. XIII – табл. II, 16, 17 Fr. – pl. XLV, 14, 15	Ан. – табл. 30, 632a Фр. НЭ. XII – табл. II, 16 Fr. – pl. XLV, 14	–	Фр. НЭ. XIII – табл. III, 12	Чеканен обцим штемпедем А с № 29

29	ВІФ	512	215	7,53	11	18	350	Как № 28	Как № 28	–	Фр. НЭ. XIII — табл. II, 17 Fr. — pl. XLV, 15	Чеканен общим штгемпелем А с № 28
30	ВІФ	512	215	7,74	1	19	350	Без дифферента – ВІФ звезда Ан. – табл. 30, 632в Б. – табл. XXXI, 259 Фр. НЭ XIII – табл. II, 20; III, 1–4, 8, 13–15, 19 Fr. — pl. XLV, 18–22, 26, 31–33, 37–40	Фр. НЭ. III — табл. 7, 8, 17 Fr. — pl. XLV, 25–26, 35	211–214 гг. Ан. – табл. 30, 628а Фр. НЭ. XIII — табл. I, 3–5, 16; II, 7–9, 13; III, 7, 8, 17		
31	ГІФ	513	216	7,76	1	19	330	Без дифферента – ГІФ, звезда Ан. – табл. 30, 633г Фр. НЭ. XIII — табл. IV, 8, 9, 12, 18 Fr. — pl. XLVI, 9, 10, 14, 17	Ан. – табл. 30, 633г Фр. НЭ. XIII — табл. III, 2, 4–6, 19, 20 Fr. — pl. XLVI, 14	215 г. Ач. – табл. 30, 631а Fr. — pl. XLV, 21–24, 39, 39	Fr. — pl. XLVI, 14	

*В таблице приняты следующие сокращения:

Ан. – Анохин В.А. Монетное дело Боспора. Киев, 1986.

Бур. – Бурачков П. Общий каталог монет, принадлежащих эллиническим колониям, существовавшим в древности на северном берегу Черного моря, в пределах нынешней Южной России. Одесса, 1884.

Гол. Голенко К.В. Монеты из раскопок Нимфея 1939–1970 гг. // НЭ. 1974. XI.

З. – Зограф А.Н. Реформа денежного обращения в Боспорском царстве при Савромате II // ВДИ. 1938. № 2.

Лун. – Лунин Б.В. Археологические находки 1935–1936 годов в окрестностях станиц Тульской и Даховской близ Майкопа // ВДИ. 1939. № 3.

Фр. НЭ. IX – Фролова Н.А. Монетное дело Боспорского царя Евпатора // НЭ. 1971. IX.

Фр. НЭ. XIII – Фролова Н.А. Монетное дело Рескупорида III (211–226 гг. н.э.) // НЭ. 1980. XIII.

Fr. — Frolova N.A. The Coinage of the Kingdom of Bosphorus A.D. 69–238 // BAR. I.S. 56. Oxf., 1979.

РЕСКУПОРИД

№ 28 (215 г.). Известны и тип, и штемпели. Использование штемпеля Ав. в другие годы не известно.

№ 29 (215 г.). Известны и тип, и штемпели. Использование штемпеля Ав. в другие годы не известно.

№ 30 (215 г.). Известны тип и штемпель Ав. Он использовался в 211, 212, 213 и 214 гг. Штемпель Рв. не известен.

№ 31 (216 г.). Известны и тип, и штемпели. Штемпель Ав. использовался и в 215 г.

Таким образом, все четыре экземпляра статов Рескупорида являются известными типами. Впервые публикуется только штемпель Рв. монеты № 30.

Учитывая, что с 215 г. начинается подъем в чеканке электровых статов и то, что в кладе монеты после 216 г. не представлены, следует, что формирование состава клада было завершено в 216 г. или в ближайшее последующее время. Уровень исследованности городища не дает возможности связать сокрытие клада с какими-либо конкретными событиями, происходившими здесь в это время. Возможно, что настоящий клад был сокровищем, выпавшим из обращения в результате ухудшения качества металла статов или вследствие других не известных нам причин.

THE TREASURE OF ELECTRUM BOSPORAN STATERS FROM NIZHNEGNILOVSKOYE SITE

V.V. Yatsenko

The article presents a publication of a treasure of electrum Bosporan staters (II—III B.C.) found in 1958 on the territory of Nizhnegnilovskoye site in Rostov-na-Donu. The treasure contains coins of 3 Bosporan kings: Eupator (154—170 A.D.), Sauromates II (174—210 A.D.) and Rheskuporis (211—226 A.D.). The treasure can be dated within 155—216 A.D. It is the second treasure of such kind found in Rostov region, the first one also comes from Nizhnegnilovskoye site.

The article contains an analyse of coins' stamps with the references to earlier publications which results in exposure of one new type of Sauromates II stater and several stamps yet not mentioned by scholars.

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

© 1993 г.

Р.Ш. Шарма

ПЕРЕХОД ОТ ДРЕВНОСТИ К СРЕДНЕВЕКОВЬЮ В ИНДИИ

Понятие «новая история» нам более или менее ясно: оно ассоциируется с капитализмом в развитых странах и с колониализмом — в развивающихся. Сложнее обстоит дело с понятием «средневековье», которое не может быть тождественным для Азии и Европы. Для Западной Европы средние века соответствуют периоду господства феодальных отношений, продолжавшемуся примерно с VI по XIV в. Однако не во всех неевропейских странах в доколониальный период существовал феодализм. Понятие «древность» еще более сложно. Если мы отвлечемся от первобытности, древняя история охватывает эпоху примерно с середины IV тыс. до н.э. до V в. Первоначально в «древний мир» включали только Грецию и Рим. Теперь мы должны принимать во внимание также такие цивилизации бронзового века, как Крит, Египет, Месопотамия, Элам, Индия, Центральная Азия, Китай и т.д. Очень сложно дать единую концепцию культур бронзового века и античности и определить общие черты древности. В классической Греции и Риме рабство составляло господствующий способ производства, а переход к средневековью может рассматриваться как переход от рабовладельческого общества к феодальному. Последнее формируется на основе взаимодействия разлагавшегося рабовладения с первобытным способом производства, существовавшим у германцев в период их вторжения в Римскую империю¹.

В Индии нельзя обнаружить аналогичные перемены в социальных отношениях и культуре, так как здесь не было ни господства рабовладельческих отношений, ни вторжений иноземцев. Но и в Индии между IV и VII веками произошли существенные сдвиги в экономике, общественном устройстве и пр. Констатируя эти изменения, мы не должны упускать из виду и элементы, общие для древности и средневековья: государственные институты, сословно-кастовые структуры, патриархальный характер семьи. Основой земледелия продолжало оставаться использование плуга с железным лемехом, сохранялись те же методы изготовления керамики, строительства и т.п. Справедливо это и в отношении ряда ритуалов реформаторских движений или *бхакти*. И все же несмотря на преемственность существуют очевидные различия между двумя периодами — до и после VII в.

Обычно гранью между древностью и средневековьем в Индии считается начало правления мусульманских династий. Такие известные ученые, как Р.Д. Банерджи, Р.Ч. Маджумдар, К.А. Нилаканта Шастри и Р.С. Трипатхи, доводят изложение истории древней Индии до 1206 г. Эта точка

¹ Anderson P. Passages from Antiquity to Feudalism. L., 1974. P. 18.

зрения основана на схеме, принятой когда-то в английской историографии, согласно которой история Индии делится на индусский, мусульманский и британский периоды. В основном она сохранена и Индийским Историческим Конгрессом, который события до 1206 г. включает в раздел древней Индии. Таким образом, древняя Индия отождествляется с «индусской», а средневековая — с «мусульманской». Старшее поколение индийских историков, как исповедовавших индуизм, так и ислам, придавало столь большое значение мусульманскому правлению в Индии, что практически отождествляло его со средневековьем. Но если рассматривать мусульманское господство как признак средневековья в Индии, то в Турции, Египте, Ираке, Иране, Пакистане, Индонезии и других странах надо признать вечный феодализм, а индуистский Непал, видимо, так и останется в эпохе древности. Но как тогда быть с понятием «средние века» в тех странах, где вовсе не было мусульманских завоеваний?

Порою язык источников принимают в качестве основы для выделения нового периода индийской истории. Начало его связывают с тем временем, когда арабские и персидские тексты приобретают большее значение, чем санскритские. Но как же можно историческую эпоху определять по распространенности того или иного языка? История отдельной страны, региона или целого субконтинента в любой период реконструируется на основе анализа текстов на совершенно различных языках. Историки постоянно сталкиваются с многообразием языков и источников, именно это разнообразие делает исключительно сложным восстановление истории древней Индии. Мы должны изучать не только ведийский и классический санскрит вместе с пали и пракритами, но также греческие, латинские, иранские и китайские источники. Если язык источников рассматривать как критерий для периодизации, то в новой истории Индии придется выделять не менее двух дюжин периодов. Язык — лишь форма, которую не стоит смешивать с содержанием.

Но какой же тогда критерий следует принять для разграничения древности и средневековья в Индии? Будет ли правильно установить водораздел исключительно на основе политических и династийных перемен? Если брать их за основу, то в качестве рубежа новой эпохи можно взять 646, 712, 750, 916, 985, 1174, 1206 или 1325 г., однако ни одна из этих дат не знаменует коренных перемен в экономике или социальной структуре. Процессы перехода от одной эпохи к другой — в политике, экономике, общественной жизни и культуре — требуют долгого времени для своего вызревания, они не могут быть обозначены точной датой. Тем не менее, следует определить, в какие хронологические рамки они укладываются.

«Политическая история древней Индии» Х.Ч. Райчаудхури заканчивается падением Гуптской империи, но автор не приводит никаких аргументов в пользу своего решения довести период древности именно до VI в. Вероятно, он находился под влиянием периодизации европейской истории, которую преподавал много лет. Утверждается, что после падения Гуптской империи страна на столетия потеряла политическое единство — но это еще недостаточное основание для того, чтобы говорить о конце древности. Установление власти Маурьев или Гуптов над значительной частью страны не делало древность временем устойчивого политического единства, да и средние века не были периодом постоянной раздробленности. Несмотря на то, что Маурьям удалось образовать централизованное управление по образцу эллинистических государств, сложности в средствах сообщения должны были ограничить эффективный контроль Маурьев лишь областью среднего течения Ганга. Гуптская же держава была еще меньше, а центральная власть значительно слабее. Кроме того,

в гуптский период заметна феодализация государственного аппарата, которой не было при Маурьях.

Главным фактором, который, в конечном счете, превратил древнеиндийское общество в средневековое, была практика земельных дарений. Почему же сложилась эта практика? Грамоты говорят, что дарители, обычно цари, желали приобрести религиозную заслугу, а получатели, чаще всего монахи и жрецы, нуждались в средствах для осуществления религиозных обрядов. Но в действительности эта практика возникла по причине серьезного кризиса, который поразил производственные отношения, лежавшие в основе социального строя древности. Базисом варнового общества был труд крестьян, именовавшихся *вайшьями*, и работников — *шудр*. Собираемые с *вайшьев* налоги позволяли царям платить жалованье свои чиновникам и солдатам, вознаграждать жрецов, покупать предметы роскоши и другие изделия у купцов и ремесленников. Но в III—IV вв. эту систему постиг глубокий кризис. Пуранические тексты того времени содержат жалобы на то, что социальные классы (варны) пренебрегают исполнением своих обязанностей. Низшие сословия претендовали на статус и обязанности высших. Иными словами, они отказывались платить подати и выполнять трудовые повинности. Это приводило к «смешению варн» (*varṇasamkara*). Границы между варнами нарушались, поскольку трудящиеся массы страдали от высоких налогов и обложений, не имея защиты со стороны царей. Подобное состояние дел, именуемое термином «Калиюга», описывается в тех частях *пуран*, которые датируются III—IV вв.²

Для преодоления этого кризиса принимался ряд мер. «Законы Ману» рекомендуют не разрешать *вайшьям* и *шудрам* уклоняться от исполнения своих обязанностей. Это могло означать принудительные меры. Но более важным средством для урегулирования ситуации было дарение земли. Подобная практика имела то преимущество, что тяготы взимания налогов и поддержания порядка на пожалованных территориях возлагались на получателей дарения. Они могли на месте разбираться с непокорными крестьянами. Благодаря земельным пожалованиям начинали возделываться и новые земли. Кроме того, внедрение *брахманов* в завоеванные области, населенные первобытными племенами, способствовало тому, что последние приобщались к культуре и приучались подчиняться царю и платить ему налоги.

Процесс феодализации берет свое начало с земельных дарений брахманам в I в. Хотя в эдиктах Ашоки говорится о различных религиозных и административных вопросах, никакие земельные дарения в них не упоминаются. Древнейшие эпиграфические свидетельства о земельных дарениях относятся к I в. до н.э. Но в них еще нет речи о передаче получателю земли административной власти. Впервые это было сделано правителем из династии Сатаваханов Гаутамипутрой Шатакарни. Земля, подаренная им буддистам, определялась как *arṇavesyam* (т.е. «свободная от поста царских войск»), *anāvatasyam* («в дела которой не вмешиваются государственные чиновники») и *arāṣṭrasamvīnauīkam* («не подлежащая ведению местной полиции»)³.

С середины IV в. становятся обычным явлением подобного рода гра-

² Sharma R.S. The Kali Age: A Period of Social Crisis // Indian History and Thought: Essays in Honour of A.L. Basham / Ed. S.N. Mukherjee. Calcutta, 1982. P. 186—203; *idem*. Sūdras // Ancient India. 2nd ed. Delhi, 1980. P. 233—239; *Yadava B.N.S.* The Accounts of the Kali Age and the Social Transition from Antiquity to the Middle Ages // Indian Historical Review. V. № 1—2. 1978.

³ Sircar D.C. Select Inscriptions Bearing on Indian History and Civilization. V. I. 2nd ed. Calcutta, 1965. P. 198—199.

моты о пожалованиях *брахманам*. Последним передаются все источники доходов, а также полицейские и административные функции. В грамотах II в. говорится о том, что царь отказывается от контроля над добычей соли — это означает сохранение ряда иных поступлений в казну. Однако в Бераре правители из династии Вакатаков жалуют все источники доходов, включая пастбища, рудники и добычу древесного угля, солеразработки, трудовые повинности, все клады и сокровища⁴. Еще более существенно то, что даритель отказывается и от прав по управлению населением на пожалованных территориях. В гуптский период отмечено, по меньшей мере, шесть случаев дарения деревень крупными феодалами *брахманам*, причем от населяющих их крестьян и ремесленников требуется не только уплата податей, но и повиновение новым хозяевам. В двух других дарственных содержится требование к правительственным чиновникам (*sarvādhyakṣa*), регулярным войскам и «носителям зонтов» не причинять никакого беспокойства *брахманам*⁵. Все это является несомненным свидетельством передачи государством административных прав получателю дарений. В надписях V в. правитель обычно еще сохраняет за собою право карать воров, что является одной из основных функций государственной власти, но в позднейшее время он предоставляет получателю дарения право наказывать за преступления против семьи, собственности, личности и т.п. Таким образом, землевладельцы получали права налогообложения и принуждения, что и привело к появлению нового источника власти.

Земельные владения обычно давались навечно — пока существует луна и солнце, что предполагает распад государства. Дарения, предоставляемые *брахманам* за их религиозные и духовные заслуги, создавали политические центры, недоступные и неприкосновенные для царской администрации. По всей видимости, права по сбору податей передавались и светским лицам, хотя прямых свидетельств тому совсем немного. Все говорит о том, что устройство Гуптского государства коренным образом отличалось от Маурийского: Мегасфен, II и III книги «Артхашастры» и надписи Ашоки показывают, что государственные чиновники учитывали и собирали налоги, определяли трудовые повинности, контролировали рудники, земледелие и пр., а также поддерживали соблюдение законности и порядка (хотя, возможно, все это ограничивалось лишь центральной областью, охватывавшей равнину в среднем течении Ганга). Позднее шаг за шагом все эти функции были переданы сначала *брахманам*, а затем и другим крупным землевладельцам.

Каутилья предусматривает учет всех домохозяйств с фиксацией числа жителей и размера принадлежащей им собственности. Это делалось явно для того, чтобы определить объем имущества, подлежащего налогообложению, и оценить размер трудовой повинности в пользу государства. Начиная с гуптского периода государство передало владельцам земельных дарений, по крайней мере, часть функций по сбору налогов — и это сделало перепись ненужной. Такой вывод можно сделать из сведений китайских паломников V—VII веков. Сообщая об условиях в Мадхьядеше, которая составляла самый центр Гуптской империи, Фа-сянь говорит: «Они не должны регистрировать свои хозяйства или обращаться к каким-либо должностным лицам и следовать их предписаниям»⁶. Аналогичным образом пишет и Юань-цзан: «Так как правительство великодушно, официальные претензии редки. Семьи не подлежат регистрации, а народ — трудовым повинностям»⁷.

⁴ *Ibid.* P. 432—434.

⁵ *Sharma R. S. Politico-Legal Aspect of the Caste System // Journal of Research Society. XXXIX. Pt. III. 1953. P. 325.*

⁶ *Beal S. (trans.). Travels of Fah-hsian and Sung-Yun. L., 1969. Ch. HVI. P. XXXVII.*

⁷ *Watters T. On Yuan Chwang's Travels in India. Delhi, 1961. P. 176.*

Эти два сообщения показывают, что государство не было озабочено ни прямым сбором податей с крестьян, ни строгим соблюдением своих распоряжений. Многие из этих функций явно принадлежали неким посредникам между теми, кто обрабатывал землю, и правительством: одни из них могли быть лицами, получившими земельные пожалования с религиозной целью, другие — светскими вассалами. Характерна терминология дарственной грамоты из Гунайгхара, принадлежащей Вайньягупте (507—508 гг.), правителю значительной части Бенгалии. Его чиновник (*dūta*) носит титулы «Великий царь» (*mahārāja*), «великий вассал» (*mahāsāmanta*), «градоначальник» и т.д.⁸ Явно исполнительские, военные и полицейские функции были переданы вассалу или захвачены им. Аналогичные процессы, кажется, имели место в VI в. в Северной и Западной Индии. В грамотах Харшавардханы титулы *sāmantamahārāja* и *mahāsāmanta* принадлежали высокопоставленным чиновникам. Все это определенно указывает на феодализацию государственного аппарата.

В послегуптский период происходят значительные изменения в способе оплаты чиновников. Если полагаться на данные «Архашастры», в догуптское время все чиновники сверху донизу получали жалование наличными (от 48 тысяч 800 *пан* до 60 *пан*, а в некоторых случаях могла выплачиваться и жалкая сумма в 20 *пан*). Оплата наличными подтверждается находками огромного количества «клеяемых» монет, главным образом серебряных, относящихся к маурийскому периоду. Не было недостатка в монетах, особенно медных, и при Кушанах, которые начали к тому же массовый выпуск золотых монет. Больше всего монет принадлежит династии Сатаваханов. Судя по найденнымкладам, период со II в. до н.э. по III в. н.э. был в этом отношении особенно продуктивным⁹. Наличие значительного количества золотых монет Гуптов показывает, что высшим чиновникам, вероятно, платили наличными. Но Гупты выпускали очень мало медных монет, и в «Брихаспати-смирити», тексте, относящемся к VI в., рекомендуется за службу вознаграждать землей¹⁰. Во всяком случае, при Харшавардхане государственные служащие не получали жалования в денежной форме. Согласно Юань-цзуну, четвертая часть царских доходов предназначалась для оплаты высших чинов¹¹. Китайский паломник добавляет, что губернаторы, министры, магистраты и чиновники получали земельные наделы¹².

Царство Харшавардханы в Северной Индии или Паллаво и Чалукьев из Бадами в Южной Индии существенно отличалось от тех, что существовали в догуптский период. В последних весьма значительную роль играла бюрократия, которую оплачивали наличными. Несомненно, империя Маурьев была окружена множеством зависимых государств, по сути вассальных, но структуру государства в целом нельзя назвать феодальной. В гуптское время и позже за религиозные и административные услуги вознаграждение давалось в форме земельных дарений. Даже в центре исполнительная власть перешла к получателям пожалований или чиновникам, располагавшим правами на часть собранных ими налогов. Естественно, это ослабляло власть главы государства. О слабости центральной власти говорит и наличие нескольких столиц. Главный город-крепость (*durga*) считался одним из важнейших элементов государства. Но в раннем Средневековье царь мог иметь несколько столиц-резиденций (*skandhāvāra*). Крепости,

⁸ INQ. 1930. VI. P. 55.

⁹ Подробнее см. в подготовляемой к печати книге: *Sharma R.S. Paucity of Metal Money in India* с. 500 — с. 1000.

¹⁰ Цит. по: *Vyavaharamayūkha* / Trans. V. Kane, S.G. Patwardhan. Bombay, 1933. P. 25—27.

¹¹ *Watters*. Op. cit. P. 176.

¹² *Ibid.* P. 177.

явно предназначенные для защиты царей, вассалов и крупных землевладельцев от их соперников и от крестьян, стали характерной деталью раннесредневекового пейзажа¹³. Строительство укреплений получило еще большее распространение в период Делийского султаната.

В условиях новой политической системы царь в значительной мере лишился власти. В качестве компенсации происходило обожествление царя, и ему приписывались все возможные заслуги, в особенности военные. Надписи Ашоки, очевидно, тоже были призваны создать некий образ царя как миролюбивого правителя, который заботится о благе народа. Однако в них царя никогда не изображали в виде божества. В противоположность Ашоке в надписи Самудрагупты используются всяческие преувеличения для того, чтобы создать образ царя как великого завоевателя. Этому примеру следуют Чандра, Дхармапала и другие правители. В подобных надписях царь представляется непобедимым. С VII в. начинают возводить происхождение царей к Солнечной или Лунной династиям, чтобы таким образом придать правящему семейству ореол древности и знатности.

Схема общества, состоящего из четырех варн — *брахманов, кшатриев, вайшьев* и *шудр* — сохранялась, по крайней мере, до гуптского времени, и она не представляла собою чисто ритуальной иерархии. Любые установления, социальные или экономические, должны были учитывать эту модель. В раннем средневековье место *кшатриев* заняли *раджпуты*. Термин *раджанья* упоминался еще в «Ригведе», а затем неоднократно и в других ведийских текстах, но при описании варнового строя в дхармасутрах его постепенно заменило слово *кшатрий*. В средние века определенную социальную категорию обозначает слово *раджан*. Появление же вместо *кшатриев* *раджпутов* (*раджануптра*) может считаться новым явлением. При феодализме выросло значение войн, и мы можем обнаружить различные категории воинов и правителей, ведущих свое происхождение от аборигенов, индоариев или народов Центральной Азии; даже некоторые *брахманы* брались за оружие. Все вместе эти воины и правители составили сословие, выполнявшее роль *кшатриев* — именно их и называли *раджпутами*. Однако это не значит, что самая категория *кшатриев* и связанные с нею представления потеряли свою значимость. Утверждалось, что понятие *раджа* и *кшатрий* тождественны. Правящие династии раннего средневековья претендовали на происхождение от Солнечной и Лунной династий для того, чтобы узаконить свое положение в глазах народа. Фабрикация родословных — характерная черта средних веков. Родословные использовались в качестве идеологического оружия, чтобы внушать благоговение массам, воспитанным на легендах, собранных в «Рамаяне», «Махабхарате» и *пуранах*, которые прославляли необыкновенные деяния древних правителей Солнечной и Лунной династий.

Для того, чтобы получать ренту и другие блага, держатели земельных владений должны были сдавать участки в обработку. И-цзин (VII в.) утверждает, что большинство монастырей, владеющих землей, обрабатывает ее при помощи слуг и т.п. Он добавляет, что монастыри предоставляют землю и быков, а получают обычно 1/6 урожая¹⁴, т.е. столько, сколько обычно взимало государство. (Впрочем, в отличие от монастырей, государство не обеспечивало земледельцев рабочим скотом.) Вероятно, непосредственные производители были не рабами или наемными работниками, как в маурийскую эпоху, а арендаторами, отдававшими земле-

¹³ Sharma R.S. Indian Feudalism. Appendix II.

¹⁴ Takakusu T. (transl.) A Record of the Buddhist Religion as Practised in India and the Malay Archipelago by I-tsing. Oxf., 1896. P. 61.

владельцам часть урожая. Юань-цзан говорит¹⁵ о *шудрах* как о земледельцах, а это означает, что они не только обрабатывали землю — это бывало и прежде, но также арендовали ее. Во всех более ранних источниках в качестве земледельцев выступали явно только *вайшьи*. Ранние *дхармашастры*, «Архашастры» Каутильи и другие тексты показывают, что *шудры* были, главным образом, безземельными тружениками, занятыми в сельском хозяйстве в качестве рабов или батраков, обслуживавших лиц из более высоких варн. Поскольку земля была основным объектом налогообложения, а *шудры* не владели ею, государство не взимало с них податей. Каутилья говорит о *шудрах-земледельцах*¹⁶ лишь в тех поселениях, которые были основаны государством на новых землях. Кроме Юань-цзана *шудр* как земледельцев впервые определяет Асахая, комментатор, живший в VII в.¹⁷ Следовательно, в VII в. аренда земли получила распространение среди широких масс населения, которое в большинстве своем было *шудрянским*. Это произошло на давно уже освоенных территориях Северной Индии и до известной степени напоминает процесс, происходивший в Европе, — превращение рабов в крепостных. Как и почему в Мадхьядеше *шудры-рабы* и сельскохозяйственные рабочие превратились в земледельцев-арендаторов, можно понять в свете кризиса производственных отношений, характерного для Калиюги.

В районах, населенных племенами, земледельцы были поставлены в зависимость от получателей религиозных дарений, прежде всего брахманов, которые с V—VI вв. стали получать дарственные грамоты в широких масштабах. Хотя наиболее ранний пример передачи *испольщиков* вместе с землей встречается в надписи Паллаво из Андхры III в., в остальных и горных районах Ориссы, Декана и т.п. в надписях начиная с VI в. крестьянам и *испольщикам* предписывалось оставаться на передаваемых землях¹⁸. Эта практика позднее распространилась и на Мадхьядешу, где найдены две надписи VII в. (составленные от имени Самудрагупты), в которых содержится требование к ремесленникам и крестьянам не покидать пожалованную деревню и не переселяться в другие, свободные от уплаты податей. В последующее время это стало довольно обычным явлением, и о пожалованных деревнях говорилось так: «с имуществом и населением» (*dhana-jana-sahita; janatā-samṛddha; sagrativāsijana-sameta*)¹⁹. Так создавались условия для замкнутой экономики.

Система, когда ремесленники обслуживают крупных и мелких землевладельцев и получают плату дважды в год во время сбора урожая, вероятно, также появилась примерно в VII в. В двух земельных грамотах, составленных в это время от имени Самудрагупты, говорится о прикреплении к земле налогоплательщиков — ремесленников и земледельцев, живших в пожалованной деревне. Подобные крестьяне могут рассматриваться как полукрепостные, поскольку им запрещено переселяться. Позднейшие примеры такого же рода встречаются, в частности, в надписях из Ориссы и восточной части Мадхья Прадеша. Грамоты, приписываемые Самудрагупте, доказывают прикрепление ремесленников в таких развитых районах, как Наланда и Гая. Ремесленникам, вероятно, платили натурой во время сбора урожая или же им давали на содержание земельные наделы. Подобная система теперь хорошо известна благодаря трудам по социальной антропологии.

¹⁵ *Watters*. Op. cit. P. 168.

¹⁶ Сочетание *śūdrakaṣaka* (II.1) может означать также «шудры и земледельцы».

¹⁷ *Nārada Smṛti*. Commentaries. I. 181.

¹⁸ *Sharma*. Indian Feudalism. P. 54—56.

¹⁹ *Idem*. Social Changes in Early Medieval India. Delhi, 1969. P. 4.

С VI в. начался упадок торговли. Торговые отношения с западной частью Римской империи прекратились уже в III в., а торговля шелком с Ираном и Византией затихла в середине VI в.²⁰ Индия поддерживала кое-какой товарообмен с Китаем и Юго-Восточной Азией, но прибыль от него захватывали арабы, действовавшие в качестве посредников. В доисламский период арабы практически монополизировали экспорт из Индии²¹. Упадок торговли с VI в. наглядно демонстрируется тем, что в течение трехсот лет практически отсутствуют золотые монеты и редки другие типы денежного обращения (главным образом, в Северной Индии, но также и в Южной).

Угасание торговли привело к упадку городов²², процветавших в Западной и в Северной Индии при Сатаваханах и Кушанах. Немногие из них продолжали преуспевать и в гуптскую эпоху, а после Гуптов большинство торговых центров Северной Индии были разрушены. Раскопки показывают, что некоторые города в Харьяне и Восточном Пенджабе, Пурана Кила (Дели), Матхура, Хастинапура (округ Мирут), Шравасты (Уттар Прадеш), Каушамби (возле Аллахабада), Раджгхат (Варанаси), Чиранд (округ Саран), Вайшали и Паталипутра клонились к упадку в гуптский период, но перестали существовать большей частью уже в послегуптское время. Китайский паломник Юань-цзан посетил некоторые города, которые считались священными, поскольку были связаны с жизнью Будды, но нашел их совершенно опустевшими и разоренными. Из-за ограниченности рынка сбыта, ремесленники и торговцы, жившие в этих городах, уходили в сельскую местность и начинали заниматься земледелием. Одна из надписей свидетельствует о том, что в конце V в. шелкоткачи с западного побережья Индостана переселились в Мандасор (Малва), оставили свое занятие и освоили другие профессии. Вследствие упадка торговли и городов деревенские жители должны были сами удовлетворять свои потребности в производстве железа и тканей, добыче соли, получении масла, пряностей и т.п. или же пользовались еженедельными ярмарками. Это способствовало появлению небольших производственных единиц, каждая из которых удовлетворяла лишь собственные нужды.

Способ производства, который сложился в результате распространения земельных дарений и упадка городов — причем то и другое связано с социальным кризисом Калиюги — порождает замкнутую, самодостаточную экономику. К. Маркс находил в ней типичную связь ремесла и сельского хозяйства на низовом уровне и рассматривал эту черту как главную причину экономической стагнации. Подобный тип экономики определялся как «азиатский способ производства». Но в действительности речь идет об основной характеристике феодальной экономики и прежде всего в ее классической фазе, когда еще трудно найти те силы, которые способствовали бы ее разложению. Но если производственные отношения организованы как феодальные, они порождают многочисленные конфликты по поводу владения землей — это явно может стать фактором социальных и экономических перемен. Во всяком случае, если «азиатский способ производства» — то же самое, что экономика и общество, не способные к развитию, то подобная характеристика неприложима к средневековой Индии. А тот способ производства, который рассматривается как «азиатский», на самом деле являлся феодальным.

²⁰ *Idem.* Urban Decay in India (c. 300 — c. 1000). New Delhi, 1987. P. 135—138.

²¹ *Varadrajana L.* Indian Participation in Trade of the Southern Seas circa 9th to 13th centuries // Typescript Paper Submitted to International Seminar on Indian Ocean. New Delhi, 1985.

²² См. об этом: *Sharma R.S.* Urban Decay in India (c. 300 — c. 1000). Ch. 2—5.

«Азиатский способ производства» предполагает наличие сельской общины, не знающей социальной дифференциации, так что семьи обладают более или менее одинаковыми участками земли. Может быть, это и применимо к каким-нибудь племенным сообществам, которые сообща владеют землей и другими природными ресурсами, но совершенно не имеет отношения к деревням, упоминаемым в жалованных грамотах и литературных источниках. С гуптского периода сословно-кастовая дифференциация, основанная на функциональных и ритуалистических различиях, углубилась благодаря новому расслоению, причиной которого явились владение землей и распоряжение деревенскими делами. В различных частях Северной Индии можно обнаружить возвышение класса состоятельных крестьян, именовавшихся mahattara. Они неоднократно упоминались в дарственных грамотах, адресованных не только разным кастам, проживающим в деревне, но и «старейшинам». Эти старейшины имели высокий статус и играли важную роль в деревенском управлении. Современный термин mahto, который имеет значение «глава», происходит от древнего mahattara. Теперь этот титул носят представители разных каст — высших и низших — и он показывает, что когда-то их предки пользовались влиянием в своих деревнях. А затем титул стал переходить ко всем потомкам разросшегося семейства — уже без учета их реального состояния и общественного статуса.

С гуптского периода надписи упоминают также земледельцев, именуемых термином kutumbin. Вероятно, он не имеет санскритской этимологии и происходит от праkritского корня kuḍ²³. Интересно, что термин kuḍi означает одновременно меру площади и сосуд для поднятия воды из колодца или другого водоема. В дравидийских языках есть термин kuḍimāi для поземельного налога²⁴. Возможно, kuḍi имеет какое-то отношение к kulya, что означает меру зерна (откуда происходит мера земельной площади — kulyavāra). Следовательно, кутумбины были явно связаны с измерением земли и с ирригацией, были земледельцами. По происхождению своему кутумбины могли относиться как к индоариям, так и к дравидам. От самого термина kutumbin происходят названия многих земельных каст, таких, как kurmiś и koeris Бихара и Уттар Прадеша, kunbis Махараштры и Гуджарата. Многие из них, вероятно, относились к шудрам, которые стали главными налогоплательщиками во времена средневековья. Таким образом, выясняется, что кроме получателей жалованных грамот или царских людей, собиравших налоги либо ренту в сельской местности, появились два слоя: верхний составляли махаттары, нижний — кутумбины. Конечно, высшую ступень в сельской иерархии занимали те, кто получил землю от царя. Подобная структура преобладала в Северной и Западной Индии, а также в значительной части Декана и Восточной Индии.

Средневековье отмечено появлением принудительного труда (viṣṭi), налагаемого на жителей деревни в целом. Простой народ был обязан трудиться на строительстве водоемов, хотя один из царей II в. и утверждал, будто освободил население Саураштры от этой повинности. Многие надписи из Центральной Индии, Махараштры и Гуджарата говорят о том, что царь или его вассал требовали выполнения трудовой повинности от деревенских жителей. Следует пояснить, что в этих регионах трудовая повинность крестьян обычно не включала обработку господских полей; речь идет о строительстве дорог, дворцов, крепостей и т.п., а также о помощи транспортными средствами для армии или царских чиновников. Но в Южной Индии ситуация кажется иной. Термин veṭṭi, очень часто используемый

²³ Chand M. Jain Sanskrit Mahākāvyaṃ men Bhārtiya Samāj. Delhi, 1989. P. 134—142.

²⁴ Tirumalai R. Land Grants and Agrarian Reactions in Cola and Pāndya Times. Madras, 1987. P. 5—6.

в земельных грамотах Чолов²⁵ и Пандьев, а также других южноиндийских династий, в Андхре и в иных частях Южной Индии, может означать низший слой сельскохозяйственных работников, которые трудятся за гроши и прокорм. Расслоение среди крестьянства Южной Индии ярко демонстрируется наличием класса *vellals*, т.е. состоятельных земледельцев. Благодаря системе пожалований не только на Севере, но и на Юге была создана иерархическая лестница землевладельцев — посредников между царем и теми, кто обрабатывал землю. При Чолах наверху этой лестницы находился царь, затем тот, кто получил от него землю, далее — арендатор. Последний, в свою очередь, передавал землю субарендатору, а тот отдавал для обработки исполщикам. Таким образом, в средние века произошло очень явное социальное-экономическое расслоение и дарственные грамоты с IV по VII в. отчетливо показывают данную тенденцию.

Раннее средневековье в Индии демонстрирует резкий рывок в развитии и распространении земледелия. Частично это происходило вследствие упадка городов, в которых жили солдаты и чиновники, ремесленники, торговцы, *брахманы* и проч. Надписи свидетельствуют о переселении *брахманов* из городов в сельскую местность. Очевидно, ремесленники, покидавшие города, приносили в деревню технологические навыки. Широко распространилась технология обработки железа, и в средние века его использовали в огромном количестве. Железные орудия труда сделали возможным изготовление большого числа памятников бронзовой скульптуры, и бронза этого времени намного превосходит количеством и качеством то, что было в хараппскую эпоху. Железо стало использоваться не только с утилитарными целями. Примером может служить железная колонна (в Мехраули), воздвигнутая для прославления побед царя Цандры. Этой традиции следовал и ряд раджпутских правителей.

Кроме широкого использования железа можно отметить то, что в Индии, по видимому, в VII в. появилось персидское колесо для подъема воды (*arahaṭṭa*)²⁶. С IX в. оно стало популярно в Раджастане и распространилось на значительных территориях Северной Индии. На периферии, в частности, в Южной Индии, стали использовать пруды (*танка*) и научились возделывать рис на залитых водою полях. Все это способствовало расширению территорий, освоенных для сельского хозяйства, о чем свидетельствует появление огромного числа государств на окраинах и создание на полуострове Индостан многочисленных податных единиц, называемых *paḍu*.

Труд Арьябхатты, созданный в 499 г., является показателем прогресса математики и астрономии. Он содержит весомый вклад в тригонометрию²⁷, с помощью которой могли быть измерены все виды земельных участков, подлежащих дарению, наследованию или оценке с целью получения ренты либо податей в гуптский и послегуптский периоды. Познания такого рода могли быть полезны также для разного рода обмеров при возведении храмов и дворцов, любой инженерной работы. Арьябхатта использует ноль и десятиричную систему²⁸. Но позиционная система счисления не получила сколько-нибудь значительного распространения в Индии. Лишь после того как через арабов с ней познакомились на Западе, итальянские купцы X в. стали использовать ее для ведения бухгалтерского учета²⁹. Тот факт, что Индия мало участвовала в торговле в период между VI и X веками, возможно, следует сопоставить с тем обстоятельством, что здесь не обратили внимания на изобретения ноля и десятиричной системы.

²⁵ *Shanmugam P.* The Revenue System of the Choias, 850—1279. Madras, 1987. P. 16.

²⁶ *Bose D.M. and others* (ed.). A Concise History of Science in India. New Delhi, 1971. P. 609 f.

²⁷ *Ibid.* P. 92—95, 165—166, 609.

²⁸ *Ibid.* P. 165.

²⁹ Этой информацией я обязан Гунакару Мулею.

Более точные знания в области измерений, а также агро-астрономических вычислений стали возможны благодаря достижениям в алгебре, сделанным Брахмагуптой в первой половине VII в.³⁰ Варахамихира, младший современник Арьябхатты, написал трактат «Брихат-самхита» в VII в.; его классификации растений и животных соответствуют той значимости, которая придавалась сельскохозяйственным знаниям. Излагаемые им правила для определения места строительства дома связаны с основанием в тот период новых деревень. Равным образом наблюдения Варахамихиры над временами года и климатом могли быть полезны для земледельческого календаря. Он подчеркивает, что подобные наблюдения должны периодически обновляться, так как время постоянно меняется. Мы можем добавить, что в раннем средневековье стали придавать важное значение обязанностям астронома-астролога (*juotiṣī daivajna*)³¹, что видно по ряду дарственных грамот на землю. Во многих частях страны жрец-астролог стал участником деревенской системы натурального взаимообеспечения (*джаджмани*).

Производственные отношения, складывавшиеся с гуптского периода, отличаются от существовавших прежде. Абсолютно неравное распределение земли позволило получателям дарений жить на ренту, получая различные продукты и услуги от крестьян, у которых изымалась значительная часть доходов. Прежде эти излишки в основном собирали царские чиновники — теперь же их получали те лица, которым была пожалована земля. Хотя в производственных отношениях изменение очевидно, то же самое вряд ли можно утверждать в отношении средств производства и в особенности в отношении воспроизводства рабочей силы. Воспроизводство самих работников, трудовых резервов имеет особую значимость для экономики и общества. В древности это обеспечивалось брачными правилами и семейными обычаями, согласно которым члены нижних варн — *вайшьев* и *шудр* — были относительно свободны в браке и разводе. До известной степени пользовались свободой и их жены. Для поддержания социального неравенства высшие варны ввели в брачную практику различные ограничения, которые сделали их привилегированными слоями в противоположность *вайшьям* и *шудрам*, составившим, соответственно, массы крестьян и работников. Древние брачные правила сохранялись в неприкосновенности ради продолжения воспроизводства рабочей силы. Однако среди высших классов в средние века распространилось многоженство. Чтобы сохранить свою чистоту и высокий социальный статус, последние поощряли такие обычаи, как самосожжение вдов (*sati*) и детские браки, порицали вторичное замужество вдов, а также левират (*niyoga*).

Как это ни странно, распространение обычая выделять приданое способствовало неравенству в распределении земли. Джайнские поэмы показывают, что в княжеских семьях приданое давалось часто и жених приобретал многочисленные деревни с домашней прислугой обоего пола, а также ремесленниками³². Кажется, в высших слоях общества «дарение земли» шло рука об руку с «дарением девицы». Поэтому практика «дарения девицы» способствовала образованию новых производственных отношений.

С VI в. социальной структуре Индии произошел ряд перемен. В Северной Индии, в долине Ганга, *вайшьи* рассматривались как свободные крестьяне, но земельные грамоты создали класс лендлордов между царем

³⁰ *Bose and others*. Op. cit. P. 166.

³¹ В отдельных частях страны, особенно в Конкане, календарь (*pancāṅga*) принимают во время ежегодных процессий, и иногда бывают споры относительно ритуальных притязаний на него.

³² *Chand*. Op. cit. P. 504—506.

и земледельцами — и потому вайшьи уподоблялись *шудрам*. Литературные тексты начиная с гуптского периода демонстрируют тенденцию объединять *вайшьев* и *шудр*. Так менялся старый брахманский порядок.

Этот видоизмененный строй из центральной части Северной Индии, из Мадхьядеша, распространялся по Бенгалии и Южной Индии в результате земельных дарений *брахманам*. Многие из последних прибыли туда в V—VI вв. и позднее — естественно, здесь речь шла, главным образом, о *брахманах* и *шудрах*. Появление *раджпутов* стало заметным фактором политической и социальной истории Индии начиная с VII в., а в Бенгалии и полуостровной части страны такая же роль была уготована *брахманам-землевладельцам*. В ранее освоенных регионах традиционная теоретическая четырехварновая схема не соответствовала феодальным общественным порядкам, порожденным неравным распределением земли и военной власти. В VI в. начались попытки согласовать новые феодальные ранги со старыми ритуальными. Более ранние тексты содержат многочисленные правила о хозяйственной деятельности лиц разных варн. А в VI в. Варахамихира дает предписания о размерах домов, основываясь не только на том, к какой варне принадлежит хозяин дома, но и на том, из какой он категории знати. Подобная тенденция ясно заметна и в позднейших средневековых сочинениях по архитектуре.

Характерной чертой социального развития Индии примерно с VII в. является то, что множится количество каст. «Брахмавайварт-пурана», текст VII в., насчитывает 100 каст³³, включая 61 касту, упомянутую у Ману, а «Вишнудхармоттара-пурана»³⁴, текст примерно VIII в., утверждает, что от связей женщин из варны *вайшьев* с низкастовыми мужчинами произошли тысячи «смешанных каст». На самом деле, образование все новых и новых каст затронуло и *брахманов*, и *раджпутов*, но более всего — *шудр* и неприкасаемых. Характерное для феодального общества стремление считаться знатностью происхождения, деревенская замкнутая экономика, препятствующая социальной мобильности — как в профессиональном, так и в территориальном плане — все способствовало появлению многочисленных каст. Гильдии ремесленников, которые засвидетельствованы в эпиграфике с I в., постепенно превратились в касты вследствие отсутствия мобильности в послегуптскую эпоху. Племена были включены в индустское общество путем завоеваний и широкой раздачи земель. Культурное взаимодействие происходило в широких масштабах и в значительной мере способствовало появлению новых разновидностей *шудр* и так называемых «смешанных каст», а племенные божества были включены в пантеон индуизма.

В VI—VII вв. мы замечаем самое начало формирования региональных культур Андхры, Ассама, Бенгалии, Гуджарата, Карнатака, Кералы, Махараштры, Ориссы, Раджастанхана, Тамилнада и т.д. Гурджары, большими массами переселившиеся в Индию, в VI в. основали различные царства в Раджастанхане и Гуджарате и положили начало образованию будущей «страны Гурджаров». Раджпуты, которые появились вследствие слияния местных племен и ассимиляции гуннов и других иноземцев, создали почву для подъема Раджастанхана. Складывание регионального культурного самосознания может быть прослежено и в других частях страны. Бенгалия делилась на две основные области: Гауда и Ванга, по имени последней позднее получил название и весь регион. Субнациональные группы фиксируются как в местных, так и в иноязычных источниках. О нескольких народностях Индии говорит Юань-цзан. «Мудраракшаса» Вишакхадатты отмечает, что в от-

³³ Brahmakhaṇḍa. X. 14—136.

³⁴ Ibid. II. 81—82.

дельных регионах население различается по одежде, языку и обычаям³⁵. «Кувалаямала», джайнский текст VIII в., указывает на существование 18 основных народностей и описывает антропологические черты 16 народов, отмечая их психологические особенности и цитируя слова из их языков³⁶. Таким образом, VI век представляется неким водоразделом в этнической истории Индии³⁷.

VI—VII века одинаково примечательны в истории индийских языков и литератур. Санскрит продолжал быть в употреблении у представителей правящего класса на высших административных уровнях. Но в связи с появлением новых социальных слоев придворных и вассалов различного уровня (*саманта*), имевших склонность к пышности, тщеславию и блеску, санскритская проза и поэзия претерпела явные изменения. Литературные произведения стали изобиловать метафорами, образами, эпитетами и наречиями, которые затрудняют понимание действительного смысла того, что автор хотел бы поведать. Типичным примером может служить проза Баны. В поэзию было введено и разработано множество размеров, чтобы соответствовать требованиям нового стиля — витиеватого, многословного, высокопарного. Образцы его встречаются как в эпиграфике, так и в литературе. Господство земельных магнатов в обществе обеспечило успех искусственного стиля в поэзии и прозе, а элитарные авторы своими сочинениями расширяли пропасть между лендлордами и крестьянами.

Средневековый период отмечен созданием большого количества комментариев к древним текстам на санскрите, пали, пракритах — в основном они датируются периодом с V по XVIII в. (хотя продолжают создаваться и поныне). Комментировались не только *дхармасутры* и *смрити*, но также грамматика Панини, *грихьясутры*, *шраутасутры*, *шулбасутры*, медицинские и философские тексты и т.п. Комментарии к палийским сочинениям называются *aṭṭhakathā*, а к пракритским — *curni*, *bhāṣya* и *piṅyukti*. Комментарийская литература весьма усилила авторитарную тенденцию в интеллектуальной жизни, но к повторению старого в немалой степени добавлялось и новое. Все это делалось для того, чтобы сохранить и приспособить к новым условиям сложившиеся патриархальные, классовые и государственные порядки. Для удовлетворения потребностей раннесредневекового общества в VII—IX вв. было создано немало *дхармашастр*. Чтобы подчеркнуть преемственность и сделать более авторитетными свои сочинения, многие авторы называли себя *Vṛddha-manu* («Древний Ману») или *Bṛhat-parāśara* («Великий Парашара») и т.п. Комментарии наряду с *шастрами* помогали увековечить основы социального неравенства и приспособить право и ритуал к новым социальным градациям, возникшим в результате неравного распределения земли и власти. Комментарии и сборники цитат (*нибандхи*) делали упор на преемственности, а господствующей тенденцией средневековья была ограниченность мысли, соответствующая ограниченной, замкнутой экономике. Характерно, что несмотря на контакты с европейцами в XVI в. нет ни единого примера, чтобы кто-либо в Индии изучил европейские языки, освоил книгопечатание или какую-либо иную европейскую технологию³⁸.

Представляется, что с VI в. частым явлением стали поземельные споры. Для того, чтобы вынести решение по тяжбам, касающимся земельных участков, приводилась тщательная аргументация — кажется, это и привело к совершенствованию логики. До V в. логика не была достаточно

³⁵ Hillebrandt A. (ed.) Pt I. Breslau, 1912. P. 103.

³⁶ Цит. по: Ганковский О.В. Народы Пакистана. М., 1974. С. 103.

³⁷ Там же.

³⁸ Это подсказал мне проф. Сурендра Гопал.

развитой дисциплиной. «Нья-сутра», по-видимому, была составлена около 400 г.³⁹ В ней говорится о четырех доказательствах (*прамана*), состоящих в непосредственном ощущении, логическом выводе, сравнении и свидетельстве. Подробно обсуждалась проблема подлинного и мнимого знания, аспекты каждого вида доказательства рассматривались в деталях⁴⁰. Хотя техника ведения дискуссии разрабатывалась в теологических спорах, она не могла развиваться безотносительно к поэмельным тяжбам⁴¹.

Еще более существенно, что примерно в VII в. от апабхрамша стали отделяться языки, ставшие основой новоиндийских: хинди, бенгали, раджастхани, гуджарати, маратхи и других. Хотя и нелегко определить время появления региональных языков, буддийские религиозные тексты школы ваджраяна из Восточной Индии позволяют считать, что прото-бенгальский, прото-ассаи, прото-ория, прото-майтхили и прото-хинди восходят к VII в.⁴² Аналогичным образом джайнские пракритские тексты дают возможность проследить до того же времени истоки гуджарати и раджастхани. Между восточноиндийскими и западноиндийскими языками изначально заметно несходство, но развитие лингвистических различий ускорилось в VI—VII вв., главным образом, из-за того, что не было значительных миграций и межобластного общения. Контакты ограничивались преимущественно военными походами и переселениями монахов и *брахманов* из Северной Индии на периферию, где они получали земельные пожалования. Первые оказались эфемерными, а вторые имели серьезные последствия. Благодаря брахманам в районах расселения аборигенных племен санскрит взаимодействовал с субстратом в виде арийских и доарийских диалектов. Это и способствовало появлению местных языков. *Брахманы*, переселявшиеся из центральной области Индии, обогатили словарный запас региональных языков. Они способствовали также развитию и систематизации местных диалектов, превратившихся в самостоятельные языки благодаря использованию письменности, а затем и грамматики, испытавшей влияние санскритской.

Местный элемент в языке был усилен и изоляцией многочисленных податных и политических единиц, образовавшихся в результате умножения числа государств и феодальных княжеств. В каждом случае правящий класс, включавший царских людей, имел глубокие корни на данной территории. На ослабление связей между различными регионами в VI—X вв. указывает упадок межрегиональной торговли, о чем свидетельствует то, что в этот период чеканилось очень мало монет. Наличие множества княжеств, слабое развитие торговли и межрегионального общения создали благоприятные условия для формирования начиная с VI—VII вв. местных языков.

Появлению региональных языков сопутствовало и введение местных шрифтов. От Маурьев до Гуптов письмо переживало изменения лишь под действием времени, и эпиграфист, овладевший гуптской разновидностью шрифта брахми, может читать надписи, происходящие из любой части страны. Но начиная с VII в. местные варианты написания становятся столь значительными, что для чтения надписей необходимо изучать несколько шрифтов. Конечно, разновидности алфавита возникают в результате изоляции отдельных регионов и появления писцов, получивших образование в данной области и используемых там же для нужд преподавания и управ-

³⁹ Она содержит цитаты из нескольких буддийских произведений примерно III или IV в. См.: *Vidyabhūṣana S.C. A History of Indian Logic*. Delhi, 1988. P. 46.

⁴⁰ *Dasgupta S. A History of Indian Philosophy*. V. I. Delhi, 1975. P. 332—360.

⁴¹ *Ibid.* P. 360—366.

⁴² Шахидулла считает, что некоторые *чарьяпада* составлены не позднее VII в. См.: *Bloch J. L'Indo-Aryen*. P., 1934. P. 15.

ления. Страна не знала политической власти на обширных территориях — как во времена Маурьев, Сатаваханов, Кушанов или Гуптов, чтобы повсюду ввести один и тот же тип письма. Появление государств в новых районах вызвало повсюду создание собственного штата писцов для ведения учета земли и пр., а также копирования религиозных текстов.

Появление местных школ скульптуры ознаменовало начало нового этапа в истории индийского искусства. Это становится особенно заметно с VIII в. Хотя возникновение таких стилей в VII в. объясняется особенностями местного самосознания и психологии, то, что сказано о причинах формирования региональных языков, применимо и в данном случае.

В средние века важную роль стали играть храмы, особенно в Южной Индии, где они служили центрами социальной, экономической и культурной жизни. Нет необходимости говорить о том, что храмы и монастыри, главным образом, и получали поддержку в виде земельных пожалований. Возник новый тип храмовой архитектуры: главное святилище теперь окружали более мелкие. Мы видим появление так называемой *райсауатана*, т.е. группы из пяти храмов. В подобном комплексе сооружений главный храм, где почиталось верховное божество, занимал центр, а четыре сооружения меньшего размера находились по четырем сторонам света, предназначаясь для второстепенных богов. Такой тип храмовой архитектуры соответствовал иерархии богов в пантеоне. И храмовая архитектура, и иконография следовали единой модели — социальной структуре феодального типа, основанной на владении землей.

Послегуптская иконография точно воспроизводит иерархию богов, которая отражает наличие общественной пирамиды. Вишну, Шива и Дурга представлены как верховные божества, господствующие над многочисленными богами — последние изображались в меньших размерах и ниже, в качестве вассалов и свиты. Великая Богиня-Мать с этого времени заняла особое место в иконографии, и ей придали доминирующее положение по отношению к другим, менее значительным персонажам. Формирование пантеона происходит в результате не столько религиозного синкретизма, сколько насильственного поглощения местных божеств или божеств низшего ранга. Иерархический принцип наглядно проявляется в организации шиваитских, джайнских и тантристских монастырей, которые могут подразделяться на несколько (до пяти) ступеней. Церемонии для посвящения в *ācāgā* (высший из этих рангов) практически совпадают с коронацией.

В первые века н.э. в религиозных ритуалах произошли существенные изменения. Домашний культ и так называемые *махаяджны*, которые возникли примерно в V в. до н.э. — одновременно с установлением мелких частных хозяйств, прочной семейной собственности на землю и чеканкой монеты — после II в. перестали соблюдаться. Хотя цари из династии Сатаваханов раздавали тысячи *каршанан* во время подобных жертвоприношений, в последующее время так поступали лишь немногие правители, а среди народа это и вовсе не практиковалось.

С другой стороны, развивалась система, при которой господину предлагали землю, прочее имущество и услуги, а взамен получали от него в качестве «милости» (*prasāda*) податные права, землю и охрану. В соответствии с этим появился и ритуал *пуджи* («почитания» богов), связанный с доктриной *бхакти* (преданности). Ранняя концепция *бхакти* ассоциировалась с идеей доли⁴³, хотя слово *bhakta* означает также «вареный рис». Во всяком случае, идея *бхакти* возникла в обществе, в котором царь и его

⁴³ О происхождении *bhakti* см.: Jaiswal S. Origin and Development of Vaiṣṇavism. 2nd ed. Delhi, 1981.

чиновники занимали очень важное место, а число богов было еще ограниченным. Раннесредневековое *бхакти* означало полную самоотверженность человека перед своим божеством, что стало отличительной чертой религии средневековой Индии, особенно на юге, с VII века. В *бхакти* нашла отражение полная зависимость средневековых арендаторов и полукрепостных от землевладельцев.

Пуджа и *бхакти* стали неотъемлемыми элементами тантризма, который возник в периферийных областях, населенных аборигенами, вследствие взаимодействия их с брахманами, переселившимися сюда в процессе крупномасштабных земельных пожалований. Брахманские права на землю должны были поддерживаться с помощью приспособления к племенным ритуалам и поклонения местным божествам, в особенности Богине-Матери. В V—VII вв. многие *брахманы* получили земли в Непале, Ассаме, Бенгалии, Ориссе, Центральной Индии и Декане, где примерно в это время появились тантрические тексты, святилища и ритуалы⁴⁴. На большей части Тамилнада широкое расселение *брахманов* происходило начиная с VIII в., а примерно в IX в. были составлены тексты тантрических *агам*. Тантризм проник в джайнизм, буддизм, шиваизм и вишнуизм и с VII в. удерживал свои позиции в течение всего средневековья. Тантре и астрологии, неразрывно связанным между собою, посвящены многочисленные средневековые рукописи.

Рост брахманского влияния, а также то, что собственность находилась в руках мужчин, постепенно приводили к преобладанию патриархальных начал над матриархатом. Этот процесс ускорился, когда храмы и *брахманы* стали получать земли на территориях, принадлежавших аборигенам. Кажется, среди племен последних женщинам принадлежала ведущая роль, но при новой аграрной системе и в связи с распространением железа и плужного земледелия они уступали ее мужчинам. С тем, чтобы добиться ассимиляции отсталых племен в феодальном брахманском обществе, в индуизме получила признание Богиня-Мать, занявшая почетное место в пантеоне. Таким образом, хотя в средние века матриархальные порядки теряли свои позиции в обществе, племена получили некоторую компенсацию в области религии и ритуала. Под влиянием тантризма культ богинь-матерей получил широкое распространение, а в реальной жизни в результате взаимодействия с брахманскими феодальными порядками женщины потеряли значительную часть своего влияния среди отсталых племен Индии.

Магические ритуалы, направленные на достижение материальных благ, излечение от болезней, от порчи людей, животных или имущества, зафиксированы еще в «Атхарваведе». Но теперь их официально поддерживали, поощряли и извращали образованные *брахманы* вместе со своими состоятельными клиентами. Средневековый тантрик действовал в качестве жреца, лекаря и астролога. Знать, правители и богачи предавались оккультизму, чтобы добыть эликсир жизни и золото, в то время как народ жил впроголодь.

Средневековое общество стали раздирать новые конфликты и противоречия. В древности социальный протест крестьян бывал направлен против царя и иногда его жреца, которых считали ответственными за все страдания подданных. Жаловались также на провинциальных наместников и бюрократов, обиравших народ. Есть сведения о конфликтах между варнами, когда *вайшьи* и *шудры* отказывались выполнять возложенные на них обязанности. При новых социальных и аграрных порядках возникли и новые типы конфликтов. В основном они касались земельной собственности.

⁴⁴ Sharma R.S. Material Milieu of Tantricism // Indian Society: Historical Probings. Essays in Memory of D.D. Kosambi / Ed. R.S. Sharma, V. Jha. 2nd ed. New Delhi, 1977. P. 175—189.

Видимо, распространенным явлением стали тяжбы между царем и получателями дарственных грамот, между самими владельцами дарственных и в особенности между ними и крестьянами. Споры происходили между храмами и жрецами, владевшими землею, с одной стороны, и светскими лицами, — с другой. Именно для их разрешения в «Нарада-смирти», а затем в нескольких других гуптских и послегуптских текстах было провозглашено верховенство царского указа над другими способами обоснования права собственности. Царский указ (*rājasāsana*) стал главным доказательством собственнических прав в случае поземельных споров между любыми сторонами, включая крестьян. Те же, кто пытался обосновать свои права, ссылаясь на религию, соглашения либо обычаи, оказывались в более невыгодном положении⁴⁵. Грамоты царей династии Палов показывают, что существовали особые чиновники типа *daussādhasādhanika*, призванные расправляться с непокорными элементами. Поскольку в Восточной Индии было значительное число *дуссадхов* («разбойников», по представлениям англичан), следует думать, что крестьяне и сельскохозяйственные рабочие находились в состоянии постоянной борьбы с теми, кто требовал от них ренты и выполнения повинностей. Для того чтобы погасить эти новые очаги конфликтов и пришлось вводить новые учреждения.

Несомненно, установление мусульманского, тюркского владычества привело к значительным переменам в социально-экономическом и политическом строе Индии. Но главные черты — такие, как феодальная организация государства, замкнутость экономики, умножение числа каст, формирование местных языков, шрифтов и школ в искусстве, религиозные идеи *бхакти* и тантризма, практика *пуджи* — все то, что получило развитие в средние века и сохранялось позднее, восходит к VI—VII вв. Равным образом выделение земельных владений на основной территории страны появилось в IV—VII вв., а преобладающим фактором стало в эпохи Делийского султаната и Великих Моголов. Речь идет не только о том, что называлось *икта*, *джагир*, *мансаб* и *мадад-и-мааш*, но и о *милк*, *инам*, *лакхарадж*, *назрана*⁴⁶ и т.п. Мусульманские правители также продолжали практику дарений *брахманам* и храмам (*брахмоттара*, *девоттара*). Усердно поддерживалась и старая комментаторская традиция, считавшая главным источником знания Откровение.

Поэтому можно считать, что в IV—VII вв. древнеиндийское общество находилось в переходном периоде. Существенные перемены появлялись в экономике, обществе, государственном устройстве, языке, письменности, религии и духовной жизни. Очень трудно связать воедино все эти линии развития, найти и объяснить их точки пересечения. Но проблема ждет своего решения: концепция средневековья и содержание этого понятия должны получить разъяснение. Начало периода следует определять не по событиям политической истории, по смене династий, а с учетом всех аспектов жизни, рассматривая их как единое целое.

FROM ANTIQUITY TO MIDDLE AGES IN INDIA

R.S. Sharma

The central factor that ultimately transformed the ancient Indian society into medieval society was the practice of land grants. This practice came into being because of a serious crisis that affected the production relations on which the ancient social order was erected.

⁴⁵ *Sharma R.S. Rājasāsana: Meaning, Scope and Application // Proceedings of the Indian History Congress. 37th Session. Calcutta, 1976.*

⁴⁶ Некоторые из этих терминов мне указал проф. Кеямуддин Ахмад.

Under new political system the king lost considerable authority. The great empires ruined. The dominance of landed magnates over the social hierarchy became evident from the post-Gupta age. This period was an important stage in the evolution of *varṇa* system — the social position of *śudras* changed: they became to be cultivators and tax-payers. Not only social and political structure of India in the second half of the I-st millenium A.D., but also Indian culture of that period can be considered as feudal.

© 1993 г.

А.А. Вигасин

ПЕРЕХОД ОТ ДРЕВНОСТИ К СРЕДНЕВЕКОВЬЮ. ДАННЫЕ САНСКРИТСКИХ ИСТОЧНИКОВ И ИХ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

(По поводу статьи Р.Ш. Шармы)

Рам Шаран Шарма — наиболее известный представитель целой школы индийских историков, автор нескольких монографий и многочисленных статей. Он был заведующим кафедрой истории Делийского университета, главой «Индийского совета по историческим исследованиям», президентом исторических конгрессов и главным редактором журнала «Indian Historical Review». Его книги пользуются заслуженной известностью в мировой индологии, обширный сборник статей опубликован недавно и на русском языке¹. Данная статья содержит в концентрированном виде основные выводы ученого, к которым он пришел в серии своих трудов — «Шудры в древней Индии», «Индийский феодализм», «Упадок городов в Северной Индии», «Политические идеи и институты в древней Индии» и многих других. Речь идет об общей концепции, которая вошла уже в практику преподавания — не только в университетах, но и в школах Индии. Знакомство с нею безусловно полезно с историографической точки зрения, а результаты исследований автора необходимо учитывать — соглашаясь с его оценками или полемизируя с ними

Сама постановка проблемы социально-экономического строя в древней и средневековой Индии у Р. Шармы близка к той, которая принята в отечественной индологии. Есть сходство и в конечном выводе — в наших учебниках концом древности обычно считается закат гуптской империи, а в эпохе средневековья находят господство феодальных отношений. Следует, впрочем, отметить и существенные особенности концепции Р. Шармы: он категорически не согласен с определением общественных отношений в древней Индии как рабовладельческих, а «социальными классами» считает варны (*вайшьи* предстают как свободные крестьяне-налогоплательщики, а *шудры* как наемные и подневольные работники).

При чтении работ индийского историка бросается в глаза, с одной стороны, некоторая экзотичность не только материала, но и самого хода рассуждений автора (например, о реальности периода Калиюги, когда царь перестал быть защитником подданных и произошло смещение варн). С другой стороны, нередко встречаются столь знакомые оценки и словесные обороты: о способе производства, классовых интересах и классовых

¹ Шарма Р.Ш. Древнеиндийское общество. М., 1987.

битвах. Безусловно, привлекательной стороной всех трудов ученого является проблемность. Р.Ш. Шарма не удовлетворяется формальной периодизацией исторического процесса — по династиям или по языку источников он ищет причинно-следственные связи, сущностные изменения. При этом свои теоретические рассуждения он стремится подкрепить материалом самых различных источников — не только литературных, но и археологических, нумизматических, эпиграфических.

Конечный вывод исследователя заключается в том, что период IV—VII в. был переломной, переходной эпохой. Тогда появилось множество новых явлений во всех аспектах индийской жизни: в экономике и политическом строе, в этнической карте страны, развитии науки, языков, письменности, литературы и искусства. Р.Ш. Шарма придерживается монистического взгляда на историю — он пытается показать, что все эти изменения, в конечном счете, вызываются сдвигами в системе производственных отношений. Последние он подробно и четко перечисляет.

Общие понятия исторической эпохи, феодальных отношений или средневековья на Востоке и Западе заслуживают особого разговора. Но какие бы ни выдвигались теории, прежде всего следует выяснить фактическую сторону дела, проверить надежность того материала, который используется для обобщений — на это сейчас и хотелось бы обратить внимание. Для древности основным литературным источником служит «Артхашастра» Каутильи (далее — КА). Я постараюсь по пунктам провести сопоставление картины, которая вырисовывается при анализе этого источника с «новыми явлениями», отмеченными Р.Ш. Шармой для периода IV—VII вв.

1. Во времена КА основные налогоплательщики считались принадлежащими к варне *шудр*. Об этом говорится неоднократно: царю рекомендуется приобретать земли, заселенные преимущественно людьми низшей варны, ибо с них он получит все виды доходов (VII.11.21). Местность считается идеальной, если ее жители — из низшей варны, т.е. *шудры* (VI.1.8). Тот же самый смысл имеет и указанный Р. Шармой пассаж II.1.2. Выражение *шудракаршакапрая* в II.1.2 совершенно тождественно *кармашилакаршако... авараварнапрая* в VI.1.8. В II.1.2 речь идет не о тождестве понятий *шудра* и «земледелец» и не о противопоставлении их, а о том, что по занятиям большинство населения области должно быть земледельцами, а по варновой принадлежности — *шудрами*. Следовательно, большая часть земледельческого населения признавалась *шудрами*. Даже повторяя традиционное определение занятий *шудр* как «услужение и ремесло», автор добавляет: «и хозяйство» (*вартта*) (I.3.8), что раскрывается чуть ниже как «земледелие, скотоводство и торговля». Не случайно поэтому и причисление *шудр* к числу ариев (III.13.1). Но таким образом рушатся сразу два постулата Р.Ш. Шармы: о *шудрах* эпохи древности как только о подневольных работниках и о том, что изменение их статуса происходит лишь в VII в. (свидетельство Юань-цзана).

2. Исследователь говорит о том, что в процессе развития феодализма выделяется, с одной стороны, зажиточная деревенская верхушка (*махаттары*), с другой, — простые земледельцы (*кутумбины*). Это явление также прослеживается в КА, где речь идет о том, что деревенские дела решаются среди «почтеннейших людей деревни» (*грамавриддха* — III.9.15). Аналогичные выражения употребляются и по отношению к отдельным профессиональным (и кастовым?) группам — «почтеннейшие из земледельцев и скотоводов» (III.9.11). Различие терминов (*махаттара* и *вриддха*), естественно, не может быть препятствием для отождествления самих явлений.

Можно привести и веские возражения против интерпретации термина *кутумбины*. Этимология этого слова абсолютно прозрачна — от *кутумба* (семья). *Кутумбин* — просто семьянин, обычно домохозяин, чаще

всего без всякой социальной определенности. Термин же *кутумба* (вероятно, действительно, не индоарийский) связан с *кути* (хижина, дом) и никакого отношения ни к «ведру», ни к «участку» (*кулья*, *кульявана*) не имеет.

3. Мнение Р.Ш. Шармы о том, что именно в послегуптское время частым явлением становятся поземельные споры, также вызывает возражения. Исследователь аргументирует свой тезис тем, что о поземельных тяжбах говорится в поздних *дхармашастрах*. Однако все основные понятия, связанные с продажей земли, межевыми спорами, правами землевладения и доказательством этих прав также сложились уже ко времени составления КА (см.: III.9 и III.16).

Весьма интересен вопрос, поставленный Р. Шармой, — о связи юридических текстов древней Индии и развития древнеиндийской логики. Однако решение его нам представляется иным, чем кажется автору. Еще в начале века, сразу же после открытия КА, Ю. Иолли отмечал, что в *дхармашастрах* и КА одни и те же понятия выражаются разными терминами. А.М. Самозванцев продемонстрировал это в отношении таких слов, как *агама* и *прамана*² (ассоциирующихся, впрочем, больше с теорией доказательства, чем с теорией собственности). В КА им соответствуют термины *свакарана* и *деша*. Терминология КА, очевидно, самостоятельна, в *дхармашастрах* же заимствуется лексика мимансы — школы философии и логики, занимавшейся интерпретацией ведийских текстов. Таким образом, изложение юридического материала в *дхармашастрах* испытывало влияние со стороны ритуалистической традиции, а не логика формировалась с целью более искусного обоснования собственнических прав на землю (как полагает Р. Шарма).

4. Известное правило «Нарада-смрити» о верховенстве царского указа над буквой *шастры* или обычаем давно стало предметом анализа индологов. Достаточно назвать работу Р. Ленга³. Интерпретация Р. Шармы, согласно которой имеются в виду лишь поземельные споры, совсем не кажется убедительной — речь, несомненно, идет об общем правиле. К тому же и правило это содержится уже в КА III.1.42—45 — следовательно, не может быть связано именно с послегуптской эпохой.

5. С точки зрения Р.Ш. Шармы до Гуптов в Индии не было частновладельческих деревень. Однако это прямо противоречит указанию КА IV.13.8 на «собственников» (или «хозяев, господ») деревень (*грамасвамин*). И в палийских текстах начала н.э. встречается синонимичное выражение *гамасамика*. Выше было отмечено, что идеальная сельская местность в КА (VI.1.8) характеризуется наличием покорного и трудолюбивого населения (*кармашилакаршака*), принадлежащего к шудрянской варне. С такой земли царь может получить много доходов. Но важно, чтобы эти доходы не были присвоены «господами» (*свамин*). Поэтому другими важнейшими чертами идеальной местности являются слабость, глупость, даже порочность этих «господ» (КА VI.1.8; Нитисара IV.7.54). *Свамин* Камандака заменяет на *найка*, а последнее комментатор Шанкарарья считает тождественным с *махаттара*. *Свамины* и *грамасвамины* в КА, во всяком случае, не были просто назначенными и легко сменяемыми государственными чиновниками. Они связаны именно с данной местностью и ее населением, составляя тот самый слой «посредников», которых Р.Ш. Шарма готов находить лишь в средние века.

Отмечается в источнике и явление абсентизма — владельцы полей «живут в другом месте», получая от поля в деревне доход (*бхога*) (III.10.15).

² Самозванцев А.М. Теория собственности в древней Индии. М., 1978.

³ Lingat R. Les Sources du droit dans le système traditionnel de l'Inde. P., 1967.

Речь идет, конечно, о сдаче земли в аренду, и тема взаимоотношений хозяина и арендатора, различных типов аренды и т.п. не раз затрагивается в КА. Поэтому не могут не вызвать удивления слова автора о том, что аренда появляется с развитием новых, т.е. феодальных производственных отношений.

6. Прекрасно известен автору КА и институт религиозных дарений земли типа (*брахмадея*) — III.10; II.1 и др. Отметим при этом, что ученым *брахманам* предоставлялись земли, свободные не только от уплаты налогов, но и от излишнего вмешательства властей (*адандакара* — II.1.7). Таким образом, речь идет как о податном, так и об административном и судебном иммунитетах. пожалование земли религиозным учреждениям и отдельным священнослужителям не кажется абсолютно новым явлением, которого не знала древность и которое возникло с феодализмом.

7. Р.Ш. Шарма почти не указывает свидетельства о земельных пожалованиях не-религиозного характера. Он лишь предполагает практику вознаграждения земельными наделами за службу. Между тем, в КА прямо говорится о том, что служащим разного ранга (*адхьякши*) выделяются участки без права заклада и продажи (II.1.7). И в той самой главе, которую Р.Ш. Шарма считает основным доказательством оплаты чиновников исключительно наличными, говорится: «пусть дает золото, а не деревню» (V.3.32). Таким образом, Каутилья, действительно, не рекомендует практику раздачи земель, но она была прекрасно известна в его время, а отнюдь не появилась в период IV—VII вв. Ссылаясь на китайского пилигрима, автор датирует гуптским временем вознаграждение служащих в виде одной четверти полученного дохода. Но и здесь мы видим прямое указание в КА V.3.1: «вознаграждение за службу царь пусть установит в размере четвертой части полученного дохода» (*бхритьякарма самудаяпадена*).

Значение приводимых здесь фактов можно было бы попытаться ослабить указанием на дискуссионность датировки КА. Однако сам Р.Ш. Шарма настаивает на том, что трактат относится к маурийской эпохе. Вместе с другими исследователями (Х. Шарфе, Т. Траутман) я склонялся бы скорее к датировке началом н.э. (хотя некоторые идеи, конечно, могли передаваться по традиции веками). Но во всяком случае, никто не может отрицать, что КА — источник на несколько столетий более ранний, чем «послегуптская эпоха», а следовательно, и все отмеченные явления — гораздо древнее, чем склонен думать Р.Ш. Шарма.

В эдиктах Ашоки и фрагментах Мегасфена материал по социально-экономической истории невелик. Именно поэтому для Р.Ш. Шармы так важен контраст между сведениями КА и «гуптских и послегуптских источников» — дарственных грамот, записок китайских паломников, поздних дхармашастр. Если же в КА отмечаются те самые черты, которые исследователь считает свидетельствами кардинальных перемен IV—VII вв., то исчезает твердая почва для противопоставления двух эпох.

Стоит обратить внимание и на то, как интерпретируются источники. В их трактовке у Р.Ш. Шармы нередко проявляется некий «наивный реализм». На чем, например, строится рассуждение об «умножении числа каст в послегуптское время? В *дхармашастре* Ману упоминается около 60 *джати*, а в одной из *пуран* около 100 — отсюда делается вывод о том, что количество *джати* за несколько веков увеличилось почти вдвое. Однако «Законы Ману» отнюдь не содержат результаты общендийской переписи (впрочем, как и *пурана*). Нигде не сказано, что здесь дан исчерпывающий перечень *джати* на время составления памятника. Мы видим в этом списке целый ряд народностей, известных индийцам — греки, китайцы, парфяне, саки, дравиды и т.д. Очевидно, его нетрудно было бы продолжить. Но для автора важно было иное — изложение основных принципов кастового

строю, а сами конкретные названия каст служили не более, чем примерами. Я не хочу сказать, что со временем число *джати* оставалось неизменным. Однако кажется опрометчивым вывод, будто те касты, которые впервые упомянуты в «Брахмавайвартапуране» еще не сложились во времена «Законов Ману».

С точки зрения автора книги «Шудры в древней Индии», варновая характеристика тех или иных общественных групп оставалась неизменной — менялось лишь их социально-экономическое положение. Однако хорошо известно, что в древнеиндийских источниках заметны значительные колебания, отнести ли те или иные *джати* к категории *шудр* или, скажем, неприкасаемых. Существовало и представление о наличии принципиально разных слоев среди низшей варны — *шудр* «чистых» и «нечистых», тех, кому позволительно жить в деревне, и тех, кто должен жить за ее пределами. Все это приводит к мысли о том, что варна уже в древности была оценочной категорией, не более, чем способом классификации реально существовавших каст-*джати*⁴. Поэтому мне кажется невозможным написание «истории *шудр*» — в источниках этим термином не всегда обозначается одно и то же. В поздневедийской литературе о *шудрах* говорят как о слугах и невольниках — в КА как об ариях и земледельцах-налогоплательщиках. Такую трансформацию Р.Ш. Шарма объясняет посредством аналогии с Римской империей — подневольным работникам дают участки земли. Я же не думаю, что последние *шудры* были прямыми потомками первых, просто большая часть податного населения стала причисляться не к *вайшьям*, а к *шудрам*.

Индийский исследователь склонен видеть в санскритской литературе непосредственное отражение реальности, а создание каждого текста увязывать с практическими потребностями времени. Так, классификации растений в «Брихат-самхите», по его мнению, связаны с потребностями агрономии, а ее «архитектурные» главы — с основанием новых деревень. Эти рассуждения должны казаться особенно убедительными тем читателям, которые не знакомы с соответствующими текстами *шастр*. Если внимательно ознакомиться, скажем, с «планом города», который изложен в КА (II.4), легко убедиться, что город по такому плану построить нельзя. В тексте содержится по существу лишь перечисление элементов того, что составляет понятие «город» (*дурга*) и некая иерархия этих элементов, выражающаяся в их пространственном размещении. Наиболее сакральные элементы занимают центр, затем север и восток, наименее «чистые» — запад и юг. Внутренняя координация разных схем при этом полностью отсутствует: *шудры*, скажем, занимают западную часть города, а некоторые ремесленники — восточную или южную, хотя все ремесленники считались *шудрами*. Но никто и не собирался строить такой город! Само «строительство» представляется лишь аналогом акта творения мира с соответствующим членением его на составляющие (как в «Пурушасукте» Ригведы)⁵. Эта «архитектура» напоминает скорее видения Иезекиила, нежели трактат Витрувия.

Но то, что справедливо в отношении «города» и одной из глав трактата, можно с уверенностью отнести и ко всей «Архашастре» как историческому источнику. Исследователи обычно находятся под впечатлением массы перечней, наименований должностей и детальных предписаний. Создается иллюзия некоего мощного, строго централизованного государства, где все чиновники-бюрократы получают жалование наличными со-

⁴ Vigasin A. «Mischkasten» im Mānava-Dharmaśāstra // Altorientalische Forschungen. 1990. Bd 17.

⁵ Vigasin A. «Town-planning» as depicted in Arthaśāstra // Vanijotih. Bhubaneshwar, 1988. V. 3.

гласно штатному расписанию. Этот историографический фантом, отождествляемый с Маурийской державой, присутствует и во всех построениях Р.Ш. Шармы. Представление о жесткой централизации Маурийской державы на основании анализа эдиктов Ашоки предложил пересмотреть Ж. Фюссман⁶, с которым солидаризировалась Р. Тхапар. Теперь и Р. Шарма признает, что объективные условия, существовавшие в III в. до н.э., делали невозможным эффективный контроль из центра над областями, находившимися за пределами Магадхи. Уже это существенно подрывает все здание его концепции. Но необходимо пойти дальше. Хистерман недавно обратил внимание на такое странное обстоятельство, как отсутствие в КА подлинного бюрократического механизма управления⁷. Сложившаяся в историографии концепция древнеиндийской государственности пересматривается в моих работах и в публикациях Д.Н. Лелюхина⁸. И речь идет не столько об отсутствии налаженной системы коммуникаций, сколько о самих основах власти, ее характере и способах реализации.

Лишь попутно отметим, что наши рассуждения, основанные на анализе КА, могут быть подтверждены и данными эдиктов Ашоки. Знаменитые объезды подвластных территорий в большей мере представляются ритуальной демонстрацией власти и милосердия, нежели средством реального контроля ситуации на местах. Самая суть маурийской державы не должна модернизироваться — речь идет о той стадии, когда делались попытки (и не всегда успешные) выйти за пределы чисто племенных княжений. Так можно ли здесь говорить о безграничной власти бюрократии?

Наконец, нельзя не остановиться на материале *пуран* о Калиюге. Эсхатологическая картина конца мирового периода весьма характерна для древнеиндийского мировоззрения. Речь идет о своего рода «перевернутом мире», где господствует анархия, хаос: жены не хранят верность мужьям, молодежь не почитает старших, жизнь людей катастрофически сокращается и сама природа демонстрирует злоешие приметы⁹. Эти образы призваны подчеркнуть идеалы социальной устойчивости, той традиционной иерархии, гарантом которой выступает царь-защитник. Идеи подобного круга встречаются в буддийской литературе и эпосе, известны они и Ашоке (и потому отнюдь не могут быть датированы III—IV вв.). Аналогичные представления отмечаются и в других странах — например, в Египте и Вавилонии.

В пуранических повествованиях, правда, делаются попытки связать Калиюгу с определенными историческими реалиями — встречаются упоминания греков, буддистов и других нечестивцев, которые осмеливаются рассуждать о религии и благочестии-*дхарме*. Но упомянутые реалии указывают как будто на послемаурийский, может быть, кушанский — никак не гуптский период.

Активно развивается в *пуранах* идея «смешения варн», т.е. нарушения главных основ, на которых держится общество: иерархии и замкнутости сословий. Иногда можно угадать, что скрывается за туманными намеками пророчеств: осуждение социальной мобильности, связанной с развитием городов и государств, появлением иноземцев. Интерпретация Калиюги,

⁶ Fussman G. Central and Provincial Administration in Ancient India // Indian Historical Review. V. 14. 1987—1988.

⁷ Heesterman J.C. The Inner Conflict of Tradition. Chicago — London, 1985.

⁸ См.: Вигасин А.А., Самозванцев А.М. Архашастра: проблемы социальной структуры и права. М., 1984. С. 145—154. Межгосударственные отношения и дипломатия на древнем Востоке. М., 1987. Ч. 5. С. 177—213; Лелюхин Д.Н. Структура древнеиндийского государства в первой половине I тыс. н.э. (По трактатам о политике). М., 1989.

⁹ Описание Калиюги теперь доступно в переводах на русский язык (История и культура древней Индии. М., 1990).

даваемая Р.Ш. Шармой, связана с общей концепцией, согласно которой переход от одной формации к другой происходит благодаря борьбе трудящихся на свои права. «Смещение варн» толкуется им как своего рода социальной революция, растянувшаяся на столетия. Согласиться с этой идеей и найти ей опору в источниках крайне трудно, а без обращения к Калиюге вовсе не видно того острого «социального кризиса», который будто бы и привел к формированию «нового способа производства». Характерно, что творцом этого способа производства исследователь объявляет царя, раздающего *брахманам* дарственные грамоты на землю. Роль последних, на наш взгляд, явно переоценивается автором.

В послегуптский период мы, действительно, обнаруживаем укрепление множества мелких местных династий. Они часто вовсе не были связаны кровным родством с прежней племенной знатью, но стремились обзавестись фальшивыми генеалогиями. Перестав нуждаться в центральной власти, местные правители вполне могли обойтись без всяких формальных пожалований. Жалованные грамоты, как правило, не создавали новых отношений, а порою даже и не закрепляли их. Акт «дарения» нередко призван был продемонстрировать права самого дарителя, а не служить подлинным основанием прав на землю получателя дара. Источнику нельзя верить на слово! Распад крупных держав был вызван, скорее, углублением социальной дифференциации и укреплением начал государственности на большей части территории Индостана, нежели гипотетическим кризисом и «борьбою *вайшьев*, отказывавшихся платить налоги».

В работе Р.Ш. Шармы, несомненно, поставлены очень важные проблемы и предложены идеи, дающие стимул к дискуссии. Условиями плодотворности обобщений остаются: во-первых, использование всех имеющихся данных, во-вторых, их интерпретация с полным учетом особенностей источников, той системы понятий, того языка, на котором он только и может отвечать на наши вопросы.

SOME PROBLEMS OF INTERPRETATION OF SANSKRIT TEXTS

(rejoinder to R.S. Sharma)

A.A. Vigasin

The author doubts about the arguments proposed by Prof. R.S. Sharma, and his interpretation of the Sanskrit texts. Arthasastra, e.g., considers *śūdras* as cultivators, aris and tax-payers and mentions «the owners of the village» (*gramasvamin*) too. This information cannot be dated so late as «post-Gupta age» or vewed as an argument in favour of «feudal» development of India during that period. There is no serious reason to consider the Mauryan state as «a centralised and bureaucratic empire». It is also very difficult to see in mythical evils of Kaliyuga («age of World-Decadence») a reflection of any real social crisis «in the system of production relations».

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

© 1993 г.

ОТРИЦАНИЕ НАСИЛИЯ В ВЕДИЧЕСКОМ РИТУАЛЕ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯ¹

Не так давно я присутствовал в Южной Индии, в Керале, при замечательном и даже выдающемся событии: при жертвоприношении, проводимом согласно предписаниям Вед. А спустя несколько дней после моего возвращения в Париж я получил приглашение от испанских антропологов и историков на семинар в Мадриде. Темой этого семинара была «тавромахия», *cogtide de togos*; вопрос стоял так: можно ли считать, что тавромахия — это обряд и своего рода жертвоприношение? Такая точка зрения весьма распространена. Я в тавромахии, в бое с быками, совсем не разбираюсь. Но меня пригласили в Испанию, потому что изучение ведического ритуала очень сильно и непосредственно повлияло на Гюбера и Мосса², когда они создавали свою классическую теорию жертвоприношения.

Оба эти обстоятельства — ритуал в Керале и семинар в Мадриде — были толчком, побудившим меня обратиться к теме насилия и отрицания насилия в ведической теории и практике жертвоприношения (впрочем, теме совсем не новой).

Должен сразу сказать, что ритуал, при котором я присутствовал в Центральной Керале, в Кундуре, в 1990 г., почти ничем не отличался от того ритуала, который наблюдал Фриц Шталь в 1975 г. в Панджале, недалеко от Кундура, и который он затем так аккуратно и подробно описал в своей книге³. Исполнение этих ведических торжественных обрядов представляло собой чрезвычайное и замечательное событие, в частности потому что ведическая религия весьма отлична от современного индуизма. Индусы обычно не склонны признавать это, тем более что переход от ведизма к индуизму не отмечен никаким явным разрывом, никакой сознательно проведенной реформой. Ясно, однако, что Веды, оставаясь, безусловно, текстом-откровением (*śruti*), а также источником индуистской ортодоксии, делались все менее понятными, а к предписываемой ими ритуальной практике добавлялись другие формы культа, которые иногда вытесняли изначальные. Кроме того, еще до начала нашей эры пантеон богов значительно меняется — по структуре и содержанию, а в ритуалах на передний план выходят храмы, святилища, устроенные в специально предназначенных для этого местах, паломничество, поклонение изображениям богов. В ведизме ничего подобного нет: согласно ведической религии

¹ В основу статьи положен доклад, сделанный в 1991 г. в Центре индологических и буддологических исследований ИСАА при МГУ. Я выражаю глубокую признательность Г.М. Бонгард-Левину и всем сотрудникам ИСАА при МГУ и РАН за гостеприимство. Благодарю также моих друзей в Париже, которые помогли перевести доклад и статью на русский язык.

² *Hubert H., Mauss M. Essai sur la nature et la fonction du sacrifice // L'Année sociologique. 1899. 2. P. 29 — 138 (=Mauss M. Oeuvres. I. Les fonctions sociales du sacré. P., 1968. P. 193—307).*

³ *Staal F. Agni. The Vedic Ritual of the Fire Altar. 2 vol. Berkeley, 1983.*

боги присутствуют на земле лишь в обращенном к ним слове, в приносимом им даре; ни храмов, ни иконических изображений нет. Кроме того, только в конце ведического периода возникают первоначальные элементы тех верований, которые позднее приобретут столь важное значение в индуизме — идея кармы, идея непрерывного потока новых рождений, идея освобождения.

Ведическое жертвоприношение в Кундуре (центральная Керала), проходившее с 28 апреля по 9 мая 1990 г., стало предметом весьма оживленных споров как в индийской прессе, так и в более широких общественных кругах. То же самое можно сказать об аналогичном жертвоприношении в 1975 г. в Панджале (местности, расположенной по соседству с Кундуром): при нем присутствовали журналисты, деятели кинематографии и ученые — индийские и зарубежные, специалисты по ритуалам.

В полемике по этому вопросу следует разграничить по крайней мере две темы. Более общая и более распространенная тема споров — вопрос о смысле и пользе самой этой церемонии. В самом деле, для чего устраивать столь пышные празднества и тратить столько денег на проведение ритуалов, которые отсутствуют в живой религии современных индусов? Подобные ритуалы — это в лучшем случае диковинка для этнографов, явление культуры, которое ценно для нас именно своей архаичностью и своеобразием: ведь мы собственно и восхищаемся тем, что ритуал этот сохранился в неприкосновенном виде в памяти многих поколений брахманов, сменявших одно другое на протяжении тысячелетий.

Подчас встречается и более резкая критика ведических ритуальных жертвоприношений, формулируются более серьезные возражения против такой практики: при этом речь идет об идеологических и политических целях жертвоприношений. В самом деле, не приводит ли само превознесение ритуалов, которые могут осуществляться одними лишь брахманами, замкнутыми в рамках своей традиции и посвятившими ей большую часть своих физических и душевных сил, к утверждению, что данная традиция хороша сама по себе, а та сильно иерархизированная социальная система, с которой она связана, заслуживает сохранения и восстановления? Не становится ли торжественный ведический ритуал, осуществляемый в наши дни в тех формах, которые предписывались нормативными текстами I тыс. до н.э., орудием пропаганды в руках политических деятелей, которые подчеркивают ведические корни современного индуизма для того, чтобы ярче противопоставить индуизм как наиболее древнюю и подлинную религию другим религиям Индии и прежде всего — исламу? Этот вопрос и эта критика, высказывавшиеся неоднократно, имеют под собой определенные основания. Индуистские фундаменталистские группы и в самом деле стремятся определенным образом использовать и направить само восприятие обществом такого события, как ведическое жертвоприношение в Кундуре. С другой стороны, у нас нет никакой уверенности в том, что эти идеологи правильно истолковывают цели и намерения брахманов, которые собственно готовят и проводят эти ритуалы. При этом необходимо отметить, что образ ведизма, который строят ярые сторонники индуизма, стремящиеся непосредственно вписать символику ведических ритуалов в практику и верования современного индуизма, оказывается весьма анахроничным и лишенным какой бы то ни было специфики.

Другой аспект полемики, поднявшейся в Индии в связи с этими ритуалами жертвоприношения, более непосредственно связан с нашей темой. На этот раз спор идет между различными группами ученых — специалистов по ритуалам — относительно трактовки принесения в жертву животных.

Подобно ритуалу 1975 г., жертвоприношение 1990 г. должно было, в принципе, включать в себя убийство жертвенных животных как обяза-

тельный, хотя и не главный элемент церемонии. Здесь необходимы некоторые уточнения. В торжественном ведическом ритуале различаются два типа ритуального убийства животных. Это, во-первых, так называемые «независимые» (*nirūḍha*) жертвоприношения, в которых подготовкой к убийству животных и самим умерщвлением исчерпывается, по сути, вся церемония; во-вторых, такого рода убийство животных, которое выступает лишь как часть более общего целого, главное в котором — вовсе не само убийство; принесение в жертву жизни животного выступает здесь лишь как добавление, хотя и необходимое — подчеркнем это еще раз — к чему-то другому, а именно к принесению в дар богам растительных и молочных продуктов.

Кундурское жертвоприношение относится к этой второй группе. По своей сути, это *somaūga*, или иначе ритуал, в котором главный предмет жертвоприношения — сок растения под названием *soma*. Кульминационный момент этой церемонии — он повторяется потом несколько раз — тот, когда сок, извлеченный из стеблей сомы ударами камня, проливается в огонь. Однако этот дар сомы — как бы центральная часть ТЕЛА жертвоприношения — должен сопровождаться и другими моментами, как бы частями этого тела (*aṅga*), в частности, жертвоприношением животных. При жертвоприношениях сомы животные, которых также приносят в жертву, как правило, козлы.

Другая часть ритуала, которая иногда, хотя и не обязательно, включается в процесс жертвоприношения сомы, — это ритуал «складывания огня» (*agniciti* или *agnicayana*). В крайней восточной части священного пространства складывают алтарь из тысячи кирпичей в пять рядов, расположенных друг над другом так, что этот алтарь имеет форму птицы с распростертыми крыльями. Раскладка кирпичей, освящение их один за другим посредством соответствующих формул-заклинаний, а затем зажигание огня на построенной таким образом платформе происходят одновременно с принесением сомы в дар богам. При этом предполагается и принесение в жертву животного — «жертвы для кирпичей» (*iṣṭakāpaśu*). В основание всей этой структуры требуется положить пять голов — голову козла, голову барана, голову быка, голову лошади и голову человека (помимо этого нужна и живая черепаха). В этот перечень входят домашние или, на санскрите, «деревенские» животные — лишь они могут использоваться для ритуального жертвоприношения (*srāma*). Из текстов совершенно не ясно, откуда предполагается взять человека для обезглавливания. Вероятнее всего, уже с древних времен в подобных случаях пользовались заменами, однако в трактатах, посвященных ритуалам, целые главы отводятся человеческим жертвам, или иначе *puṇṣamedha* (по-видимому, этот ритуал строится по аналогии с *aśvamedha* — жертвоприношением лошади).

В кундурском жертвоприношении соединены ритуал принесения в дар богам сомы (*somaūga*) и ритуал складывания огня. А значит в него с необходимостью должны были бы входить также принесение в жертву козла и обезглавливание «жертв для кирпичей». Однако ничего подобного в действительности не было. Вместо голов использовались грубо сделанные глиняные изображения, а козлы заменялись *piṣṭaraśu* («жертвами из муки») — фигурками, сделанными из теста и завернутыми в листья банана. Этот образ вовсе не нов. В течение многих столетий этими приемами пользуется секта вишнуитов — мадхвы, широко распространенная в Майсуре. Подобные замены можно было наблюдать и при жертвоприношении в Панджале в 1975 г. Однако такой способ жертвоприношения признается правильным далеко не всеми. Именно по этому поводу ведутся споры, о которых упоминалось выше. Местная и всендийская печать получает письма читателей и статьи, написанные специалистами по обрядам — ярыми

сторонниками традиционных способов жертвоприношения: они подвергают осмеянию подобное изменение ритуала жертвоприношения, которое становится более «пресным». Цель жертвоприношения, по их утверждению, — достигнуть небес; пытаться осуществить эту цель, пользуясь жертвенными фигурками из муки, столь же нелепо, как верить в то, что мастурбацией можно зачинать детей.

Сам термин *piṣṭaraṣu* встречается в древней литературе дважды, однако употребляется он таким образом, что привлечь эти тексты для обоснования самой практики таких замен невозможно. Первый текст, где встречается это слово, — «Законы Ману». В нем утверждается, что есть можно лишь такое мясо, которое остается после жертвоприношения. Если же нестерпимо хочется поесть мяса в ситуациях, никак не связанных с жертвоприношением, необходимо удовлетвориться *piṣṭaraṣu* — фигурками животных, сделанными из муки. Второй текст относится к гораздо более поздней эпохе. Он входит в состав «Раджатарангини» (*Rājatarāṅginī* III. 7), хроники кашмирских царей. В нем рассказывается, что некий царь — исповедовавший, впрочем, индуизм — был ревностным сторонником жертвоприношения без насилия, вел себя как джайн, т.е. как еретик, и что во время жертвоприношения он пользовался фигурками из муки и очищенного масла. Таким образом, в Ведах мы не находим никакого обоснования отказа от убийства животных; в этих древних текстах, которым якобы буквально следуют и поныне, нет ни малейшего намека на оправдание подобных изменений.

Верно, однако, что отказ от настоящего жертвоприношения вполне соответствует социальной чувствительности и общим мировоззренческим схемам. Действительное жертвоприношение в современной Индии невозможно с тех пор, как этот обряд стал публичным зрелищем. Это не значит, что такой практики вообще не существует. В низших кастах, не говоря уже о племенных обществах, принесение в жертву животных, в особенности козлов, — обычное дело. Кроме того, до сих пор имеет место умерщвление буйволов путем обезглавливания — процедура, пронизанная сложной символикой: в ней разыгрываются некоторые основные индуистские мифы, в частности миф об убийстве богиней демона — буйвола Махиши. В Непале каждый год проводятся осящаемые королем жертвоприношения, во время которых в храмах и святилищах Катманду умерщвляются тысячи козлов, и в течение нескольких дней население объедается мясом. Тщательно изучая так называемые народные религии в самой Индии, можно заметить в местных и областных (региональных) пантеонах противопоставление или, если угодно, взаимодополнительность между вегетарианскими и плотоядными божествами, а также между вегетарианскими и плотоядными образами одного и того же бога. Однако все эти факты, хорошо известные антропологам и даже туристам, так или иначе замалчиваются. В официальных кругах и в среде людей более или менее образованных об этих ритуалах говорят лишь как о суеверии.

Иначе обстоит дело с ведическим жертвоприношением; оно ставит перед сторонниками индуистской традиции действительно сложную проблему. Дело в том, что одни лишь брахманы (среди них члены наиболее правоверных семейств) могут быть хранителями ведического знания. Лишь им одним дозволено осуществлять ритуалы, предписанные Ведами. Но вместе с тем в индуистском обществе именно брахманы вот уже более двух тысячелетий вынуждены наиболее строго следовать самым жестким правилам вегетарианства. Именно среди брахманов зародились и стали осмысляться в индуизме идеи ненасилия. Дело в том, что умерщвление животных во время жертвоприношения предполагает потребление мяса. Запрещено есть иное мясо, кроме того, что остается после жертвоприношения. Невозможно,

однако, и другое: приносить животных в жертву, не поглощая при этом хотя бы небольшого количества мяса. Когда ведические ритуалы осуществляются внутри круга брахманов, при ограниченном доступе непосвященных и почти что в тайне от них, брахманы так или иначе смиряются с этим противоречием между, с одной стороны, ведической ортодоксией, основанной на действительных жертвоприношениях, и с другой стороны, жизненными правилами и статусом, требующими от них отказа от всего, что является причиной или результатом убийства. Однако с того момента как ведические обряды становятся публичным зрелищем, эти ритуалы приобретают и воспитательное значение, так что вышеуказанное противоречие уже не может допускаться. В присутствии журналистов с кино- и фотокамерами, перед огромной толпой верующих брахманам приходится нарушать ведические ритуальные нормы, дабы сохранить в неприкосновенности те принципы, на которых основано признание их духовного превосходства в индуистском обществе.

Такова ситуация, со всей ее противоречивостью и с искусственностью попыток разрешить эти противоречия.

Обращаясь теперь к самим ведическим текстам и прежде всего к сборникам наставлений о правилах проведения торжественных ритуалов (или иначе Śrauta-sūtra), а также к тем более развернутым текстам, в которых излагается учение о жертвоприношении (Vr̥hamaṇa), мы замечаем, с одной стороны, четкость предписаний относительно умерщвления животных (они не допускают никаких послаблений на сей счет), а с другой стороны — многообразную и постоянно используемую риторику отрицания насилия при жертвоприношении. В самом общем виде это выглядит так: при жертвоприношении убивают, и это неизбежно, однако жертва на самом деле не погибает; насилие над жертвенным животным — это не настоящее насилие. И еще одна мысль — она не находит четкого выражения в текстах, но ее можно извлечь из самого общего механизма соотношения различных сил и моментов в ритуале: жертвоприношение пронизано насилием и насилие это неизбежно, причем насилие по отношению к животным, которых убивают и разрубают на части, по сути своей ничем не отличается от насилия по отношению к другим видам даров, приносимых богам. Эту линию обобщения можно продолжить: выполнить ритуал значит в то же самое время покончить с ним, согласно французскому выражению: «привести в исполнение», «казнить» (exécuteur). «Привести ритуал в исполнение» и означает убить жертву. Таким образом риторика отказа от насилия готова использовать любые, подчас весьма разнородные средства, чтобы достичь своей цели.

А теперь посмотрим, как именно действует эта риторика. Речь пойдет прежде всего о специальной терминологии. Отметим, что в санскрите нет особого отдельного слова, обозначающего «жертву». Говорят raśu, т.е. просто «животное», или, точнее, — «деревенское животное». Ритуалы, в структуру которых включается в качестве главного или вспомогательного момента убийство животных, называются уājña или yāga — обычно оба эти слова переводят как «жертвоприношение». Однако эти слова имеют и более общее значение и могут использоваться также по отношению к ритуалам, в которых приносятся дары, не связанные с убийством животных. Уājña или yāga по своей структуре значит «то, что даруется богам». Однако наиболее красноречивы в этом смысле эвфемизмы. Для обозначения ритуала, который предполагает или включает в себя принесение в жертву животных, используют выражение raśubandha, означающее «связать животное», или же raśu-ālabha — «привести животное к себе». Само умерщвление животного не обозначается выражением, которое прямо или косвенно намекало бы на мысль об «убийстве». На санскрите говорят «добиться согласия

животного», «добиться, чтобы животное сказало "да"» (при этом используется каузативная форма глагола «согласиться» — *saṃ-jñā*). После того как животное убито, говорят «согласие животного получено» (*saṃjñaptaḥ paśuḥ*). В текстах прямо говорится, что поведение животного должно свидетельствовать о его согласии — например, животное не должно брыкаться, мычать или блеять. Обращаясь к «палачу» (*sāmitṛ*), главный жрец говорит: «Добейтесь, чтобы животное согласилось и не издало ни малейшего звука». Помимо того жертва — это не единственное существо, согласия которого надлежит добиться. В текстах Брахман утверждается, что животное должно также получить позволение «согласиться» у своего отца, матери, брата, братьев по стаду.

Таким образом, принесение животных в жертву не есть убийство. Однако авторы ведических текстов хорошо знали, что на самом деле все обстоит совсем не так, ибо они запрещали главному священнослужителю и жертвоприносителю быть свидетелями этой процедуры. А она такова. Животное сначала привязывают к столбу, воздвигнутому в восточной части пространства, отведенного для жертвоприношения. Этот акт именуется *piyojana* — «связывание животного и столба». Однако животное убивается вовсе не там. Затем его отвязывают и отводят в торжественном кортеже в сторону, так что оно оказывается вне священного пространства. Этот кортеж строится следующим образом. Во главе процессии идет один из жрецов, неся факел, зажженный от огня, на котором животное уже было символически «сварено» (или, иначе говоря, этим факелом были описаны круги вокруг животного). За распорядителем следует группа, которая ведет жертву. Состав этой группы не уточняется, однако ясно, что в нее входит «палач» (*śamitṛ* — слово, обозначающее того, кто усмиряет; по крайней мере такая этимология приводится в текстах). Вслед за жертвой идет другой жрец, который находится в постоянном, хотя и не прямом контакте с жертвой, касаясь ее двумя вертелами, на которых позже будет поджариваться эпиллой, или иначе — жирная часть внутренностей животного, которая прежде всего и предназначена в пищу богам. Вслед за этим священником, несущим вертелы, следует еще один, ухватившийся за идущего впереди. И наконец — тот, кто непосредственно приносит жертву, получая за нее в награду место на небесах, или жертвоприноситель (*yajamāna*): он также идет, ухватившись за идущего впереди. Обоснованием именно такого порядка шествия служит одна из догм ведического учения о жертвоприношении: жертва идет на небо и тем самым открывает путь жертвоприносителю, который должен следовать за жертвой, не прерывая с ней контакта. Однако путь на небо проходит через реальную и немедленную смерть жертвы, тогда как жертвоприноситель хочет лишь познать этот путь и обеспечить себе место на небе — место, которое он займет позже, когда его постигнет естественная смерть. Требуется, таким образом, чтобы он не был полностью отождествляем с жертвой. В *Sataratha-Brahmaṇa* (далее — *ŚB*) этот контакт на расстоянии поясняется так: «Возражают, говоря: следует, чтобы жертвоприноситель держал жертву, поскольку ее ведут на смерть. Но это неверно. Более того, не следует, чтобы жертвоприноситель был оторван от жертвы. Жертвоприноситель держит жертву, но тайно (*raḥakṣat* — III.8.1 10). Движения животного непосредственно направляются двумя вертелами, которые несет священнослужитель: наличие этих вертелов обеспечивает одновременно и контакт, и расстояние между священником и жертвой. Именно здесь жрец неким таинственным образом вступает в обладание жертвой. Наступает такой момент, когда процессия, описав полукруг, оставляет «палача» наедине с жертвой (допускается, чтобы его сопровождали служки, которые, однако, не входят в состав группы, осуществляющей жертвоприношение). Все остальные — священнослужители

и жертвоприноситель — возвращаются в священную зону и рассаживаются вокруг огня, предназначенного для принятия жертвы, не свсдя с него глаз. Все это делается, как говорится в том же тексте, «для того чтобы не видеть собственными глазами жертву в то время, когда ее заставляют согласиться (III.8.1.15)».

Каким образом конкретно происходит само жертвоприношение? В том же самом ведическом тексте далее говорится: жертвенное животное нельзя убить ударом по лобной кости, ибо так действуют люди; его нельзя также убить ударом за ухом, ибо действовать так подобает Отцам (то есть умершим, которых посредством особых погребальных ритуалов превращают в предков, так что они и сами могут получать жертвенные дары). Нет, следует действовать иначе: следует задушить жертву, не давая ей при этом возможности открыть рот, или же удавить ее, затянув на шее петлю. Вот почему священник, который отдает распоряжения «палачу», не говорит: «убивай, умерщвляй!» — ибо так поступают люди, но «добейся согласия» животного — ибо так подобает действовать богам. Говорят «жертва ушла». Этими словами обозначается сам смысл процедуры: «Вслед за ней и жертвоприноситель отправляется к богам» (ibid.).

После того как жертва задушена или удушена, начинается разрубание ее тела. На этой стадии распределение обязанностей между «палачом» и священнослужителем не очень ясно. И тот и другой вооружены ножами, которые должны быть освящены посредством особых формул-заклинаний. «Палач» получает свой нож непосредственно из рук главного жреца. По-видимому, именно главный жрец делает тот надрез на тканях животного, который позволяет ему извлечь эпиплою, в то время как «палач» разрубает тело животного в других местах. Разрубленное на куски тело животного подносят к особому костру, на котором они будут сварены. Этот огонь разводится вне священного пространства и называется «костер палача». Для нас очень важно, что сам акт разрубания тела животного на куски воспринимается как новый акт насилия; при этом все дальнейшие усилия будут направлены на то, чтобы одновременно и отрицать сам этот акт насилия, и излечить нанесенные им раны. После того как «палач» произносит: «согласие животного получено», главный жрец отдает приказ привести супругу жертвоприносителя (patni). Как правило, ее присутствие считается обязательным, хотя сама она почти не действует, оставаясь все время на заднем плане, то есть в западной части священного пространства: почти все время она неподвижно сидит и лишь изредка делает какой-то жест, произносит какое-то слово. Затем ее подводят к жертве, которая только что испустила дух. Она приносит сосуд с водой и промывает этой водой все отверстия тела животного, чтобы очистить их. В текстах это действие объясняется так: отверстия тела — это средоточие дыхания жизни. Пища богов должна быть живой, бессмертные поглощают лишь то, что не умирает. Правда, в тексте говорится буквально следующее: «В то время как у жертвы добиваются согласия, ее разрубают, ее убивают» (SB III.8.2.4: в данном случае используется именно глагол han — «убивать», а не какое-либо эвфемистическое выражение). Вода эквивалентна дыханию жизни. Промывая водой отверстия тела животного, супруга жертвоприносителя вновь сообщает ему дыхание жизни — вот почему боги, поедая мертвечину — животное, разрубленное на куски, поглощают вместе с тем живую пищу. Для чего нужно участие в ритуале супруги жертвоприносителя? А потому, что она — женщина, а от женщины рождается потомство. Вновь вдохнуть в жертву жизнь значит заново родить ее, а это дело женщины. После разделки туши жертвенного животного опять же супруга жертвоприносителя обмывает каждую отдельную часть водой. Ведь умерщвленная, но вновь возвращенная к жизни жертва страдает: места разрубания

тела — это ее раны, везде, где прошел нож, она чувствует боль, а вода успокаивает, утишает боль, исцеляет. Однако реальны ли эти раны и эта боль? Фактически боль от этих ран уже была заранее ослаблена следующей процедурой: между телом жертвы и лезвием ножа, пронзающим тело, помещается слой травы под названием *darbha*. «Палач», разрубая тело животного, говорит (SB III.8.2.12): «О растение! Защити эту жертву!» А затем он обращается к своему ножу: «Не нанеси ей вреда, о нож!» Подобно тому как жертва, в тот момент когда от нее требуют «согласия», должна быть цельным совершенным животным, подобно этому, уже дав свое согласие, «она должна уйти на небо живой»; как говорится в другом тексте, «мертвое животное не может уйти на небо». Живое — значит обладающее вновь сочлененным телом.

Нижеследующий рассказ представляет собой как бы набросок мифа, объясняющий ритуальные требования и напоминающий в то же самое время о тождественности жертвы и самой процедуры. «Жертва отделилась от богов, говоря: я не стану Вашей пищей! Да нет же, станешь, — сказали боги, ты и есть поистине наша пища». И они раздавили жертву. Однако в таком расчлененном виде она уже не годилась им в пищу. «Что же, сказали боги, нужно вновь сделать жертву цельной! (Aitareya-Brāhmaṇa I.18)». Жертва, приносимая людьми, должна иметь такое тело, в котором были бы восстановлены посредством прикосновений, смачивания водой и особенно формул-заклинаний дух (*manas*), речь, дыхание (грāṇa), слух, зрение. Вот молитва, которую жрец, непосредственно осуществляющий жертвоприношение, обращает к жертве: «Именно ты даешь доступ к небесам, так иди же на небо. Небо для меня, небо для жертв. Именно ты обеспечиваешь мне свободное пространство... Именно ты прокладываешь мне путь... На самом деле ты не умираешь, тебе не причиняется никакого вреда, ты пойдешь к богам надежными путями...» Однако главный священник, отступая в сторону, бормочет при этом: «Жизненное дыхание жертвы — это одно, а жизненное дыхание приносящего жертву — другое». Эта формула перекликается с другой: «Мы призываем на жертву и на приносящего жертву одни и те же благословения, но не хотим, чтобы их дыхания слились! (SB III.7.4.11)».

Мы уже упоминали о траве *darbha*. Некоторые замечания по поводу этой травы будут для нас поводом для того, чтобы проанализировать еще один аспект риторики отрицания насилия. Речь идет о столбе (*yūra*), к которому на какое-то время привязывают жертву, прежде чем вести ее дальше и затем убить. В ведических текстах много говорится о функциях этого столба, о символике, связанной с его формой, о способе его воздвижения, о причинах, по которым животное должно останавливаться около этого столба, хотя он и не является конечным пунктом движения. Мадлен Биардо недавно опубликовала замечательную работу под названием «О ритуальных столбах»⁴, основанную на тщательном изучении текстов и на скрупулезных полевых исследованиях. В этой книге речь идет об этом важном элементе ведического культа и о том, что соответствует ему в классическом и народном индуизме. Я ограничусь здесь упоминанием о тех ритуальных предосторожностях, которыми сопровождается рубка дерева, из которого делается столб. Вот что говорится по этому поводу в *Śatapatha-Brāhmaṇa*: «Следует выбрать хорошее дерево — расположенное к тому, чтобы быть срубленным (III. 6.4.7)». «Быть расположенным» значит иметь хорошее настроение, быть готовым с радостью принять свой жребий. На то место, куда будет нанесен удар топором, кладется

⁴ *Biardeau M. Histoires de poteaux, variations védiques autour de la Déesse hindoue. P., 1989.*

трава дарбха, и при этом произносятся те же самые формулы-заклинания, что и при разрубании жертвы: «О растение, защити его! О топор, не нанеси ему вреда!» А затем обращаются к самому дереву: «Этот хорошо наточенный топор приведет тебя к высшему блаженству (SB III. 6.4.10)». Пень, оставшийся от срубленного дерева, омывается очищенным маслом, с тем чтобы дерево это могло заново родиться. Конечно, дерево, превращенное в столб, не может прямо уподобляться животному, рассматриваемому как жертва: сама мысль о том, что дерево и животное имеют одну и ту же форму жизни, одинаковую чувствительность, одну и ту же способность возрождаться после смерти и расчленения на куски в ритуале — проявляется лишь намеком... Напротив, столб неоднократно и в разной форме отождествляется с самим жертвоприносителем. Насилие по отношению к дереву в тот момент, когда оно превращается в столб, должно быть предупреждено или устранено, чтобы оно не коснулось самого жертвоприносителя.

Рассмотрев то, что связано с жертвенным животным и столбом, к которому оно должно быть привязано, обратимся теперь к другим предметам, приносимым в жертву. Жрецам, осуществляющим ведические ритуалы, и теологам хорошо известно, что между умерщвленным и расчлененным на куски животным и теми формами разрушения, которым подвергаются растительные и молочные продукты, приносимые в жертву, есть фундаментальные различия. Пролить кровь, разрубить тело, которое некогда принадлежало живому существу, — во всем этом есть нечто специфическое, что отличает эту форму жертвоприношения от всех других ритуалов. Доказательством этого служит то, что в ведическом культе для принесения животного в жертву, для его убийства и разрубания обращаются к профессиональному «палачу». Статус «палача» отличен от статуса священников, а кроме того, все, что связано с умерщвлением животного и последующими моментами ритуала, происходит вне священного пространства, тогда как подготовка и само разрушение всех других предметов жертвоприношения происходит внутри священного пространства и осуществляется наиболее чистыми жрецами в присутствии всех участников ритуала. Тем не менее в тот момент, когда жрецы и жертвоприноситель все вместе садятся, чтобы раздавить стебель сомы ударами камня, приводят человека, который стоит с завязанными тряпкой глазами: его роль заключается в том, чтобы воздавать хвалу тем камням, которые дают стебель (*grāvastut*). Любопытно, что в ведических текстах не содержится объяснения этого ритуала. Мы вполне можем предположить, что этот человек одновременно и возвеличивает в произносимом им тексте орудия умерщвления «Царя Сомы» и разыгрывает спектакль, свидетельствующий о его нежелании видеть это зрелище.

Я говорил здесь лишь об Индии, не теряя однако из виду того, что мне пришлось сравнивать ведическое жертвоприношение с ритуалом корриды. Схема жертвоприношения — в том виде как она была мною здесь изложена — образует четкий и весьма поучительный контраст со схемой тавромахии. Основания этого противопоставления следует искать в отношениях между жертвоприносителем и самой жертвой в случае индийского ритуала жертвоприношения, и между быком и матадором в случае корриды. Если верно, что бык и матадор образуют сексуальную пару причем во время этой церемонии сексуальные роли партнеров неоднократно меняются, как утверждает Джулиан Питт Риверс, верно также, что оба партнера постоянно нападают друг на друга, и хотя их столкновениям предшествуют повороты и кружения, это всегда столкновение борцов: коррида — это битва. Насилие в корриде всегда присутствует: конечно, оно ритуализовано, превращено в источник эстетического вдохновения, однако насилие в корриде не маскируется и не отрицается. При ведическом жертвоприношении ситуация совершенно иная: то, что здесь изображается,

представляется или по крайней мере провозглашается, то, что становится центром размышлений, — это не отношения между «палачом», относительно которого ясно, что он не подвергается никакой опасности, и жертвой, относительно которой можно сказать с такой же уверенностью, что она неизбежно будет им убита, нет, это — отношение отождествления между жертвоприносителем и жертвой. Жертва — это alter ego жертвоприносителя, который отличен от «палача». Жертвоприноситель начинает с того, что сам себя приносит в жертву, а затем самоустраивается перед жертвой, которая его представляет и заменяет. Как alter, «другой», животное до конца претерпевает насилие, ведущее к смерти и расчленению тела. Однако поскольку оно также и ego, невозможно допустить ни того чтобы это насилие было непоправимым, ни того чтобы оно даже было реальным.

Ш. Маламуд

THE REJECTION OF VIOLENCE IN VEDIC SACRIFICE

Ch. Malamoud

The paper contains a description and analysis of an ancient ritual, which included the killing of sacrificial animals. The author shows that in the ritual itself and in some texts, connected with it (Śatapatha-Brāhmaṇa, Aitareya-Brāhmaṇa) this element undergoes a symbolic reinterpretation under the influence of the doctrine of *ahimsa* (nonviolence). As a result several new features appear: the necessity to have «an agreement» of a sacrificial animal to being killed, a certain mode of its killing and a system of certain ritual actions and euphemistic ritual formulae. The conception of identification of a sacrifice-giver with the sacrifice itself is evolved.

© 1993 г.

ОБЩНОСТЬ КОММУНИКАТИВНОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ АРХАИЧЕСКОЙ ГРЕЦИИ И РАННЕГО РИМА: ИСТОРИКО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В литературе последнего времени все большее внимание уделяется выявлению общих феноменов, тенденций и реалий в истории и культуре архаической Греции и раннего Рима. Показана принципиальная общность устройства гражданской общины раннего Рима и полисов архаической Греции, позволяющая считать и раннеримскую общину полисом¹. Вскрыты общие моменты их исторического развития — например значительная роль всадничества и в Греции и в Риме эпохи падения царской власти², установлены различного рода соответствия между ранним Римом и

¹ Утченко С.Л. Политические учения древнего Рима. М., 1977. С. 27 сл.; Маяк И.Л. *Populus. cives. plebs* начала республики // ВДИ. 1989. № 1. С. 66—67.

² Alföldi A. Die Herrschaft der Reiterei in Griechenland und Rom nach dem Sturz der Könige // *Gestalt und Geschichte. Festschrift K. Schefold*. Bern, 1967. S. 13 f.

архаической Грецией, в частности Спартой и Атикой³. Уже давно историки права занимаются выявлением общих установлений в раннеримском и раннегреческом законодательствах. В этом плане активно разрабатывается вопрос о греческом влиянии на законодательство XII таблиц⁴. В результате археологических исследований четко вырисовывается греческое присутствие в древнем Лации, благодаря которому импульсы греческого влияния достигали раннеримского общества⁵. Традиционной областью исследований был и остается сравнительный анализ древнегреческого и латинского языков⁶.

Полученный на основе изучения этой проблематики банк данных, на наш взгляд, может быть пополнен посредством сравнительного изучения коммуникативной и социальной терминологии архаической Греции и раннего Рима. На первый взгляд у этой терминологии немного общего, что и дало основание в свое время Карлу Отфриду Мюллеру заявить: у римлян негреческая *vocabula forensia*, т.е. лексика общественного характера (которую мы здесь называем коммуникативной и социальной терминологией)⁷. Однако выявляющаяся в последнее время типологическая общность архаического греческого полиса и раннеримской *цивитас*, в частности известное сходство происходивших в них социально-политических процессов, дает основание ожидать, что параллелизм их путей развития, особенно ввиду единых индоевропейских истоков, сопровождался выработкой общей или близкой коммуникативной и социальной терминологии.

Начнем с триады основных терминов, отражающих иерархию гентильных структур архаического греческого и раннеримского обществ: *γένος gens*, *φράτρια curia*, *φυλή tribus*.

Это соответствие было осознано еще древними. Например, по мнению Дионисия Галикарнасского (*Ant. Rom.* II. 7.2—3), римские термины триба и курия могут быть переведены на греческий так: триба — это фила и триттия, курия — это фратрия и лох (Дионисий подразумевал и политическое и административно-военное значения латинских слов).

На первый взгляд лишь первая пара приведенных терминов одинакова, остальные различны. Однако, по нашему мнению, вторая и третья пара терминов также близки семантически, что при этимологическом различии указывает на параллелизм развития их в Греции и Риме и, следовательно, на параллелизм сложения соответствующих общественных институтов.

Греч. *φράτρια* имеет дословное значение «братство» (как обозначение коллектива), предполагающее кровную связь всех сочленов фратрии. Однако в исторической действительности греческие фратрии не были сообществами

³ *Berchem van D.* Rome et le monde grec au VIe siècle avant n.è. // *Mélanges A. Piganiol.* T. 2. P., 1966. P. 739—748; *Pisani V.* Roma e Sparta // *Pisani V.* Saggi di linguistica storica. Torino, 1959. P. 220—231; *Ampolo C.* Analogie e rapporti fra Atene e Roma arcaica // *Parola del Passato.* 1971. T. 26. P. 443—460.

⁴ *Steinhausen G.* De legum XII tabularum patria. Gryphiswaldae, 1887; *Pais E.* Storia di Roma. T. 3. Roma. 1927. Capit. XIX; *Delz J.* Der friechische Einfluss auf die Zwölfafelgesetzgebung // *Museum Helveticum.* 1966. T. 23. S. 69—83; *Wieacker F.* Solon und die XII Tafeln // *Studi in onore di E. Volterra.* Milano, 1969. T. 3. P. 757—784; *Paoli U.E.* Altri studi di diritto greco e romano. Milano, 1976. P. 31—101.

⁵ *D'Agostino B.* Grecs et les indigènes sur la cote tyrrhénienne au VIIe siècle: la transmission des idéologies entre élites sociales // *Annales.* 1977. № 1. P. 3—20; *Greci e latini nel Lazio antico.* Roma, 1982.

⁶ *Juret A.* Formation des noms et des verbes en latin et en grec. P., 1937; *Buck C.D.* Comparative grammar of Greek and Latin. Chicago, 1938; *Meillet A., Vendries J.* Traité de grammaire comparée des langues classiques. P., 1948; *Thibau R.* Les rapports entre le latin et le grec. Essai de réhabilitation de l'hypothèse italo-grecque. Leiden, 1964.

⁷ *Müller K.-O.* Die Etrusker. Breslau, 1828. S. 24.

людей с обязательно кровнородственными связями. С одной стороны, известны примеры действительного родства членов фратрии: так, аттическая фратрия Медонтидов состояла из членов одного рода (как и некоторые римские курии)⁸. С другой стороны, фратрии постоянно пополнялись генетически чужеродными элементами: например, лица, получившие афинское гражданство, в обязательном порядке записывались в какую-либо аттическую фратрию и филу — обычай, отраженный в аттических надписях с V в. до н.э., содержащих формулу «в какую пожелает записаться филу, дем и фратрию» (это обычай общегреческого характера). Проведенная в Аттике в конце VI в. Клизфеном реформа территориальных и родовых подразделений также способствовала разрушению гентильных связей во фратриях. Таким образом, греческий термин φράτρια был в основном этимологическим обозначением корпорации родственных «собратьев», на практике же фратрии включали генетически разнородные элементы. Именно такую ситуацию отражает и латинский термин *сiуiа*, происходящий из формы *с(о)и(i)гiа* «сообщество мужчин»⁹. Таким образом, греческий и римский термины, обозначающие объединения родов — фратрии и курии, отражают институты близкого содержания, с той разницей (на терминологическом уровне), что греки удержали индоевропейское обозначение гентильного подразделения, а римляне выработали лексическую инновацию, которая отражала реальную утрату кровнородственных связей членами курий. Согласно Плутарху (*Rom.* 20. 3), «многие (курии) имеют наименования по местностям». Такое топонимическое обозначение курий акцентирует связь их с определенным местом проживания, а не гентильное родство. Существовавшая в Риме царской эпохи структура — каждая из трех триб состоит из 10 курий — уже была результатом реорганизации древнего родового устройства, основывавшегося на гентильной связи. Традиция приписывала разделение на 3 трибы и 10 курий Ромулу (*Plut. Rom.* 20; *Dion. Hal. Ant. Rom.* II. 7), т.е. можно полагать, что обозначение **соиiгiа* сменило предшествующий родовой термин, эквивалентный греческому φράτρια (ср. лат. *frater*), в царскую эпоху.

Перейдем к паре обозначений основного этнического подразделения у греков и римлян — φιλή и *tribus*. У дорийцев и северо-западных греков было три филы, столько же триб было у римлян. Тройное деление является развитием дуального родового строя первобытного общества¹⁰. Это видно на примере дорийских фил, третья из которых возникла позднее, в добавление к двум другим, что явствует из ее названия Παμφύλοι, имеющего значение «(фила членов) всех (остальных) фил», т.е. в ней были собраны все люди, не относившиеся к двум первоначальным филам. Она объединяла все чужеродные по происхождению элементы, инкорпорированные в дорийское общество из каких-то других филовых образований дорийского круга. При этом, однако, две другие филы — диманы и гиллеи — не соотносились прямо с дуальным членением первобытной прадорийской общины — по меньшей мере фила гиллеев была продуктом позднейшего развития первоначальной дуальной системы. На это указывает название филы Ὑλλεῖς, находящее соответствие в названии иллирийского племени Ὑλλοι (другое имя этого иллирийского племени — булионы: *Scylax.* 22). Это означает, что в прадорийское общество были инкорпорированы иллирийские элементы — прабулионы.

⁸ *Crossby M. A* Poletai record of the year 367/6 B.C. // *Hesperia.* 1947. V. 10. P. 16.

⁹ *Walde A., Hoffmann J.B.* Lateinisches etymologisches Wörterbuch. Bd 1. Heidelberg, 1938. S. 314 f.; старая этимология: *Vaniček A.* Etymologisches Wörterbuch der lateinischen Sprache. Lpz, 1881. S. 307.

¹⁰ См. о дуальной организации: *Золотарев А.М.* Родовой строй и первобытная мифология. М., 1964.

Такое же разноэтничное происхождение предполагается и для римских триб. Античная традиция связывала их возникновение с синойкизмом римлян и сабинян: согласно Плутарху (Rom. 20, 1—2), название трибы Ramnes связано с именем Ромула, трибы Tities — с именем сабинского царя Тития, а наименование третьей трибы Luceres происходило от обозначения священной рощи Λούκοϋς, в которой находили убежище «многие, бежавшие от насилия». Исторически происхождение римских триб и их названий трактуется в литературе по-разному¹¹. Однако мы подчеркиваем здесь принципиальное соответствие данных Плутарха о происхождении триб с характером дорийских фил: каждая их двух основных фил включает сочленов одного отдельного племени, а третья, дополнительная, включает различные по происхождению этнические элементы, адаптированные основным стволем племени.

Интересно этимологическое соотношение между греч. φυλή и лат. tribus. Греч. φυλή происходит от глагола φύω — «расти, рождать», т.е. фила была сообществом людей, объединенных обстоятельствами рождения и возрастания. Это чрезвычайно архаичный способ коммуникации людей, указывающий на отсутствие родовых связей, возможно, еще в условиях промискуитета. Связь между понятием «расти, рождать» и терминологическим обозначением сообщества людей может быть проиллюстрирована примером с индоевропейской основой *leudh-, к которой восходят, с одной стороны, гот. liudan, санскр. rudh-, авест. rud- «расти, развиваться», а с другой — лат. liber «свободный», liberi «дети», греч. ἐλεύθερος «свободный», др.в.нем. liut «люди», ст. слав ЛЮДЬ «народ». Связь между ними поясняется производными от упомянутых глаголов — готским laudi «облик», авест. gaodañ- «рост, телосложение, облик». Отсюда «делается понятным, что образ завершеного процесса роста, результатом которого является телосложение и лицо человека, в иных местностях мог давать собирательное понятие, такое, как "родство, корень, происхождение", и переходил на обозначение этнической группы, совокупности людей, совместно родившихся и развившихся... Из существительного *leudho- (или *leudhes-) легко вытекает *(e)leudhero- для обозначения принадлежности к "этническому корню" и состояния свободного человека»¹².

Вопрос об этимологии лат. tribus обстоит значительно сложнее. Античная традиция видела в нем числительное три — ср. дефиницию Варона (L.Lat. V. 55): «первоначально римские земельные владения разделялись на три части, вследствие чего они назывались трибами»; то же и у Плутарха (Rom. 20.2): «Что фил было три, явствует из самого слова, которым обозначается у римлян фила: они и сейчас называют филы трибами, а главу филы трибуном». Это представление поддерживалось и наукой нового времени. В частности, А. Потт видел в слове tribus числительное trí плюс основу bu- (= греч. φυ- в φυλή, производную от индоевр. *bhu- «расти»¹³. Мнение о связи с числительным остается распространенным и в настоящее время. Так; Ж. Ламбер на основании кельтских параллелей считал, что слово tribus имеет значение не «треть», а обозначает целое, состоящее из трех частей; приводятся и другие примеры трехчастной

¹¹ См. историографию вопроса: *Нетушил И.В.* Римские три трибы // ЖМНП. 1903. № 12. С. 555 сл.; *Маяк И.Л.* Рим первых царей. М., 1983. С. 93 сл.; *Alföldi A.* Die Struktur des voretruskischen Römerstaates. Heidelberg, 1974. S. 58f. Обычно трибы связываются с разноэтничными компонентами римского общества: например, Дж. Девото видел в рамниях, титиях и лучерах протолатинян, протосабинян и протоиталиков (*Devoto G.* Le origine tripartite di Roma // *Archaeologiae*. 1953. N.S.T. 31. P. 340—343).

¹² *Бенвенист Э.* Общая лингвистика. М., 1974. С. 355 сл.

¹³ *Pott A.F.* Etymologische Forschungen. Bd 2. Lemgo, 1836. S. 441; *Planta R. von.* Grammatik der oskisch-umrischen Dialekte. Bd 1. Strassburg, 1892. S. 458.

структуры, например наличие трех триб в Мантуе (Verg. Aen. X. 201—205 cum Servi comm. ad l.c.)¹⁴. Можно было бы привести и другие примеры тройного деления в различных обществах¹⁵, но предполагаемая связь слова с числительным оставляет неразъясненной морфологическую структуру слова *tribus*. Это заставляло исследователей искать другое его объяснение¹⁶. Так, А. Эрну и А. Мейе считали его заимствованным из этрусского языка, из которого, по их мнению, произошла значительная часть римской социально-коммуникативной терминологии¹⁷. Однако такое решение вопроса пока недоказуемо ввиду неясности этрусских языковых фактов. Более плодотворным, на наш взгляд, является давно предложенное сближение лат. *tribus* с рядом италийских, кельтских и германских основ, имеющих значения «дом, жилище, поселок» (умбр. *trefu*, др.ирл. *treb*, др.в.нем. *dorf* и др.)¹⁸. Сами по себе эти сближения не решают вопроса о происхождении лат. *tribus*, ибо они соответствуют латинскому *trabs* «бревно, балка, крыша» и образуют индоевропейскую основу **trēb-* (**trōb-* etc.) «балка, сооружение, жилище»¹⁹. Однако они, на наш взгляд, указывают направление, в котором следует вести поиск.

В сравнительных словарях упомянутая основа **trēb-* etc. дается без связи с другими индоевропейскими корнями. Однако соответствие ей имеется — мы подразумеваем и.е. **t(e)r(e)b(h)-*, по отношению к которой основа **trēb-* является апофонированной ступенью. Основа **t(e)r(e)b(h)-* (**trīb(h)-* etc.) «тереть» восходит к корню **ter-* (**trēi-*, **trī-* etc.) «тереть» + суффикс *-b(h)-* и включает в числе производных греч. *τρίβω*, *ἔτριβην* «тереть», «протер», лат. *tribulum* «молотильный валок», *tribulo* «давить, прессовать», тохар. В *tetriwu* «раздавленный» и др.²⁰ Сюда мы относим также соответствующее латинскому *tribulo* греческое *τρέφω* «уплотнять; кормить, расти» и латинское *tribuo* «делить, разделять», *tribus* «триба». Поясним это.

Греческая лексема *τρέφω* с ее развитием значений «уплотнять» → «кормить» → «расти» объединяет семантику и.е. **t(e)r(e)b(h)-* (**trīb(h)-* etc.) «тереть» и **trēb-* (**trob-* etc.) «бревно, сооружение, жилище, поселок»²¹. Проследим это семантическое развитие. Исходное значение «тереть», судя

¹⁴ Lambert J.N. Les origines de Rome à la lumière du droit comparé: Romulus // Studi in onore di P. De Francisci. T. 1. Milano, 1956. P. 337 sg.; Kubitschek W. Tribus // RE. 1937. Hlbd 13. Sp. 2492 f.; Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bd 1. Bern, 1954. S. 1091.

¹⁵ См.: Яйленко В.П. Архаическая Греция и Ближний Восток. М., 1989. С. 10—11.

¹⁶ Подробнее см.: Четышил. Ук. соч. С. 569; Volkmann H. Tribus // Der kleine Pauly. Lief. 25. München, 1975. Sp. 950.

¹⁷ Meillet A., Ernout A. Dictionnaire étymologique de la langue latine. P., 1951.³ P. 1241. Cf. P., 1979². P. 702.

¹⁸ Zeuss J.C. Grammatica Celtica. Lpz, 1853. V. 1. P. 44; Ebel H. Oskisches // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung. 1857. Bd 6. S. 422—423; Curtius G. Grundzüge der griechischen Etymologie. Lpz, 1873. S. 226.

¹⁹ Pokorny. Op. cit. Bd 1. S. 1090.

²⁰ Ibid. S. 1071 f.; Ernout, Meillet. Op. cit.³ P. 1214; Walde, Hoffmann. Op. cit. Bd 2. s.v.; Frisk H. Griechisches etymologisches Wörterbuch. Bd 2. Heidelberg, 1970. S. 932. О суффиксе *-b(h)-* см.: Persson P. Studien zur Lehre von der Wurzelweiterung und der Wurzelvariation. Upsala, 1891. S. 54 f.

²¹ Связь между ними казалась М. Фасмеру неясной (Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 4. М., 1973. С. 46). Ср.: Андреев Н.Д. Раннеиндоевропейский праязык. Л., 1986. С. 52—53. Э. Бенвенист считал основным значением слова *τρέφω* «делаться, становиться, рождаться» (Ук. соч. С. 334 сл.). Согласно П. Демону, эти основные значения и конкретное значение «приниматься, начинать» связаны с понятием зародыша в утробе, что приводит к принятию традиционной этимологии слова из и.е. **dhr-ebh-*, выводимому из сравнения с терминами, обозначающими «осадок, отстой». Последнее позволяет принять в полисемии слова, опосредующие значения «начинать, делаться твердым, образовывать, оформляться» (Demont P. Remarques sur le sens de *τρέφω* // REG. 1978. 91. P. 381 f.). Cf.: Moussy C. Recherches sur *τρέφω* et les verbes grecs signifiant nourrir. P., 1969. P. 37. suiv.

по производным от основы *t(e)r(e)b(h)-, получило следующее смысловое продолжение: 1) «дробить, делить» — лат. *tribuo* «делить», тохар. В *tetriwu* «раздавленный», чешск. *třibiti* «просеивать» и др.; 2) «давать, уплотнять» — греч. *τρέφω* «уплотнять», лат. *třibulo* «давить, прессовать» и др.; 3) «пища» (дословно «протертое» и «выросшее») — лат. *s-treb-ula* «бэдренное мясо жертвенного животного», ст.слав. *трѣба*, др.рус. *тереба* «жертвоприношение», др.рус. *трибух*, болг. *търбух* «внутренности, требуха», укр. *тереб* «брюхо» (ср. развитие и.-е. *trī- «тереть» в лат. *trī-ticum* «обмолоченная пшеница»)²². Отсюда развились значения «кормить, расти; то, что выросло» — греч. *τρέφω* — «кормить, расти», лат. *trabs* «дерево», вероятно, полаб. *trebe* «рождество» и др. Дерево как строительный материал (ср. развитие в лат. *trabs* «дерево» → «бревно» → «балка» → «деревянная крыша») раздвинуло семантику основы *t(e)r(e)b(h)- в таких италийских, кельтских и германских производных, как оск. *trībúum* «дом, строить», умбр. *tremnu* «дощатое помещение», др.ирл. *treb* «дом, жилище», *atreba* (из **adtreb-*) «жить», валл. *treb* «деревня», др.в.нем. *Dorf* «деревня». Подобная семантика может покрывать значение лат. *tribus* как обозначения части населения, проживавшей в одном из первоначальных римских поселков. Вместе с тем *tribus* как обозначение подразделения римского населения может быть производным от глагола *tribuo* «делить, разделять» (если он не является производным от *tribus*).

Уяснив этимологию греч. *φυλή* и его латинского соответствия *tribus*, можно сравнить их семантику. Греч. *φυλή* обозначало объединение людей по признаку их совместного рождения и возрастания, а лат. *tribus* — по признаку их совместного проживания (либо по акту разделения целого на части). Если слово *tribus* этимологически восходит к понятию совместного проживания, семантически оно близко греческому *φυλή*, обозначающему группу людей по признаку совместного возрастания (разумеется, с совместным проживанием).

Проведенный анализ коммуникативной терминологии раннегреческого и раннеримского обществ свидетельствует об их близости в постиндоевропейский период развития — об определенном единстве коммуникативных факторов вплоть до первых столетий I тыс. до н.э. Это выразилось в близости их общественного устройства, проявлявшейся, как мы видели, и на терминологическом уровне. И греки, и римляне одинаково сохранили родовую структуру и общее обозначение рода (*γένος*, *gens*), а также формы коммуникации в виде фратрий — курий и фил — триб, причем эти термины при этимологической разности характеризуются семантической близостью.

С начала I тыс. до н.э. носители греческого и латинского языков вступили в новую историческую фазу своего социально-политического развития. Формирование архаического греческого и раннеримского обществ повлекло за собой расширение социально-коммуникативной терминологии.

²² Греч. *τρέφω* обычно сопоставляется с герм. *trebir* etc. «осадок, отстой», слав. *дробá* «осадок, пивные дрожжи», лит. *drebù* «бросать сгустками» и др., восходящими к и.-е. **dherebh-* «свертываться (о молоке), сжиматься, плотный» (*Pokorny*. Op. cit. Bd. 1. S. 257; *Frisk*. Op. cit. Bd. 2. S. 926 f.; *Boisacq E.* Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Heidelberg-Paris, 1923. P. 353; *Chantraine P.* Dictionnaire étymologique de la langue grecque. T. 3. P., 1974. P. 1133—1134). Очевидная близость вторичного значения основы **treb(h)-* «давить, уплотнять» семантике основы **dherebh-* «сжиматься, плотный» указывает на связь обеих основ и предполагает праформу **t(h)(e)reb(h)-* с чередованием *t* — *d*; ср. чередование *b* — *p*, предполагаемое семантической связью и.-е. **tręp-*, **tręp-* «давить, толкать, топтать» (греч. *τραπέω* «давить, выжимать, сок», афг. *drebəl* «надавливать, сыпать», др.англ. *drāfian* «теснить, давить», русск. «трепать» и др.) с вторичным значением основы **treb(h)-* «давить, уплотнять» (см. об указанных чередованиях: *Мейе А.* Введение в изучение индоевропейских языков. М.-Л., 1938. С. 190. сл.; *Семереньи О.* Введение в сравнительное языкознание. М., 1980. С. 109. сл.; *Hirt H.* Indogermanische Grammatik. Bd 1. Heidelberg, 1927. S. 298 f.

Выработка ее отражала кардинальные перемены в жизнедеятельности общества. Основной инновацией было постепенное преодоление родовых устоев через высвобождение индивидуума в экономической и социально-политической сферах. Выделение индивидуума из родового круга, его экономическую самостоятельность демонстрирует выявленное раскопками на поселениях Греции с начала I тыс. до н.э. абсолютное преобладание ойкосов, т.е. индивидуально-семейных жилищно-хозяйственных комплексов²³. Выделение индивидуума из родового круга последовало за сменой населения в Греции в результате миграций XII—X вв., когда сложились исторические области страны. Освоение ее территории дорийскими, ионийскими, эолийскими и северо-западными мигрантами сопровождалось разделом захваченной земли между племенами и внутри них по филам, а в конечном счете на индивидуальные участки в среде воинов. Отсюда важную роль в образовании социально-коммуникативной терминологии должно было играть понятие «раздела», обусловленное экспансионистским характером присвоения земли. О решающей роли миграций, т.е. завоеваний, в Греции XII—X вв. мы уже упоминали. В Риме территориальная экспансия, по данным традиции, началась с VIII в. Маленькая латинская община древнейшего Рима подчиняла и инкорпорировала в себя одну за другой общины италиков: по словам Тита Ливия (IV, 48. 3), в Риме не было даже клочка незавоеванной земли. Эта экспансия определялась потребностью римской общины в «жизненном пространстве» — необходимости неделиния воинов земель. В древнейшем Риме каждый воин получал югер завоеванной земли, позднее — два²⁴. Этим наследственным участком — *bina jugera* — обеспечивалось право римского гражданства. И в Греции право гражданства гарантировалось таким же наследственным наделом — κλήρος πατρώιος или παλαιός κλήρος²⁵. Это был олигархический институт, дававший доступ к полноправному гражданскому состоянию только наследственным владельцам «отеческого клера» или «двойного югера». И в этом институте наблюдается параллелизм развития греческого и римского обществ. По словам Варрона, двухьюгеровый участок назывался *heredium*, т.е. «наследством», доставшимся от отца, что перекликается с обозначением наследственного участка у греков «отеческим» (πατρώιος κλήρος).

Землевладельцы составляли корпоративную группу политически полноправного населения — таковы беотийские *δαμοῦχοι* (дословно «землевладельцы»), аргосские, аттические, самосские *γαμόροι*, *γεωμόροι*, *γῆμόροι* (дословно «получившие по жребию участок земли»)²⁶. Эти олигархические сообщества землевладельцев образовывали гражданскую общину (а не родовую, как встарь), что и составило качественно новый этап в развитии страны. Формирование гражданской общины — πόλις, δῆμος у греков, *civitas* у римлян — происходило на протяжении первых столетий I тыс. до н.э. и представляло собой основное содержание процесса исторического развития Греции и Рима этого времени. Формирование гражданской общины повлекло за собой падение царской власти в большинстве областей Греции к VII в., в Риме — к концу VI в. Подданный становился гражданином, и выработка понятия «гражданский статус» в Греции и Риме была тесно связана с фактором землевладения: владелец надела как части территории общины становился ее полноправным членом, т.е. гражданином. Отсюда, из

²³ Яйленко. Архаическая Греция... С. 15; *Drerup H.* Grlechische Baukunst in geometrischer Zeit. Göttingen, 1969. S. 87 f.

²⁴ *Синайский В.И.* Очерки из истории землевладения и права в древнем Риме. Киев, 1913. С. 141.

²⁵ Яйленко В.П. Греческая колонизация VII—III вв. до н.э. М., 1982. С. 132—134.

²⁶ Это особенно ярко проявилось в случае с сиракузскими гаморами; см.: Яйленко. Архаическая Греция... С. 115 сл. О дамухах см. там же, с. 59.

связи с землевладением, основанным на разделе земли в частную собственность, происходила важная роль понятия «делить, разделять» в образовании греческой и латинской социально-коммуникативной терминологии. С этим понятием связано круговое обозначение сообщества землевладельцев — δῆμος: сопоставляемое с глаголами δαίωμα, δαίω «делить, разделять», оно первоначально обозначало «часть земли, доставшаяся по разделу»²⁷. Отсюда развились значения слова, известные уже гомеровским поэтам — «страна, край, местность», так же как и обозначение их населения.

Согласно Аристотелю (Poet. 1448 а 36), дорийским эквивалентом ионийско-аттического слова δῆμος было κόμη — «неукрепленное поселение, сельский поселок, деревня». Это слово, не известное гомеровскому эпосу, впервые упоминается Гесиодом (Opera. 639. Fr. 18 Rz.). Этимологически оно сближалось с греч. κεῖμαι «лежать, находиться», гот. haims «деревня; pl. поля», лит. káima(s) «деревня», осск. ceus «деревня», которые восходят к индоевропейской основе *kei- «лежать, лагерь, жилище»²⁸. Однако П. Шантрэн с основанием заметил, что сопоставление κόμη с κεῖμαι «лежать, находиться» «не имеет большого смысла» и высказался в пользу объяснения, предложенного Л. Пальмером²⁹. Последний отметил, что, как δῆμος восходит к основе dai- «разделять», так и κόμη вместе с микенским kekemeno и глаголами ке́ζω, *ке́ω «разделять» восходит к основе *kei- «делить», т.е. κόμη, как и мик. kekemeno, первоначально имело значение «разделенная земля». Таким образом, дорийское κόμη, как и δῆμος, восходит к понятию «разделять (землю)» (как, следовательно, и его соответствия — гот. haims, лит. káima(s) и др.).

На наш взгляд, наряду с κόμη к той же основе *kei- принадлежат и лат. cívīs «гражданин», cívitas «право гражданства, гражданская община, сообщество, граждане, народ, город». Считается, что в основе слова cívitas лежит cives, которое сближается с германскими соответствиями: гот. heiwa-frauja «владыка дома», др.в.нем. hiwo «муж» и др. (и.-е. *k^woi-); поскольку в латинском «семейная» терминология принимала официальный характер, слово cívīs стало обозначать «члена городской общины», а производное cívitas заместило древний индоевропейский термин со значением «народ», утраченный латынью (оск. touto, ирл. túath)³⁰. Обратим, однако, внимание на два обстоятельства. Во-первых, как в Греции, так и в Риме право гражданства обуславливалось фактом землевладения, восходящим в конечном счете к разделу земли. Во-вторых, необходимо учитывать значительно большую семантическую связь лат. cívitas с греческими терминами δῆμος и κόμη, подобно которым он обозначает и коллектив людей и место их обитания. Это дает основания поискам этимологического соответствия для cives и cívitas того же характера, что и для κόμη. Последнее, как отмечено выше, восходит к индоевропейской основе *kei- «делить» вместе с греческими глаголами ке́ζω, *ке́ω и другими фактами. Глагол *ке́ω известен (Od. XIV. 425) в виде причастия кеῖων (вместо *кеῖων из *кеάων) и может иметь основу *kes- (так полагал Я. Фриск) или *kěw-, что предлагали Л. Дедерляйн, П. Перссон с привлечением др.в.нем. houwan «рубить»³¹. К образваемой гомеровским кеῖων (из *kewjōn) «разделяя,

²⁷ Frisk. Op. cit. Bd 1. S. 381; Chantraine. Op. cit. T. 1. P. 274.

²⁸ Pokorny. Op. cit. Bd 1. S. 539—540; Frisk. Op. cit. Bd. 2. S. 61.

²⁹ Chantraine. Op. cit. T. 2. P. 507—508, 606; Palmer L. The Interpretation of Mycenaean Greek texts. Oxf., 1963. P. 86, 188 f.

³⁰ Vaníček. Op. cit. S. 65; Ernout, Meillet. Op. cit.⁴ P. 124; Walde, Hoffmann. Op. cit. Bd 1. S. 224 f.

³¹ Frisk. Op. cit. Bd 1. S. 806; Doederlein L. Homerisches Glossarium. Bd 3. Erlangen, 1858. S. 109; Persson. Studien. S. 134, ср. S. 87; Pokorny. Op. cit. Bd 1. S. 586; из и.-е. *kes- «резать» при лат. castrо «подрезать, обрубать». Обе реконструкции *kes- и *kew- возможны, так как первую поддерживает санскр. śas-ati «резать», вторую — др.в.нем. houwan и обе они не противоречат друг другу: это одна основа *kei- с разной суффиксацией — -s- и -w-.

раскалывая» и др.в.нем. *houwan* индоевропейской основе **kēw-* «разделять» может быть возведено и лат. *cīv-i-* (в *cīvi-s, cīvi-tas*), которое, стало быть, вместе с греч. *κῶμη* восходит к одной индоевропейской основе **kei-* и имеет первоначальное значение «разделенная (земля), надел», то же, что и микенское *kekemeno*. Отсюда первоначальный смысл лат. *cives* — «держатель надела», а *civitas* — это «право обладания наделом», откуда развились позднейшие словарные значения «право гражданства», «гражданская община» и «город» как занимаемая ею территория. Хотя впервые *cives* упоминаются в законе 509 г. о провокации и в Законах XII таблиц, составленных в середине V в. до. н.э., этимология слова показывает, что эта сословная категория формировалась с самого начала существования римской общины, т.е., если придерживаться традиционной хронологии, с VIII в. до н.э.³²

Итак, *cives* и *δῆμος* как обозначения круга землевладельцев терминологически близки. Заложенное в них фундаментальное понятие «раздела» уходило своими корнями в племенной еще обычай раздела захваченной добычи или земли, который хорошо представлен в гомеровских поэмах³³. Поэтому образование терминов *cives* и *δῆμος* не обязательно отражало существование гражданской уже общины — понятие «гражданин» вырабатывалось в процессе социально-политического становления греческого и римского обществ (в Греции оно сложилось в VII—VI вв. до н.э.). На ранних этапах этого процесса — в первых столетиях I тыс. до н.э. — еще были сильны традиции родового строя, в частности потестарный статус отца рода или главы семьи. Власть отца — институция общиндоевропейского характера, долго удерживавшаяся в постиндоевропейских общностях. Отцу как воину принадлежал родовой (семейный) участок земли, что и прослеживается в греческом обозначении наследственного клера — *πατρώϊος* «отеческий». Отцы родов и семейств как землевладельцы составляли правящий слой формировавшихся с начала I тыс. до н.э. гражданских общин аристократического или, лучше сказать, олигархического толка.

И в архаической Греции и в раннем Риме обозначение правящего сословия было образовано от слова «отец» — *patricii* в Риме, *εὐπατρίδαι* в Аттике. Плутарх переводил этим греческим словом римский термин (например, *Publ. 18, 3*), т.е. эта общность обратила на себя внимание еще в древности. По мнению Дионисия Галикарнасского (*Ant. Rom. II. 8. 1*), разделение римлян на патрициев и плебеев Ромул «заимствовал из устройства Афин того времени». Сохранившиеся у Плутарха и в «Большом этимологике» дефиниции сословия евпатридов чрезвычайно близки дефиниции сословия патрициев у Дионисия, называвшего последних евпатридами. Сравним эти дефиниции³⁴.

Согласно указанным источникам, афинские евпатриды происходили из знатных домов или даже принадлежали к царскому роду, проживали в городе, имели большие состояния, занимали правящие должности, были истолкователями законов и осуществляли надзор за отправлением культов и священнодействий. Римские патриции, согласно определению Дионисия Галикарнасского (*Ant. Rom. II. 9. 1*), должны были исполнять жреческие, магистратные и судейские должности, содействовать ему (Ромулу. — *В. Я.*) в управлении общественными делами, посвящая себя решению городских дел”.

И в Греции и в Риме наряду с привилегированными сословиями имелись зависимые сословия. В Риме это плебеи, в различных областях

³² Обычно образование категории *cives* относят к VI в. (*Маяк. Populus, cives, plebs...* С. 68).

³³ О племенном характере понятия «раздела» и анализ данных греческих источников о нем см.: *Vorecky B. Survivals of some tribal ideas in classical Greek. Prague, 1965.*

³⁴ Подробнее см.: *Яйленко. Архаическая Греция...* С. 19.

Греции — георгои, феты, пелаты, геоморы, пенесты и т.д. По мысли Дионисия Галикарнасского (Ant. Rom. II. 9. 2), Ромул ввел в Риме клиентные отношения между плебеями и патрициями «по древнему греческому обычаю, которому долгое время следовали фессалийцы, а в древности афиняне». Как бы ни складывалась в действительности система социальной стратификации в раннем Риме, очевидно, что она прошла путь, близкий тому, что прошли архаические греческие полисы. И в архаической Греции и в раннем Риме стояли одни и те же вопросы социально-политического развития: уничтожение долгового рабства, расширение круга землевладельцев и доступа к магистратурам и др. Способы решения этих вопросов были разнообразными и в различных областях Греции и в Риме, но прослеживаются и общие магистральные пути: преодоление привилегий олигархического круга, усиление социальной активности масс, демократизация разных сфер общественной жизни, кодификация обязательного для всех и равного законодательства и т.д.³⁵

Отмеченная общность социального развития архаического греческого и раннего римского обществ сопровождалась сложением близкой социальной терминологии, обозначавшей сословия. Наряду с одинаковым обозначением привилегированного сословия по происхождению от отца — *eúpatrídai* в Аттике и *patricii* в Риме — латинское обозначение зависимого сословия *plebs* имеет этимологическую связь с греч. *πλήθος* «множество людей, толпа, народ». Оба они восходят к индоевропейской основе **pledh-*, обозначавшей низшее сословие лично свободных людей в индоевропейском обществе³⁶. Это сословие сохранилось вместе с термином в германском, кельтском, раннеримском и раннегреческом обществах. В греческом слово *πλήθος* в основном утратило свое терминологическое значение, но кое-где сохранило. Так, в отдельных декретах оно употреблялось в качестве эквивалента конституционного слова *δημος*, ср. *Ἐρυθραίων τὸ πλήθος*, *Ἀθηναίων τὸ πλήθος* (афинское постановление об Эритрее 53 г. до н.э.), одновременно обозначая «народное собрание» в Локриде и на Крите (декреты VI—V вв. до н.э.)³⁷. Последнее является результатом борьбы «третьего сословия» за полные гражданские права в архаическое время. И в Риме происходил тот же процесс — движение плебса за уравнивание в основных гражданских правах с патрициями. Особенностью развития этого процесса здесь, где он завершился в III в. до н.э., было его запаздывание примерно на два-три столетия сравнительно с Грецией.

Процесс включения неполноправных свободных в число полноправных был перманентным на протяжении первых столетий I тыс. до н.э. и облегчался отсутствием четких границ между сословиями в ранней Греции³⁸. Поэтому слово *δημος*, как мы видели, первоначально обозначавшее круг полноправных землевладельцев, довольно скоро, уже в гомеровских

³⁵ См. об этом: *Лурье С.Я.* История Греции. Л., 1940; *Зельин К.К.* Борьба политических группировок в Аттике в VI в. до н.э. М., 1964; *Андреев Ю.В.* Раннегреческий полис. Л., 1976; *Яйленко В.П.* Архаическая Греция // Античная Греция. Т. I. М., 1983; *он же.* Архаическая Греция и Ближний Восток; *Фролов Э.Д.* Рождение греческого полиса. Л., 1988; *Bengtson H.* Grundriss der römischen Geschichte. Bd 1. München, 1982; *Rouland N.* Clientela. Essai sur l'influence des rapports de clientèle sur la vie politique romaine. P., 1977; *Richard J.-C.* Les origines de la plèbe romaine. P., 1978; *Legge e società nella repubblica romana.* Napoli, 1981; *Serrao F.* Diritto privato. Economia a società nella storia di Roma. Napoli, 1984. Pt 1.

³⁶ *Scovazzi M.* Le origini del diritto germanico. Milano, 1957. P. 314—318; *Szemerényi O.* Principles of etymological research in the Indo-European languages // Innsbrucker Beiträge zur Kulturwissenschaft. 1962. Bd 15. S. 184—186; *Richard.* Op. cit. P. 103—108.

³⁷ Тексты см.: *Meiggs R., Lewis D.* A Selection of Greek Historical Inscriptions. Oxf., 1969. P. 22, 37, 90, 100.

³⁸ О размытых границах сословий см.: *Яйленко.* Архаическая Греция и Ближний Восток. С. 60. О расширении олигархий см.: *он же.* Архаическая Греция. С. 174, 188 сл.

поэмах, стало обозначением всего населения города или страны. Все население города (общины) обозначалось в греческом языке также словом πόλις. Впервые это его значение встречается у Гесиода; в гомеровских поэмах оно имеет значение «город», «крепость», «страна» (как видно, значения слов δῆμος и πόλις в ранних памятниках близки). Термин πόλις по происхождению родствен рассмотренным терминам πλῆθος plebs: давнее их и.-е. *pledh- принадлежит к группе основ *pel-, *pelə-, *ple- «лить, наполнять, насыпать»³⁹. Вопреки распространённому мнению, к основе *pēl- слово πόλις не может относиться⁴⁰. Соответствующим ему др.инд. pūḡ, puris «крепость, город», лит. pilis «замок» указывают на слоговое l, т.е. названные лексемы восходят к основе *pel- в редуцированной ступени — *pəl̥Ni- или лучше, по К. Штрунку, *pel̥N-s, где исчезновение ларингала N₁ дало i (т.е. -l̥N- > греч. -ολι-); сюда принадлежат также с ú-суффиксом др.-инд. puríḡs «многий», греч. πολύς «многий, многочисленный», с n-суффиксацией лит. pilnas, гот. fulls, ст.слав. плънь, др.инд. pūrṇá- «полный»⁴¹. Таким образом, первоначальное значение слова πόλις (буквально «то, что наполняет») — «людская масса, население, народ»⁴². На наш взгляд, такое же происхождение имеет и латинский термин populus, обозначающий свободное население древнего Рима⁴³. Его окончание номинатива -us(< -os) продолжает индоевропейское окончание *-os. Следовательно, группа *-l̥N- оказалась в предвокалической позиции, в которой ларингал исчезал, не оставив рефлекса, т.е. и.-е. *p̥l̥N-os > лат. *pol-os, что с удвоением дало архаич. po-pol-(Lex Vant. — CIL. I². 582) > populus⁴⁴. Значение его то же, что и у слова πόλις — как производное от индоевропейской основы со значением «наполнять» populus (дословно «то, что наполняет», «наполняющая масса») обозначает «людскую массу, население, народ»⁴⁵.

³⁹ *Pott. Op. cit. Bd 1. S. 264; Bd 2. S. 118. Pokorny. Op. cit. Bd 1. S. 798—800.* Слово πόλις связывали и с основой *pel- «толкать, подталкивать сесть» (*Walde A., Pokorny J. Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen. V.—Lpz, 1926—1927. Bd. 2. S. 577*). Я. Фриск расценивал сближения слова πόλις с понятиями «насыпать, наполнять» и «толкать» как «гипотезы, не представляющие большого интереса» (*Frisk. Op. cit. Bd 2. S. 577*).

⁴⁰ Связь с основой *pel-: *Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч. Вс.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. Т. 2. Тбилиси, 1984. С. 744. О невозможности развития ol в таком случае см.: *Sprecht F. Beiträge zur griechischen Grammatik // Zeitschrift für vergleichende Sprachwissenschaft. 1932. Bd 59. Ht 1—2. S. 111 f.; Schwyzer E. Griechische Grammatik. Bd 1. München, 1939. S. 344.*

⁴¹ *Широков О.С.* История греческого языка. М., 1983. С. 97; *Strunk K.* Verkannte Spuren eines weiteren Tiefstufentyps im Griechischen // *Glotta. 1969. Bd 47. S. 2—3.* П. Шантрен отметил, что форма πόλις не обязательно должна указывать на заимствование слова πόλις греческим из субстратной лексики (*Chantraine. Op. cit. T. 3. P. 926—927*).

⁴² То обстоятельство, что в гомеровских поэмах слово имеет значение «город, крепость, страна», а значение «народ», «население» встречается впервые у Гесиода, никак не является свидетельством первичности гомеровского и вторичности гесиодовского значений: это один эпический язык первых столетий I тыс. до н.э., и предпочтительность семантики тех или иных лексем в нем зависела от склонностей авторов.

⁴³ Происхождение этого слова неясно. Его производили от *pleo «наполнять», pello «бить, толкать» (ср. те же. но греческие глаголы, к которым относили слово πόλις, см. выше). Ясно только, что populus — форма с удвоением основы *pol-, которую можно усматривать в mani-pulus «горсть, пучок; отряд солдат». См. *Ernout, Meillet. Op. cit. P. 522; Walde, Hoffmann. Op. cit. Bd 2. s.v.*

⁴⁴ Так же и в греческом ларингал группы -l̥N- в предвокалической позиции исчезал без рефлекса: и.-е. *p̥l̥N-ú- «много» > гр. πολύς (*Strunk. Op. cit. S. 3*). И.-е. *l̥- давало в латинском -ol-; кроме того, в латинском корневое о перед веларным l переходит в u, о чем см., к примеру: *Тронский И.М.* Историческая грамматика латинского языка. М., 1960. С. 83. Удвоение в именах существительных не играет грамматической роли и носит экспрессивный характер (*Meiße. Ук. соч. С. 199, 287*), оно породило архаические формы о синкопированной гласной основы — poplo, poploe etc.

⁴⁵ К. Штрунк связывал греч. πόλις с и.-е. *pel̥N- > *p̥l̥- «наполнять» и придавал его непосредственному источнику — и.-е. *p̥l̥N-s значение «стена, крепость, город» (*Strunk. Op. cit. S. 2, 6*). Ввиду вышеизложенного о семантической связи понятий «наполнять» — «людская масса» (дословно «то, что наполняет») следует полагать, что у и.-е. *p̥l̥N-s было первичное значение «население, народ», откуда развилось вторичное «город» и далее «крепость».

В историческом плане существенно, что слова πόλις и populus вошли в конституционную терминологию, одинаково обозначая общину как политическое целое, ср. выражения τάδεῖφαδε πόλις «следующее постановление общиной» (локридские декреты V в. до н.э.) и populus Romanus iussit «римский народ постановил» (в древней формуле объявления войны — Liv. I. 32. 13)⁴⁶.

Такова лингвистически вскрываемая предыстория и история социально-политического развития архаического греческого и раннеримского обществ. Приведенные терминологические соответствия показывают, что процесс исторического развития обоих обществ во многом был близок: там и тут формировалась община городского типа полис. В основных институциях, так же как и процессах социально-политического развития, архаическая Греция и ранний Рим обнаруживают принципиальное единство — землевладение как основа гражданского состояния, выработка самого понятия «гражданский статус», олигархическая ограниченность круга граждан — землевладельцев и расширение его в результате борьбы неполноправных свободных за полный гражданский статус, политическое конституирование общины, т.е. формирование полисного строя и т.д. Все это сопровождалось выработкой греческой и латинской терминологии, близкой этимологически или шедшей по параллельному пути семантического развития. Так, в противоположность великому К.-О. Мюллеру мы можем констатировать: у греков и римлян *vocabula forensia similia sunt!*

В.П. Яйленко

⁴⁶ О терминологическом значении слова populus см.: *Маяк*. Populus, cives, plebs... С. 69 сл., с литературой.

COMMONALITY
OF COMMUNICATIVE AND SOCIAL TERMINOLOGY
OF ANCIENT GREECE AND EARLY ROME:
HISTORICO-LINGUISTIC ASPECT

V.P. Yailenko

Studies of the latest decades showed parallelism in the social development of ancient Greece and early Rome. At the same time, in the opinion of the author, both Greeks and Romans developed parallel communicative terminology, close either etymologically or semantically, i.e. formed after one pattern. The article shows etymological or semantic parallelism of the following pairs of terms φράτρια = c(o)u(i)ria, φυλή = tribus, κώμη = civitas (going back to the Indo-European *kei «divide», εὔπατριδαί = patricii, πόλις = plebs (going back to the Indo-European *pledh, from *pelH «fill» «mass of people»).

ГИПОМЕЙОНЫ И МОФАКИ

(Структура гражданского коллектива Спарты)

Античная историография оставила нам мало данных об истории и путях развития спартанского полиса. Тем легче, пожалуй, выделить среди немногочисленных фактов узловые моменты. Для позднеклассического периода таким узловым моментом можно считать рубеж V и IV вв. до н.э. К этому времени внутренняя неустойчивость спартанского общества перестала носить скрытый характер и вылилась в глубокий социально-экономический и политический кризис. Одним из главных признаков этого кризиса является изменение социальной структуры гражданского коллектива Спарты. Именно в этот момент, по-видимому, перестали совпадать между собой и разошлись по разным смысловым группам такие два понятия, как «спартиаты» и «гомеи» (ἴμοιοι — равные). Пока спартанский гражданский коллектив в своей массе был единым, эти термины скорее всего были синонимами и соответственно эквивалентами спартанскому гражданству *in согоре*. Однако зафиксированный для рубежа V—IV вв. распад гражданского коллектива на несколько неравноправных групп вполне мог привести к смысловому расхождению дотоле адекватных понятий. В этот период, по словам В. Эренберга, «из узкой олигархии спартиатов возникла еще более узкая олигархия гомеев»¹. Для IV—III вв. гомеи — это уже не все спартиаты, а только «лучшая», т.е. имущая их часть.

В источниках зафиксирован и объяснен процесс постепенной утраты спартянами своего корпоративного единства. По словам Исократ, именно сохранение корпоративного единства было главной целью законодательства Ликурга: «Лишь для себя они установили равноправие и такую демократию, какая необходима для тех, кто намерен навсегда сохранить единодушие граждан» (XII. 178; пер. И.А. Шишовой). С Исократом, писавшим об архаической Спарте, перекликается Аристотель, хорошо знавший конечные результаты законов Ликурга, оказавшиеся прямо противоположными заложенной в них идее. В своем критическом обзоре спартанского строя Аристотель отметил, что обязательность равного взноса в сисситии при кажущемся его демократизме была, собственно, недемократической мерой, ибо она ложилась тяжким бременем на бедных, не особенно отягощая при этом богатых. «У лакедонян же каждый обязан делать взносы, несмотря на то, что некоторые по причине крайней бедности не в состоянии нести такие издержки, так что получается результат, противоположный намерению законодателя. Последний желает, чтобы институт сисситий был демократическим, но при существующих законоположениях он оказывается менее всего демократическим. Ведь участвовать в сисситиях людям очень бедным нелегко» (Pol. 1271a 30-36; пер. С.А. Жебелева). Это замечание Аристотеля свидетельствует о понимании им социальной сущности спартанского государства: там, где правовое равенство зависит от равенства экономического, с нарушением последнего дает трещину и вся социальная система.

Наблюдение Аристотеля, конечно, относится уже к достаточно позднему времени. Оно фиксирует ситуацию в Спарте позднеклассического времени, когда традиционные полисные структуры выступают уже в заметно деформированном виде. Водоразделом между той идеальной картиной, которую рисует Исократ, и той печальной действительностью, которая зафиксирована у Аристотеля, хронологически, по-видимому, является рубеж

¹ *Ehrenberg V. Sparta // RE. 2. Reihe. Bd 3. Hlbd 6. 1929. Sp. 1402.*

V и IV вв. — время издания закона Эпитадея, фактически сделавшего клеры отчуждаемыми (Plut. Agis. 5). Ретра Эпитадея выявила истинную картину социально-экономических отношений внутри класса спартиатов. Славившаяся прежде своей монолитностью и корпоративной спайкой община «равных» оказалась фикцией. Обезземеливание большей части ее членов привело к необратимым последствиям и навсегда разрушило единство правящего сословия. Не случайно, по-видимому, сразу после принятия закона Эпитадея напряженность в обществе едва не вылилась в социальную революцию. Рассказ Ксенофонта об этом событии — заговоре Кинадона — рисует нам уже общество, далекое от идеалов первоначального равенства и единодушия.

Для исследователя ценность рассказа Ксенофонта заключается также в том, что здесь первый и единственный раз в греческой историографии появляются такие новые понятия, как «гипомейоны» и «малая экклесия». Перечисляя группы неполноправного населения, готового принять участие в заговоре Кинадона, Ксенофонт среди прочих хорошо известных категорий называет также гипомейонов (ὕπομειονες — «младшие», «меньшие», «опустившиеся»). Цитируем это место Ксенофонта: «Руководители заговора посвятили в свои планы лишь немногих, и притом самых надежных людей, но они хорошо знают, что их замыслы совпадают со стремлениями всех илотов, неодамодов, гипомейонов и перизков» (Hell. III. 3.6; пер. С.Я. Лурье). Возможно, что именно гипомейонов имели в виду Ксенофонт в «Лакедемонской политике» (X. 7) и Аристотель в «Политике» (1271 а 26—37), где описываются обедневшие спартиаты, потерявшие свои гражданские права. Вот что говорит по этому поводу Ксенофонт: «Ни с физической слабостью, ни с имущественным недостатком он (Ликург. — Л.П.) не считался; но если кто-нибудь не станет исполнять законы, того Ликург указал более не считать принадлежащим к числу "равных"» (Lac. pol. X. 7). Из этого отрывка можно заключить, что гипомейоны (а скорее всего именно их имеет в виду Ксенофонт) были первоначально спартанскими гражданами, которые оказались исключенными из общины «равных» или из-за своих физических недостатков, которые делали невозможной для них службу в армии, или из-за финансовой несостоятельности, которая лишала их обязательного для граждан участия в сисситиях.

В общих чертах с картиной, нарисованной Ксенофонтом, совпадает и более конкретное сообщение Аристотеля: «Не могут считаться правильными и те законоположения, которые были введены при установлении сисситий... Средства на устройство их должно давать скорее государство, как это имеет место на Крите... Ведь участвовать в сисситиях людям очень бедным нелегко, между тем как участие в них, по унаследованным представлениям, служит показателем принадлежности к гражданству, ибо тот, кто не в состоянии делать эти взносы, не пользуется правами гражданства» (Pol. 1271 а 26—37). На основании этих слов Аристотеля можно предположить, что граждане, которые не владели больше земельными участками, клерами, не могли принимать участие и в общественных обедах, сисситиях. Однако на основании этого текста сделать вывод, что обедневшие спартиаты вообще лишались всех своих гражданских прав, видимо, все-таки нельзя. Как нам кажется, данному тексту Аристотеля можно придать несколько другое толкование, чем это делает в своем переводе С.А. Жебелев. Так, фразу τὸν μὴ δυνάμενον τοῦτο τὸ τέλος φέρειν μὴ μετέχειν αὐτῆς [τῆς πολιτείας] он переводит: «ибо тот, кто не в состоянии делать эти взносы, не пользуется правами гражданства». Но μὴ μετέχειν αὐτῆς можно понять и как «не принимает участия в государственном управлении». Такое понимание текста снимает противоречие между Аристотелем и Ксенофонтом и делает возможным предположение, что гипомейоны продолжали оставаться спартанскими гражданами, однако с меньшими, урезанными правами.

Малый объем источников и спорность их толкования привели к тому, что в современной историографии нет единого мнения о статусе гипомейонов. Прежде всего споры ведутся вокруг того, можно ли считать гипомейонов гражданами или они были полностью исключены из гражданского коллектива. Версию о негражданском статусе гипомейонов отстаивают У. Карштедт и П. Олива. По мнению У. Карштедта, гипомейоны стоят вне понятия гражданства, поскольку, лишившись клера, они потеряли возможность принимать участие в сисситиях и служить в гражданском ополчении. Однако, как думает У. Карштедт, гипомейон снова мог стать гражданином при восстановлении своего имущественного положения². К этой точке зрения присоединяется и П. Олива. Гипомейонов он относит к жителям Спарты, которые пользовались личной свободой, но не имели гражданских прав³. Этот их вывод основывается на известном месте в «Политике» Аристотеля, где речь идет об обедневших спартиатах, исключенных из сисситий (1271 а 26—37). Однако, как мы показали выше, текст Аристотеля допускает разные толкования. Во всяком случае, из него нельзя сделать жесткого вывода, что гипомейоны полностью лишались всех своих гражданских прав, как это делают У. Карштедт и П. Олива.

Более вероятной нам кажется точка зрения тех ученых, которые видят в гипомейонах спартанских граждан, лишившихся, как правило, из-за бедности, большей части своих политических прав, может быть, кроме права участвовать в народном собрании⁴.

Спорным является также вопрос о времени возникновения института гипомейонов в Спарте. То, что Ксенофонт вводит в оборот новое понятие «гипомейоны» именно в рассказе о заговоре Кинадона, который датируется, как правило, 398 г.⁵, дает нам, таким образом, *terminus post quem*. В момент заговора Кинадона гипомейоны уже были. Само же это сословие образовалось и консолидировалось в обособленную социальную группу, по-видимому, не ранее второй половины V в.⁶

² Kahrstedt U. Griechische Staatsrecht. Bd I. Sparta und seine Symmachie. Göttingen, 1922. S. 46, 50.

³ Oliva P. Sparta and her social problems. Prague, 1971. P. 177 f., 192.

⁴ Васильевский В.Г. Политическая реформа и социальное движение в древней Греции в период ее упадка. СПб., 1869. С. 127. Прим. 2; Schömann G. Griechische Alterthümer. 4. Aufl. Bd I. В., 1897. S. 226. Г. Шоманн характеризует гипомейонов как «средний класс, который, с одной стороны, не имел всех прав спартанского гражданства, а с другой стороны, находился относительно не в таком же подчиненном положении, как илоты, неодамоды или периэки»; Schulthess. Homioi // RE. Bd VIII. 1913. Sp. 2256; Poralla P. Prosopographie der Lakedaimonier bis auf die Zeit Alexanders des Grossen. Breslau, 1913. S. 72; Lenschau Th. Kinadon // RE. Bd XI. Hlbd 21. 1921. Sp. 458; Chrimes K. Ancient Sparta. Manchester, 1952. P. 355 f.; Bengtson J. Griechische Geschichte. 2. Aufl. München, 1960. S. 116; Finley M.I. The Use and Abuse of History. L., 1975. P. 170. Гипомейонами Финли называет спартиатов, потерявших свой статус, но все-таки оставшихся внутри общины как «второсортные граждане»; Cartledge P. Sparta and Lakonia. L., 1979. P. 314.

⁵ О хронологии заговора Кинадона см.: Печатнова Л.Г. Заговор Кинадона // ВДИ. 1984. № 2. С. 133. Прим. 1.

⁶ Время появления гипомейонов и оформления их в особую социальную категорию определяется по-разному, но в любом случае в рамках V в. Отсутствие античных свидетельств делает, конечно, все наши предположения гипотетическими, однако думается, что эта категория появилась уже в период Пелопоннесской войны. Косвенное подтверждение тому — появление в начале Пелопоннесской войны неодамодов. Первое упоминание о неодамодах относится к 421 г. (*Thuc.* V. 34.1). Из контекста Фукидида ясно, что к этому времени неодамоды уже выделились в особую категорию лиц, отличную от илотов (ср. также *Thuc.* V. 67.1). Как нам известно, освобождение илотов и превращение их в неодамодов носило исключительно целевой характер: неодамоды служили в армии и заменяли собою тех спартиатов, которые из-за бедности выбыли из гражданского ополчения. Таким образом, без гипомейонов скорее всего не было бы и неодамодов. Появление этих двух новых социальных групп жестко связано между собой. Поэтому если неодамоды уже были в 421 г., то были и гипомейоны.

Причины, которые привели к образованию этой новой группы внутри спартанского общества, видимо, носили исключительно экономический характер и были связаны с системой спартанского землевладения. Без сомнения, политическое равенство спартиатов первоначально имело своей базой их экономическое равенство, т.е. распределение равных клеров среди всех спартанских семей. Эд. Вилль, исследуя причины спартанской олигантропии, приходит к выводу, что социальная мобильность спартанского общества была связана «с земельным режимом, который был равноправным только в момент возникновения»⁷. Действительно, наши источники надежно зафиксировали тот факт, что численность спартиатов уже в V в. непрестанно уменьшалась (*Herod. VII. 234. 2; Thuc. V. 68; Xen. Hell. IV. 2. 16*). Как заметил уже В.Г. Васильевский, исчезновение спартиатов «совершается как будто бы по какому-то закону, в известной определенной пропорции. Приблизительно 50-летний период оказывается как бы нормальным сроком, в продолжение которого число спартиатов уменьшается вдвое... Следовательно, постоянство и правильность явления заставляет предположить постоянную и правильную причину»⁸. Эта причина крылась, очевидно, в социальной политике самого государства. В Спарте, где принадлежность к гражданскому коллективу обеспечивалась обязательным наличием земельного участка, клера, потеря последнего означала автоматическое исключение из числа полноправных граждан. А так как сама система спартанского землевладения, по-видимому, очень рано разрегулировалась, то результатом и было то, что за полтора века (с начала V до середины IV в.) количество спартиатов уменьшилось с 10 до 1 тысячи (*Herod. VII. 234, 2; Arist. Pol. 1270 a 30—33; 38*). Уже Аристотель в «Политике» не только отметил факт олигантропии, но и интерпретировал его как результат спартанской системы землевладения и наследования (1270 a 15—34).

Как шел процесс обезземеливания, мы, конечно, не знаем. Возможно, уже в течение V в. некоторые семьи в Спарте смогли приобрести больше земли, чем имели на это право. Таким образом, их интересы были поставлены выше интересов полиса, который был заинтересован в том, чтобы поддерживать определенное число «равных». Этот процесс особенно должен был усилиться в конце Пелопоннесской войны, когда приток денежных богатств в Спарту с неизбежностью привел к возникновению крупных состояний, которые полис вряд ли мог эффективно контролировать. Принятый именно в это время закон Эпитадея, разрешивший *de facto* куплю-продажу клеров, только узаконил, по-видимому, практику, имевшую место и ранее. Как было замечено В.Г. Васильевским, а вслед за ним и другими учеными, деньги и земля сосредоточились в одних и тех же руках⁹. Те спартиаты, которые сумели за время войны обогатиться, активно стали вкладывать свои деньги в землю, постепенно увеличивая свою недвижимую собственность. Через полтора века этот процесс привел к тому, что в Спарте осталось не более ста семей, владеющих землей (*Plut. Agis. 5, 7; ср.: Arist. Pol. 1307 a 36*). «Короче говоря, — подводит итог Р. Картлидж, — если бы я мог выделить одну группу спартанцев, как главных виновников гибели Спарты, этой группой стали бы те немногочисленные богатые спартиаты, которыми... так восхищались Ксенофонт и Плутарх»¹⁰.

Таким образом, за фасадом декларативного равенства шел процесс размежевания гражданского коллектива на две социальные группы: земле-

⁷ Will Ed. *Le monde grec et l'orient*. T. I. P., 1972. P. 442.

⁸ Васильевский. Ук. соч. С. 112.

⁹ Васильевский. Ук. соч. С. 123; Cartledge. *Op. cit.* P. 316 f.

¹⁰ Cartledge. *Op. cit.* P. 317.

владельческую олигархию, члены которой продолжали именовать себя «равными», и лишенную земли и потому потерявшую основную базу своего гражданского равноправия массу рядовых общинников¹¹. Последних правящая корпорация вполне логично стала именовать гипомейонами.

Большинство ученых согласно с тем, что основную причину появления гипомейонов нужно искать в области экономики¹². Однако в круг гипомейонов попадали не только «экономические неудачники»; судя по высказыванию Ксенофонта, любая физическая или моральная несостоятельность могла привести спартамца к исключению из числа равных (Лас. пол. X. 7). На этот внеэкономический источник пополнения рядов гипомейонов указывают Г. Шоманн, Г. Бузольт, М. Финли, П. Картлидж¹³. Важным кажется замечание П. Картлиджа, что люди, «потерпевшие фиаско в период воспитания» или не выбранные в сисситии, автоматически не годились для гоплитской службы и уже потому оказывались в рядах гипомейонов¹⁴. Вариант их дальнейшей судьбы нетрудно себе представить. Будучи воинами-профессионалами, они не умели и не хотели заниматься чем-либо иным. Вряд ли даже малая их часть шла в ремесло. Им в любом случае было бы не выдержать конкуренции с теми, для кого ремесло было наследственным делом. С другой стороны, в общественном сознании любая профессиональная деятельность, кроме военной, не пользовалась особым уважением и считалась монополией перизков и иностранцев. Поэтому для гипомейонов, во всяком случае в первом поколении, занятие ремеслом должно было представляться делом неприемлемым¹⁵. Скорее можно думать, что часть их становилась наемниками, а другая часть использовалась для военно-полицейской службы внутри государства.

Н.И. Голубцова расцвет наемничества связывает именно с фактом обезземеливания основной массы спартамских граждан. По ее мнению, «расцвет наемничества относится... к началу IV в. до н.э., когда из Спарты множество людей уходило в войска других государств. Это обстоятельство указывает на наличие большого количества спартиатов, потерявших свои земельные наделы и вынужденных добывать средства для

¹¹ Этот вывод вполне согласуется с тем критическим анализом спартамского государственного устройства, который дает Аристотель в «Политике». Как мы уже говорили, в источнике есть конкретные данные о спартамской олигантропии, но только Аристотель дал этому процессу убедительную интерпретацию. Вот что он пишет: «Оказалось, что одна часть граждан владеет собственностью очень больших размеров, другая — совсем ничтожной. Поэтому дело дошло до того, что земельная собственность находится в руках немногих... Вышло то, что хотя государство в состоянии прокормить тысячу пятьсот всадников и тридцать тысяч тяжелооруженных воинов, их не набралось и тысячи» (1270 а 17—19; 30—32). Аристотель и неудачи во внешней политике Спарты связывал с недостатками ее внутренней системы: «Одного вражеского удара государство не могло вынести и погибло именно из-за малолюдства» (1270 а 34—35). Единственный удар, о котором говорит здесь Аристотель, — это поражение при Левктрах в 371 г. По его мнению, основная причина поражения — дефицит спартамских граждан, а тот в свою очередь — результат спартамской системы землевладения.

¹² Голубцова Н.И. К вопросу о внутреннем положении Спарты в начале IV в. до н.э. // Труды МГИАИ. 1958. Т. 12. С. 248, 252; Meyer Ed. Geschichte des Alterthums. Bd V. Stuttgart; Berlin, 1902. S. 29; Kahrstedt. Op. cit. Bd I. S. 50; Chrimes. Op. cit. P. 354; Bengtson. Op. cit. S. 116; Will. Op. cit. T. I. P. 442—444.

¹³ Schömann. Op. cit. Bd I. S. 226; Busolt G., Swoboda H. Griechische Staatskunde. Bd II. München, 1926. S. 659. Anm. 4; Finley. Op. cit. P. 170 f.; Cartledge. Op. cit. P. 313 f.

¹⁴ Cartledge. Op. cit. P. 314.

¹⁵ Нам представляется неверной точка зрения П. Оливы, считающего, что «многие из гипомейонов занимались различными ремеслами, которые ранее были делом перизков и иностранцев» (Oliva. Op. cit. P. 178). Конечно, на неполноправных спартиатов скорее всего уже не распространялось запрещение заниматься торговлей или ремеслами (ср.: Plut. Ages. 26; Ael. Var. hist. VI. 6), но непрестижность такого рода занятий для спартиатов всех уровней очевидна.

существования вне Спарты»¹⁶. Таким образом, Спарта благодаря наличию в ней гипомейонов становится уже к началу IV в. крупнейшим экспортером наемников для всего греческого мира.

Гипомейоны, оставшиеся в Спарте, по-видимому, использовались государством в административно-полицейском аппарате. Так, Кинадон¹⁷, по словам Ксенофонта, неоднократно исполнял поручения эфоров и при этом пользовался услугами корпуса «всадников» (Hell. III. 3.9). Его тайная полицейская деятельность изображается как регулярная. По-видимому, он был постоянным участником такого рода карательных отрядов, которые время от времени прочесывали спартанскую территорию. Кроме Кинадона среди участников заговора, оказывается, были люди, имевшие собственное оружие (III. 3.7). А как известно, только члены гражданского коллектива имели право в мирное время носить оружие. Это свидетельство Ксенофонта является важным аргументом в пользу того, что гипомейоны; выбыв из числа «равных», продолжали оставаться спартиатами, а наиболее способные из них занимали достаточно ответственные посты. По мнению В. Ньюмана, Аристотель, советуя аристократам привлекать к управлению государством людей способных, но не относящихся к полноправным гражданам, имел в виду именно Кинадона и его товарищей. Заговор Кинадона как раз и иллюстрирует опасность отстранения от управления и помещения в более низкий разряд людей мужественных и энергичных, особенно в тех полисах, где правящий класс невелик, а исключенные из него имеют в своих руках оружие¹⁸.

Возвращаясь к рассказу Ксенофонта, заметим, что заговорщиков, имеющих оружие и составляющих ядро заговора, было немного. Вооруженным должным образом заговорщикам (οἱ συντεταγμένοι) противопоставляется безоружная народная масса, толпа (ὁ ὄχλος), которая, по словам Кинадона, в момент выступления может вооружиться чем попало — любыми орудиями ремесленного труда (Xen. Hell. III. 3. 7). Под «толпой» Ксенофонт имеет в виду все категории спартанского населения, не входящие в общину «равных», в том числе и гипомейонов (III. 3. 6).

Таким образом, в число руководителей заговора, по всей видимости, входили гипомейоны, принятые на государственную службу за особые заслуги перед спартанским полисом¹⁹. А основная масса гипомейонов была в числе других «опустившихся» спартиатов. По-видимому, уже в начале IV в. их численность была довольно значительной, недаром Ксенофонт называет их в одном ряду с илотами, перизками и неодамодами (III. 3. 6). А в дальнейшем, чем быстрее в Спарте росла диспропорция между богатством и бедностью (Agist. Pol. 1270 а 15), тем больше появлялось так называемых «опустившихся» спартиатов. Плутарх, писавший о конце этого процесса, уверяет, что в Спарте к моменту реформ Агиса и Клеомена осталось

¹⁶ Голубцова. Ук. соч. С. 248.

¹⁷ Ксенофонт нигде не говорит, что Кинадон был гипомейоном, однако он намекает на это в двух местах. Во-первых, по словам Ксенофонта, Кинадон не принадлежал к сословию «равных» (Hell. III. 3. 5), во-вторых, говоря о целях заговора, Ксенофонт передает слова Кинадона, что он «затял заговор из желания быть не ниже всякого другого в Лакедемоне» (III. 3. 11). По мнению П. Картлиджа, это свидетельствует о том, что Кинадон не хотел быть одним из гипомейонов, а возможно, вообще хотел уничтожить само это сословие (Cartledge. Op. cit. P. 313).

¹⁸ Newman W.L. The Politics of Aristotle. V. IV. Oxf., 1902. P. 368 f.

¹⁹ Ю.В. Андреев, правда, сильно преувеличивая типичность выдвижения гипомейонов на крупные посты в государстве, правильно тем не менее отмечает наличие такой практики: «Использование лиц, не принадлежащих к правящему сословию, на ответственных постах как в армии, так и в административно-полицейском аппарате, вообще типично для Спарты в период начинающегося упадка» (Андреев Ю.В. Спартанские «всадники» // ВДИ. 1969. № 4. С. 27. Прим. 9).

не более 700 спартиатов, из них около ста собственников земли, а все остальное гражданское население представляло жалкую и нищую толпу (Agis. 5. 7). По словам Плутарха, эти люди пребывали «в постоянной готовности воспользоваться любым случаем для переворота и изменения существующих порядков» (5. 7). «Нищая и жалкая толпа» Плутарха, которую он именует «спартиатами», очень напоминает нам гипомейонов Ксенофонта. Плутарх в отличие от знатока спартанских реалий Ксенофонта, конечно, мог не знать специального технического термина, употребляемого в Спарте для обозначения подобных деклассированных спартиатов, но точно описал эту социальную группу.

Круг прав и обязанностей гипомейонов, как мы их себе представляем, был достаточно ограниченным. Они не участвовали в сисситиях, не являлись членами гоплитской фаланги. Поражение в правах, по-видимому, распространялось и на другие сферы общественно-политической жизни. Вряд ли могли они занимать и выборные должности. Но одно право у них, как кажется, все же было — это право участвовать в народном собрании. Вопрос об участии или неучастии гипомейонов в спартанской апелле связан с проблемой так называемой малой экклесии.

Единственное место, где зафиксирована малая экклесия, — это рассказ Ксенофонта о заговоре Кинадона. Эфоры, по версии Ксенофонта, так были напуганы известием о заговоре и так спешили подавить мятеж в зародыше, что «не созвали даже так называемой малой экклесии» (Hell. III. 3. 8). Больше малая экклесия нигде не упоминается. Однако текст Ксенофонта является достаточной гарантией, что подобный институт действительно существовал²⁰. Косвенное подтверждение тому является собой надпись из Гифии, датируемая приблизительно 70-ми годами I в. до н.э. В ней речь идет о большой апелле (IG. V. 1. 1144, 1. 20: δι' ἃ ἔδοξε τῷ δῆμῳ ἐν ταῖς μεγάλαις ἀπελλαῖς). К. Краймс приписывает подобное наименование народного собрания в Гифии прямому влиянию Спарты²¹. Дело в том, что Гифий, насколько нам известно, занимал привилегированное положение среди прочих городов перизков как военно-морская база Спарты (Xen. Hell. VI. 5, 32) и потому был более открыт спартанскому влиянию²².

Установить с большей или меньшей точностью время возникновения малой экклесии представляется весьма затруднительным. По мнению К. Германна, малая экклесия возникла тогда, когда среди самих спартиатов уже не существовало первоначального равенства²³. Возможно, появление этого нового для Спарты института было непосредственно связано с численным ростом в конце V в. гипомейонов и неодамонов, чей статус граждан предполагал их участие в народном собрании²⁴. Подтверждением тому может служить одно место в тексте Плутарха, в биографии Агиса, где речь идет о количественном и качественном составе спартанского

²⁰ А. Эндрюс усматривает в уникальности этого замечания Ксенофонта свидетельство того, что в обычных обстоятельствах малая экклесия не играла особой роли и собиралась только в экстренных случаях (Andrewes A. The Government of classical Sparta // Ancient Society and Institutions. Oxf., 1966. P. 4 f. Not. 7).

²¹ Chrimes. Op. cit. P. 154 f., 284.

²² О том значении, которое Спарта придавала этому перизкскому городу, свидетельствует длительная борьба за него между тираном Спарты Набисом и Филопеменом (Liv. XXXV. 12; 13, 1—3; 25, 2).

²³ Hermann K.F. Lehrbuch der Griechischen Staatsaltertümer. Bd I. Freiburg, 1889. Abt. 1. S. 169 f.

²⁴ Так считают С.Я. Лурье и К. Краймс. По словам Лурье, гипомейоны были лишены «всех политических прав, кроме, может быть, права участвовать в народных собраниях» (Лурье С.Я. История античной общественной мысли. М.-Л., 1929. С. 178; Chrimes. Op. cit. P. 354 f). С противоположной точкой зрения выступала К. Германн и Ф. Хампль. По их мнению, членами спартанской апеллы могли быть только люди с земельной собственностью (Hermann. Op. cit. Bd I. S. 170; Hampf F. Die Lakedaemonische Perioiken // Hermes. 72. 1937. S. 16. Anm. 2).

гражданства. Как уже упоминалось, к моменту реформ Агиса и Клеомена поляризация общества уже достигла своего апогея: На одном полюсе находилось 700 спартиатов, из которых только сто человек имело свои клеры, на другом — вся остальная масса граждан, которых Плутарх называет «толпой», «чернью» (ὄχλος — Agis. 5). Тем не менее эта «толпа, лишенная средств к жизни и доступа к общественным должностям», участвует в народных собраниях, которые созывал царь Агис (Plut. Agis. 9).

Кто же такие эти граждане, которые, однако, не пользуются вполне гражданскими правами? В.Г. Васильевский полагал, что здесь речь идет о гипомейонах. «Противоположность между спартиатами и просто гражданами или "толпой" Плутарха та же самая, какая у других писателей обозначается именами, с одной стороны, "равных", с другой — "меньших", "худших" (ὄλομείονες), т.е. противоположность полноправных граждан, аристократии, и граждан неполноправных»²⁵, которые только по имени были гражданами. Последние, по мнению Васильевского, могли участвовать только в «большой» экклесии и не допускались в «малую»²⁶.

По-видимому, в Спарте, где граждане были разделены на несколько категорий, народные собрания также делились, по крайней мере, на два вида — ординарные, или большие, экклесии и малые, элитарные. Если в первых могло участвовать все гражданское население, включая неодамодов и гипомейонов, то в последних — только те, кто принадлежал к общине равных²⁷, да и то, возможно, не все из них. Принципом отбора мог быть, например, возраст. Не исключено, что малая экклесия постепенно узурпировала власть «большой» апеллы, сделав последнюю лишь фикцией народовластия²⁸.

Если это так, то сам факт появления малой экклесии является одним из многочисленных симптомов внутреннего разложения спартанского общества, в котором «за фасадом политического равенства скрывалась формация земельной олигархии»²⁹.

Появление в Спарте на рубеже V—IV вв. новых социальных групп и новых политических институтов усложнило и запутало прежде достаточно элементарную структуру спартанского общества. Естественные для IV в. экономические процессы для Спарты с ее архаической цензовой системой стали причиной неожиданных и сложных социально-политических коллизий. Принцип абсолютного единообразия, исповедуемый спартиатами и требовавший равных взносов в сисситии от уже не равных в имущественном отношении людей, привел к самым пагубным последствиям, подорвав коллективные интересы общества. В результате резкого расслоения гражданского коллектива из всей массы ранее полноправных граждан выделилась особая группа, обладавшая пониженным социальным статусом. Это так

²⁵ Васильевский. Ук. соч. С. 128.

²⁶ Там же. С. 128.

²⁷ Очень возможно, что термин ἔκκλητοι, который трижды встречается у Ксенофонта (Hell. II. 4. 38; V. 2. 33; VI. 3. 3), обозначает членов малой апеллы. Во всех трех местах, где упомянуты экклеты, речь идет, как и в случае с Кинадоном, о неотложных делах. В первом случае — об установлении порядка в Афинах, что подразумевало отзыв и отставку Лисандра. Сделать это надо было, конечно, быстро, без огласки. Второй случай касается преступной деятельности Фебида, в третьем — речь шла о мире 371 г. Ряд ученых считали экклетов именно членами малой экклесии (Васильевский. Ук. соч. С. 127; Breitenbach L. Xenophons Hellenika. Aufl. 2. Bd I. В., 1884. S. 225; Kahrstedt. Op. cit. Bd I. S. 258). Однако правы и те исследователи, которые считали, что при современном состоянии наших знаний окончательно решить этот вопрос невозможно (Hermann. Op. cit. Bd I. S. 173; Лурье С.Я. Комментарий // Ксенофонт. Греческая история. Л., 1935. С. 261).

²⁸ Аристотель был невысокго мнения о реальной значимости спартанской апеллы. По его мнению, народное собрание в Спарте просто «проштамповывало» уже принятые «наверху» решения (ср. Arist. Pol. 1272 a 11).

²⁹ Will. Op. cit. T. I. P. 444.

называемые гипомейоны. Наличие их свидетельствует о каком-то глубинном, до поры до времени скрыто идущем в Спарте процессе социально-экономических изменений. Размывание гражданского коллектива, приведшее к драматическому сокращению полноправных граждан, гомеев, и к уменьшению гражданского ополчения, заставило Спарту искать выход из создавшегося положения. Но разрешить ситуацию радикальным образом, т.е. уничтожить архаическую цензовую систему³⁰, Спарта не смогла. Она выбрала иной, «механический» путь. Появление на рубеже V и IV вв. новых социальных групп наводит на мысль о создании в Спарте нескольких ступеней гражданства³¹. На первой ступени, бесспорно, находились те, кто являлся членом «общины равных», ниже — гипомейоны и неодамоды. Эти три социальные группы внутри одного и того же класса не были абсолютно изолированы друг от друга. Спартиат, потерявший свой клер, «опускался» в разряд гипомейонов. Но мог ли существовать обратный механизм? Не могли ли государство при той катастрофической убыли гражданства, которая наблюдалась в Спарте, прибегать к своего рода паллиативной мере и кооптировать себе «полных» граждан из низших слоев гражданского населения? Мы постараемся показать, что такая возможность хотя бы частично реализовывалась в Спарте с помощью института мофаков.

Мофаки, или мофоны³², судя по нашим источникам, представляли особую категорию лиц, получивших спартанское воспитание (*ἀγωγή*) вместе с сыновьями спартиатов. Происхождение термина «мофак», или «мофон», далеко не ясно. К. Краймс возводит его к слову *μόθος* (битва) и полагает, что первоначально мофаки были военной свитой знатных спартиатов³³. Но вряд ли это так. Ведь слово *μόθος*, которое употребляется только в эпической поэзии у Гомера и Гесиода, уже в период классики стало архаизмом и было забыто. А производные от этого слова в V—IV вв. приобрели уже далекое от первоначального значение. Так, у Аристофана *μόθων* — это наглый, дерзкий человек, выскочка и простолудин (Schol. Aristoph. Plut. 279, Eq. 634).

Поскольку мофак как технический термин впервые зафиксирован только у Филарха (Phyl. ap. Athen. VI. 271 e-f), а Ксенофонт, наш основной авторитет в подобного рода спартанских реалиях, его еще не знал, то можно думать, что и сам этот термин возник не ранее середины IV в., превратившись из первоначального полупрезрительного и полунасмешливого обращения в устойчивое социальное понятие. Такой путь от слова, несущего в себе элементы социальной и моральной ущербности, к новому техническому термину был вполне возможен там, где необходимо было подчеркнуть двусмысленность и неопределенность положения той или иной социальной группы.

У Гарпократиона, Гезихия, в Суде, а также в схолиях к Аристофану даются подчас текстуально совпадающие толкования к слову «мофак», или «мофон». Приведем отдельные тексты и переводы к ним. Согласно

³⁰ Внос в сисситии и был фактически тем цензом, который при прочих равных условиях определял гражданский статус спартиата.

³¹ Мысль о многоступенчатой гражданской шкале, существовавшей в Спарте, высказывает К. Краймс, основываясь на материалах, относящихся к спартанским мофакам (*Chrimēs. Op. cit. P. 221*).

³² *Μόθακες* и *μόθωνες*, по всей видимости, два варианта одного и того же понятия. О том, что это синонимы, свидетельствуют толкования лексикографов, которые в обе глоссы вкладывают приблизительно один и тот же смысл (ср., например: *Hesych.*, s.v. *μόθακες* и *Ναγροστ.*, s.v. *μόθων*). Адекватными понятиями их считают и ученые нашего времени. См., например: *Busolt, Swoboda. Op. cit. S. 657; Ehrenberg V. // RE. Bd XVI. 1933. Hlbd 31. Sp. 382; Oliva. Op. cit. P. 174. Not. 1.*

³³ *Chrimēs. Op. cit. P. 223.*

Гарпократиону, «мофонами лаконцы называют мальчиков, воспитываемых вместе со свободными» (Harposcr. s.v. μόθων)³⁴. Абсолютно идентичный текст встречается в схолиях к Аристофану (Schol. Aristoph. Plut. 279). У Гезихия мофаки — это «мальчики-рабы, воспитываемые вместе с сыновьями» (Hesych. s.v. μόθακες)³⁵. В «Etymologicum Magnum» мофон толкуется как домашний раб (s.v. μόθων)³⁶. В Суде читаем: «Мофонами называли лаконцы мальчиков, следовавших за свободными» (Suda, s.v. μόθωνες)³⁷.

Как мы видим, во всех этих текстах подчеркивается несвободное происхождение мофаков, хотя прямо не сказано, что это были сыновья именно илотов (ср. у Гезихия: δοῦλοι παῖδες; в Etym. M. — τὸν οἰκογενῆ δοῦλον). Однако самое раннее по времени и самое важное свидетельство Филарха не согласуется с представлением о несвободном происхождении мофаков. Филарх определенно говорит, что мофаки были свободными людьми, хотя и не спартиатами³⁸. Вместе с сыновьями спартанских граждан они проходили полный курс агогэ (Phyl. ar. Athen. VI. 271 e-f = EgrH 81 F 43: εἰσὶν οὖν οἱ μόθακες ἐλευθέροι μὲν, οὐ μὴν Λακεδαιμόνιοί γε, μετέχουσιν δὲ τῆς παιδείας πάσης).

Д. Лотце, который считает это свидетельство Филарха самым важным для суждения о статусе мофаков, полагает, что к мофикам могли относиться сыновья обедневших спартиатов, т.е. гипомейонов. «Для сыновей опустившегося большинства имелся лишь один шанс для того, чтобы занять свое место в привилегированном классе»³⁹ и этот шанс был связан с получением равноценного с прочими детьми граждан воспитания. Основываясь на данных Филарха, а также на Плутарховой биографии Клеомена, Лотце приходит к выводу, что по крайней мере в III в. богатые спартиаты широко использовали мофаков для воспитания собственных сыновей. По-видимому, к III в. каждый знатный спартанский юноша имел сотоварищей из числа мофаков.

Не исключено, что такая практика была своеобразным налогом на богатых, который последние платили своим иномущим согражданам. Система литургий, широко развитая в античности, вполне могла принять в Спарте подобную форму. Именно такое истолкование дает вполне удовлетворительный смысл тому месту у Филарха, где он говорит, что при спартанском мальчике в зависимости от имущественного положения его отца мог находиться один или даже несколько воспитанников-мофаков (Phyl. ar. Athen. VI. 271 e).

Таким образом, мофаки для Спарты являлись тем резервом, с помощью которого она могла хоть в малой степени восполнить резко возросшую именно в IV—III вв. убыль своего гражданства. По мнению Д. Лотце, в эту социальную группу входили гетерогенные элементы, состав которых не оставался неизменным на протяжении IV—III в.⁴⁰

О весьма смешанном и неоднородном происхождении мофаков свидетельствует Стобей. По его словам, среди них могли быть и сыновья иностранцев и сыновья илотов (Stob. Flor. XXXX. 8: κἂν ξένος κἂν ἐξ εἰλωτος).

³⁴ Μόθωνας δὲ καλοῦσι Λάκωνες τοὺς παρατρεφόμενους τοῖς ἐλευθέροις παῖδας.

³⁵ Οἱ ἄμα τρεφόμενοι τοῖς υἱοῖς δοῦλοι παῖδες.

³⁶ Οὕτω καλοῦσι Λακεδαιμόνιοι τὸν οἰκογενῆ δοῦλον, ὃν οἱ Ἀθηναῖοι οἰκότριβα φασί.

³⁷ Μόθωνας γὰρ ἐκάλουσαν τοὺς παραπομένους τοῖς ἐλευθέροις παῖδας οἱ Λάκωνες.

³⁸ Филарх вместо Σπαρτιάται употребляет Λακεδαιμόνιοι. Эта неточность для писателя, который не знал Спарту изнутри так же хорошо, как, например, Ксенофонт, вполне объяснима и простительна. Буквальное же следование тексту приведет нас к выводу, что все мофаки были детьми иностранцев.

³⁹ Lotze D. Μόθακες // Historia. 1962. Bd 11. Ht. 4. S. 430 f.

⁴⁰ Lotze. Op. cit. S. 435.

Еще одну группу мофаков могли составлять бастарды (νόθοι), незаконные сыновья отцов-спартиатов и матерей-илотов. К сожалению, мы не обладаем прямыми и бесспорными свидетельствами античной традиции по этому поводу. Однако кое-какие косвенные данные и соображения общего порядка свидетельствуют в пользу такого предположения. По словам Д. Лотце, «если и была какая-нибудь возможность наделить детей негражданского происхождения полными правами, то, естественно, эта возможность использовалась в интересах незаконных сыновей»⁴¹. По-видимому, незаконные сыновья спартиатов были самой привилегированной частью мофаков, которые по окончании обучения имели реальный шанс стать полноправными гражданами. Среди них, конечно, могли быть и побочные сыновья царей. Так, в биографии Клеомена Плутарх сообщает о том, что вместе с этим царем воспитывалось двое мофаков, которые позже входили в его свиту (Plut. Cleom. 8. 1: δύο τῶν συντρόφων τοῦ Κλεομένου, οὓς μόθακες καλοῦσιν). По этому поводу Д. Лотце замечает: «С большой степенью вероятности мы можем утверждать, что они были незаконными детьми царственных отцов и илотов. В любом случае это была очень большая честь — быть σύντροφοι царей»⁴².

Еще одно очень важное место, где говорится, по всей видимости, о мофаках, мы находим в «Греческой истории» Ксенофонта. Рассказывая о походе царя Агесиполида в Малую Азию, Ксенофонт замечает, что «в его войске было также много добровольцев, очень почтенных людей, из числа перизков, были и иностранцы из числа так называемых "воспитанников" (ξένοι τῶν τροφίμων καλουμένων) а также дети от брака спартиатов с неспартиатками (νόθοι τῶν Σπαρτιατῶν)» (V. 3.9). Кто же эти «иностранцы» и «побочные сыновья спартиатов»? У Ксенофонта сказано, что эти «воспитанники» (τροφίμοι). Но то же самое выражение, но уже определенно по отношению к мофакам, мы встречаем и у Филарха (ар. Athen. VI. 271 e: εἰσὶ δ' οἱ μόθακες σύντροφοι τῶν Λακεδαιμονίων), и, как уже говорилось, у ряда лексикографов и схолиастов. Такой сравнительный ряд вряд ли может быть случаен. Ксенофонтовы τροφίμοι — это скорее всего те, кого позднее стали называть мофаками. Сам Ксенофонт, по-видимому, термина «мофак» еще не знал. Объяснение здесь напрашивается только одно — в его время институт мофаков еще не сложился в своем окончательном виде и не получил точного словесного оформления. В противном случае трудно было бы объяснить молчание Ксенофонта: ведь его собственные сыновья были в Спарте среди ξένοι τῶν τροφίμων (Plut. Ages. 20.2; Diog. Laert II. 54). Однако путь развития этого института благодаря свидетельству Ксенофонта становится более ясным. По-видимому, первоначально число детей-неспартиатов, которым разрешалось проходить полный курс общественного воспитания (агогэ), было очень невелико. Это право даровалось только двум категориям детей: сыновьям знатных иностранцев, оказавших большие услуги Спарте, и побочным сыновьям самих спартиатов. Последние, таким образом, получали единственный шанс для полной социальной реабилитации своих рожденных вне брака сыновей. Во времена Ксенофонта подобные случаи были редки и носили исключительный характер. Позже, когда мофаками становились уже дети из разных слоев лаконского населения νόθοι стали их высшей и самой привилегированной частью. Таким образом, говоря о времени появления института мофаков, надо подчеркнуть два момента: как единичное явление этот институт мог возникнуть довольно рано, во всяком случае, во второй половине V в. он уже существовал, в своем же окончательном виде он оформился не ранее второй половины IV в.

⁴¹ Ibid. S. 432.

⁴² Lotze. Op. cit. S. 431.

до н.э.⁴³ Более точная датировка вряд ли возможна. Ведь нам приходится оперировать только двумя опорными датами: временем Ксенофонта, когда эта форма только зарождалась, и временем Филарха, когда институт мофаков принял характер давно устоявшегося массового явления. По словам Д. Лотце, около 400 г. «еще не установились те отношения, с помощью которых мы можем объяснить наличие множества мофаков во время Филарха... феномен, который является позднейшим результатом весьма длительного развития»⁴⁴.

Мы уже говорили, что первоначально в число мофаков входили сыновья иностранцев и побочные сыновья спартиатов. Первая категория — дети иностранцев, конечно, не может быть многочисленной. Речь идет об исключительных, единичных случаях, которые являлись формой благодарности спартанского государства за оказанные ему услуги. Такое право, как мы знаем, было даровано Ксенофонту. Как полагает С.Я. Лурье, «если они (сыновья иностранцев. — Л.П.) и получали гражданские права, то это было только почетным званием и не давало реальных прав»⁴⁵.

Кроме мофаков-иностранцев и мофаков-бастардов на рубеже V и IV вв., по-видимому, появилась и стала расти еще одна группа мофаков, являвшихся детьми гипомейонов. Их отцы по какой-либо причине были ущемлены в своих правах и не могли дать своим сыновьям подобающего образования. К такого рода мофакам, если доверять нашей традиции, относились Лисандр, Калликратид и Гилипп (Phylarch. ap. Athen. VI. 102, 271 — e-f = FgrH 81 F 43; Ael. Var. hist. XII. 43). На мофакское происхождение Лисандра впервые указал Филарх. Элиан добавил к нему еще Калликратид и Гилиппа. Хотя в случае с Лисандром позволительно усомниться в достоверности нашей традиции⁴⁶, однако, с другой стороны, указание Плутарха на бедность отца Лисандра (Lys. 2.2) наводит на мысль, не был ли Аристокрит гипомейоном⁴⁷. Возможно, именно сомнительное происхождение Лисандра и бедность его рода были причинами того, что путь его к политической карьере был столь долог. Ведь в 407 г., когда он впервые появляется на политической арене, ему уже шел пятый десяток.

О происхождении Калликратиды мы не знаем решительно ничего. Зато неплохо осведомлены о происхождении Гилиппа. Его отец, Клеандрид, сопровождал в качестве эфора царя Плейстоанакса в походе против Афин, был подкуплен Периклом и приговорен у себя на родине к смерти (Plut. Per. 22; Diod. XIII. 106. 10). Ему удалось бежать и обосноваться в Фуриях (Thuc. VI. 104; Polyae. II. 10; Strabo. VI. 264). Как полагает

⁴³ В большинстве исследований, где речь идет о мофаках, вопросы хронологии вообще не рассматриваются или об этом говорится ad hoc, как, например, в статье В. Эренберга в RE (Ehrenberg. Μόφακες. Sp. 382).

⁴⁴ Lotze. Op. cit. S. 432.

⁴⁵ Лурье С.Я. Комментарий к книге пятой // Ксенофонт. Греческая история. Л., 1935. С. 309.

⁴⁶ По-видимому, уже Филарх не был абсолютно уверен в своей информации. Недаром он употребляет глагол φασί, говоря о происхождении Лисандра. Сомнения в надежности этой традиции высказывают, например, Ю. Белох (Beloch. Op. cit. Bd II, 1. S. 416. Anm. 1), У. Каршtedt (Kahrstedt U. Lysandros (1) // RE. Bd 13. 1927. Hbd. 26. Sp. 2503), В. Эренберг (Ehrenberg V. Μόφακες. Sp. 383), П. Олива (Op. cit. P. 176), Э.Д. Фролов (Греческие тираны. Л., 1972. С. 51. Прим. 12). Ю. Белох традицию о Лисандре-мофаке называет «басней, которая не нуждается ни в каком опровержении». Однако более убедительной кажется нам точка зрения тех ученых, которые с большим доверием относятся к существующей традиции. Среди них можно назвать Г. Шоманна, Эд. Мейера, Д. Лотце (Schömann G., Lipsius. Op. cit. S. 207; Meyer. Op. cit. Bd IV. S. 629—631; Lotze D. Μόφακες. S. 434; idem. Lysander und der Peloponnesische Krieg. В., 1964. S. 12).

⁴⁷ Так считает, например, Д. Лотце (Μόφακες. S. 434).

Д. Лотце, Филипп ко времени бегства своего отца еще не был взрослым человеком и ему в дальнейшем уже пришлось идти дорогой мофака⁴⁸.

Эти два примера (Лисандр и Филипп) помогают нам преодолеть представление об исключительно несвободном происхождении мофаков⁴⁹ и признать, что статус мофаков был совместим с наличием родителей-спартиатов с обеих сторон. Спартанский полис, таким образом, гарантировал детям своих или обедневших или осужденных сограждан возможность пройти полный курс агогэ. Их дальнейшая судьба во многом зависела от знатности и авторитета семьи, в которой они воспитывались⁵⁰.

Начиная с конца V в. до н.э. в разряд мофаков стали попадать, по-видимому, отчасти и дети неодамодов. Прямых свидетельств этого процесса мы не имеем, однако отдельные указания античной традиции можно толковать именно в этом смысле. Рассмотрим два известных пассажа из Ксенофонта и Исократ. В III книге «Греческой истории» Ксенофонт рассказывает о посольстве беотийцев в Афины перед битвой при Галиарте (395 г.). В своей речи, носящей явную антиспартанскую окраску, беотийские послы ставят в вину спартамцам среди прочего и то, что «они не стесняются назначать гармостами своих илотов» (III, 5, 12). Исократ в «Панегирике» также говорит об этом: «Они (члены декархий. — Л.П.) добровольно прислуживали илоту, чтобы иметь возможность надругаться над родиной» (IV. 111; пер. Э. Юнца).

Таким образом, по крайней мере два писателя-современника говорят о гармостах илотского происхождения. Хотя их сообщения и носят слишком тенденциозный характер, однако в них, видимо, в какой-то степени отражено то общее представление о спартанской гегемонии и ее носителях, которое сформировалось в среде враждебных Спарте греческих полисов. Весьма вероятно, что обвинения, направленные против спартанских гармостов, в первую очередь имели целью задеть самого Лисандра. Во всяком случае, под одним из илотов, которому члены декархий подчинялись как рабы, Исократ вполне мог иметь в виду именно Лисандра⁵¹, как бывшего мофака. Обыграть этот факт в нужном для себя ключе политические противники Лисандра могли только в одном случае — если хотя бы часть мофаков в классической Спарте была несвободного происхождения.

Как мы знаем, именно во время Ксенофонта и Исократ в Спарте появились так называемые неодамоды, или «новые граждане», рекрутируемые из числа илотов. Они получили свободу и часть гражданских прав в обмен на военную службу и активно использовались государством вплоть до крушения спартанской гегемонии⁵². В период наибольшей военной активности Спарты низший командный состав спартанской армии, бесспорно, формировался из неодамодов. Сыновья наиболее преуспевших неодамодов, по-видимому, становились мофаками, хотя вряд ли это было правилом по отношению ко всему потомству неодамодов⁵³. Отдельные представители

⁴⁸ Ibid.

⁴⁹ Исходя из этой установки У. Карштедт даже Лисандра называет сыном илотки (*Kahrstedt. Lysandros. Sp. 2503*).

⁵⁰ Г. Шоманн называет Лисандра и Филиппа «узаконенными мофаками» (*Legitimerte Mothakes*), которые со временем стали полноправными членами общины «равных» (*Schömann, Lipsius. Op. cit. Bd I. S. 207*).

⁵¹ О различных толкованиях этого места Исократ в зарубежной историографии см. *Oliva. Op. cit. P. 176—177*.

⁵² Подробнее о неодамодах см.: *Печатнова Л.Г. Неодамоды в Спарте // ВДИ. 1988. № 3. С. 19—29*.

⁵³ Если бы многочисленные взрослые сыновья неодамодов влились в гражданский коллектив, то не произошло бы зафиксированного нашей традицией резкого сокращения числа спартиатов (в 418 г. было еще около 2 тыс. военнообязанных спартиатов, а в 371 г. их количество не превышало и одной тысячи).

этого сословия, допущенные к общественному воспитанию, могли стать членами высшего офицерского корпуса и даже занять пост гармоста. Эти редкие случаи, тенденциозно поданные и искаженные врагами Спарты, и были зафиксированы нашей традицией. Таким образом, за гармостами-ило-тами Ксенофонта и Исократы, по-видимому, скрываются спартанские граждане, которые в детстве были мофакми. Такова точка зрения К. Германна, Г. Шоманна, П. Картлиджа, С.Я. Лурье⁵⁴. К ним примыкают также В. Эренберг и Д. Лотце, которые видели в этих бывших мофакмах, ставших спартанскими офицерами, сыновей именно неодамодов⁵⁵.

Как мы старались показать выше, уже в классический период круг лиц, приобщенных к спартанскому общественному воспитанию, был несколько шире круга граждан в собственном значении этого слова. Наряду с детьми самих спартиатов здесь воспитывались также дети гипомейонов, неодамодов, иностранцев. Пока спартанский полис оставался еще достаточно устойчивым, чтобы сохранять и поддерживать корпоративные интересы граждан, допуск извне в гражданский коллектив мог носить только характер редких поощрительных актов. Это правило, характерное для всех античных полисов в эпоху их расцвета⁵⁶, особенно жестко соблюдалось в общинах спартанского типа с их тенденцией к полной закрытости и кастовости. По словам В. Эренберга, «пополнение Спарты новыми гражданами вплоть до времени эллинизма совершалось за редким исключением лишь медленно и неохотно»⁵⁷. И если был у какой-либо социальной группы в Спарте шанс стать полноправными гражданами, то к этой группе мы должны отнести только мофакмов.

Спартанское воспитание было обязательным, но не единственным условием для вступления юноши в общину «равных». Вторым обязательным условием было наличие наследственного земельного участка, клера. Без него мофак не мог реализоваться как гражданин. Поэтому для подавляющего числа мофакмов доступ в общину равных был закрыт⁵⁸. Как правильно отметили Г. Бузольт и В. Эренберг, полные гражданские права мофакми получали лишь в редких и исключительных случаях и ни о каком значительном преобладании их над подлинными спартиатами не может быть и речи⁵⁹. Случаи с Лисандром и Гилиппом лишь подтверждают правило. Оба принадлежали по праву рождения к спартанской аристократии, но бедность одного и наследственная атимия другого сделали их мофакми. На чей счет они воспитывались и кто наделил их клерами, мы не знаем, но знатное происхождение могло обеспечить им помощь всего аристократического клана, к которому они принадлежали по праву рождения.

К мофакмам, имеющим реальный шанс стать полноправными гражданами, принадлежали также *vóvoi*. Реализоваться эта возможность могла только

⁵⁴ *Hermann*. Op. cit. Bd I, 1. S. 175—176; *Schömann, Lipsius*. Op. cit. Bd I. S. 206. Anm. 3; *Cartledge*. Op. cit. P. 278; *Лурье*. Комментарий к третьей книге. С. 284.

⁵⁵ *Ehrenberg*. *Μόδακες*. Sp. 383; *Lotze*. *Μόδακες* S. 432—433.

⁵⁶ Вспомним, например, проверку гражданских списков в Афинах во времена Перикла (*Arist. Ath. pol.* 26, 3; *Plut. Per.* 37). Охранительные тенденции подобных мер очевидны.

⁵⁷ *Ehrenberg*. *Μόδακες*. Sp. 383.

⁵⁸ У. Карштедт высказал оригинальную, хотя и недостаточно убедительную точку зрения на этот счет. По его мнению, неодамоды за свою службу получали от государства землю. «А поскольку сыновья неодамодов уже имели и землю и спартанское воспитание, то следовательно, — делает вывод Карштедт, — они уже переставали быть неодамодами и превращались в обычных граждан, как все прочие спартиаты» (Op. cit. Bd I. S. 48). Но, к сожалению, у нас нет никаких данных, свидетельствующих о том, что в распоряжении спартанского государства как верховного собственника земли имелись какие-либо резервные земельные фонды.

⁵⁹ *Busolt, Swoboda*. Op. cit. Bd II. S. 657; *Ehrenberg*. *Μόδακες*. Sp. 383.

в тех случаях, если бастарды с помощью процедуры усыновления узаконивались собственными отцами и получали от них клеры. Надзор за этой процедурой находился в компетенции государства. Усыновление осуществлялось гласно в присутствии царей, которые должны были следить за законностью этого юридического акта (Herod. VI. 57. 5). По мнению В. Эренберга, число «узаконенных» мофаков могло несколько увеличиться после принятия в начале IV в. закона Эпитадея, de facto разрешившего куплю-продажу клеров⁶⁰. Видимо, часть военной элиты, обогатившейся во время Пелопонесской войны, могла взять на себя заботу и расходы по воспитанию сыновей своих менее удачливых сограждан. Не исключено, что и само государство побуждало их к этому.

Дальнейшая судьба этих мофаков, прошедших полный курс агогэ, отчасти могла зависеть от результатов, достигнутых ими в ходе самого воспитания. Судь по данным источников, поощрение личных заслуг было фундаментом спартанского воспитания (Plut. Lys. 16.8). Система, основанная целиком на соревновательном духе, была, по-видимому, очень удобна для выявления следующего поколения политических и военных лидеров⁶¹. Талантливые мофаки в этой связи могли рассматриваться как один из резервов пополнения командного состава. В этом случае государство находило возможность обеспечить их клерами и, таким образом, ввести в круг гомеев. Намек на подобную возможность опять-таки в связи с Лисандром мы находим у Филарха. По его свидетельству, Лисандр стал гражданином благодаря доблести (Λύσανδρον... πολίτην γενόμενον δι' ἀνδραγαθίαν — Phyl. ap. Athen. VI. 271 sq.). В этом же ряду свидетельств стоит характеристика, которую дал Ксенофонт Кинадону, руководителю антиспартанского заговора 398 г. По его словам, «это был юноша, сильный телом и духом, но не принадлежавший к сословию гомеев» (Hell. III. 3.5). Этим примером воспользовался и Аристотель, чтобы продемонстрировать опасность отстранения от управления государством людей мужественных и энергичных, особенно в тех полисах, где правящий класс количественно невелик. По его словам, Кинадон устроил вооруженный заговор против спартиатов из-за того, что, «будучи человеком мужественным (ἀνδρῶδες), не занимал в государстве надлежащего положения» (Pol.1306b). По мнению В. Ньюмана, Аристотель, вероятно, имел в виду именно случай с Кинадоном, когда советовал аристократическим правительствам принимать в состав правящего класса представителей других сословий, называя это «врачебным средством», необходимым для политического равновесия (Pol. 1308b)⁶². Как видно из наших источников, Спарта иногда прибегала к «врачебным средствам», о которых писал Аристотель. В пользу этого говорит судьба Лисандра, Гилиппа и Калликратиды. Правда, все три фигуры выдвинулись в период Пелопонесской войны, когда Спарта особенно сильно нуждалась в военных лидерах и не могла с прежней последовательностью проводить свою узкокастовую социальную политику. После войны, возможно, наступила реакция. Именно так можно понимать тот факт, что Кинадон, человек неординарный и уже сумевший себя проявить на государственной службе, тем не менее оставался «второсортным» гражданином⁶³.

Подводя итоги, хочется в краткой форме суммировать наши взгляды на мофаков. Как это было показано выше, все наши источники, без

⁶⁰ Ehrenberg. Μόφακες. Sp. 382—383.

⁶¹ Об этой особенности спартанского воспитания см., в частности: Hodkinson St. Social order and the conflict of values in classical Sparta // Chiron. 1983. Bd 13. S. 251—254.

⁶² Newman. Op. cit. V. IV. P. 368.

⁶³ По-видимому, будучи в детстве мофаком, Кинадон во взрослом возрасте принадлежал к сословию гипомейонов.

исключения, относят мофаков к мальчикам, а не взрослым людям. Они воспитывались вместе с сыновьями граждан, с детства воспринимая корпоративный дух спартиатов и их элитарную исключительность. Мофаки были выходцами из разных социальных групп спартанского населения, причем, по крайней мере для IV в., вовсе не обязательно думать о преобладающем количестве среди них детей илотов.

Хотя мофаки и получали спартанское воспитание, безусловно, необходимое для гражданского статуса (Plut. Apophth. Lac. 54; Inst. Lac. 21) но eo ipso спартанскими гражданами они не становились. Большинство из них, став взрослыми, оказывались среди гипомейонов и лишь малая часть их могла попасть в общину «равных». Нужно думать, что среди последних были в основном побочные сыновья знатных отцов.

Воспитанники спартанских агел, как дети граждан, так и мофаки, став взрослыми, по-видимому, сохраняли между собой отношения, характерные для патронов и клиентов. Во всяком случае, наличие в государстве разных социальных групп, скрепленных, однако, общностью воспитания и сознанием своего корпоративного единства, способствовало формированию патронатных отношений.

С помощью института мофаков Спарта достигла двух целей: во-первых, хоть в малой степени, но подпитывала свое убывающее гражданство, а во-вторых, поместив между собой и остальной народной массой своеобразное «среднее» сословие, она тем самым усложнила внутривоиспольские связи и укрепила спартанскую государственность, не меняя при этом сущности своего общества.

Л.Г. Печатнова

HYPOMEIONES AND MOTHACES

(Structure of Sparta's civic community)

L.G. Pechatnova

The article is devoted to the analysis of the structural changes in the civic community of Sparta at the end of the 5th — beginning of the 4th century B.C. The analysis of the sources shows that it is during that period that the civic community began to disintegrate and the new social groups of hypomeiones and mothaces emerged. The article considers in detail questions connected with the reasons, time of appearance and status of these two closely connected categories of the Spartan citizenry. Particular attention is paid to the mechanism through which a full-fledged citizen of Sparta lost some of his rights and went down the social ladder, becoming one of hypomeiones. On the other hand, the article describes the reverse process in the course of which hypomeiones' sons, having become mothaces and been given access to public education, got a chance to become full-fledged citizens again. The article examines all the sources related to the issue and shows as much as possible the extent to which this topic has been dealt with in Russian and Western historiography.

К ВОПРОСУ О ПРЕДЫСТОРИИ ГАННИБАЛОВОЙ ВОЙНЫ

При рассмотрении предыстории Второй Пунической (Ганнибаловой) войны обращает на себя внимание та пассивность, которую проявили римляне в период осады Ганнибалом иберийского города Сагунта. Завершившаяся разгромом Сагунта осада длилась восемь месяцев¹ без какого-либо активного противодействия со стороны римлян, хотя сагунтинцы уже были к тому времени союзниками Рима и могли рассчитывать на его заступничество².

Такая индифферентность Рима по отношению к союзнику истолковывалась различно — как в сохранившихся источниках, так и в работах современных исследователей³. Полибий сообщает, что римляне по просьбам сагунтинцев отправили посольство к Ганнибалу еще до осады, зимой 220 г.⁴, что уже тогда римлянам стала ясна неизбежность войны с Карфагеном (Polyb. 3.15.12) и они намеревались вести ее в Иберии, используя при этом Сагунт как оперативную базу (Polyb. 3.15.13.), но предварительно собирались обезопасить себя с Востока, так как в Иллирии против них поднялся македонский союзник Деметрий Фаросский (Polyb. 3.16.3—7). Тем временем Ганнибал разгромил Сагунт и по получении известия об этом римляне спешно отправили в Карфаген посольство, которое должно было объявить войну, если карфагенские власти не дезавуируют действия Ганнибала (Polyb. 3.20. 6—8; 33. 2—4).

В этих сообщениях Полибия остается необъясненным, почему легко победившие Деметрия римские легионы⁵, еще летом 219 г. вернувшиеся в Италию⁶, не пришли на помощь сагунтинцам.

Согласно Ливию, сагунтинцы в страхе перед Ганнибалом отправили своих представителей в Рим еще до осады города (Liv. 21.6.2), и в Риме было решено отправить к Ганнибалу послов с предложением воздерживаться от нападения на союзный Риму город (Liv. 21.6.3). Когда же внезапно прибыло известие о начавшейся сагунтинской осаде, послы к Ганнибалу (еще не покинувшие Рим) получили дополнительные полномочия — в случае неуступчивости Ганнибала требовать выдачи его у карфагенского правительства, но Ганнибал не принял римских послов (Liv. 21.9.3), а в Карфагене

¹ Polyb. 3.17.9; Liv. 21.15.3; Zon. 8.21 Началась осада в конце весны первого года 140-й Олимпиады (Polyb. 3.16.7: ὑπὸ τῆν ὄρσιαν; 3.17.1.; 4.37. 2—4), т.е., вероятно, в мае 219 г., закончилась в середине зимы 219 / 218 г.

² Polyb. 3.15.5.; 15.8; 21.4; 29.4 — 10; Liv. 21.6.4; 10.6; 19.4.

³ Например: занятостью римлян военными операциями в Иллирии (Meltzer O. Geschichte der Karthaginer. II. B., 1896. S. 442—444), расхождением мнений в римском сенате о надлежащих мерах (Otto W. Die Vorgeschichte des Zweiten Punischen Krieges // Historische Zeitschrift. 1932. Bd 145. Ht 3. S. 513; Astin A.E. Saguntum and the Origins of the Second Punic War // Latomus. 1967. 26. № 3. P. 580, 589, 596, ; Walbank F.W. A historical Commentary on Polybius I. Oxf., 1957. P. 334), незаинтересованностью римлян в Иберии (Errington R.M. Rome and the Spain before the Second Punic War // Latomus. 1970. 29. N 1. P. 46), неспокойной обстановкой в Цизальпинской Галлии (Faber G. Auf Spuren von Hannibals. München, 1983. S. 76), стремлением сената поставить комиции перед свершившимся фактом падения Сагунта (Hampf F. Zur Vorgeschichte des Ersten und Zweiten Punischen Krieges // ANRW. Bd I.B. — N.Y., 1972. S. 433).

⁴ Polyb. 3.15.2—7.

⁵ О быстроте римских операций в Иллирии можно судить по сообщениям самого Полибия: Дималл (Διμάλλη, Dimallum — в районе совр. г. Дуррес, Албания) был взят на седьмой день по прибытии легионов и после этого другие города стали сдаваться римлянам (Polyb. 3.18.5—6); Фарос (Pharos — совр. остров Хвар, Далмация) пал после первого же приступа (Polyb. 3.18.7—12; 19), и Деметрий бежал в Македонию (Polyb. 3.19.8). Та была занята Союзнической войной в Греции (с 220 г. — Polyb. 4.13.6—7) и не поддержала его.

⁶ Polyb. 3.19.12; 4.66.8. См. также Auct. Vir. Ill. 50; Suet. Tib. 3.2.

им было заявлено, что война начата не Ганнибалом, а сагунтинцами (Liv. 21.11.2). Далее Ливий указывает, что почти одновременно с возвращением послов из Карфагена в Риме было получено известие о падении Сагунта (Liv. 21.16.1) и принято решение об объявлении войны карфагенскому правительству, если оно откажется дезавуировать действия Ганнибала (Liv. 21.18.1—2). Таким образом, у Ливия просрочка римской помощи сагунтинцам как бы объясняется задержкой римского посольства: до его возвращения было решено ничего не предпринимать (Liv. 21.6.8), возвратилось же оно в Рим слишком поздно (Liv. 21.16.1).

Однако и вне связи с вопросом о точности хронологии Ливия⁷ очень сомнительно, чтобы отлучка римских послов тянулась почти столько же времени, сколько и сама сагунтинская осада: ведь известия об осаде Сагунта прибыло в Рим, вероятно, в мае - июне 219 г.; назначенное к Ганнибалу посольство отбыло, по-видимому, тогда же или несколькими сутками позже, так как спор в Сенате о предполагаемом театре военных действий, непосредственно предшествовавший отправке этого посольства (Liv. 21.6.7), нигде у Ливия не назван продолжительным; не упоминает Ливий и о каких-либо задержках в пути (непогода и т.п.); послы не затратили времени ни на переговоры с Ганнибалом (так как он их не принял), ни на дискуссии в Карфагене о действиях Ганнибала, ибо за него стояли почти все в Карфагене (Liv. 21.11.1). Что же касается быстроты античных кораблей, то при благоприятных условиях (для Западного Средиземноморья — лето) она составляла 700 стадий (129 км) днем и 600 стадий (111 км) ночью (Herod. 4.86.1), т.е. 240 км за сутки. Скорость и в 300 км за сутки была в то время, видимо, обычным явлением: В "Перипле обитаемого моря" говорится о суточном пути из Крита в Киренаику как об ординарном рейсе⁸; по словам Плиния, рейс из Ближней Испании в Остию (близ Рима) занимал четыре дня⁹.

Рассказ Аппиана о римском посольстве к Ганнибалу и в Карфаген в некоторых деталях близок Ливию: посольство отправлено по просьбе сагунтинцев с началом осады (App. Hisp. 2.11.), не принято Ганнибалом, в Карфагене получает вызывающий ответ. Но у Аппиана послы возвращаются в Рим не «почти одновременно» с падением Сагунта (как у Ливия), а несколько раньше, вероятно, в середине или конце лета 219 г. Аппиан отмечает: «Когда ответ, полученный от карфагенян, был сообщен в Рим, то одни требовали немедленно помочь сагунтинцам как союзникам (οἱ μὲν ἐκέλευον ἤδη συμμαχεῖν τοῖς Ζακυνθαίοις), другие же удерживали от этого (οἱ δ' ἐπέτρεχον ἔτι), говоря, что в договоре они не значатся их союзниками, а записаны как автономные и свободные (λέγοντες οὐ συμμαχοῦς αὐτοῦς ἐν ταῖς συνθήκαις σφῶν ἀλλ' αὐτονόμους καὶ ἐλευθέρους ἀναγεγράφθαι), свободными они остаются и тогда, когда находятся в осаде (ἐλευθέρους δ' ἔτι καὶ τοὺς πολιορκουμένους εἶναι). Это мнение одержало верх' (καὶ ἐκράτησεν ἡ γνώμη — App. Hisp. 2.11).

Здесь под договором (συνθήκαι) подразумевается так называемый Гасдрубалов договор¹⁰, заключенный между римлянами и карфагенским главнокомандующим в Иберии Гасдрубалом в 226 г.¹¹

⁷ У Ливия осада Сагунта протекает при консулах Т. Семпронии Лонге и П. Корнелии Сципионе (Liv. 21.6.3), т.е. не в 219, а в 218 г. Это искажение хронологии было очевидно и для самого Ливия (21. 15. 3—6).

⁸ Ps.-Scylac. 47 (ВДИ. 1988. № 1. С. 259).

⁹ Plin.NH. 19. 1. 4. У Плиния речь идет, вероятно, о четырех сутках, ибо плавание едва ли прекращалось ночью.

¹⁰ У Аппиана в изложении Гасдрубалова договора: Ζακυνθαίους... αὐτονόμους καὶ ἐλευθέρους εἶναι (Hisp. 2.7.).

¹¹ Между осенью 226 г. и весной 225 г. (De Sanctis G. Storia dei Romani. III, I. Firenze, 1967. P. 400. Not. 62).

По этому договору река Ибер (Эбро) признавалась границей не только карфагенской военной экспансии (как трактуется этот договор Полибием)¹², но, надо полагать, и для римской (Liv. 21.2.7; App. Hisp. 2.7), поскольку римляне договаривались с Гасдрубалом в крайне неблагоприятной для них обстановке¹³ и не могли не взять и на себя ограничивающее обязательство.

Оговорка в этом договоре относительно свободы и независимости Сагунта (Liv. 21.2.7: *Saguntinisque... libertas servaretur*; App. Hisp. 2.7: *Zakavθαίους... αὐτονομούς καὶ ἐλευθέρους εἶναι*) является, по-видимому, изобретением Валерия Анциата (попавшим к Аппиану от Ливия) и признана недостоверной многими исследователями¹⁴.

Эта оговорка, будто бы содержащаяся в Гасдрубаловом договоре (не говоря уже о некоторых географических неточностях)¹⁵, привнесла в рассказ Аппиана некоторую несообразность: из сообщения Аппиана вытекает, что попытки Ганнибала лишить Сагунт его свободы и независимости (осада города) не расценивалась римлянами как нарушение Гасдрубалова договора, хотя именно этим договором (по Аппиану) и гарантировались Сагунту его свобода и независимость.

Однако в главном — в определении причины неказания римлянами помощи Сагунту — версия Аппиана выглядит убедительнее других источников¹⁶. Как явствует из рассказа Аппиана, в споре по вопросу о Сагунте верх одержали не сторонники союзнических отношений с Сагунтом, а их противники, стоявшие за соблюдение Гасдрубалова договора как последнего слова в римско-карфагенских договорных отношениях, т.е. за признание права карфагенян на расположенный в зоне их экспансии Сагунт.

Это произошло, вероятно, потому, что вопрос о поддержке Сагунта (т.е. о войне с Карфагеном) был решен не в сенате, а в народном собрании — центуриатных комициях¹⁷. К тому времени они были уже реформированы¹⁸, причем в демократическом духе¹⁹. Если раньше решение

¹² *Polyb.* 2.13.7; 3.27.9; 29. 3; 30.3.

¹³ Римлянам грозило вторжение кельтов (*Polyb.* 2.13.5.), и они, нуждаясь в нейтралитете Гасдрубала (*Polyb.* 2.22.11), старались «умиротворить и улагодворить» его (*Polyb.* 2.13.6: *καταψαυαντες καὶ πραιναντες τὸν Ἀσδρούβαν*).

¹⁴ *Egelhaaf G.* *Analekten zur Geschichte des Zweiten Punischen Krieges // Historische Zeitschrift.* 1885. 53. S. 432. Anm. 2; S. 435; *Huss W.* *Geschichte der Karthaginer.* München, 1985. S. 289; *Mazzarino S.* *Introduzione alle guerre puniche.* Catania, 1947. P. 129—131; *Klotz A.* *Appian's Darstellung des Zweiten Punischen Krieges // Studien zur Geschichte und Kultur des Altertums.* Bd 20. Paderborn, 1936. S. 13; *Täubler E.* *Die Vorgeschichte des Zweiten Punischen Krieges.* B., 1921. S. 96, 106; *Meyer Ed.* *Kleine Schriften.* II. Halle, 1924. S. 341, 350; *Hoffmann W.* *Livius und der Zweite Punische Krieg.* B., 1942. S. 19—20; *De Sanctis.* *Op. cit.* III. 1. P. 429.

¹⁵ У Аппиана (Hisp. 2.7; Hannib. 1.3; Pun. 2.6) Сагунт расположен севернее Эбро.

¹⁶ О трактовке сагунтинских событий у Полибия и Ливия упоминалось выше. Сообщения Кассия Диона (Зонары) во многом близки изложению Ливия. Но если у Ливия сагунтинцы Риму *socii*, то Зонара называет сагунтинцев не *σύμμαχοι* а *περίοικοι* (*Dio.* Fr. 52; *Zon.* 8.21). Время возвращения послов в Рим у Диона не уточнено, дебаты же в сенате по вопросу о военных действиях против карфагенян происходят не до падения Сагунта (как у Ливия), а после (*Dio* Fr. 55; *Zon.* 8.22. 9—26). У Сиция Италика (I. 691—694) римское посольство, отправленное к Ганнибалу и не принятое им (*Sil.Ital.* II. 1—21), отправилось в Карфаген и там объявило войну (*Sil. Ital.* II 380—389). Падение Сагунта последовало уже после этого (*Sil. Ital.* II. 457—707). Силий Италик создавал не столько историческое, сколько художественное произведение и воспользовался своим правом на вымысел.

¹⁷ После завоевания Римом долины р. По в результате войны с кельтами 225—222 гг. в сенате должна была неизбежно ослабнуть позиция приверженцев территориальных приобретений внутри Италии, а позиция сторонников антикарфагенского курса, стремящихся вытеснить карфагенян из Иберии, чтобы завладеть находящимися там золотыми и серебряными рудниками, — еще более окрепнуть, и представители такого курса не могли бы оказаться в меньшинстве в сенате при решении вопроса поддержки Сагунта против Карфагена.

¹⁸ Реформа комиций произошла, по-видимому, в 220 г., в цензорство Г. Фламиния и Л. Эмилия Павла (*Mommsen T.* *Römisches Staatsrecht.* III. 1. Lpz, 1887. S. 270. Anm. 3).

¹⁹ *Liv.* I. 43.12.; *Dion. Hal.* 4.21.3.

комиций зависело от голосов 18 центурий всадников и 80 центурий первого имущественного класса, то после реформы комиций к голосованию допускались представители и менее зажиточных классов²⁰. Им новая война с Карфагеном могла принести только новое разорение. Поэтому политика сената в Иберии, в частности заключение провоцирующего карфагенянского союза с Сагунтом²¹, могла быть в народе только крайне непопулярна²². «Народ был мало склонен, — резюмировал историк В.Н. Пирогов решение центуриатных комиций, — начинать новую войну из-за малоизвестного ему Сагунта»²³. Мнение историка И.И. Вейцковского более категорично: «Народ и слышать не хотел о новой войне с Карфагеном из-за Сагунта»²⁴.

Если подавляющая часть италийского населения — мелкие и средние крестьяне — не хотели ввязываться в войну с Карфагеном до падения такого богатого и сильного союзника, каким был Сагунт, то еще меньше желания воевать с Карфагеном осталось бы у них после разгрома Сагунта. Если же римляне все же объявили Карфагену войну, о чем свидетельствует помимо упоминавшихся источников и Аппиан (Hist. 3.13), то, очевидно, в ответ не на разгром Сагунта, а на гораздо более грозное для римлян событие — переход армией Ганнибала установленной Гасдрубаловым договором границы по р. Эбро и движение этой армии в Нарбонскую Галлию на соединение с кельтами.

Косвенные тому подтверждения можно обнаружить у Полибия и Ливия. Как выясняется из сообщения Полибия, на встрече с карфагенскими властями римского посольства, требовавшего выдачи Ганнибала, речь зашла о Гасдрубаловом договоре (хотя в нем Сагунт и не упоминался)²⁵ как о нарушенном карфагенской стороной: карфагеняне «уклонялись от обсуждения Гасдрубалова договора, считая его как бы не существующим, или, если и существующим, то не касающимся их, поскольку заключен был без их одобрения»²⁶.

То же и у Ливия: одним из соображений, по которому было решено отправить в Карфаген ультимативное посольство с объявлением войны, был переход карфагенскими войсками Эбро²⁷; на встрече с этим посоль-

²⁰ Sumner G.V. Aspects of the History of Comitia Centuriata // Athenaeum. Pavia, 1962. 40. № 1—2. 79, 80.

²¹ Как сообщает Полибий, союзнические отношения с Сагунтом римляне установили не раньше момента заключения Гасдрубалова договора (226/225 г.), так как заняться делами в Иберии римляне могли лишь избавившись от кельтской угрозы (Polyb. 2. 22. 9—11), вызванной вытеснением сенонов из Пицена и его разделом (232 г., Polyb. 2. 21. 7), а для устранения этой угрозы надо было первоначально заручиться договором с Гасдрубалом (Polyb. 2. 13. 6). Как установленный позже Гасдрубалова договора (возможно, на исходе 225 г., после крупной победы римлян над кельтами у Теламона), римско-сагунтинский союз являлся нарушением если не буквы, то духа и смысла Гасдрубалова договора.

²² Обвинение против нобилей в том, что они давно стремились к войне с Ганнибалом и в конце концов привели его в Италию, выдвинутое Кв. Бебием Герением (Liv. 22. 34. 4—7; см. также Plut. Fab. 8), было, по-видимому, широко распространенным среди плебса мнением.

²³ Пирогов В.Н. Исследования по римской истории преимущественно в области третьей декады Ливия. СПб., 1878. С. 125.

²⁴ Вейцківський І.І. Зовнішня політика країн Західного Середземномор'я в 264—202 р. Львів, 1969. С. 135.

²⁵ У Полибия указывается, что в Гасдрубаловом договоре упоминается только р. Ибер (Эбро) как предел, который карфагеняне не должны преступать ἐπὶ πολέμῳ. Об остальной же Иберии (т.е. и о Сагунте) в договоре умалчивалось (την... ἄλλην Ἰβηρίαν παρασιώπων — Polyb. 2.13.7).

²⁶ Polyb. 3.21.1: τὰς μὲν οὖν πρὸς Ἀσδρούβαν ὁμολογίας παρεσιώπων, ὡς οὐτε γεγενημένας, εἴ τε γεγόνασιν οὐδὲν οὖσας πρὸς αὐτοὺς διὰ τὸ χωρὶς τῆς σφετέρας πεπραχθαι γνώμης. См. также Polyb. 3. 29. 2.

²⁷ Liv. 21. 16. 5: Poenum... recentem ab excidio opulentissimae urbis Hiberum transire — «Пуниец... воодушевленный разгромом богатейшего города, уже переправляется через Ибер».

ством карфагеняне не признают обязательным для себя соблюдение Гасдрубалова договора и предлагают римским послам «перестать ссылаться на Сагунт и Ибер»²⁸.

Такие ссылки на Ибер могли быть уместны лишь после перехода Ганнибалом р. Эбро. Этот переход произошел, очевидно, лишь в июне 218 г.²⁹ Поэтому именно этот переход, а не случившийся за полгода до него разгром Сагунта мог быть и главным предметом переговоров, и главным поводом к объявлению войны. Если у Полибия в 30-й главе третьей книги причиной войны назван Сагунт (*Polyb.* 3. 30. 3), а о переходе карфагенянами Эбро лишь упоминается, то объясняется это случайным пропуском в тексте³⁰, поскольку раньше, в 6-й главе, Полибий называет переход Эбро одной из причин войны (помимо разгрома Сагунта)³¹.

О Сагунте на переговорах в Карфагене речь зашла лишь потому, что карфагенское правительство не признавало для себя обязательным Гасдрубалов договор и тогда римляне обвинили их в нарушении другого, признаваемого карфагенянами, Лутациева договора от 241 г., согласно которому римские союзники (а следовательно, и Сагунт) были неприкосновенны для карфагенян, а карфагенские союзники — для римлян (*Polyb.* 3. 27. 4; *Liv.* 21. 18. 8). Но карфагеняне отклоняли и это обвинение на том основании, что в тексте Лутациева договора Сагунт в перечне римских союзников не значился (*Polyb.* 3. 27. 3—5; 29. 4; *Liv.* 21. 19. 4).

Вероятнее всего, римляне решили пожертвовать Сагунтом в надежде, что захватив богатейший в Иберии, расположенный в плодороднейшей местности город³², Ганнибал удовлетворится этим и не выйдет за рубеж по Эбро, тем более что в пределах Пиренейского полуострова еще оставались богатые районы, не завоеванные карфагенянами³³.

Но сама эта римская политика, должно быть, и подтолкнула Ганнибала к войне. Она вызвала к тому же, по-видимому, широкий и неблагоприятный для римского престижа резонанс: у Ливия сохранилось упоминание о том, что даже в отдаленных районах Северо-Западного Средиземноморья римская политика по отношению к союзному Сагунту была известна и заклеяна как вероломная (*Liv.* 21. 19). Возможно, уже первый римский историк Кв. Фабий Пиктор, участник Ганнибаловой войны, писавший свой труд на греческом языке, но в патриотическом духе, счел необходимым римскую политику в отношении Сагунта по возможности завуалировать. В этом направлении, вероятно, следовал и Полибий, грек по происхождению, но романофил, писавший свою «Всеобщую историю» как раз перед третьей Пунической войной и не склонный поэтому знакомить своих читателей с некоторыми неприглядными, с его точки зрения, сторонами римской политики.

По этой причине у авторов, в конечном итоге восходящих к Фабию и Полибию (исключая Аппиана, источники которого полностью не выяснены),

²⁸ *Liv.* 21. 18. 11—12: Si vos non tenent foedera vestra nisi ex auctoritate aut iussu vestro icta, ne nos quidem Hasdrubalis foedus, quod nobis insciis fecit, obligare potuit. Proinde omittite Sagunti atque Hiberi mentionem facere...

²⁹ Ганнибал начал поход в Италию с наступлением лета (*Polyb.* 5. 1. 3), т.е., вероятно, в начале июня 218 г., так как поход длился пять месяцев (*Polyb.* 3. 56. 3; *Liv.* 21. 15. 3; 38. 1), а закончился приблизительно с заходом Плеяд (*Polyb.* 3. 54. 1), который в то время приходился на вторую неделю ноября (*Plin.* NH 2. 47. 125; 18. 74.313).

³⁰ *Hesselbarth H.* Historisch-kritische Untersuchungen zur dritten Dekade des Livius. Halle, 1889. S. 9.

³¹ *Polyb.* 3. 6. 2... τὴν διάβασιν αὐτῶν παρὰ τὰς συνθήκας τοῦ Ἰβήρου ποταμοῦ.

³² *Polyb.* 3. 17. 3; *Liv.* 21. 7. 2; *App.* Hisp. 2. 12; *Plin.* NH. 15.72.

³³ Лузитания, которая, согласно описанию Страбона (3. 3. 3), занимала районы современной Португалии и изобиловала золотом и серебром, белым золотом (платиной), оловом (*Strabo.* 3. 2. 9; 3. 3. 5), не была завоевана Баркидами.

осталось без упоминания решение комиций не воевать с Карфагеном из-за Сагунта (лето 219 г.), а решение комиций воевать с Карфагеном по поводу перехода Ганнибалом установленной договором границы по Эбро (лето 218 г.) подается как справедливая реакция римлян на падение союзника Сагунта.

О.С. Оржеховский

ON THE «PRE-HISTORY» OF THE SECOND PUNIC WAR

O.S. Orzhekhovsky

The Romans declared war on Carthage (the Second Punic War) a whole year after Hannibal had opened hostilities against them (siege of Saguntum). Taking into consideration the evidence of Appian, we can explain this delay by the desire of the Roman *comitia* to avoid war with Carthage for Saguntum in summer of 219 B.C.

© 1993 г.

РИМСКИЕ ИМПОРТЫ И ВЫДЕЛЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ РАЙОНОВ В ВЕРХНЕМ ПОТИСЬЕ

Верхнее Потисье, расположенное на северо-восточной окраине Тисо-Дунайского бассейна, представляет собой специфический регион¹. Его характеризуют природная замкнутость и наличие нескольких экологических зон (низменная, предгорная, горная). Тем не менее несмотря на свое географическое положение население региона не было изолировано от этнокультурных процессов, проходивших в южных и западных областях ареала. Естественная защита (горы, густая сеть рек), коммуникационные пути и сырьевые ресурсы привлекали сюда на отдельных этапах истории чужеродные племена и народы.

Коренные изменения довольно архаичной культуры местных северо-фракийских племен определяются внедрением в Верхнее Потисье кельтов. В конце IV в. до н.э. здесь появляются первые вооруженные отряды, в течение двух следующих столетий кельты полностью осваивают основные земли региона². Технические, хозяйственные и культурные достижения кельтской цивилизации оказали глубокое воздействие на экономику (повсеместное развитие ремесленного производства, сельского хозяйства, товарно-денежных отношений) и социальную структуру субстрата.

Уход с политической арены кельтов после их разгрома политическим объединением гето-даков в 60-х годах I в. до н.э.³ не сказался на уровне экономического развития Верхнего Потисья. Дальнейшая история населения региона (середина I в. до н.э. — начало II в. н.э.) связана с даками,

¹ В понятие Верхнее Потисье входят Восточно-Словацкий край Словакии, северная часть Саболч-Сатмарской обл. Венгрии, Закарпатская обл. Украины и Сатумарский уезд Румынии.

² *Котигорошко В.Г.* Хронология латенской культуры Верхнего Потисья // Проблемы історії археології давнього населення Української РСР. Київ, 1989. С. 105—106.

³ *Crișan J.H.* Burebista și epoca sa. București, 1977. P. 277.

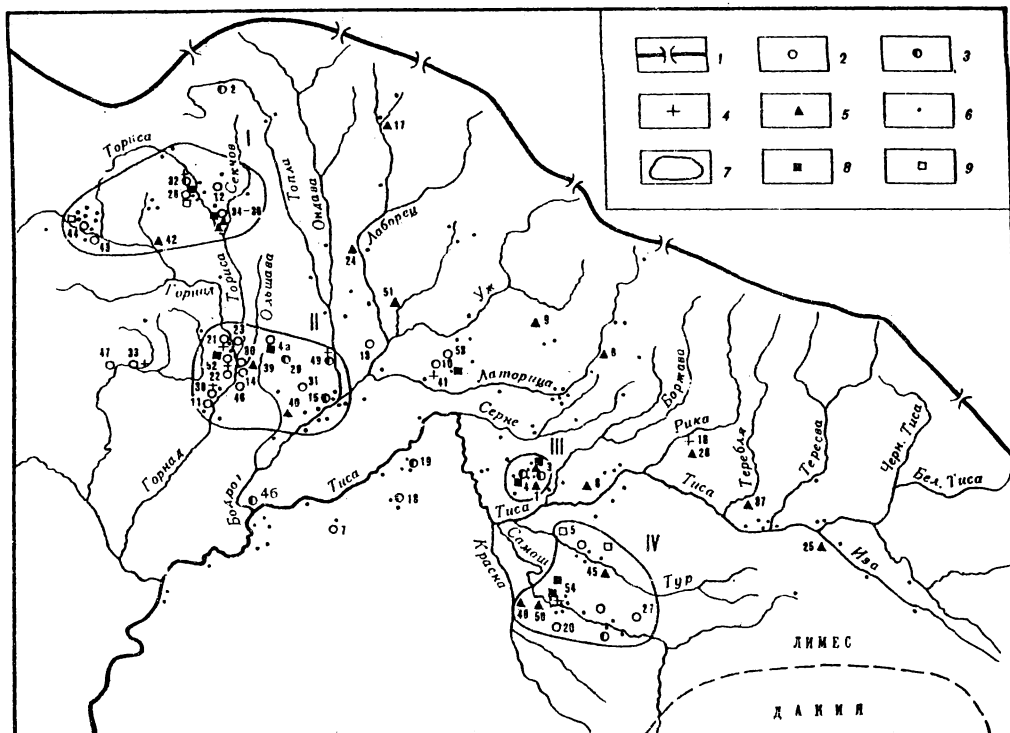

Рис. 1. Распространение римских импортов и расположение экономических районов в Верхнем Потисье: 1 — Карпаты, перевалы, 2 — импортная керамика, 3 — импортные изделия из металла, 4 — стеклянные изделия, 5 — клады, 6 — монеты, 7 — экономические районы, 8 — гончарные мастерские, 9 — металлургические мастерские

экономика которых благодаря мощной сырьевой базе Карпат и внедрению в производство кельтской технологии стояла на довольно высоком уровне. На важных коммуникационных путях Верхнего Потисья возводятся ряд городищ (Земплин, Малая Копаня, Солотвина, Ончешти) — опорных пунктов дакийской культуры⁴.

Особо выделяются городища типа «дава» в Земплине и Малой Копане — наиболее крупные политические и экономические центры региона. Здесь функционировали металлургические, кузнечные, гончарные и ювелирные мастерские, изготавливая ручные ротационные мельницы. О широких торговых связях этого периода свидетельствуют монетные коллекции городищ. Среди них бронзовые дакийские монеты типа Медиешул Аурут (Трансильвания), монета сырмского типа (Северная Югославия), бистрецкого типа (Северная Словакия), римские республиканские денарии, в том числе колонии Немавс (Южная Галлия), а также драхма Диррахия⁵. К редким находкам относится мозаичная плакетка с двусторонним изображением женщины, изготовленная в александрийских мастерских I в. до н.э. — I в. н.э.⁶

Среди факторов, способствовавших экономическому и общественному прогрессу населения Верхнего Потисья на рубеже и в первых веках нашей эры, важную роль сыграли контакты с Римской империей. Если

⁴ Котигорошко В.Г. Городища рубежа нашей эры в Верхнем Потисье // SA. 1989. С. 1. С. 21—67.

⁵ Определение монет проведено научным сотрудником Института археологии Словацкой АН Е. Колниковой.

⁶ Котигорошко. Городища... С. 47.

в I в. до н.э. — I в. н.э. они были опосредованными и эпизодическими, то после образования провинции Дакии (107 г.), когда регион вошел в соприкосновение с лимесом, связи приобретают устойчивый и длительный характер. Археологически динамика установившихся связей определяется различными группами импорта, обнаруженными во многих пунктах Верхнего Потисья (рис. 1).

Основные группы импорта представлены изделиями из цветных металлов (бронза, серебро, золото), стекла, керамикой и монетами. Первые две группы составляют ограниченное число предметов, происходящих, главным образом, из погребений Восточной Словакии. Это сосуды и украшения из «княжеских» могил в Цейкове⁷, Острованах⁸ и дакийских погребений Земплина⁹.

Особый интерес представляют изделия из цветных металлов, для которых определяется не только время, но и место изготовления (табл. I). Наиболее ранние среди них — бронзовое ведро и норико-паннонский пояс из погребений в Земплине. Ведро, по классификации Н. Эггерса¹⁰, отнесено к типу E40, а пояс — E3a. Датируются они третьей четвертью I в. н.э.¹¹

Редкой находкой является бронзовый треножник (tripes), входивший в комплекс погребения I Острованы. По мнению В. Ондруха, подобные вещи, связанные с отправлением культа, изготавливались в I в. н.э. в кампанских мастерских Италии¹². Современное состояние изучения вопроса в связи с раскопками «княжеских» погребений в западном регионе из распространения позволяет отнести треножник из Острован к продукции мастерских II—III вв. в подунайских или балканских провинциях¹³.

В начале IV в. было совершено погребение в Цейкове¹⁴. В его инвентарь входили бронзовые кувшин (тип E128a), миска (тип E104) и цедилка (тип E161), относящиеся к стадиям C1—C2 по Г. Эггерсу¹⁵. К позднеримскому времени также принадлежат бронзовые миска и кубок из погребения в Кишварде¹⁶, миска из Берегово¹⁷. А. Красковская, специалист по анализу римских бронзовых сосудов Словакии, делает вывод об италийском происхождении сосудов из Цейкова и Земплина¹⁸. В Словакию, по ее мнению, они попадали через Аквилею и Западную Паннонию, где посредником в обмене с варварами был Карнунт. Некоторые исследователи не исключают возможность посредничества сарматов и даков в поступлении таких импортов в Восточную Словакию¹⁹. И. Бона склоняется к выводу, что скорее всего большая часть импорта в Северо-Восточную Венгрию, входящую в регион Верхнего Потисья, поступала через близлежащую Дакию²⁰.

⁷ *Beninger E.* Der Wandalfund von Czéke-Cejkov // *Annalen. Naturhistorisches Museum.* Wien. Wien, 1931. № 45. S. 183—224.

⁸ *Reinach S.* A herpalyi paizcdudor // *AE.* 1894. XIV. Ol. 395—404; *Beninger E.* Die germanischen Bodenfunde in der Slowakei. Reichenberg—Leipzig, 1937.

⁹ *Kolník T.* Prehľad a stav bádani a o dobe rímskej a stáhovani národov // *SA.* 1971. Č. 2. S. 524—525; *Kraskovská L.* Rímske bronzové nádoby na Slovensku // *SA.* 1976. Č. 2. S. 430, 433.

¹⁰ *Eggers H.I.* Der römische Import im freien Germanien. Hamburg, 1951.

¹¹ *Krekovič E.* Rímske importy na Slovensku // *SA.* 1987. Č. 1. S. 244, 264.

¹² *Ondruch V.* Bohaté hroby z doby rímskej na Slovensku. Bratislava, 1957. S. 143—145.

¹³ *Krekovič.* Op. cit. S. 266.

¹⁴ *Beninger.* Der Wandalfund ... S. 222.

¹⁵ *Ondruch.* Op. cit. S. 134, 221.

¹⁶ *Bóna J.* Szabolcs-Szatmár megye régészeti emlékei I // *Szabolcs-Szatmár megye műemlékei.* Budapest, 1986. Ol. 58.

¹⁷ *Hampel I.* A Nemzeti múzeum régisegtárának gyarapodása // *AE.* 1880. XIV. Ol. 347.

¹⁸ *Kraskovská* Op. cit. S. 430, 436.

¹⁹ *Lamiová-Schmiedlová M.* K otázke proveniencie minci z doby rímskej na výhodnom Slovensku // *SN.* 1986. IX. S. 134.

²⁰ *Bóna.* Op. cit. Ol. 57.

Пункт	Название предмета	Тип	Хронологическое распределение			
			100	200	300	400
Бакта				██		
Бардеев	золотой браслет					██
Берегово	бронзовая миска			██	██	
Бодрог Святая Мария	бронзовый замок от шкатулки				██	
Земплин	бронзовое ведро	Е 40	██			
	норико-паннонский пояс	Е 3а	██			
Кишварда	бронзовый кубок			██	██	
	бронзовая миска			██	██	
Кошице	бальзамарий		██	██		
Кулчу Марс	серебряная трехпру- жинная фибула			██	██	
Михайловцы	золотой аграф с камнями					██
Острованы погребение 1	золотой кубок	Е 178			██	
	бронзовый треножник				██	
погребение 2	стеклянные чаши	Е 216		██	██	
Солонды	стеклянный кубок					██
	сосуд с серпантинным орнаментом			██	██	
Цейков	бронзовая миска	Е 104		██	██	
	бронзовая цедилка	Е 161		██	██	
	бронзовый кувшин	Е 128а		██	██	
	стеклянная ваза					██

Табл. I. Хронологическое распределение римских импортов

К позднеримскому периоду в Верхнем Потисье принадлежат разнообразные изделия из золота: кубок (Е178), фибула, шейная гривна, браслет, аграф с ониксом из Острован, шейная гривна, браслет и нашивки из Цейкова, браслет в виде стилизованной змеи из Бардеева, аграф с полудрагоценными камнями из Михайловцев²¹. К этому же времени относят бронзовый ключ из Цейкова²² и бронзовый замок от шкатулки из Бодрогкеза (ур. Святая Мария)²³. Место изготовления перечисленных вещей не установ-

²¹ Kolnik T. Rimske a germánske umenie na Slovensku. Bratislava, 1984. S. 264—267, obr. 159, 167, 168, 192.

²² Beninger. Der Wandalenfund ... S. 190. Abb. 16.

²³ Gáspár D., Salamon A. Rómaikori lakatok magyar múzeumokban // AE. 1986. 113. Ol. 209, 212.

Рис. 2. Римская воинская эмблема

лено. Можно полагать, что они были продукцией провинциальных мастерских Дакии или Паннонии, откуда поступали на север и северо-восток, в том числе и в районы Верхнего Потисья.

Редкими находками не только для Верхнего Потисья, но и всего Карпатского ареала являются предметы римского вооружения. Из Нижнего Жипова (Восточная Словакия) происходит фрагмент, как полагает Э. Крекович, шлема с изображением Минервы; к сожалению, до сих пор не опубликован меч с надписью, обнаруженный там же в 50-х годах нашего столетия при раскопках Земплинского могильника²⁴.

Особый интерес представляет бронзовая статуэтка пантеры. Она найдена в 1986 г. возле с. Бакта Береговского р-на Закарпатской обл. на месте обнаружения в 1879 г. денежно-вещевого клада, включавшего бронзовые и медные монеты Траяна, Марка Аврелия и Фаустины Младшей²⁵ (здесь же в 1987 г. при раскопках многослойного поселения и погребений эпохи Великого переселения народов собраны еще шесть денариев вышеназванных эмиссий). Высота статуэтки 6,0 см, длина подставки 9,1 см, ширина — 1,9 см. Снизу подставки вделаны три железных штыря, сходящиеся на отломанной втулке (рис. 2). По нашему мнению, статуэтка может быть определена как *signum militare* — воинская эмблема подразделения римского легиона или вспомогательного отряда. Подобные эмблемы изготовлялись из бронзы в виде изображений животных, мифологических зверей или богов-покровителей империи и императоров. Для I—II вв. характерны эмблемы с изображением животных²⁶. Судя по местонахожде-

²⁴ Krekovič Op. cit. S. 264.

²⁵ Loheczky T. Adatok hazatok archaeologiahoz kölönös tekintettel Beregmegyére es komnyckére. Munkács, 1892. Ol. 67.

²⁶ Pop C. Signa militaria de bronz in Dacia romană // AMN. 1977. T. XIV. P. 111—112.

нию, бактянское *signum militare* входило в клад и может датироваться в таком случае концом II в. н.э.

Небольшую коллекцию составляют стеклянные сосуды, из которых лишь четыре целых. Две полусферические чаши прозрачного стекла (Эггерс, 216) входили в комплекс погребения 2 Острованы. По определению В. Ондруха, они изготовлены в середине III в. н.э. в рейнских стекольных мастерских (возможно, в Кельне)²⁷. Там же был отлит тонкостенный сосуд (кубок или чаша) с серпантинным орнаментом, фрагменты которого обнаружены в Закарпатье на жертвеннике III—IV вв. н.э. в с. Солонцы²⁸. К случайным находкам относится балзамарий из г. Кошиц (Словакия), имеющий аналогии в паннонских комплексах II—III вв.²⁹ Наконец, целое зеленоватое блюдо из Цейкова отнесено Е. Бенингером к продукции понтийских мастерских³⁰. Э. Крекович связывает изготовление подобных блюд с эпохой императора Константина I³¹. Остальные стеклянные изделия, за исключением обломков кубков со шлифованными овалами из Солонцов, найденные в семи пунктах региона, сильно фрагментированы и не поддаются определению.

По мнению Л. Красковской, стеклянные сосуды I в. н.э. являлись продукцией италийских мастерских, а во II—IV вв. н.э. в большинстве случаев ввозились из рейнской области. При этом автор подчеркивает, что изделия из стекла попадали в Словакию посредством торговли и в качестве военной добычи, но чаще всего в виде подарков местным вождям³². Простые изделия (кубки, флаконы, бокалы) могли отливаться в мастерских Дакии и Паннонии³³.

Импортная керамика в Верхнем Потисье известна по коллекции сосудов ретийского и паннонского типов, а также находкам *terra sigillata*. Первые изготавливались в Реции. Для них характерно исполнение в технике барбатино³⁴ с дополнительным декором, нанесенным с помощью зубчатого колесика. Цвет красный, до красно-коричневого, поверхность блестящая³⁵. Паннонская керамика определяется как посуда типичная для Паннонии. Это сероглиняные сосуды с серым или черным лощением, обычно украшенные штампами с растительной орнаментацией или полосами, волнами, нанесенными красной или коричневой краской³⁶. Появление ретийской керамики, как и паннонской, связано с развитием местного гончарства на базе латенских традиций и римской техники производства³⁷. В Словакии ретийская керамика датируется второй половиной II в., а паннонская — II — первой половиной III в. н.э.³⁸

В регионе эта керамика происходит с семи поселений Восточной Словакии³⁹, где была найдена и *terra sigillata*. Последняя представлена 28 экземплярами из 23 пунктов, преимущественно расположенных в западной части Верхнего Потисья (рис. 1). 83,3 % поддающихся определению

²⁷ Ondruch. Op. cit. S. 109—110.

²⁸ Комугорошко В.Г. Жертвенник III—IV вв. н.э. у с. Солонцы // СА. 1987. № 2. С. 189.

²⁹ Krekovič. Op. cit. S. 247.

³⁰ Beninger Der Wandalenfund ... S. 220—222.

³¹ Krekovič. Op. cit. S. 268.

³² Kraskovská L. Römische Glasgefäße in der Slowakei // SA. 1981. Č. 2. S. 390—392.

³³ Vágo E.B., Bóna I. Die Gräberfelder von Intercisa I. Der spätromische Sudostfriedhof. Budapest, 1976. S. 188.

³⁴ Техника барбатино — имитация эллинистических металлических сосудов.

³⁵ Szönyi E.T. Zur Verbreitung und Herstellung der sog. rätischen Keramik in Pannonien // AAN. 1973. 1—2. S. 87—107.

³⁶ Krekovič E. Rimska importovaná kermika na Slovensku // SA 1981. Č. 2. S. 350—354.

³⁷ Póczy K. Intercisa II. Keramik. Budapest, 1957. S. 38.

³⁸ Krekovič. Rimska... S. 367, obr. 21.

³⁹ Lamiová-Schmiedlová. Op. cit. S. 137.

Пункт	Тип	Место изготовления	100 150 200 250			
Братово	Драгендорф 37	Вестендорф				
Григоровце	Драгендорф 37	Лезу				
Дубравка						
Жданя		Вестендорф				
Коруид	Драгендорф 31	Рейнцаберн				
Красна над Горнадом	Драгендорф 37	Пфаффенгофен				
Медзани	Драгендорф 18/31	В. Галлия				
Медленшул Аурит	Драгендорф 37	Пфаффенгофен				
Нижняя Мышля	Драгендорф 37	Пфаффенгофен				
Новосад	Драгендорф 37	Ср. Галлия				
Педер		Вестендорф				
Прешов	2 Драгендорф 37	Рейнцаберн				
Сена		Рейнцаберн				
Спшиска Нова Вес	7 Драгендорф 37	Рейнцаберн				
	4 Драгендорф 37	Рейнцаберн				
Спшиска Нова Вес- Смижань	Драгендорф 37	Рейнцаберн				
Трстене при Горнаде	Драгендорф 33	Юж. Галлия				
	Драгендорф 33, 37	Ср. Галлия				
	2 Драгендорф 37	Рейнцаберн				
	Драгендорф 30	Вестендорф				
	Драгендорф 37	Пфаффенгофен				
Турянске Подградье		Рейнцаберн				
Шебастовце Барца	Драгендорф 37	Пфаффенгофен				
Шинловцы	Драгендорф 37	Вестендорф				

Табл. II. Хронологическое распределение terra sigillata

экземпляров (25 из 30) относятся к типу Драгендорф 37⁴⁰. Впервые terra sigillata появляется в период правления императоров Домициана — Адриана, т.е. в конце I — начале II в. н.э. Это фрагмент сосуда с поселения в Трстене при Горнаде (Драгендорф 33), изготовленный в Южной Галлии⁴¹. К продукции Средней и Восточной Галлии относятся несколько более поздних экземпляров, датируемых временем правления императоров Антонина Пия — Марка Аврелия⁴² (табл. II).

⁴⁰ Kuzmová K., Roth P. Terra sigillata v Barbariku. Nitra, 1988. Tab. XIV; Krekovič. Rimske importy ... S. 251—252; Bader T., Lazin Gh. Mărturii arheologice din județul Satu Mare. Satu Mare, 1980. P. 16.

⁴¹ Kuzmová, Roth. Op. cit. S. 113.

⁴² Ibid. S. 67, 75, 113.

Поступление terra sigillata возрастает с началом работы рейнцабернских мастерских (вторая половина II в. — первая половина III в.) и их филиалов в Вестерндорфе (Реция). В первой половине III в. импорт расширяется за счет продукции пфаффенгофских мастерских, расположенных невдалеке от вестерндорфских⁴³.

Выясняя пути проникновения terra sigillata в северокарпатские области и Среднюю Европу, исследователи особо подчеркивают роль Паннонии. Я. Гечкова, уточняя это положение, прямо указывает на Паннонию и Норик как на рынок вестерндорфских мастерских, для которых расположенная на среднедунайском лимесе Бригегия выступала посредником в торговле с варварскими территориями, лежащими к северу от Дуная⁴⁴. Вывод подтверждается значительным сосредоточением в Бригегии продукции вестерндорфских и рейнцабернских мастерских, а также большим количеством terra sigillata в Юго-Западной Словакии, непосредственно расположенной в контактной зоне среднедунайского лимеса. Прекращение поступления импортной керамики объясняется осложнением политической ситуации на среднедунайском лимесе в связи с усилившимся напором германцев в период правления императора Галлиена (253—268 гг.), закончившегося захватом маркоманнами Верхней Паннонии (Aurel Victor. Epit. 33, 1).

Подсчеты количества импортной керамики, найденной в разных зонах варварского мира Карпатской котловины, показывают неравномерность ее распределения. Широко использовалась terra sigillata в Словакии (за исключением ее восточной части), где было найдено около 800 обломков и целых сосудов⁴⁵. Сравнительно незначительное ее количество найдено на территории «сарматского клина» в Тисо-Дунайском междуречье, но намного больше в более северных областях, заселенных квадами, осами и котинами⁴⁶.

Неравномерность поступления этого вида товара в варварские области объясняется целым рядом факторов, в частности, географическим положением той или иной области по отношению к лимесу, расположением торговых путей, этнической принадлежностью населения и формой его хозяйственной деятельности, а также и характером питания⁴⁷.

В Верхнее Потисье импортная керамика, видимо, поступала через южно-словацкие земли. На это указывает факт ее большего сосредоточения в западной части региона, чем в юго-восточной, непосредственно стыкующейся с лимесом провинции Дакии. Последнее обстоятельство оказало влияние на дальнейшее развитие местного гончарного производства, что отразилось на появлении целой сети сельских мастерских и создании промышленного района в бассейне р. Миц. Он тянется на протяжении 4—5 км от Берегшурани (Венгрия) до г. Берегово (Украина). Раскопками 1964—1969 гг., проведенными Д. Чаллань в Берегшурани («Сад Дружбы»), было исследовано 52 гончарные печи⁴⁸. Позднее здесь же зафиксировано еще 50 печей. Две мастерские с четырьмя печами были раскопаны экспедицией Ужгородского университета в 1986 г. на поселении Берегово VI, а через год выявлены остатки гончарных мастерских на границе с Венгрией в «Саду Дружбы» (Лужанка). В общей сложности в районе Миц сейчас известно 118 печей, что не является окончательным числом. В процессе раскопок производственных и подсобных объектов было извлечено более 60 тыс. фрагментов керамики,

⁴³ Ibid. S. 149.

⁴⁴ Hečková I. Podiel výrobných centier rímskych provincií na spoločensko-ekonomickom vývoji naddunajského barbarika vo svetle rímskych importov // SA. 1982. Č. 1. S. 27.

⁴⁵ Kuzmová, Roth. Op. cit. S. 151.

⁴⁶ Gabler D., Vaday H.A. Terra sigillata im Barbarikum zwischen Pannonien und Dazien. Budapest, 1986. S. 46.

⁴⁷ Kuzmová, Roth. Op. cit. S. 142—143.

⁴⁸ Фонды и архив музея им. Андраша Йоши в г. Ниредьхаза (Венгрия).

десятки целых сосудов, 56 глиняных штампов, фибулы, пряжки, римские монеты II—IV вв. н.э., пряслица, бусы, браслеты, жернова.

Открытые печи по своей конструкции относятся к двухъярусному типу, который характеризуется наличием изолированных камер топки и обжига, разделенных решеткой. Обе камеры, за исключением верхней части купола с отверстием для загрузки продукции, вырывались в земле. Внутри стенки обмазывались слоем глины. Устье печи выходило в углубленную нижнюю часть помещения мастерской. Обычно употреблялись парные печи, что повышало их производительность, реже встречаются мастерские с тремя печами. Исходя из классификации И. Хеннинга⁴⁹, печи района Миц относятся к двум вариантам: вариант *A* — печи с опорным столбом в топке (доминирующий) и вариант *B* — с опорной стенкой (две печи). Наиболее ранними в Верхнем Потисье являются печи варианта *B*, появившиеся здесь одновременно с освоением земель региона кельтами⁵⁰. В гончарных центрах соседней провинции Дакии во II—III вв. н.э. использовались исключительно печи варианта *A*, которые, по мнению И. Хеннинга⁵¹, появляются здесь вместе с греческими переселенцами, использовавшими эту конструкцию с эпохи античности. Из Дакии печи варианта *A* проникают вместе с новыми формами посуды в Верхнее Потисье, где доминируют среди остальных конструкций на протяжении почти двух столетий.

Гончары района Миц специализировались на изготовлении высококачественной сероглиняной посуды. Ее характерной чертой является широкое применение разнообразного штампованного декора. С помощью гребенки, зубчатого колесика и специальных фигурных штампов на поверхность мисок и кувшинов наносились разнообразные геометрические фигуры, звездочки, розетки, растительный орнамент, пунктиры и тому подобные узоры. Зачастую они составляли самые разнообразные комбинации. Довольно редко встречается пролощенный орнамент с сетчатыми и зигзагообразными узорами. Пластическая орнаментация представлена расчленяющими желобками и рубцами под горлом и в верхней части тулова мисок и кувшинов. Поиски аналогии и исходного центра изготовления подобного типа посуды привели в провинцию Дакию. Здесь, в ее северной части, в гончарных мастерских Пороллисса со II в. н.э. было налажено товарное производство сероглиняной штампованной керамики⁵². Отсюда она поступала преимущественно в северные районы свободных даков и далее в глубь верхнетисских земель, где на основании образцов организуется ее специализированное производство (Берегшурань, Берегово VI, Блажице-Богдановцы). Ассортимент продукции, характеризующийся стандартностью форм, составляли миски, кувшины, жбаны, пифосовидные сосуды, горшки, стаканы, кубки. Их процентное соотношение показывает наличие в мастерских узкой специализации.

Доминирующая часть продукции находила сбыт в среде верхнетисского населения. Исключение составляют горшки с гофрированной поверхностью, рифленые кубки и стаканы с вогнутыми стенками, сформованные по провинциально-римским образцам (рис. 3, 3, 15, 17). Их отсутствие в керамических комплексах поселений и могильников наводит на мысль о возможности изготовления этих форм сосудов по заказам из соседней провинции Дакии или Сарматии, куда они могли возиться наряду с сельскохозяйственной продукцией и солью. Возникновению производствен-

⁴⁹ Henning I. Entwicklungstendenzen der Keramikproduktion an der mittleren und unteren Donau im I. Jahrtausend u.Z. // ZfA. 1977. S. 193.

⁵⁰ Némethi I. Cuptoare de ars ceramică din epoca latene de la Andrid (jud. Satu Mare) // SCIV. 1974. T. 25. P. 579—584.

⁵¹ Henning. Op. cit. S. 194.

⁵² Gudea N. Vasele ceramice, stampilate de la Porolissum // AMP. 1980. IV. P. 111.

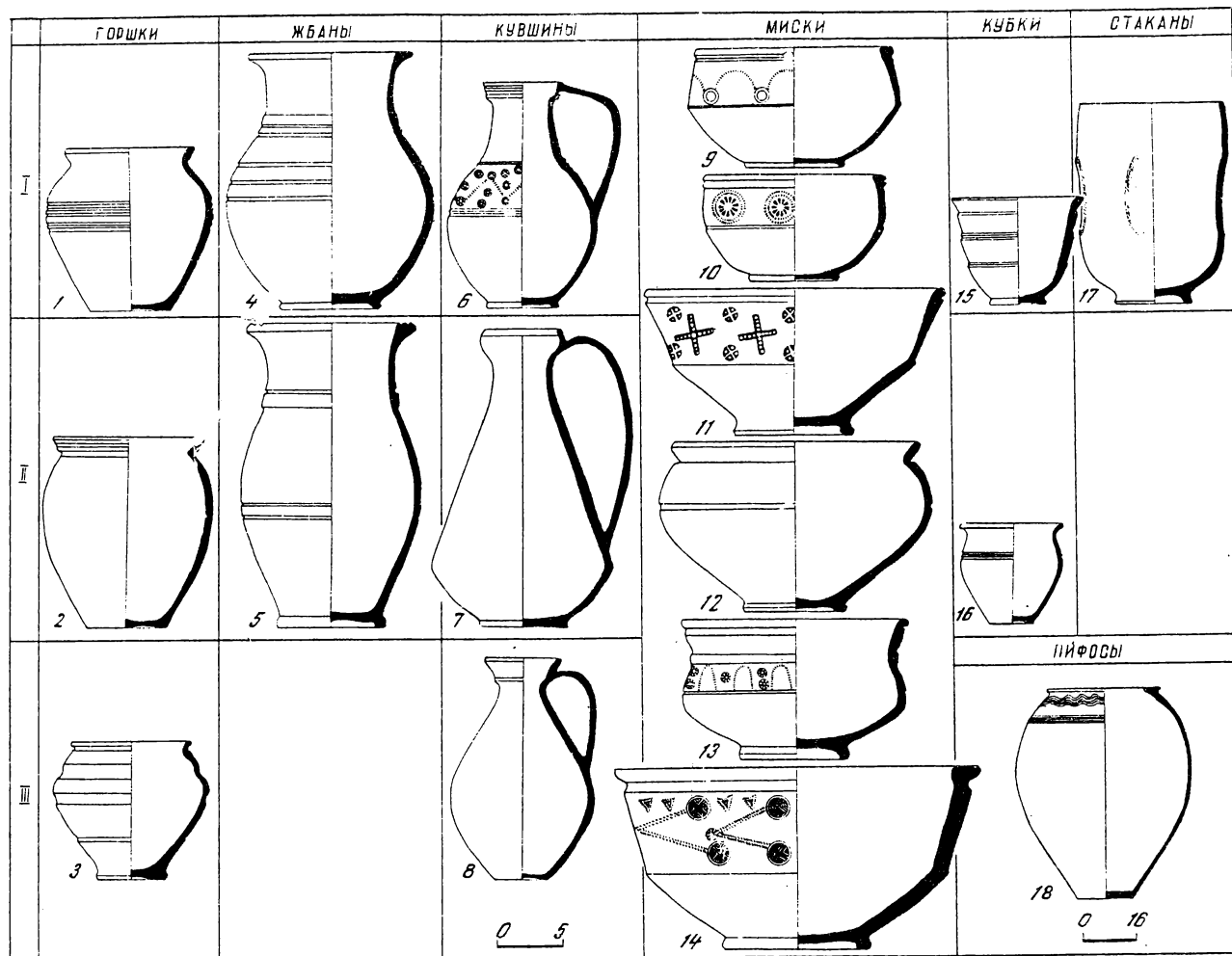

Рис. 3. Основные типы гончарных сосудов района Миц

ного района Миц способствовал ряд факторов, в том числе наличие сырьевой базы (залежи высококачественных каолиновых глин), сохранение традиций кельтского гончарства, географическое положение (удаленность от основных путей передвижения племен, естественная защита) и влияние провинциальных римских центров соседней Дакии.

Наиболее крупную группу импортов составляют римские монеты, представленные единичными находками и кладами в разных пунктах Верхнего Потисья.

Первое знакомство местного населения с денежными номиналами относится ко второй половине III в. до н.э. С оседанием кельтов на землях региона получают распространение греко-македонские монеты, в том числе имитации тетрадрахм Филиппа II и Александра Македонского⁵³. Позднее они сменяются монетами кельто-дакийской чеканки, а I в. до н.э. римскими республиканскими денариями, получившими статус «мировых» денег⁵⁴. Потребности развивающейся торговли не могли обеспечиваться поступавшими денариями, поэтому даки в эпоху Бурбисты прибегли к чеканке подражаний этим римским монетам⁵⁵.

В Верхнем Потисье паспортизировано 611 денариев, чеканенных в период 196—173 гг. — 27 г. до н.э., большая часть которых (490 шт.) найдены в округе Сату Маре⁵⁶. Приведенная цифра не отражает достоверной картины, если учесть отток поступивших монет в результате дальнейших торговых операций, возможной частичной переплавки монет и неустановленного содержания клада в Гуди⁵⁷.

Резко увеличивается поступление монет в императорское время. К I—IV вв. н.э. относится 21 клад и 192 паспортизированные монеты из 147 пунктов региона (рис. 1). Половина кладов была расхищена уже в момент обнаружения. Так, в Калинове (Восточная Словакия) было обнаружено 1,5—2,0 кг денариев, что составляло не менее 500 монет, из которых сохранилось 10 экземпляров II в. н.э.⁵⁸ 39 денариев осталось от Русскополивского клада, открытого в 1968 г. недалеко от г. Тячево⁵⁹. По словам очевидцев, здесь было найдено не менее 300 монет. Наиболее крупные кладовы открыты в Течеу (Румыния) — 1100 денариев от Вителлия (69 г.) до Септимия Севера (193—211 гг.)⁶⁰ и в Нанково (Украина) — 976 денариев от Домициана (81—96 гг.) до Септимия Севера⁶¹. Даже приблизительные подсчеты позволяют говорить о не менее 4000 монет из содержания кладов Верхнего Потисья (125 бронзовых и 25 золотых монет, остальные — серебряные денарии).

Интересно сопоставление количества нерасхищенных кладов по времени их тезаврирования: конца I в. — 1, второй половины II — начала III в. — 7 и второй половины IV в. — 2. Большая часть монет кладов чеканена во II в., особенно в его второй половине. Аналогичное распределение монет прослеживается и в сохранившихся частях разграбленных кладов. Поздние кладовы представлены содержанием бронзовых монет в Кривоштянах (Восточ-

⁵³ *Bidzila B.I.* Istoria culturii Zakarpattia na rubezhi nasoi eri. Kiev, 1971. S. 85—87; *Ondruch V.* Nalezky keltickyh, antickyh a byzantskyh minci na Slovensku. Bratislava, 1964. S. 65—70, 190; *Lazin Gh.* Descoperiri dacice din sec. III i.e.n. — I e.n. in judetul Satu Mare. Catalog // SMSC. 1981—1982. V—VI. P. 78—80.

⁵⁴ *Kolniková E.* Načrt problematiky keltseho mincovnictva na Slovensku // SN. 1984. VIII. S. 55—60, 69.

⁵⁵ *Crizan.* Op. cit. P. 176.

⁵⁶ *Lazin.* Op. cit. P. 78.

⁵⁷ *Eisner I.* Slovensko v pravěku. Bratislava, 1933. S. 192.

⁵⁸ *Ondruch.* Nalezky keltstyh ... S. 108.

⁵⁹ Фонды ЗКМ. Нумизматика. Инв. № 2700—2711.

⁶⁰ *Lazin Gh.* Circulația monetară în nord-vestul României sec. II—IV // SMSC. 1969. I. P. 111—120.

⁶¹ Фонды ЗКМ. Нумизматика. Инв. № 2845—2862.

ная Словакия) с эмиссиями от Максимиана (286—305 гг.) до Валента (364—378 гг.)⁶² и золотым денежно-вещевым кладом в Брестове (Закарпатье) с эмиссиями от Сабины (177—138 гг.) до Валента⁶³.

Динамика поступления монет наиболее полно отражается в единичных находках. 153 определенные монеты из 85 пунктов распределяются следующим образом: первая половина I в. — 0, вторая половина I в. — 17, первая половина II в. (включая эмиссии Фаустины Старшей) — 45, вторая половина II в. (от Антонина Пия до Коммода) — 36, первая половина III в. — 5, вторая половина III в. — 9, IV в. — 40.

Отсутствие чеканки первой половины I в. (в том числе и в кладах) объясняется совокупностью политических и экономических факторов. После гибели Буревисты в 44 г. до н.э.⁶⁴ распадается суперсоюз гето-даков, куда входило и Верхнее Потисье, нарушаются сложившиеся экономические связи, возобновившиеся лишь во второй половине I в. с образованием дакийского государства Децебала. Следует учитывать и денежную реформу Траяна, изъывшую из обращения монеты, выпущенные до Нерона⁶⁵. Все это позволяет полагать, что республиканские монеты, входившие в прешевский клад (109 республиканских и 66 императорских монет), зарытый после 165 г. н.э.⁶⁶ и сатурмарский (158 республиканских монет и денарий Александра Севера)⁶⁷ скорее всего попали в Верхнее Потисье в I в. до н.э., т.е. в период их наибольшего поступления в регион. После 50-летнего перерыва поступления вновь возобновляются с эпохи Нерона, резко возрастая во II в. Особенно значительно количество чеканок Антонина Пия, Марка Аврелия и членов их семей. В III в. наблюдается некоторый спад притока монет, а затем новый подъем в следующем столетии.

Сокращение ввоза монет эмиссий III в. объясняется порчей денария, начавшейся еще при Септимию Севере, что было связано с общим экономическим кризисом римской империи⁶⁸. Однако в Верхнем Потисье это не приводит к прекращению прямой функции денария как платежного средства. На это указывают находки денариев II в. на поселениях позднеримского времени, где, кстати, встречаются и медные монеты эмиссий IV в. О дальнейшем сохранении функции денег свидетельствует и вышеупомянутый клад бронзовых монет в Коштянах. Продолжавшиеся поступления и использование денег в IV в. подчеркивают особое положение и специфичность Верхнего Потисья среди других варварских областей Тисо-Дунайского междуречья, где в это время резко сокращается приток монет⁶⁹.

Картографирование импортов в Верхнем Потисье дает возможность выделить четыре основные зоны концентрации: I — междуречье верховьев Горнада и Торисы, II — Кошицкая котловина и прилегающий бассейн Бодрога, III — правобережье низовьев р. Боржавы, IV — бассейн среднего течения рек Самош и Тур (рис. 1). Первая и вторая зоны занимали важный коммуникационный путь на север, который, по мнению

⁶² Zozuláková B. Hromadny nález rimských minci z Krivoštieň (dnes Strážske), okres Michalovce // SN. 1986. IX. S. 230—244.

⁶³ Lehoczky. Op. cit. Ol. 113—117.

⁶⁴ Crișan. Op. cit. P. 233.

⁶⁵ Kunisz A. Numizmatyka rzymska // Vademecum historyka starozytnei Grecii i Rzymu. Warszawa, 1982. S. 289.

⁶⁶ Hlinka J., Kolníková E., Kraskovská L., Novak J. Nálezy minci na Slovensku III. Bratislava, 1978. S. 23.

⁶⁷ Lazin. Op. cit. P. 78.

⁶⁸ Кропоткин В.В. Клады римских монет на территории УССР // САИ. 1961. Вып. Г4—4. С. 23—25.

⁶⁹ Bóna. Op. cit. Ol. 58.

Е. Колниковой⁷⁰ и М. Ламиовой⁷¹, связывал Дакию с Балтийским морем. Кроме того, первая зона располагалась в непосредственной близости от спишского рудного месторождения (железо, медь, серебро, золото), разработка которого началась еще в конце I тыс. до н.э.⁷² и продолжалась в римское время⁷³, а на территории второй находились выходы высококачественных глин, способствовавших организации гончарного центра Блажице-Богдановцы⁷⁴. Третья зона находилась недалеко от основного коммуникационного пути региона — р. Тисы. Ее территорию занимал гончарный промышленный район Миц с мощной сырьевой базой и мужиевское месторождение золота⁷⁵. По данным анализа С₁₄, проведенного Закарпатской геологической экспедицией, одна из многочисленных древних штолен (№ XI) разрабатывалась в III в. н.э. Рядом находятся выходы кварцево-алунитовых пород, которые использовались жителями поселения III—IV вв. в с. Квасово для товарного производства ручных ротационных мельниц. Четвертая зона, занимающая земли свободных даков в бассейне р. Самош, располагалась в непосредственной зоне контактов с лимесом провинции Дакии (рис. 1). Здесь открыты металлургические⁷⁶ и гончарные мастерские⁷⁷. Кроме того, в зону входит Байамарское месторождение полиметаллических руд.

Таким образом, установленные зоны особой концентрации импортов не случайны, а обусловлены расположением на территории выделившихся в рамках региона экономических районов. Все они характеризуются большой плотностью заселения, особенно в позднеримское время, развитым ремесленным производством, значительным количеством находок монет на поселениях и расположением в долинах рек. Особо подчеркнем расположение экономических районов в разных экологических нишах, что в значительной мере определяло наличие той или иной системы хозяйства и, следовательно, общественное разделение труда. Первый район занимает горную нишу, второй — предгорную, третий и четвертый — низменную (рис. 1).

Среди густой сеги рек региона выделяются Тиса, Ториса, Лаборец и Латорица. Вдоль их берегов прослеживается повышенная концентрация единичных находок монет. Истоки этих рек начинаются недалеко от карпатских перевалов, через которые проходили пути из Верхнего Потисья в соседние регионы (рис. 1). Особое значение имели Тиса и Самош — основные коммуникационные пути, связывающие Верхнее Потисье с Дакией и подунайскими провинциями.

Торговые связи, судя по хронологии предметов импорта, имели определенную восходящую тенденцию в отношении качества и интенсивности. На первом этапе (середина I в. до н.э. — I в. н.э.) они носили опосредованный характер, определяемый удаленностью от границ империи. Осуществлялись контакты через римских купцов, проникавших в глубь варварских земель, и посредством местных торговцев, налаживших контакты с соседними районами и регионами. Импорты этого периода состояли из единичных бронзовых и стеклянных предметов, а также сравнительно значительного количества римских республиканских монет и имперских денариев второй половины I в. н.э. Отдельно

⁷⁰ Kolníková E. Hromadný nález rimských minci z Prešova a jeho numizmaticko-historický význam // SN. 1970. I. S. 66.

⁷¹ Lamiová-Schniedlová M. Evidence of Iron-Working during the Roman Period in Medzany // SA. 1987. Č. 1. P. 40.

⁷² Pieta K. Die Puchov-Kultur. Nitra, 1982. S. 107.

⁷³ Jurečko P. K problematike kultúrno-spoločenských vzťahov na sídliskách z doby rímskej na výhodnom Slovensku // SA. 1981. Č. 2. S. 320—321.

⁷⁴ Jurečko P. Problematika tzv. sivej keramiky v dobe rímskej so zreteľom na výsledky výskumu na východnom Slovensku // HC. 1981. XII. S. 169.

⁷⁵ Лазаренко В.А. По вулканическим Карпатам. Ужгород. 1979. С. 41—42.

⁷⁶ Котигорошко В.Г. Исследование памятников Закарпатья // АО. 1976, М., 1977. С. 312.

⁷⁷ Bader, Lazin. Op. cit. P. 14—15.

отметим группу сильно профилированных фибул норико-паннонского типа, по образцам которых на городище Малая Копаня был налажен их местный выпуск. Об этом свидетельствуют открытые здесь ювелирные мастерские и найденная невдалеке от них фибула-полуфабрикат (тип Альмгрен 67).

В первой половине II в. н.э. наблюдается спад в поступлениях, что объясняется последней фазой дако-римских войн (105—106 гг.), завершившихся разгромом дакийского государства царя Децебала, в которое, вероятно, входило и Верхнее Потисье. Прекращают функционировать городища Земплин и Малая Копаня, нарушаются внутренние и внешние экономические связи. Верхнее Потисье оказалось в непосредственной близости от империи, но контакты с римлянами, опустошившими Дакию и разгромившими их опорные пункты, местное население на первых порах после окончания войны, по всей видимости, не поддерживало. Лишь с течением времени постепенно налаживаются торговые отношения между населением с обеих сторон лимеса, проходившего чуть ниже левобережья среднего течения Самоша. Судя по датировке предметов импорта, связи устанавливаются с середины II в., резко усиливаясь после окончания Маркоманских войн (166—180 гг.), и постепенно возрастают в следующем столетии. На этот период приходится основная часть импортов.

После эвакуации римской Дакии (274 г.) упрочиваются связи с Паннонией, откуда поступают изделия из бронзы, золота, стекла. Не прерывается торговля с империей и в IV в., о чем свидетельствуют довольно многочисленные находки единичных монет (40 экз.) и клады: золотой из Брестова и бронзовых монет из Кривоштян, оба с последней эмиссией Валента (364—378 гг.). Если брестовский клад представлял собой зарытое сокровище, возможно ювелира, то кривоштянский имел ценность лишь как содержание номиналов стоимости. Последнее затрагивает вопрос о роли денег во внутренней торговле. Зачастую авторы склоняются к мнению об очень ограниченной роли монет в качестве «товара товаров» в варварских областях или даже вообще отрицают их использование в обменных операциях⁷⁸, а следовательно и возможность наличия третьего разделения труда⁷⁹. В связи с этим представляет интерес вывод К. Годловского⁸⁰. Рассматривая период Маркоманских войн, он обратил внимание на ограниченность количества кладов римских монет, кончавшихся эмиссиями Марка Аврелия, в варварских областях, прежде всего на территориях маркоманнов и квадов, и многочисленность таких кладов на территориях римских провинций. На основании этого исследователь приходит к заключению, что зарытие кладов не столь сильно связано с военными событиями, как с расширением денежных функций монет, интенсивностью их притока и денежного обращения, а также возможностью тезаврирования. По нашему мнению, основная функция монет подтверждается и поступлениями IV в., среди которых основное место занимали бронзовые и медные, представлявшие ценность лишь как мерило стоимости.

Сравнительно большой приток монет вместе с другими видами импорта стимулировал развитие торговли не только с Римской империей, но и в рамках внутреннего обмена, в чем немаловажную роль играло выделение экономических областей, расположенных в разных экологических нишах.

Рассматривая уровень воздействия Империи на население Верхнего Потисья, следует отметить неодинаковость его интенсивности в разных

⁷⁸ Hečková Op. cit. S. 36.

⁷⁹ Heбeпiдзe Г.О. Про поширення римських монет у Східній Європі // Археологія. 1984. Вип. 48. С. 12—17.

⁸⁰ Godlowsky K. Superiores Barbari und die Markomanenkriege im Lichte archaölogischer Quellen // SA. 1984. C. 2. S. 342, 350.

областях Карпатской котловины. Этот процесс зависел от целого ряда факторов, среди которых отметим наличие или отсутствие определенного базиса, во многом определяемого степенью латенизации субстрата в последней четверти I тыс. до н.э.

После образования подунайских провинций и Дакии устанавливаются определенные отношения между населением по обе стороны лимеса. Если в Подунавье они зачастую, начиная с рубежа нашей эры носили открыто враждебный характер, выразившийся в периодических стычках германских, дакийских и сарматских племен с римскими войсками⁸¹, то в верхнетисской контактной зоне эти отношения были более гармоничными и стабильными. Сложившаяся ситуация объясняется, с одной стороны, географическим положением, а с другой — этническими инвазиями в тех или иных регионах. Тисо-Дунайское междуречье в течение I — середины IV в. н.э. постоянно пополнялось все новыми и новыми волнами сарматов, перемещавшихся с востока, Среднее Подунавье — германцами с севера. Положение Верхнего Потисья, закрытого с севера и востока горным массивом Карпат, во многом способствовало непрерывному развитию северофракийского субстратного населения на протяжении VI в. до н.э. — IV в. н.э. и минимальному проникновению чужеродных этнических элементов.

Цивилизационное влияние Рима на варваров, несмотря на меняющиеся от мирных к враждебным отношения, имело восходящую тенденцию, которую не приостановил начавшийся в III в. экономический и внешнеполитический кризис империи. Стремление иметь римский товар, показатель общественного положения его владельца, было важным мобилизующим фактором и в экономической, и социальной сферах отношений. Восприятие не только импортов, но и технологии производства зависели от уровня развития базиса той или иной варварской области. К началу римской экспансии в карпатские земли Верхнее Потисье располагало ремесленным производством, рассчитанным на широкий рынок сбыта, наличием товарно-денежных отношений и посредников между производителями, т.е. теми факторами, которые создали благоприятную среду для внедрения достижений римской цивилизации. Проходившие процессы сопровождались ростом социальной и имущественной дифференциации, выделением тогово-промышленного слоя и в конечном счете способствовали скорейшему изживанию первобытнообщинных отношений.

В.Г. Котигорошко

⁸¹ *Pelikan O. Slovensko a rimska impérium. Bratislava, 1960. S. 246—250.*

ROMAN IMPORTS AND DEVELOPMENT OF ECONOMIC REGIONS IN THE UPPER THEISS BASIN

V.G. Kotigoroshko

The article considers the factors which exercised a considerable influence on the level of the socio-economic development of the population of the Upper Theiss basin of the Roman time.

In the first place, the article notes the specific character of the area situated in the north-Eastern part of the Carpathian hollow with different ecological niches.

Celtic production traditions which took shape at the end of the I millenium B.C. and were developed by the Dacians on the threshold of A.D., as well as rich mineral

resources (metal, high-quality pottery clay, salt) largely contributed to the development of the economy of the Upper Theiss basin. Mineral deposits formed the basis for craft production (metallurgy, pottery), the development of which later led to the rise of separate economic regions. Among other factors, contacts with the Roman Empire, which became particularly strong after the creation of the province of Dacia (107) in the immediate vicinity of the area, played an important role. Since that time the ties have acquired a stable and lasting character. Archaeologically the dynamics of ties is determined by different groups of imports (articles of metal, glass, ceramics, coins). The analysis of the imports points to an upward trend in the quality and intensity of trade relations with the Empire. They increased particularly sharply in the second half of the 2nd century A.D. and did not cease in the next two centuries despite the general crisis of Rome.

Particular attention is paid to the arrival of coins which were used by the population of the area in their direct function, i.e. as a means of payment.

© 1993

ОТ АНТИЧНОЙ БИОГРАФИИ К ВИЗАНТИЙСКОЙ АГИОГРАФИИ*

Настоящая заметка посвящена основам и целям исследовательского проекта, над которым автор работает в сотрудничестве с профессором Бергенского университета Юстеном Бёртнесом. Мы назвали наш проект «От греческой биографии к славянской агиографии: риторические модели и литературная индивидуализация». Вначале мы хотим проследить развитие античной биографической традиции от зарождения греческой биографии в IV столетии до Р.Х. до появления христианской агиографии в поздней античности. Затем мы перейдем к средним векам, имея в виду прежде всего восточную традицию, т.е. византийские и славянские жития святых. Мы закончим проект рассмотрением русской светской биографической литературы XIX в. Таким образом, этот проект охватывает примерно 23 столетия биографической традиции, и понятно, что мы сможем детально проанализировать лишь несколько образцовых сочинений на пути от Афин IV в. до Р.Х. до Петербурга XIX столетия.

Следует подчеркнуть, что наш проект находится еще в начальной стадии. Каждый из нас ранее работал над родственными темами — я хотел бы, в частности, сослаться на недавнюю книгу профессора Бёртнеса «Видения славы: исследования по древнерусской агиографии» (*Visions of Glory: Studies in Early Russian Hagiography*) (1988). Однако совместный проект есть нечто новое, и пока мы скорее сформулировали ряд вопросов, нежели получили какие-либо ответы. Это ясно следует из этого моего краткого сообщения.

В наши намерения входит показать, как античная биографическая литература постепенно застывает в определенные жесткие «топосы» и риторические модели. Эти последние, в свою очередь, порождают новые биографические сочинения в пограничной зоне между вымыслом и историей. Этому процессу суждено было приобрести исключительное значение для литературы, которая возникла в связи с культом христианских святых. Особое внимание будет обращено на взаимодействие между риторическими моделями и литературной индивидуализацией, которая, исходя из определения, характеризует биографию как литературный жанр. Наша гипотеза

* В основу статьи положен доклад, прочитанный автором на Международном Конгрессе византиноведов (Москва, 1991).

состоит в том, что античная риторическая традиция стала одним из самых важных инструментов в руках агиографов, стремившихся придать индивидуальность христианскому идеалу человека путем воссоздания жизни и деяний конкретного святого.

Нашу отправную точку — первую половину IV в. до Р.Х. — определяют три нововведения в области литературы: 1) сократическая литература, изначально концентрировавшаяся на жизни Сократа (в особенности «Апология» Платона и «Воспоминания о Сократе» Ксенофонта); 2) появление прозаического энкомия («Эвагор» Исократ, «Агесилай» Ксенофонта) и 3) одновременное создание беллетризованной биографии (Ксенофонта «Киропедия»). Все эти произведения, невзирая на степень их историчности, важны для последующего развития искусства жизнеописания.

Остановимся вкратце на каждом из этих литературных нововведений. В самом деле, интерес к биографии и соответствующие сочинения отнюдь не были новостью в начале четвертого столетия до Р.Х.: биографией называли «Одиссею», лирические поэты как личности привлекали биографический интерес, историки, конечно же, дают биографические очерки выдающихся политиков. Но, как убедительно показал Альберт Диле в своем труде «Исследования по греческой биографии» (*Studien zur griechischen Biographie*) (1970), благодаря стечению нескольких исторических обстоятельств Сократ стал первой личностью, привлекая *всецело* биографическое внимание: до такой степени его *жизнь* была воплощением этических принципов, которые он проповедовал. Будем ли мы считать Платоновы «Апологию» и «Федона» или Ксенофоновы «Воспоминания» за «биографии» в собственном смысле, в данной связи значения не имеет: сократические сочинения — суть достаточное коллективное свидетельство влияния личности мудреца, идеального соединения жизни и мысли. В этом, если не по форме, расстояние до агиографии поистине весьма невелико.

Другие упомянутые произведения того же столетия лучше удовлетворяют *формальным* требованиям «биографии». Два прозаических энкомия, «Эвагор» Исократ и «Агесилай» Ксенофонта были с полным основанием выделены как важные модели этого жанра. «Эвагор» демонстрирует типичную биографическую схему: жизнь недавно скончавшегося тирана описана в хронологическом порядке, начиная с его предков и юности и кончая его смертью. Добродетели героя подчеркиваются постоянно, и центральная часть произведения сфокусирована на его личности. Важно, однако, отметить, что добродетели не вырисовываются органически из жизнеописания, но кажутся внешним добавлением. Саламинский тиран, как и спартанский царь, не был Сократом. Чтобы совершить переход от энкомия к жизнеописанию, эта великолепная биографическая схема должна была наполниться жизнью, которая воплощала бы идеал. Такое сочетание формы и содержания не было достигнуто в IV в. до Р.Х. Мы, разумеется, обнаруживаем его в агиографии. Но справедливо возникает вопрос: когда же оно впервые появилось в античности?

Но прежде необходимо найти определение античной биографии. Недавно Альберт Диле в своей книге «Возникновение исторической биографии» (*Die Entstehung der historischen Biographie*) (1987) дал определение «греческой биографии как литературного жанра». Он утверждает, что «...можно говорить о биографии как литературном жанре, когда жизнь человека берется как целое, показывается в своем развитии (хотя и необязательно со всеми известными подробностями) и интерпретируется как воплощение нравственно-оценочного типа, который соизмерим с опытом читателя. Как раз последняя морально-педагогическая цель, похоже, судя по Плутарху, имела особенное значение для конституирования жанра...». Это определение точно улавливает сущность *Плутархова* типа жизнеописания. Но было бы

ошибочно представлять эту характеристику как норму для *всей* греческой художественной биографии, если не использовать круговое доказательство, — только такого рода произведения заслуживают названия «биографии». Но в таком случае мы отвергаем современное употребление данного термина, безусловно, более расширительное: этико-дидактическая биография есть лишь одна из разновидностей. Не следует забывать, что *античного* жанрового обозначения «биография», которому следовало бы найти определение, не существует: этот термин впервые появляется в IV в. от Р.Х., а его античное соответствие, βίος, свободно применяется к любому роду «жизнеописания», а не только в Плутарховой разновидности (оно используется в кратких биографиях поэтов, в «Романе об Александре» и т.д.).

В частности, дихотомия между историей и биографией, которую сам Плутарх постоянно подчеркивает в своих прологах, ретроспективно выделяется как явление, характерное лишь для него и той традиции, к которой он примыкает. Сознательно избегать в жизнеописании человека наиболее значимые исторические события ради эпизодов, более поучительных в общеморальном плане, конечно, показалось бы большинству биографов порочной практикой. Общественная и частная жизнь равно суть естественные составляющие биографии, но обычно подробности второй из них привлекают внимание, поскольку герой жизнеописания является общественной фигурой, величие которой биограф стремится осветить «изнутри».

Между тем нет необходимости ссылаться на современные биографии, чтобы показать, что Плутархов тип жизнеописания есть довольно своеобразная разновидность (там, где он следует своей теории на практике). Античная биографическая традиция дает много примеров более естественной комбинации биографии и истории, характера и действия. Если говорить о полномасштабных художественных жизнеописаниях, то сочетание «жизнь философов», пожалуй, представляется наиболее удачным. Историческое значение философа заключается в его учении, в слове, как, впрочем, и в практическом примере, а это как раз и составляет объект биографии. Она имеет целью показать философско-религиозный идеал в воплощенной форме (и следовательно, охотно жертвует аутентичностью ради идеализации, если это служит ее задачам).

Наиболее законченные образцы греческих жизнеописаний философов относятся, правда, к позднему времени. Существование эллинистических предшественников таких произведений, как Ямвлихова «Жизнь Пифагора» и беллетризованная «Жизнь Аполлония» Филострата, довольно призрачно. Ключевые произведения для ранней истории жанра, как Аристоксеновы биографии Пифагора и других философов (конец IV в. до Р.Х.), к сожалению, утрачены. Тем не менее можно утверждать, и не только ретроспективно (из-за очевидного воздействия на агиографию), что этот род биографии был наиболее жизнеспособным во всей соответствующей традиции. Впервые это демонстрирует фигура Сократа.

Вернемся теперь к описанию проекта и к хронологической последовательности, которую мы оставили на IV столетии до Р.Х. Поскольку мы уделяем особое внимание литературным топосам, риторическим моделям и способам индивидуализации, *полные сохранившиеся* тексты по необходимости будут главным объектом исследования. Это означает, что раннеэллинистический период, от которого дошли лишь фрагменты и сомнительные свидетельства, будет играть меньшую роль в данном проекте, нежели в недавних работах по античной биографии. Первые 150 лет римского императорского периода будут следующей гранью, на которую мы обратим особое внимание. Николай Дамасский («Жизнь Августа»), Филон, св.Лука, Плуарх, Светоний предоставляют важный материал для изучения греческой и латинской биографии во всем ее разнообразии.

Я не стану сейчас высказывать каких-либо замечаний относительно этих текстов. Это, по большей части, хорошо исследованная область, в которой была проделана большая научная работа, в том числе и с чисто литературной точки зрения. Достаточно упомянуть книгу Фридриха Лео, вышедшую в 1901 г., «Греко-римская биография, с точки зрения ее литературной формы» (*Die griechisch-römische Biographie nach ihrer literarischen Form*). Но особенность нашего проекта состоит в том, что великие языческие биографы будут рассматриваться вместе с иудео-христианскими авторами житий: Плутарх и Светоний вместе с Филоном и св.Лукой. Это необходимо не только потому, что мы подходим к античной биографии ретроспективно, с точки зрения агиографии, но и поскольку само по себе интересно выяснить, какие топосы и риторические модели были общими для всей художественной биографии в античности и какие различались для разных поджанров, таких, как жизнеописания государственных деятелей или философов и религиозных персонажей.

Решающий период в развитии биографической традиции есть, без сомнения, поздняя античность, и центральный текст — «Житие св.Антония» Афанасия. Это произведение может рассматриваться одновременно как завершение различных тенденций в античной языческой биографии и — как часто утверждается — действительное начало агиографии. Оно полностью удовлетворяет формальным требованиям биографии. Житие начинается с краткого перечня источников, затем переходит к описанию семьи, детства и воспитания героя. Выделяются те решающие обстоятельства, которые сформировали его жизнь. Хронологическая диспозиция продолжается: описываются разные стадии его монашеского подвига, его борьба с бесами, его постепенный уход в пустыню. Длинная речь св.Антония перед его учениками повторяет часть этого нарративного материала, как иллюстрацию к его учениям. Повествование продолжают посещение Антонием Александрии, его возвращение в пустыню, его чудеса и видения и его прения с христианскими еретиками и языческими философами. Как и подобает биографии, оно кончается последними словами и смертью героя. Краткая ретроспектива рисует добродетели Антония и его жизнь как пример для монахов повсюду.

В нашем исследовании особое внимание будет уделено отношению этого жития к языческим жизнеописаниям философов («Жизнь Пифагора» Ямвлиха и «Жизнь Аполлония Тианского» Филострата), особенно с точки зрения топосов и моделей. Точное определение литературной структуры Жития, с ее взаимодействием между повествованием и цитатой, необходимо для установления его места по отношению к предыдущим биографиям и последующим житиям святых.

Несмотря на свою почти образцовую биографическую структуру, «Житие св.Антония» странным образом отсутствует как в историях биографии в античности, так и в более общих описаниях биографического жанра. В авторитетном и в целом верном очерке в «Новой Британской Энциклопедии» наше Жигие тонет вместе со всеми средними веками, в следующем неумолимом приговоре: «Если кровь мучеников питала семя новой веры, она не пошла на пользу искусству биографии. Требования церкви и духовные потребности людей в сумеречном мире суеверия и насилия превратили биографию в агиографию. Последовало тысячелетие житий святых. биографическое искусство было принуждено служить иным целям, нежели свои собственные... Это был период биографической тьмы, века, в которых властвовали священник и рыцарь...». «Собственные» цели биографии, как мы понимаем, состоят в том, чтобы найти и передать читателю историческую правду о ее герое. Вместо того чтобы признать, что биография есть «искусство» и что она отличается от истории, современный литературный критик полностью замкнул на сегодняшних (или вчерашних) идеалах

исторической науки. Жития святых суть [для него] «биография с особыми целями» и даже помещены вне шести основных категорий между самыми объективными (и потому наилучшими) и самыми субъективными биографиями.

Как уже очевидно, моя позиция заключается в том, что биография в качестве литературного жанра принципиально не должна классифицироваться и оцениваться в соответствии со степенью ее исторической правдивости. Гораздо важнее достижения автора в создании убедительного центрального образа с использованием как имеющихся данных, так и своего собственного творческого воображения и в завоевании с помощью своего искусства читательского внимания. Тот факт, что произведение является тенденциозным — хвалебным, наставительным, очерняющим и т.д. — не может дисквалифицировать его, если только соблюдено основное формальное определение. «Житие св. Антония» и ряд других более поздних агиографических сочинений на самом деле являются блестящими биографиями.

Суммируем: взгляд на античную биографию как на один из главных источников христианской агиографии, а не только как на античный жанр, достигший высшей точки в Плутархе, означает упразднение некоторых искусственных разделений, которые доминировали в научном подходе к этому жанру, таких, как исключение энкомиастических произведений из-за их тенденциозности. Биографии с особыми целями или идеями, такие, как Евангелия, были на самом деле господствующей — и исторически наиболее значимой — формой античной биографии. Убеждение, что античность в целом предпочитала исторически точные биографии, тогда как средние века, с их господством агиографии, были «периодом биографической тьмы», таким образом, вдвойне ошибочно*.

T. Хэгг

* Перевод Д.Е. Афиногенова.

FROM ANCIENT BIOGRAPHY TO BYZANTINE HAGIOGRAPHY

Th. Hægg

The paper deals with problems emerging within the new research project «From the Greek Biography to the Slavic Hagiography: Rhetorical Models and Literary Individualization».

ДРЕВНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ: НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ

© 1993 г.

В.В. Дворниченко, Г.А. Федоров-Давыдов

САРМАТСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ СКЕПТУХА I В. Н.Э. У С. КОСИКА АСТРАХАНСКОЙ ОБЛАСТИ

Отличительной особенностью степных погребений различных эпох самого нижнего течения Волги (южнее с. Никольского Енотаевского р-на Астраханской обл.) является отсутствие их видимых признаков. Как и на других территориях степи, могильники здесь обыкновенно включают разновременные захоронения, но они не имеют курганных насыпей и располагаются на вершинах дюн или на буграх Бэра — длинных волнообразных возвышенностях, перпендикулярных течению реки. На одном из таких бугров у с. Косика Енотаевского р-на в 111 км севернее Астрахани и был в 1984—1989 гг. раскопан могильник, давший 57 погребений начиная с ямного времени и до позднего средневековья. Погребение 1, о котором пойдет речь, обнаружено случайно при прокладке водопроводной траншеи вдоль шоссе Москва—Астрахань роторным экскаватором, который разрушил большую часть ямы погребения; незатронутые экскаватором части погребального комплекса подверглись дальнейшему разрушению строителями. Доследование погребения проводилось Поволжской археологической экспедицией. Большой вклад в спасение и изучение комплекса внес старший научный сотрудник Астраханского музея В.В. Плахов.

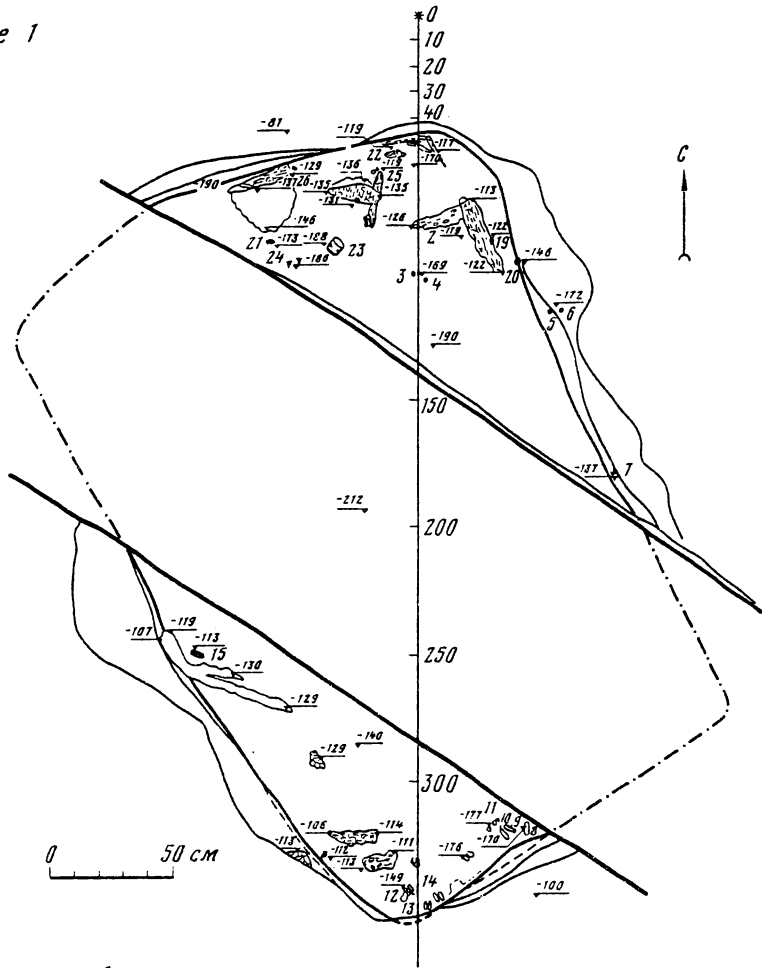
Погребение 2 находится на юго-западной окраине могильника почти в 70 м от основной массы погребений, сосредоточенной в северо-восточной части могильника. Все захоронения перекрыты слоем наносного песка. Яма погребения 1 вырыта с уровня нижнего горизонта песчаного слоя (рис. 1—2). Глубина ее от современной дневной поверхности около 1,6 м, реальная же глубина от нижнего уровня наносного песка более 1,2 м. В придонной части яма правильных прямоугольных очертаний, размером 2,9×1,9 м, ориентирована СЗ—ЮВ; траншея шириной 1,2 м перерезала ее по диагонали от СЗ угла к ЮВ (рис. 1, план ямы). Доследование показало наличие органических древесных остатков решетчатого перекрытия ямы, которое, видимо, сразу же обрушилось при засыпке (рис. 2, профиль). Перекрытия в виде деревянной решетки или наката весьма характерны для подобного рода погребений¹.

На дне местами прослеживались остатки деревянной, возможно, также решетчатой конструкции из плашек; на них и под ними фиксировалась обильная меловая посыпка. На дно была положена какая-то рубчатая

¹ Сарцианиди В.И. Храм и некрополь Тилля-Тепе. М., 1989. С. 86; Ковпаненко Г.Т. Сарматское погребение I в. н.э. на Южном Буге. Киев, 1986. С. 10; Симоненко А.В., Лобай Б.И. Сарматы Северо-Западного Причерноморья в I в. н.э. Киев, 1991. С. 29.

Погребение 1

1

Южный угол погр. 1

2

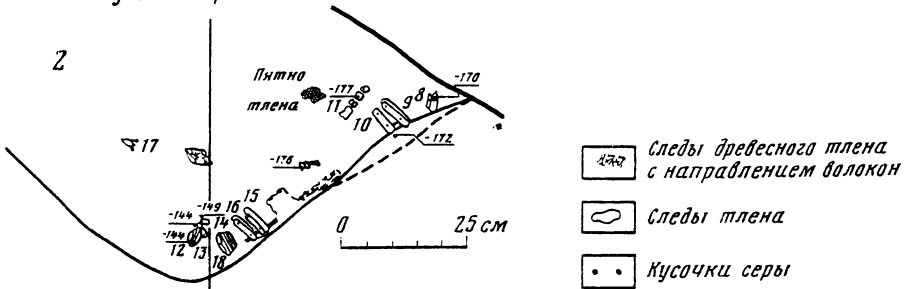

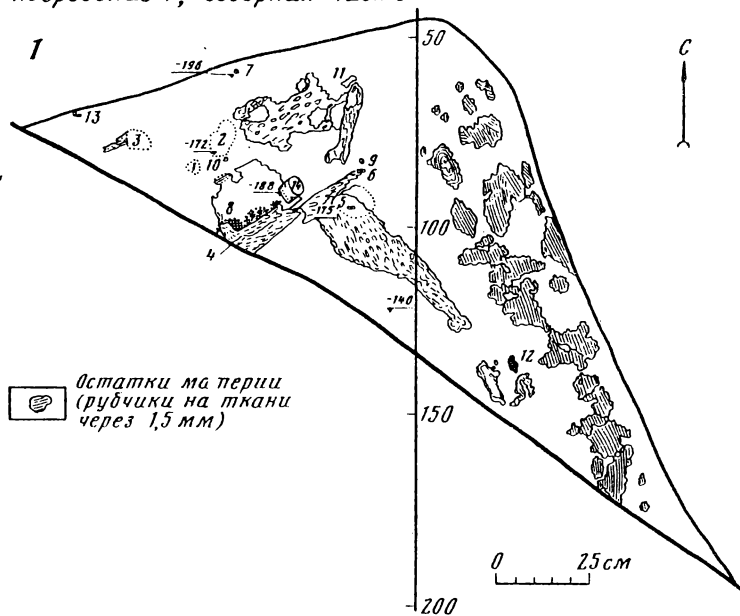
Рис. 1. Погребение 1. План; план у южного угла

ткань или циновка, близ северо-восточного угла образующая овал, над которой найдены мелкие кусочки желтой и красной охры вместе с серой. Деревянные решетки, а также циновки на дне ямы отмечены в ряде близких по времени погребений, например в Тилля-Тепе в Афганистане и Соколовой Могиле на Южном Буге².

Над и под сползшим в могилу перекрытием в северо-западной части ямы найдена 41 нашивная бляшка разных типов, а также встречено

² Сариялиби. Ук. соч. С. 86; Ковпаненко. Ук. соч. С. 12.

Погребение 1, северная часть

Профиль северной части в траншее

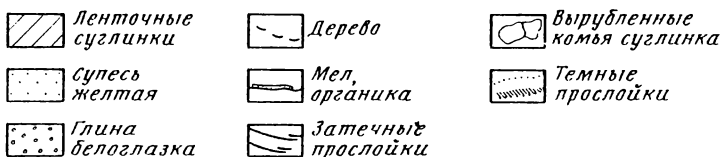
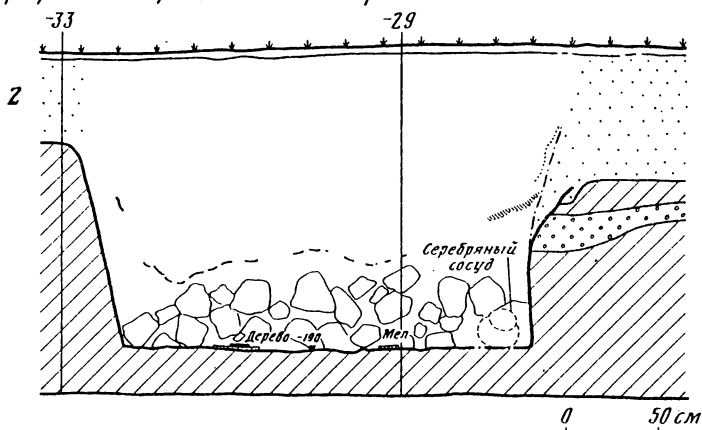

Рис. 2. Погребение 1. План северной части, профиль северной части в траншее

большое количество золотой фольги и нитей. Это позволяет уверенно говорить о том, что расшитые золотом ткани были положены на перекрывающий погребение настил.

В юго-восточной части ямы, пострадавшей от действий строителей, по словам находчика, были выкопаны фрагмент черепа³ и, видимо, часть крупных вещей. Здесь были обнаружены вещи непонятного назначения,

³ Кости скелета принадлежали мужчине в возрасте около 35 лет, физически развитому, ростом около 172 см. Определение сделано патологоанатомом В.Л. Тихомировым.

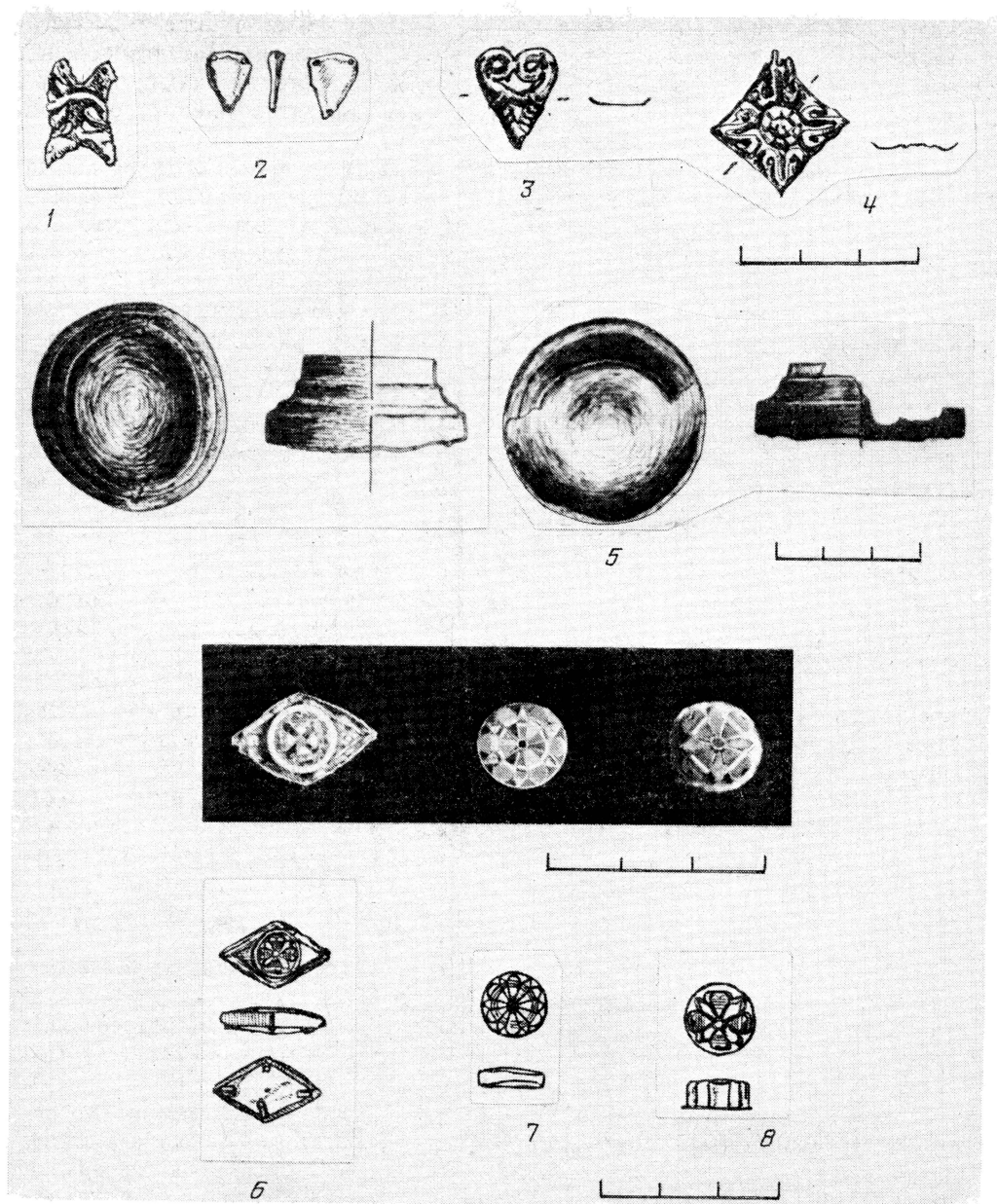

Рис. 3. 1—4 — золотые бляшки от тканей; 5 — серебряный набалдашник держака; 6—8 — золотые с инкрустацией камнем бляшки неизвестных украшений

представлявшие собой два выточенных на станке деревянных круглых предмета (один сохранился полностью) диаметром около 5—5,5 см и длиной не менее 50 см с фигурными завершениями с обоих концов в виде баз колонн с надетыми на них коническими профилированными серебряными набалдашниками (рис. 3, 5). На деревянных стержнях закреплены по две серебряных скобы с каждого конца. В каждой скобе двумя гвоздиками посредством тонких деревянных прокладок (расстояние между ними 1,5—2 см) крепилась, видимо, тонкая ткань. Положение их в яме (рис. 1, план у южного угла) показывает, что они связаны с верхней

частью погребального сооружения и, видимо, упали вместе с легким каркасным перекрытием внутрь ямы после погребения. Не исключено, что в разрушенной части ямы находилось еще несколько таких же державок, о чем говорят еще 22 гвоздика на фрагментах пластин от скоб и 32 отдельных гвоздика таких же размеров.

Таким образом, натянутая на державках расшитая золотом ткань могла служить погребальным альковом (подобные же, по предположению В.И. Сараниди, были обнаружены в Тилля-Тепе), хотя и не исключено, что это были стяги, подобные найденным в погребении кургана на юго-восточной окраине г. Азова⁴. Нельзя исключать, однако, принадлежность части золотых нитей, бляшек и фольги одежде погребенного: расшитая золотом одежда характерна для богатых сарматских погребений Поволжья, Прикубанья, Дона, Украины и античных некрополей Северного Причерноморья⁵, а также встречена в погребениях Тилля-Тепе⁶.

В северо-западной части на дне ямы выявлен древесный тлен углового соединения двух плашек, возможно, остатков гробовины, которые подстилала обильная меловая подсыпка и местами пятна красной схры. За пределами древесного тлена находились два фрагмента двухслойного кожаного тонкого предмета со следами прошивки по краям — возможно, остатки сумки. Вблизи обнаружены скопления золотых нитей — отдельно и между двумя слоями какого-то кожаного предмета: может быть, богато украшенной обуви, под которой лежала сантиметровая меловая подсыпка. Близ лежали две золотые конусовидные подвески, возможно, связанные с кожаным предметом⁷. Ближе к углу ямы найден железный втульчатый предмет, по-видимому, копье длиной 22 см. По классификации А.М. Хазанова, его можно отнести к наконечникам с массивным листовидным пером и длинной втулкой⁸. Фрагменты второго копья попали в разрушенную часть могилы. Лучшее сохранившаяся втулка должна быть длиной более 15 см. Перо копья, судя по фрагментам, было массивное, линзовидное в разрезе. Кроме этого, в северо-западной части ямы были найдены полностью разрушившиеся остатки железных предметов, небольшое уплощенное серебряное кольцо плохой сохранности и цилиндрическая бусина голубого стекла.

Захоронение из Косики относится к группе богатых, так называемых «царских» погребений I — начала II в. н.э., известных как в Подонье, так и на Украине⁹. Типологически близко оно царским погребениям Тилля-Тепе и, как ни покажется странным, подобному погребению в могильнике Исаковский I в 100 км севернее Омска.

К сожалению, из-за повреждения большей части описываемого погребения установить местонахождение остальных вещей комплекса в могиле, за редким исключением, невозможно. *In situ* нами обнаружена серебряная пиксида, стоявшая на кожаном предмете (см. ниже). По словам находчика, в районе пересечения траншеи с северо-восточной стенкой ямы, т.е. близ ее середины, им была вырублена большая часть серебряного кубка с ручками в виде кабанов.

⁴ Беспалый Е.И. Курганы сарматского времени у г. Азова // СА. 1992. № 1. С. 243. Рис. 2.

⁵ Ковпаненко. Ук. соч. С. 49—50.

⁶ Сараниди. Ук. соч. С. 88.

⁷ В Соколовой Могиле сумка завязывалась шнурком из кожи с бусинами на концах (Ковпаненко. Ук. соч. С. 25).

⁸ Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. М., 1971. С. 47—48. Табл. XXVII, 3, 4.

⁹ См., например, Безуглов С.И., Гугуев В.К. Меоты и сарматы на Нижнем Дону в I—III вв. н.э. // Проблемы сарматской археологии и истории. Тез. докл. Азов, 1988. С. 23; Беспалый. Ук. соч. Рис. 1; Прохорова Т.А., Гугуев В.К. Богатое сарматское погребение в кургане 10 Кобяковского могильника // СА. 1992. № 1; Ковпаненко. Ук. соч. С. 10—14. Рис. 3, 6; Симоненко, Лобай. Ук. соч. С. 28—30. Рис. 18.

Рис. 4. Сосуд, оставшийся после тризны

На уровне нижнего горизонта песчаного слоя на площади раскопа вокруг погребений 1 и 2 обнаружены различные находки — фрагменты керамики, железных предметов, обломки точильных камней. Наибольшая концентрация их наблюдается вокруг погребения 1, и по крайней мере часть из них связана, видимо, с ритуальными действиями при захоронении, как, например, остатки двух сосудов. Один из них лепной, темно-серого цвета, с высоким узким горлом и плавно отогнутым венчиком, высотой 26 см (рис. 4). Верхняя часть тулова украшена орнаментом в виде пучков параллельных вертикальных линий. Аналогий этому сосуду обнаружить пока не удалось. Второй сосуд гончарный, сохранившийся в нижней части, а потому трудно определить его тип и место изготовления.

Вокруг ямы на уровне ее сооружения, в неразрушенных ее частях и в выбросе обнаружено огромное число бляшек, общим количеством по типам: полусферические диаметром 2 мм, а также 5 штук диаметром 4 мм обычно с двумя отверстиями у основания, но имеются с тремя и четырьмя отверстиями — 2075 штук; в виде «узла Геракла» с четырьмя отверстиями на незакрученных концах, размер 18×10 мм — 42 штуки; плоские треугольные с закраинами размером 10×8 мм с тремя отверстиями в углах плоскости — 225 штук; в виде сходящихся когтей, соединенные основания которых имеют поперечное рифление, с тремя отверстиями, размер 13×16 мм — 183, подквадратные бляшки с выпуклостью в центре, окруженной валиком и четырьмя петлями, отходящими к углам, размером 16×14 мм, в углах четыре отверстия — 58 штук (рис. 4, 1—4); трубочки длиной 5—7 мм — 56 штук. Кроме того, встречена масса рваных мелких и более крупных

фрагментов фольги общим весом 138, 23 г, шириной от 4 до 10 мм и мелкие фрагменты ее, смешанные с золотой канителью, общим весом 22, 48 г, некоторые фрагменты канители свернуты в орнаментальные мотивы бегущей волны, закрученных плоских спиралей и, очевидно, представляли собой вышивку на ткани, как в Соколовой Могиле¹⁰. Нашивные бляшки, трубочки и фольга имеют широкие аналогии, и прежде всего в богатых сарматских погребениях этого времени. Однако Е.И. Беспалый специально отмечает редкость бляшек в виде «узла Геракла»¹¹.

Обращает на себя внимание обилие в выбросе золотых кастов разных размеров с каменными и стеклянными вставками кабошоном (17 шт.): круглой, овальной и ромбической форм, предполагающих наличие крупной золотой основы и не подходящих ни к одной вещи из комплекса. Цвет каменных вставок зеленый, вишневый, охристый; стеклянных — фиолетовый. Имеется, кроме того, каст на высокой ножке (13 мм) со вставкой из бирюзы.

В комплексе косикинского погребения встречен целый ряд других предметов личного убора. Скорее всего к одному предмету относились три золотые мозаичные перегородки бляшки (рис. 4, 6—8). Одна из них в виде четырехлепесткового цветка с четырьмя листиками, на золотой дисковидной основе диаметром 11 мм. Листочки, лепестки и завязь цветка выполнены из разноцветной смальты в кастах. Общая высота бляшки — 3,4 мм. Вторая бляшка ромбовидная: каст размером 16×13 мм, в центре впаян другой круглый каст диаметром 8 мм. Пространство между ними заполнено смальтовыми вставками — зеленой, белой и ультрамариновой. В круглом касте четырехлепестковый цветок из разноцветной смальты. Между лепестками листочки темно-синей смальты; весь цветок окружает белое кольцо: пространство между ним и контуром цветка заполнено зеленоватыми вставками. На оборотной стороне бляшки припаяны три ушка (четвертое утрачено). Длина бляшки 17, ширина 11, высота 2 мм. Третья бляшка круглая, в центре пустой каст, от которого расходятся по шесть каплевидных и ланцетовидных листочков разноцветной смальты. Пространство между контуром цветка и кастом заполнено смальтой темно-вишневого цвета. Диаметр бляшки 10, высота 2,5 мм.

В северо-западной части ямы, как уже упоминалось, найдено несколько парадных миниатюрных серебряных сосудов. Дадим краткое описание этих предметов. Пиксида цилиндрической формы имеет чуть вогнутое дно с выступающей закраиной, а в верхней части — небольшой уступ к слегка суженной горловине под невысокую крышку с выпуклой внешней поверхностью и небольшой закраиной при переходе к цилиндрическим стенкам. Диаметр крышки, равный внешнему диаметру пиксиды, — 45 мм, высота с крышкой 67 мм, вес 44,2 г. Пиксида и крышка изготовлены из тонкого серебра с рисунками, нанесенными гравированным и плакированным золотом. На крышке розетка с пятью острыми длинными лепестками, разделенными надвое желобками. В центре помещена завязь цветка из четырех сердцевидных фигур. Закраина крышки плакирована золотом. На стенках пиксиды три фриза изображений, направленных на правую сторону от зрителя. На верхнем фризе три летящих птицы и два охотника, стреляющих в них с колен из коротких луков; одна из птиц поражена стрелой. Сами стрелки изображены в неестественной позе: грудью обращены к зрителю анфас, вытянутая левая рука держит лук, правая, оттягивающая тетиву, заведена на спину. Наконечники стрел трехжальные. На среднем фризе изображены рыбы, а на нижнем — четыре птицы. Две птицы, вероятно цапли (?), показаны идущими друг за другом, две других, из семейства утиных, представлены одна идущей, другая летящей.

¹⁰ Ковпаненко. Ук. соч. Рис. 123—125.

¹¹ Беспалый. Ук. соч. С. 189.

Другой сосуд представляет собой низкую чашу-фиалу с чуть утолщенным краем венчика, округлым дном, крышкой к ней в виде низкого конуса с плоской верхней площадкой и низкими вертикальными боковыми стенками. На верхней площадке крышки помещена ручка в виде литой серебряной фигурки орла со сложенными крыльями, с проработанными гравировкой оперением и когтями; глаза выполнены в виде глубоких впадин, на фигурке следы золочения. Высота фиалы 50 мм, диаметр 133 мм, диаметр крышки чуть больше, высота ее 30 мм, высота фигурки орла 31 мм, вес всех частей сосуда 326 г; при этом утрачены некоторые фрагменты самой фиалы и боковой стенки крышки. На внутренней поверхности чаши нанесен орнамент: под венчиком золоченая лента шириной 6 мм, под нею по периметру изображения четырех рыб и четырех дельфинов, плывущих друг за другом, чередуясь, вправо. Еще ниже по окружности нанесена лента бегущих в правую сторону барашками волн. На дне чаши шестилепестковый цветок с длинными острыми листьями, касающимися ленты волны и круга в центре, внутри которого заключены четыре сердцевидные фигуры завязи; между лепестками расположено шесть рыльцев в виде колосков. Все изображение гравировано и плакировано золотом. Под плоской вершиной на скате крышки тем же способом нанесен рисунок: по окружности полоса меандроподобного орнамента из двух узких лент, образующих свастику в местах каждого их пересечения, ниже изображены попарно головами друг к другу две рыбы и два драконоподобных существа с зубастой пастью, передними лапами с когтями, крыльями, драконовым хвостом, завернутым в кольцо. Край ската крышки и закраина покрыты золочением.

Найден также котел, который имеет форму полусферы с резко отогнутым горизонтальным венчиком, под венчиком прикреплены два атташа в виде виноградного листа с фигурной сложнопрофилированной горизонтальной балясиной с отверстиями с двух торцов, куда вставлялись подвесные ручки в виде лунницы (сохранилась одна). Котел имеет низкий поддон со слегка вогнутой внутрь поверхностью. Диаметр котла по венчику 311 мм, ширина закраины 7 мм, высота котла с поддоном 153 мм, высота поддона 19 мм, нижний диаметр поддона 148 мм. Длина атташа 68 мм, ширина 81 мм; длина балясины 51 мм; длина ручки 68 мм, ширина 45 мм. Вес котла 1285,2 г. Атташ, балясина и ручка плакированы золотом, на листе чеканкой нанесены прожилки, пространство между которыми заполнено точечным орнаментом. С внешней стороны тулова по периметру чуть выше середины золотой плакировки нанесена лента шириной 23 мм. Плоскость венчика и внутренняя часть под венчиком на ширину 6 мм также плакированы золотом. На внутренней поверхности ближе к дну гравировки и плакировкой изображены четыре рыбы. Приблизительно на половине окружности горизонтальной поверхности венчика пунсоном выбита греческая надпись (ей будет посвящена специальная статья Ю.Г. Виноградова).

Сосуд-кубок (рис. 5) имеет тулово сферической формы, переходящее непосредственно в коническую горловину, которая заканчивается утолщенным венчиком. Край венчика отогнут наружу, верхний образ его шириной 3 мм, горизонтальный. Две ручки кубка, вертикально расположенные на конической горловине, выполнены в виде пустотелых литых фигурок вепрей. Мускулатура зверей рельефно выражена, щетина показана волнообразной горизонтальной штриховкой, выделенная холка — сетчатой. Уши отлиты отдельно и прикреплены на стерженьках. Четко выражены хвост, клыки, нос-пяточок, копыта. Глаза обозначены углубленными треугольниками, в одном из которых сохранились следы красной краски. Копыта припаяны на узкие восьмеркообразные пластинки и прикреплены

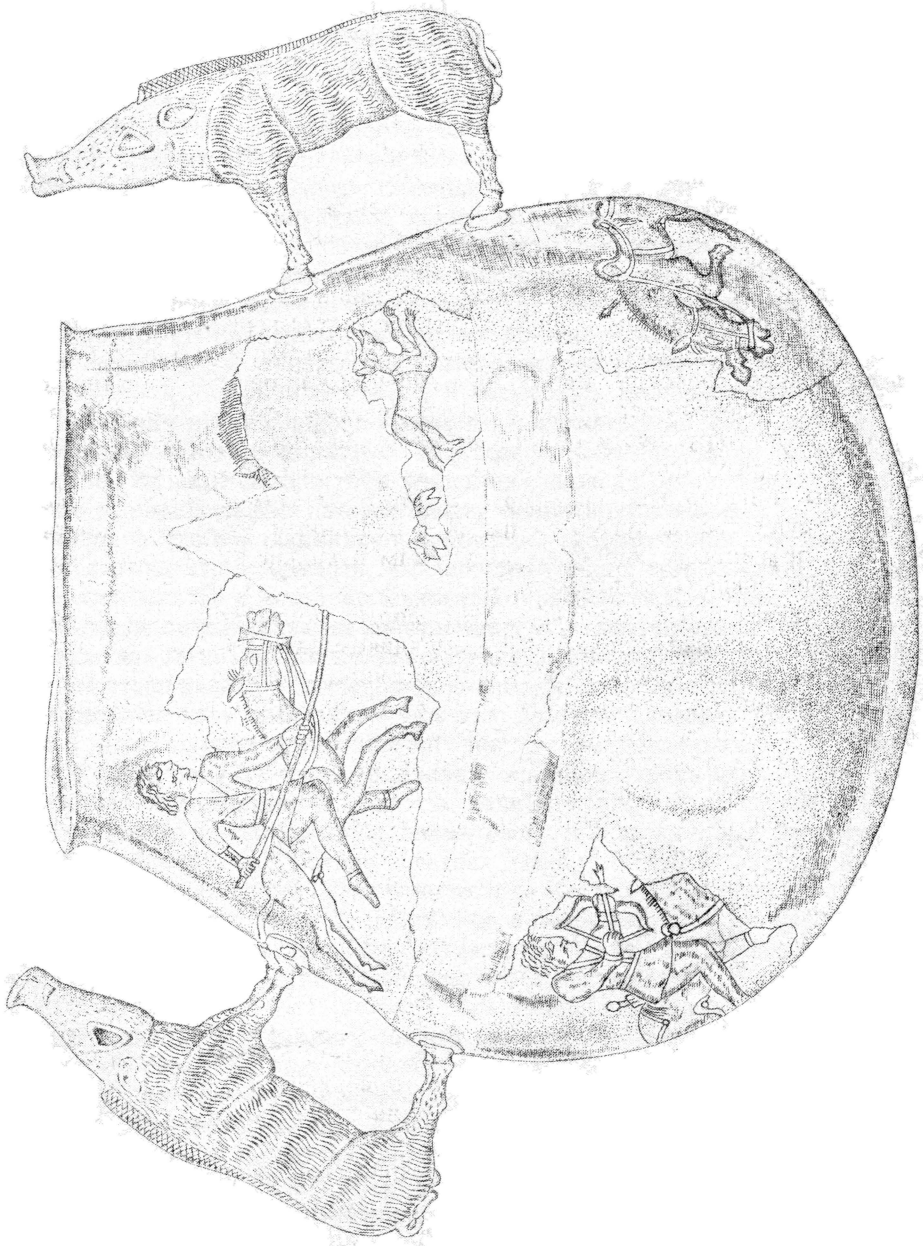

Рис. 5. Серебряный кубок.

на сосуде двумя заклепками. Длина фигурок 111, ширина 24, высота 65 мм. Обрез венчика и наружная часть под ним плакированы золотом, ширина ленты под венчиком 13 мм.

Ниже на тулове представлены с каждой стороны два фриза изображений, разделенных на середине высоты сосуда горизонтальной лентой золотой плакировки шириной 19 мм (на ленту приходится крепление нижней части ручек). Все изображения гравированы и плакированы золотом. На верхнем фризе представлены с каждой стороны сцены охоты с собаками, где всадник поражает копьём огромного вепря. В одной сцене полностью сохранилось изображение всадника и одной собаки и лишь фрагменты бегущего вепря; в другой почти целиком сохранилась фигура кабана, на которого нападают две собаки, от фигуры всадника дошла лишь верхняя половина, а от коня только морда. Всадники изображены с длинными волнистыми волосами и длинными усами, в распашных, перепоясанных ремнем куртках с одним левым отворотом. На сохранившемся рисунке всадник одет в узкие штаны, перехваченные лентой подвязки у голеней. На правой руке каждого браслеты, на левой манжеты, вооружение — длинное копьё. На конях ремни оголовья.

На нижнем фризе представлены две сцены поединков. На одной изображен скачущий вправо воин-катафрактарий с длинным копьём, направленным на сбитого с коня, упавшего на спину противника. Манера изображения условная: всадник с короткими усами показан анфас, длинные волосы перехвачены головной лентой. Одет он в панцирную рубаху с крупными чешуйками, а на вырезе груди мелкими; она перехвачена поясом, а подол завершается длинными чешуйками. Персонаж одет, как и остальные всадники на сохранившихся рисунках, в узкие штаны, перетянутые подвязкой у голеней. На правой руке браслет, на левой манжета. Из-за спины выглядывает горит с луком и рукоять меча. Изображены передняя и задняя части мягкого седла, с задней свисает кисточка, как и у остальных трех изображений. На коне — ремни оголовья, псалии, нагрудный и подхвостный ремни, поводья. Скачущий вправо конь противника имеет ту же упряжь, но без нагрудного ремня, полностью изображены седло и подпружный ремень, на крупе круглый фалар на подхвостном ремне. Конь поражен стрелой в холку. Упавший всадник лежит под конем, хватаясь правой рукой за повод. Типаж всадника тот же, что и в сценах охоты: он одет в распашную, перетянутую поясом куртку с двумя широкими отворотами, на шее гривна, на левой руке браслет, на правой манжета. Слева под боком лук в горите, справа под мышкой торчит древно стрелы с оперением, в это же место нацелен наконечник копья катафрактария.

Во второй сцене сохранилось в целом изображение только одного скачущего вправо и стреляющего из лука всадника, передняя часть коня и голова его не сохранились. Типаж изображения тот же, что и у предыдущего, костюм же отличается только узкими отворотами запяха; отсутствует изображение браслета и гривны, на обоих рукавах показаны манжеты. Из-за пояса всадника, за его правым боком, выступает рукоять меча. На крупе коня круглый фалар, укрепленный на ленте упряжи. От остальной сцены сохранилось лишь изображение раненого, припадающего на передние ноги коня, пораженного стрелой в холку. В упряжи коня отсутствует нагрудный ремень, в качестве дополнительной дтали введена кисточка, свисающая с передней части седла, а на крупе в ремне упряжи изображена пряжка в виде двух направленных вершинами друг к другу треугольников. Следует специально отметить, что у всех коней коротко стриженная грива с одним городком, оставленным посредине, который отсутствует лишь у раненого стрелой коня с упавшим всадником.

Сосуд реставрирован, около четверти его отсутствует. Высота 211 мм, диаметр венчика 127 мм, тулова — 303 мм, вес 857 г.

Из других серебряных изделий сосуду может принадлежать обломок полой сложнопрофилированной ручки с двумя отростками, завершавшимися шишечками с гравированными геометрическими поясками с позолотой на них. Полных аналогий в сарматских древностях этого периода ей нет, хотя в кургане 28 могильника Высочино VII и кургане 2 могильника в Тузлуках есть канфары с ручками, имеющими вверх по два закрученных отростка, оканчивающихся шишечками, но профиль их более сложен¹² и относятся они к изделиям италийских мастерских I в. н.э.

В наборе посуды присутствуют и бронзовые сосуды: миска с подвесными ручками того же типа 92 по Эггерсу, что и серебряная (рис. 6), и бронзовый котелок реповидной формы с выделенными плечами, коротким расширяющимся венчиком и подвижной дужкой (рис. 7). К сожалению, оба сосуда, особенно миска, сильно пострадали и определить их точные размеры невозможно. Миска, или небольшой глубокий таз, крупнее серебряного, имеет такую же горизонтальную закраину венчика, подвесные ручки с лировидной пальметкой атташа и невысокий, чуть расширяющийся книзу поддон (диаметр основания поддона 17,6, высота 3,3 см. По Эггерсу, атташи с пальметками и вращающейся дужкой характерны для сосудов I в. н.э. и относятся к периоду VI, при этом атташи с пальметкой простых форм — сердцевидных, лировидных — представлены достаточно часто¹³. Бронзовый котелок также сильно смят и разорван, так что размеры его установить сложно: вряд ли, однако, высота его превышала 12 см, а диаметр венчика 10—11 см. Бронзовые котелки достаточно частая находка в сарматских погребениях и в большинстве своем разнятся как по форме, так и в деталях. Они относятся к галло-римскому импорту I в. н.э. Котелок имеет подвижную дужку, разорванную надвое и склепанную, концы ее были вставлены в отверстия в венчике, загнуты и имеют утолщения перед более узким окончанием (в виде головки водоплавающих птиц). Наиболее близок по форме тулова косикинскому сосуду котелок из погребения у пос. Новолуганское Донецкой области¹⁴, где имеется греческая надпись: «пей, жри, Сморгдз, Париадра», выдающая малоазийское происхождение первоначального владельца¹⁵.

К импортным изделиям относится и бронзовая литая ручка в виде удлиненного прута (рис. 8). На конце в виде ухвата крепился небольшой сосуд. На верхней части ручки лебединая головка, затем до середины через равные промежутки идут три утолщения в верхней и боковых частях прута в виде кубиков с двумя поперечными канавками. Далее ручка утончается и переходит в лебединую головку на верхней части прута, конец ручки также оформлен в виде головки лебедя. Подобные импортные изделия пока еще не встречались в сарматских комплексах.

В погребении найдена не относящаяся к названным выше сосудам серебряная ложка (рис. 9, I). Она имеет черпак овальной формы и ручку, конец которой выполнен в виде фигурки, напоминающей головку змеи. Длина ложки 22 см. Костяные ложки очень характерны для культур

¹² Raev B.A. Roman Imports in the Don Basin // BAR. Int. Ser. 278. Oxf., 1986. P. 60. Tabl. 69, 2, 3.

¹³ Eggers H. Ein frühkaiserzeitlicher Gabfund von Poggendorf // Praehistorische Zeitschrift. 1932. Bd XXIII. Ht 314. S. 254.

¹⁴ Шаповалов Т.А., Байдебуря Ю.П. Раскопки кургана у пос. Новолуганское Донецкой области // АИУ. 1968. Вып. II. С. 13.

¹⁵ Виноградов Ю.Г. Два бронзовых котла с греческими надписями из сарматских степей Донбасса и Поволжья // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984. С. 39.

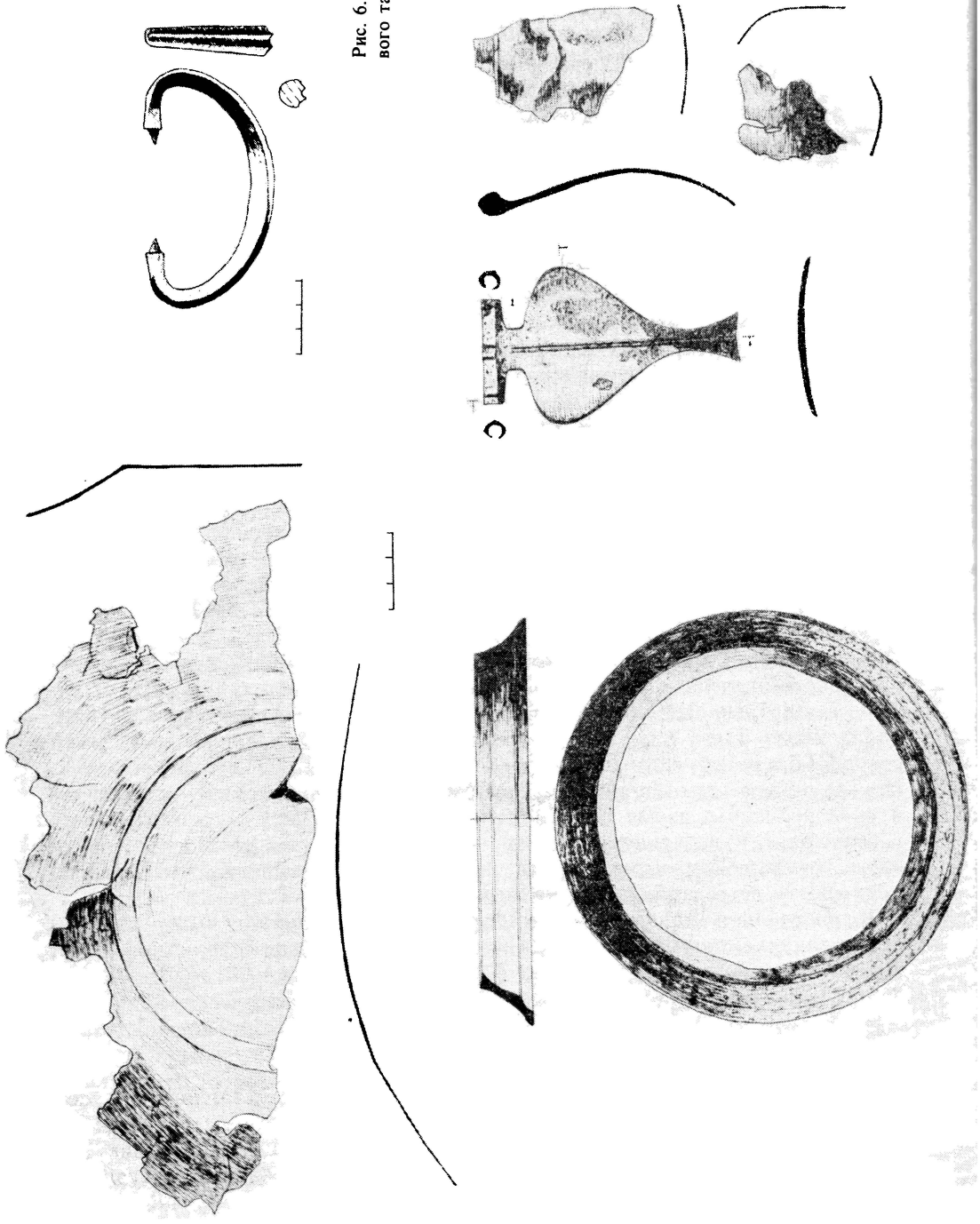

Рис. 6. Фрагменты бронзового таза

Рис. 7. Бронзовый котелок

Поволжья и Приуралья савромато-сарматского круга, металлические же представляют большую редкость. Они известны в ряде богатых погребений азиатского Боспора, в частности в некрополе Горгииппии (погребение II, саркофаг 2)¹⁶. Две серебряные ложки происходят из Ногайчинского кургана

¹⁶ Шедевры древнего искусства Кубани. Каталог. М., 1987. Рис. 96; Кругликова И.Т. Раскопки Горгииппии // КСИА. 1966. Вып. 108.

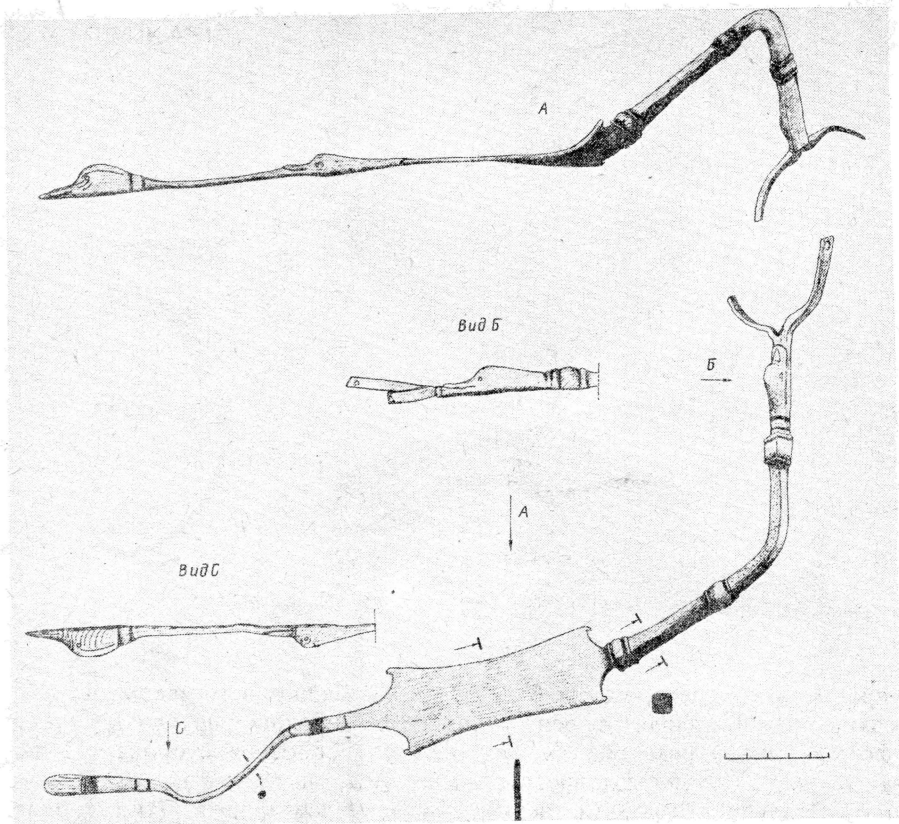

Рис. 8. Ручка бронзового ковшика

в Крыму и одна — из Соколовой Могилы¹⁷. Изображенное на черпаке ложки Соколовой Могилы золотой плакировкой «древо жизни» и оформление конца ручки в виде головы змеи имели определенно сакрально-магический смысл¹⁸. На черпаке ложки из Косики помещена прочерченная резцом тамга, представляющая собой подобие свастики, растянутой стержнем: . В своде подобных знаков Северного Причерноморья наиболее близкая, но лишь в верхней части, тамга изображена на известняковом надгробии из Пантикапея; нижняя ее часть представляет собой полукруг¹⁹. Однако точно такой же знак Ю.М. Десятчиков распознал в монетах Аспурга²⁰, а кроме того, на целом ряде сосудов, кирпичах и других вещах, найденных на Боспоре²¹.

¹⁷ Ковпаненко. Ук. соч. Рис. 90—92.

¹⁸ Там же. С. 86.

¹⁹ Драчук В.С. Системы знаков Северного Причерноморья. Киев, 1975. Табл. V, 820.

²⁰ Десятчиков Ю.М. Процесс сарматизации Боспора: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1974. С. 18; Голенко К.В., Шелов Д.Б. Монеты из раскопок Пантикапея 1945—1961 // Нумизматика и сфрагистика. 1963. № 1. С. 12; Фролова Н.А. К вопросу о начале правления Аспурга на Боспоре // ВДИ. 1979. № 1. С. 142.

²¹ Гайдукевич В.Ф. Новые данные о боспорских черепичных эргастериях времени Спартокидов // КСИИМК. 1947. Вып. XVII. С. 26; Цветаева Г.А. Кирпичи с тамгой из Горгипии // КСИА. 1975. Вып. 43. С. 99; Онайко Н.А., Дмитриев А.В. Укрепленное здание в античном поселении у с. Владимировка близ Новороссийска // КСИА. 1981. вып. 168. С. 97; Каминская И.В., Каминский В.Н., Пьянков А.В. Сарматское погребение у станции Михайловской (Закубанье) // СА. 1984. № 4. С. 233. Рис. 4, 2.

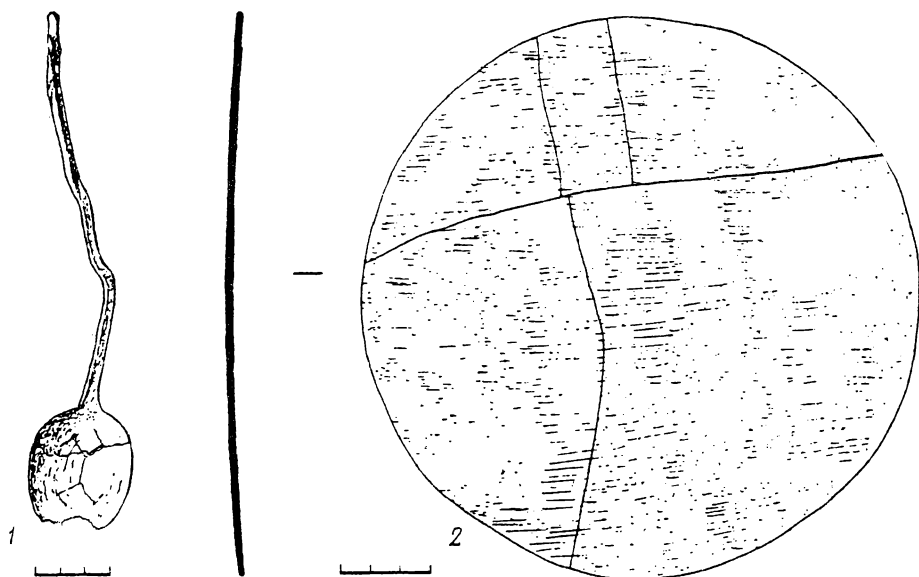

Рис. 9. 1 — серебряная ложка; 2 — серебряное зеркало

К предметам туалета, может быть, также имевшим в мужском погребении сакральное значение, относится плоское серебряное зеркало дисковидной формы, диаметром 18,5 см (рис. 9, 2). Обратная сторона его покрыта тонким черным смолистым веществом, на котором сохранился отпечаток пальца. Подобные зеркала простейшей формы (тип I.O по А.С Скрипкину) хорошо известны как в савроматских, так и в сарматских памятниках²².

Выше мы охарактеризовали два наконечника копья, найденных в неразрушенной части погребения, в разрушенной же части были найдены железные наконечники стрел. Количество их точно не устанавливается, но их более 50. Среди более-менее сохранившихся или определяемых по форме фрагментов железных наконечников не представлен тип, изображенный на рисунках кубка и пиксиды. Все наконечники трехлопастные, и там, где можно определить, лопасти имеют слегка опущенные жальца, черешковые и втульчатые, но полностью сохранившихся наконечников, к сожалению, не найдено. Что касается втульчатых железных наконечников, то их основной период бытования относится ко времени более раннему — до I в. н.э., однако в некоторых районах, прежде всего в северокавказском, они продолжали бытовать до рубежа I—II вв. н.э. Зафиксированная длина головок лучше сохранившихся наконечников в среднем около 2,5 см, обломанные черешки не превышают длины головки, т.е. обычного стандарта сарматских железных черешковых наконечников. Кроме того, к предметам вооружения относятся меч и кинжал. От кинжала сохранился фрагмент стержня ручки подпрямоугольного сечения (14×11 мм) со следами обкладки деревом по длине рукоятки; на одной из щечек поверх дерева сохранились следы костяной или пластовой обкладки, на которой отпечатались следы тонкой ткани и свитой из двух нитей золотой проволоки, которой, очевидно, была обмотана рукоять. В комплексе имеются помимо этого четыре фрагмента такой проволоки, причем наибольший из них

²² Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Саратов. 1990. С. 143.

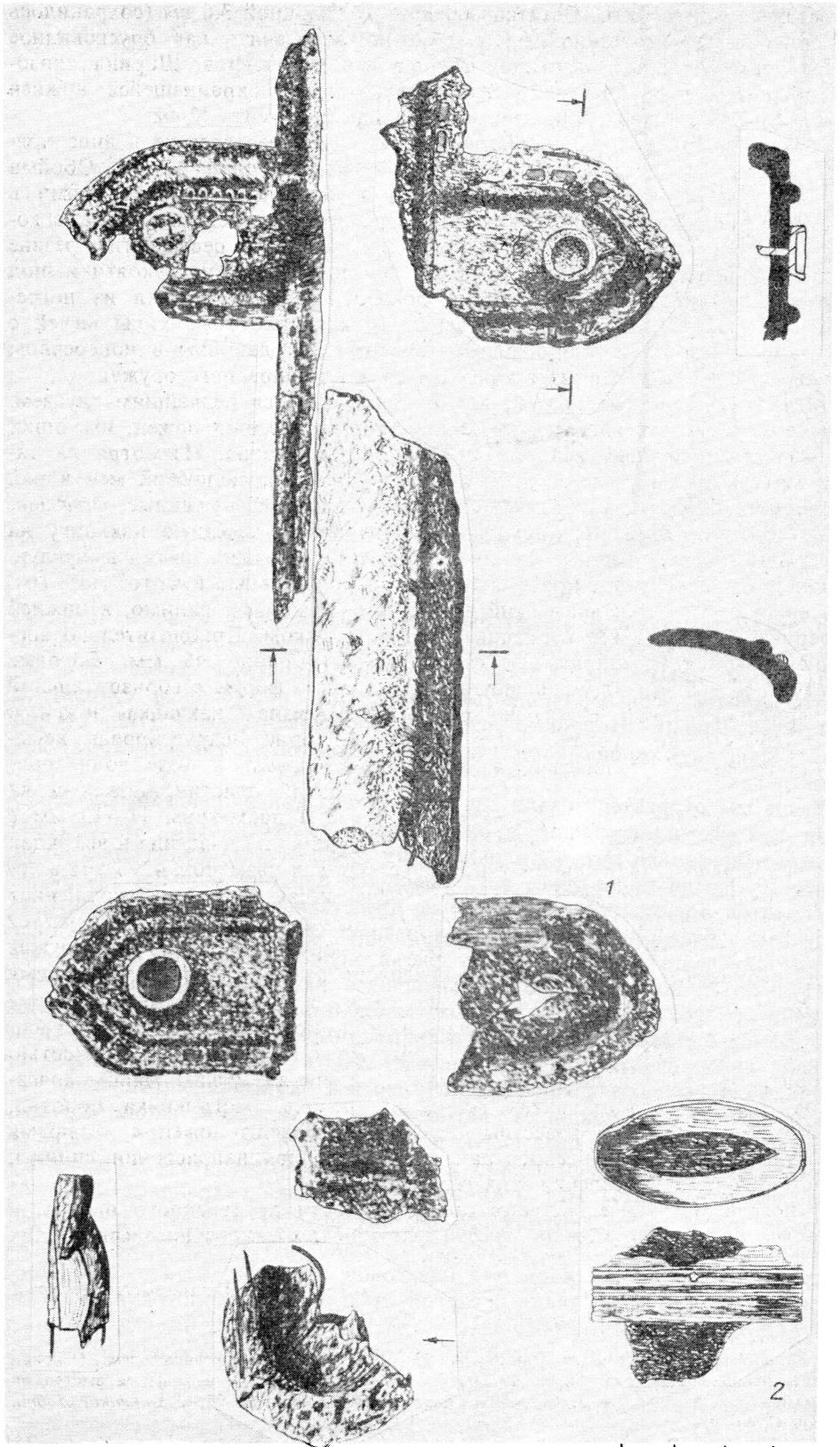

Рис. 10. Меч: 1 — детали ножен, 2 — перекрестье

сплетен из одной нити. Остатки перекрестия шириной 3,6 см (сохранилось не полностью) и толщиной 0,9 см можно определить как брусковидное с выходами золотых пластинок таушировки из окислов. Ширина линзовидного в сечении лезвия в наиболее хорошо сохранившейся нижней части 2,1 см, толщина до 0,7 см; общая длина фрагмента 12 см.

Меч (рис. 10), сохранившийся еще хуже, имел перекрестие в виде прямой, свернутой в эллипсоид золотой обоймы шириной 1,3 см. Обойма перекрестия украшена пятью канавками в двух лентах, между ними в центре с обеих широких плоскостей эллипсоида — отверстия, одно из которых с золотой клепкой. Выходящее из обоймы перекрестия лезвие сохранило следы деревянной обкладки ножен; на стержне рукояти из-под перекрестия видны следы костяной обкладки. Меч и кинжал из погребения Косика могли не иметь наверший, как некоторые типы мечей с прямым железным или бронзовым перекрестием, дающим в поперечном сечении овал²³. Оба относятся к редким образцам парадного оружия.

Меч имел железные ножны, что вообще является редчайшим случаем. Самое же замечательное то, что они пополняют серию ножен, имеющих по два симметричных выступа у устья и близ конца. Несмотря на такой материал, как железо, отделка ножен ставит косикинский меч в ряд выдающихся образцов парадного оружия. Сильно разрушенные, фрагментарно сохранившиеся ножны представляют собой железную накладку на деревянной основе толщиной около 0,5 см (с окислами), слегка выпуклую в поперечном сечении, с круто сходящей боковой гранью высотой до 8 мм. По краю расположен невысокий валик, соединявшийся, видимо, в нижней и верхней частях ножен перпендикулярным валиком. Приблизительно восстанавливаемая ширина долевой пластины около 45 мм. Боковые выступы ножен имеют удлиненную щелевидную форму с горизонтальной и перпендикулярной ей закраиной²⁴. Вся железная накладка ножен с выступами инкрустирована золотой лентой, валик инкрустирован косыми поперечными полосками, на выступах орнамент в виде волн, опирающийся на сплошную линию. На продольной пластине ножен и на выступах находились крупные серебряные касты диаметром 11—13 мм с бирюзовыми вставками. Между валиком и обрезом на пластине и выступах сплошной ряд прямоугольных бирюзовых вставок размером 4×3 мм в золотой окантовке на железной основе. Описанная железная, украшенная золотом, серебром и бирюзой накладка ножен с выступами является пока единственным образцом подобного оформления парадного оружия среднесарматской эпохи среди близких ей по форме²⁵. В настоящее время мы не можем определить место изготовления подобного изделия. Вопрос о происхождении и распространении ножен, подобных по форме косикинским, разобран в ряде работ²⁶. Мы можем с полной уверенностью говорить о связи ножен такой формы с сибиро-алтайским миром кочевников, где уже в памятниках III—II вв. до н.э. (могильники Боротал, Уландрык, Барбугазы) известны деревянные модели ножен с четырьмя выступами, откуда они распространяются в западном направлении, видимо, с частью кочевого населения этих территорий.

В погребении найдены также принадлежности портупейного набора, к которым достоверно можно отнести три золотых наконечника свисающих

²³ Хазанов. Ук. соч. С. 17.

²⁴ Представлены фрагменты не четырех выступов ножен, а пяти. Пятый выступ мог относиться только к другим ножнам, по-видимому, кинжала.

²⁵ Беспальый. Ук. соч. С. 255.

²⁶ Кубарев В.Д. Кинжалы из Горного Алтая // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1971; Амброз А.К. Кинжалы V в. с двумя выступами на ножнах // СА. 1986. № 3. С. 30—31; Сарияниди. Ук. соч. С. 98; Симоненко, Лобай. Ук. соч. С. 40—42.

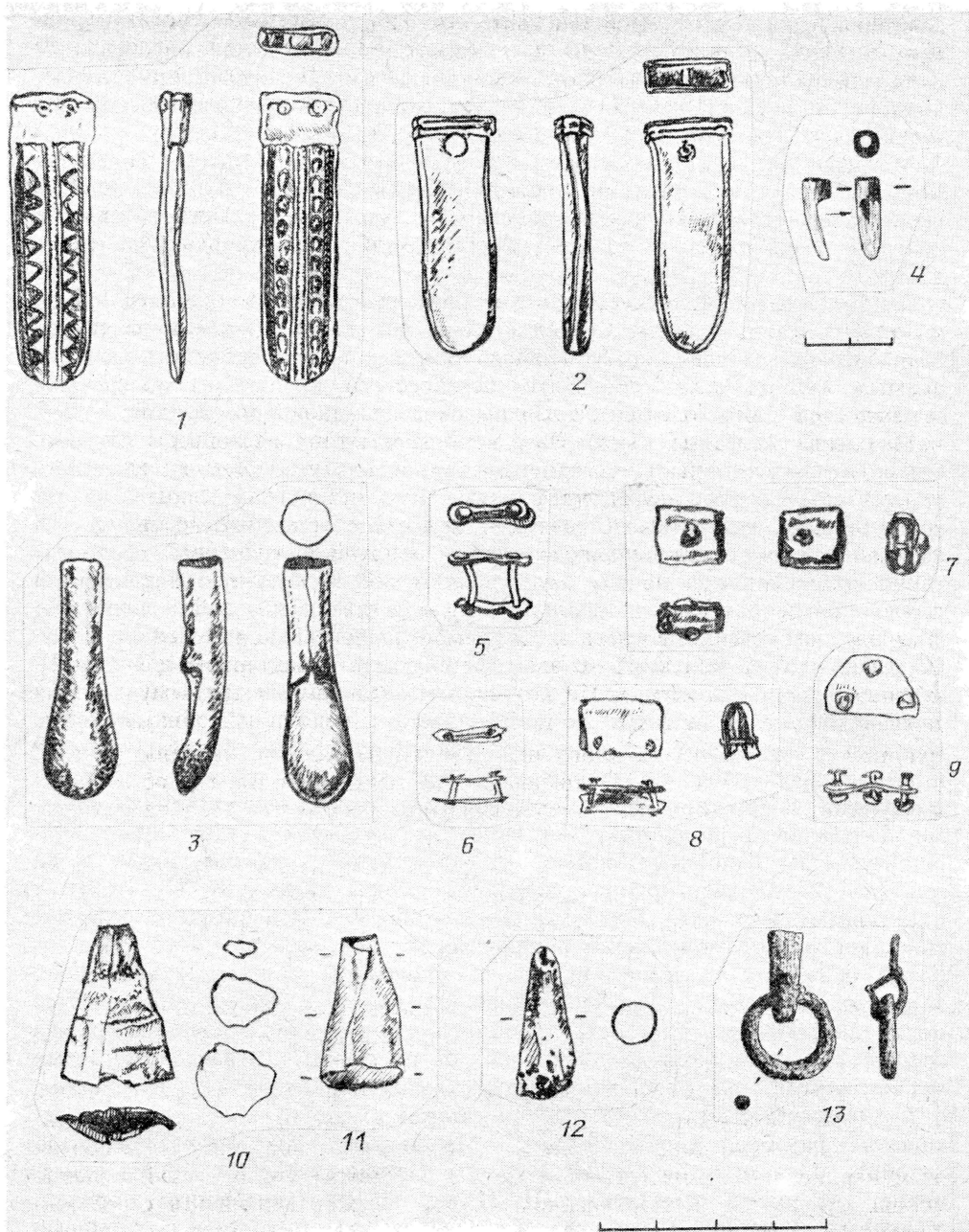

Рис. 11. Детали портупейного набора: 1-4 — наконечники свисающих ремней; 5, 6 — стяжки; 7 — обойма; 8, 9 — накладки; 10-12 — подвески свисающих ремней; 13 — кольцо с накладкой; (1-3, 5-12 — золото, 4 — кость, 13 — серебро)

ремней, а также сквозную обойму. Один наконечник (рис. 11, 1) представляет футляр с овальным торцовым концом. На другом конце, предназначенном для вставки ремня, напаян пояс с канавкой, за которым по центру — клепка и трубочка для фиксации ремня. Длина наконечника 40, ширина 12, высота 3,5 мм. Второй наконечник (рис. 11, 2) имеет ту же форму и конструкцию, но изготовлен он из двух основных частей:

длинной литой, украшенной эмалями пластины с овальным торцевым концом и прямоугольной в сечении муфты с валиком вдоль нижнего обреза, двумя клепками из трубочек для фиксации ремня. Вдоль ребер с аверса напаян сдвоенный жгутик из двух проволочек. Во всю длину идет узкая зубчатая пластинка с гладкой проволокой с двух сторон. Пространство между нею и жгутиком заполнено зигзагом из тонкой проволоки с намотанной на нее тонкой ленточкой; ячейки заполнены синей эмалью. Так же оформлен и реверс, с небольшими различиями в орнаменте и украшении бирюзовой эмалью. Длина наконечника 48, ширина 12 мм (рис. 11, 3).

Еще один наконечник имеет вид короткой туалетной ложки, у которой ручка сделана в виде обоймы. Общая длина его 41 мм. К различным ремням, в том числе и портупей, могут относиться две золотые стяжки и небольшая золотая обойма (рис. 11, 5—7). Накладкой или стяжкой на ремень, возможно портупей, была золотая пластинка трапецевидной формы с тремя трубчатыми клепками (рис. 11, 8). Из других предметов, связанных с ремнями, сюда можно отнести еще свернутую вдвое золотую обкладку из прямоугольной пластинки с двумя трубчатыми клепками по углам, длина ее 13, ширина 10 мм (рис. 11, 9). К свисающим концам ремешков крепились еще три предмета в виде усеченных конусов из золотой фольги (рис. 11, 10—12).

Наконечники портупейных поясов, особенно простейших форм, достаточно хорошо известны и широко распространены как в более раннее, так и в интересующее нас время, например в погребении 4 Тилля-Тепе²⁷, погребении под Азовом²⁸, но выполнены они в характерном для I в. н.э. «бирюзово-золотом» стиле. По конструкции они близки третьему наконечнику из Косики. Два таких же предмета, но с простейшей орнаментацией, сходной с украшением второго наконечника из Косики, найдены в погребении I у с. Пороги и в Первомайском на Нижней Волге, где обнаружены не орнаментированные объекты, чрезвычайно близкие третьему наконечнику из Косики²⁹. Все они датируются I — началом II в. н.э. По форме и характеру орнамента первые два наконечника из погребения у Косики сходны с предметами как из аристократических погребений этого времени, так и из могил рядового кочевого населения³⁰. Наконечники в виде футляра встречаются гораздо реже; подобные предметы из Тилля-Тепе украшены в зверином стиле³¹. Один такой золотой наконечник встречен в погребении 45 могильника Косика, но относится он к более раннему времени — не позднее I в. н.э.³² В ряде погребений I — начала II в. н.э. Поволжья и Причерноморья (в Цветне, Первомайском, Никольском, Порогах) встречены прямоугольные обоймы в виде футляра, закрытого с трех сторон, которые также служили завершениями ремней³³. В погребении Косики к предметам того же рода относится и костяной неорнаментированный наконечник ремня (рис. 11, 4) той же схемы, что и третий золотой; длина его 19 мм. К портупейному набору может относиться серебряное кольцо-подвеска с подвижной петлей (рис. 11, 13), того же облика, что и в Порогах³⁴.

²⁷ *Sarianidi V.J. Baktrisches Gold. Leningrad*⁴ 1985. S. 250. N° 9.

²⁸ *Беспалый. Ук. соч. С. 254. Рис. 3, 4, 7.*

²⁹ *Симоненко, Лобай. Ук. соч. С. 51—52, Рис. 13, 12; 27, 5, 6.*

³⁰ *Илюков Л.С. Отчет об исследованиях курганного могильника у х. Нового Мартыновского р-на Ростовской области в 1982 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 9255, 9256.*

³¹ *Сарианди. Ук. соч. С. 107. Рис. 37, 12.*

³² *Раскопки В.В. Дворниченко в 1987 г.*

³³ *Симоненко, Лобай. Ук. соч. С. 52, Рис. 13, 12.*

³⁴ *Там же. С. 23. Рис. 11, 7.*

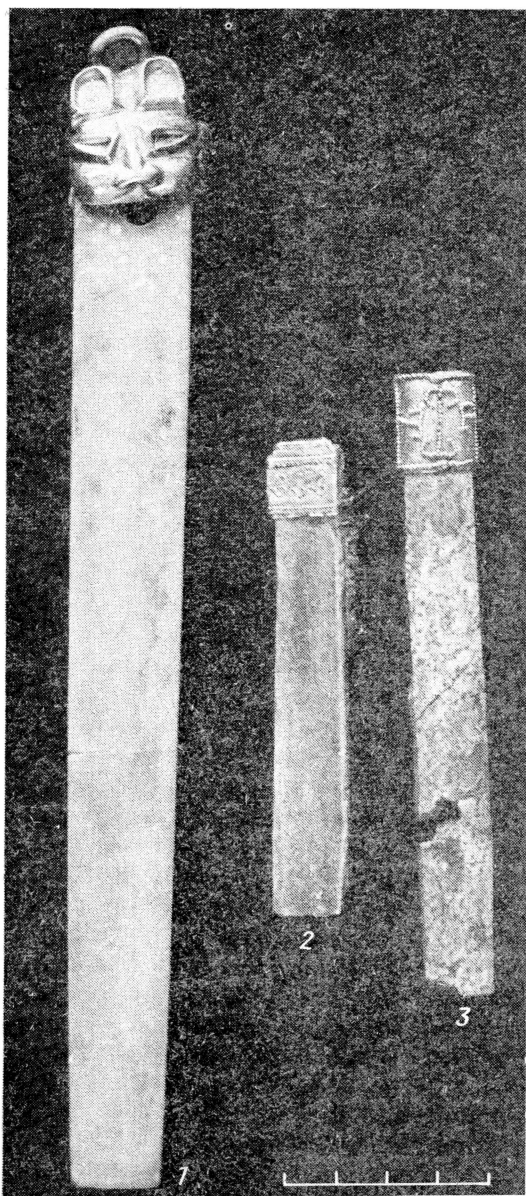

Рис. 12. 1 — оселок; 2 — бритва в золотом футляре; 3 — рукоять ножа (?)

К предметам повседневного быта кочевника относятся также оселок (рис. 12, 1), каменная рукоять железного ножа (?) (рис. 12, 3) и железная бритва (рис. 12, 2), которые в соответствии с рангом погребенного имеют отделку из золота. Оселок изготовлен из серо-желто-зеленоватого камня типа нефрита, имеет близ верхнего конца отверстие диаметром 4 мм, длина 202 мм. На широком конце имеется золотая головка, изображающая верхнюю часть морды (до пасти) кошачьего хищника, глаза и уши которого представляют собой глубокие касты. За ушами припаяно кольцо из проволоки.

Рукоять ножа изготовлена из камня типа пестрой (зеленовато-серо-белой) яшмы, брусок в сечении восьмигранный, длина его 188 мм. Через всю ручку по центральной оси насквозь проходит железный стержень, в торце заметны остатки лезвия (?) в виде окислов железа (6×1,5 мм). На конец рукояти со стороны лезвия надета золотая обойма овальной в сечении формы, украшенная по краям витой проволокой. На широких плоскостях обоймы исполнены зернью по одной тамге. Перпендикулярно им на узких плоскостях изображено в той же технике еще по одному такому же пересекаемому линией зерни знаку, с той лишь разницей, что волюты их не округленных, а угловатых Т-образных очертаний.

Бритва состоит из клиновидного железного лезвия (сохранившегося в длину на 37 мм) и золотого футляра в виде пенала. Края футляра удерживали тонкие деревянные накладки на лезвии. На одном конце футляра тонкая золотая накладка шириной 12 мм, края которой украшены полосками из двух витых проволочек; между ними расположены по три плющевых листа из проволоки того же диаметра; на торце обоймы еще два таких же листика. Длина футляра 90, ширина 14—15, толщина 3 мм.

Каменные оселки довольно частая находка в погребениях сарматского времени, но образец из Косики отличает тщательность изготовления и редкая порода камня — нефрит. Его оформление золотой накладкой с мордой кошачьего хищника и петель для подвешивания также говорит об особом значении предмета. М.П. Грязнов высказал мнение о том, что подобные оселки относятся к предметам культа³⁵. В сарматских древностях богато украшенные оселки встречаются (Соколова могила³⁶, погребение у Первомайского³⁷), но редко. В богатых погребениях скифской эпохи оселки с оформлением верхних концов золотыми пластинами с орнаментикой — довольно частые находки.

Ножи — наиболее частая находка в погребениях — в среднесарматский период имеют обыкновенно деревянную, редко костяную ручку, лишь в одном случае украшенную золотыми обоймами (Соколова Могила³⁸). Каменных же рукоятей до сих пор вообще не встречалось не только на территории расселения сарматов, но и на смежных. Тщательность обработки рукояти, украшенной золотой обоймой с изображением тамг, может быть свидетельством использования ножа в ритуальных целях. Изображенная на нем тамга встречается среди знаков керченской плиты римского времени и на стене пещеры Ак-Кая I³⁹; А.В. Симоненко относит ее к тамгам схемы Фарзоя, но с перевернутыми обеими волютами, что весьма спорно. Аналогий второму — перпендикулярному варианту среди знаков, собранных Э.И. Соломоник и В.С. Драчуком, не имеется.

Безусловно, к парадным вещам относится и железная бритва в золотом футляре, аналогий которой в погребениях сарматской знати не встречено. Орнамент в виде плющевого листа имеется на наконечниках ремня портупейного набора погребения I из Порогов⁴⁰.

К принадлежностям конского убора, найденным в разрушенной части погребения I у с. Косика, относятся два больших золотых фалара и семь золотых уздечных блях. Фалары (рис. 13) представляют собой круглые, выгнутые в виде умбона диски. Орнамент выполнен путем выдавливания высокого рельефа изнутри с правкой рисунка чеканом, резцом и

³⁵ Грязнов М.П. Так называемые оселки скифо-сарматского времени // Исследования по археологии СССР. Л., 1961. С. 139—144.

³⁶ Ковпаненко. Ук. соч. С. 108. Рис. 110.

³⁷ Скрипкин. Ук. соч. С. 131.

³⁸ Ковпаненко. Ук. соч. С. 107. Рис. 110.

³⁹ Драчук. Ук. соч. Табл. IV, 202; XXXVII, 21.

⁴⁰ Симоненко, Лобай. Ук. соч. Рис. 13, 1—4.

Рис. 13. Золотой фалар

пунсоном. В центре фалара расположен сдвоенный треугольник, представляющий собой каст под вставку. Вокруг него расположены три головы орлиноголовых грифонов, касающихся холками и ушами сторон треугольника. Глаза, уши и ноздри выполнены в виде каплевидных кастов, холка начинается круглым кастом, за ним к ушам — два косых линзовидных. Шеи грифонов вихреобразно закручены и опираются основанием на ряд жемчужника, обрамляющего композицию. Между соседними грифонами расположены три каплевидных каста. За жемчужником по кругу идет фриз из головок хищного животного (волка?) с раскрытой пастью так, что ухо каждого предыдущего попадает в пасть следующего хищника. Глаза и уши их выполнены в виде каплевидных кастов, в которых местами сохранились стеклянные вставки: в одном фаларе — шесть розового, одна синего стекла, две окислены; в другом — четыре розового стекла. Этот фриз также ограничивает еще один ряд жемчужника, от которого вдоль края фалара идет фриз из кастов в виде ов. На втором фаларе в одном из кастов сохранилась вставка голубовато-охристого цвета. Между овами расположены каплевидные стрелки, составляющие вместе с ними полосу киматия. По самому краю на одном фаларе находятся восемь серебряных заклепок с позолотой диаметром 6 мм и три отверстия диаметром 2—4 мм, на другом — шесть серебряных заклепок с позолотой и также три отверстия. Заклепки служили для прикрепления с оборотной стороны серебряных прямоугольных петель: на одном из фаларов одна петля длиной 46 и высотой 10 мм сохранилась полностью, другая — на одну четверть. Диаметр фаларов 136 мм.

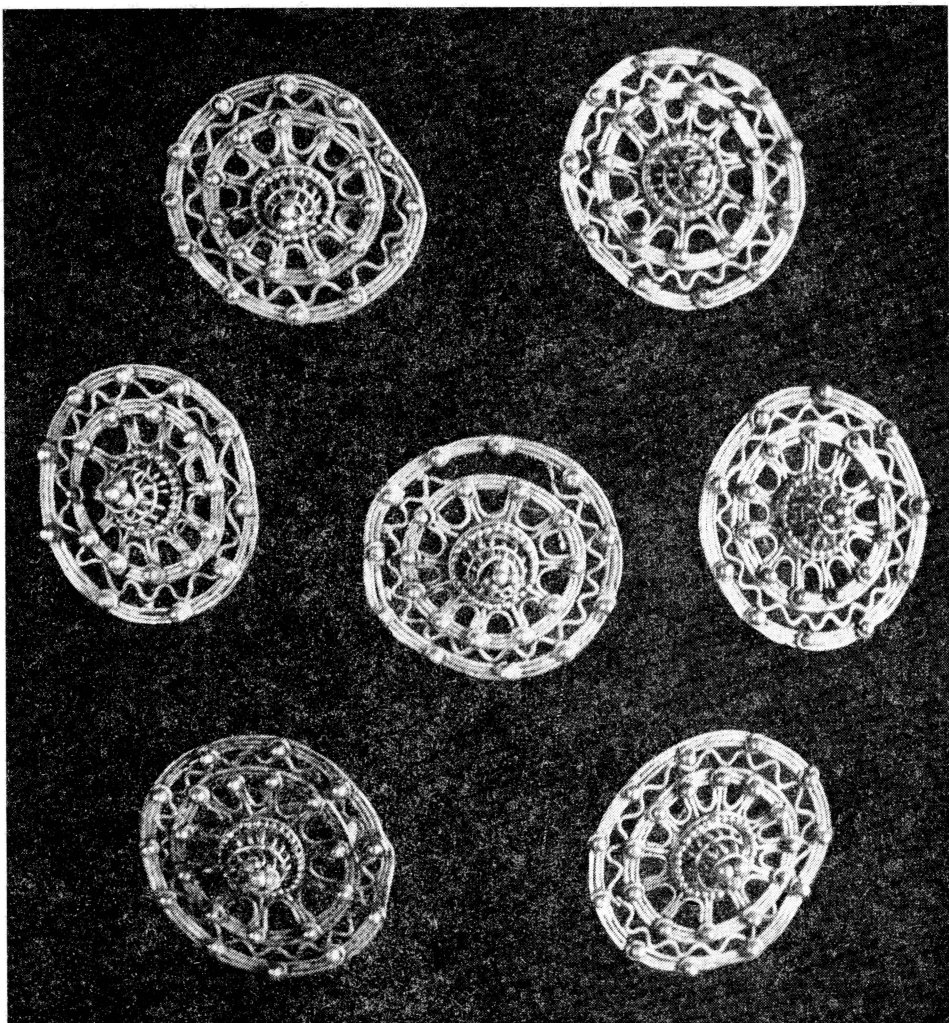
Золотые бляхи конского убора (рис. 14) имеют вид ажурного диска, состоящего из двух широких плоских колец, спаянных из трех филигранных проволочек каждый; они соединены между собой волнообразной проволокой и овами со стрелками, украшенными шариками и пирамидкой из 15 и 11 колечек с 4 шариками в центре диска. С тыльной стороны блях припаяна овальной формы петля для крепления ремня. Диаметр блях 47 мм, высота с пирамидкой без кольца 13 мм. Разница между ними состоит лишь в количестве шариков, напаянных на внешнее (от 10 до 12) и внутреннее кольцо (от 27 до 32).

Подобных уздечных блях, несмотря на довольно значительное количество конского снаряжения, найденного в погребениях среднесарматского периода, в том числе и в аристократических I — начала II в. н.э., не обнаружено. Нет им аналогий и в смежных районах. Фалары относятся к группе поздних (I — первая половина II в. н.э.) с изображением свернувшихся животных и сценами терзания⁴¹, выполнены они в характерном для этого времени бирюзово-золотом стиле. С.А. Яценко усматривает прототипы изображений на наших фаларах в хуннских материалах⁴². В. Гугуев обратил наше внимание на бронзовый фалар, происходящий из случайных находок с территории Ирана⁴³. Основная композиция изображения на нем очень близка косикинской. Имеется и треугольник с углублением в центре, и головы орлиноголовых грифонов в вихревом движении, но в обратную сторону, при этом шея грифонов, переходя одна в другую по внешнему краю, образуют правильный круг. Углубления в ушах, глазах и за клювом тоже как бы подготовлены под вставки. Отсутствует фриз из голов хищника с раскрытой пастью, но есть также углубления — касты. Исследователи относят находку к образцам скифского звериного стиля, проникшего на территорию Ирана из евразийских степей, и датируют ее 520—480 гг. до н.э.

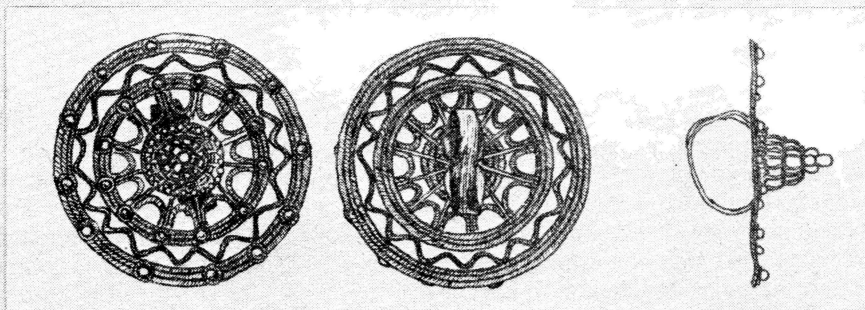
⁴¹ Скрипкин А.С. Погребальный комплекс с уздечным набором из Котлубани и некоторые вопросы этнической истории сарматов // СА. 1989. № 4. С. 178.

⁴² Яценко С.А. Доклад на Отделе скифо-сарматской археологии ИА РАН 21.XI.1990.

⁴³ Zimmermann J.I. Ancient Art from the Barbier-Miller Museum. P. 96. Fig. 28.

1

2

Рис. 14. Золотые бляхи конского убора

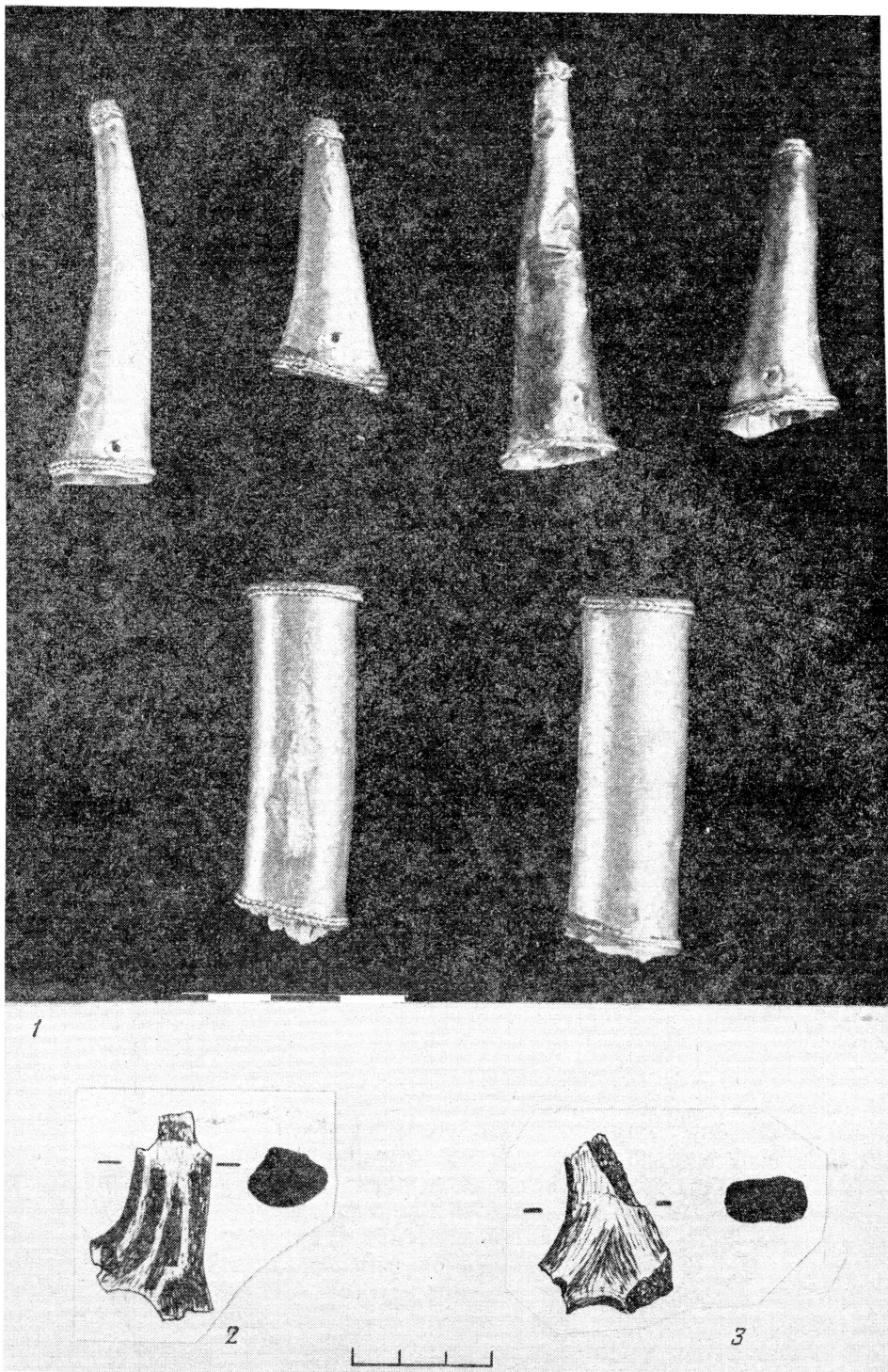

Рис. 15. 1 — золотые наконечники костяных предметов неясного назначения; 2, 3 — костяные части предметов

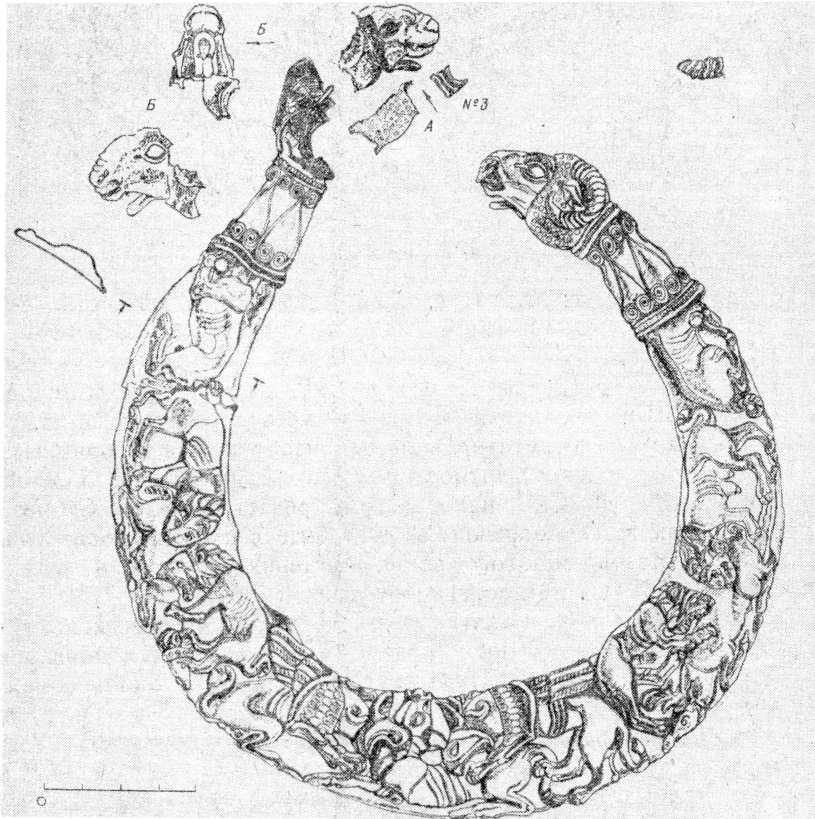

Рис. 16. Золотая пектораль, аверс

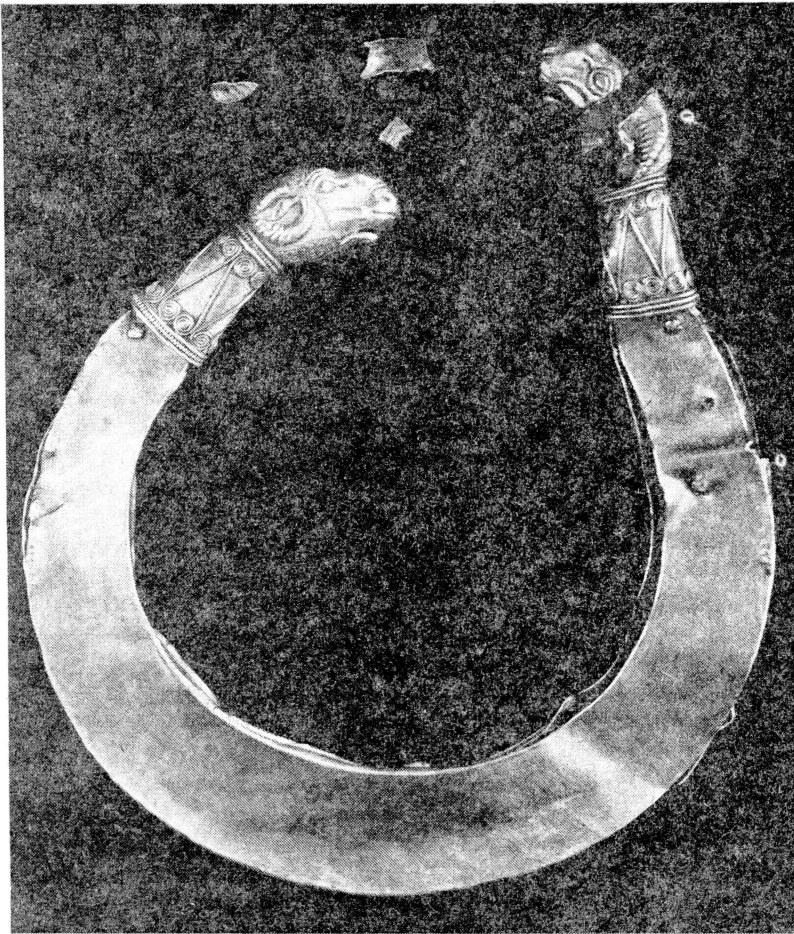

Рис. 17. Золотая пектораль, реверс

Надо заметить, что для этого времени в скифском искусстве техника применения вставок в изображениях животных, известная на келермесском этапе, полностью исчезает, а сюжеты, где бы присутствовало вихревое движение, отсутствуют. В тех же бляхах конского убора, выполненных в Скифии и Фракии, где можно видеть вихревое движение (четырёх- и трехлучевые бляхи со схематизированными изображениями орлиных, грифонных и конских головок), относящихся в подавляющем большинстве к IV — началу III в. до н.э.⁴⁴, никогда не встречается кастов. Скорее всего иранский фалар является подражанием в бронзе вещам периода возникновения нового бирюзово-золотого стиля в степях Евразии и вещью гораздо более поздней, чем предполагалось ранее.

В.В. Плахов относит к деталям конского убора еще несколько предметов (рис. 15). Два из них представляют собой золотые слабоизогнутые цилиндры, запаянные овальной золотой пластинкой на одном конце. По краям цилиндра идут пояски из двух витых проволочек. В полостях обоих цилиндров находится плотно посаженная рыхлая кость. Размеры цилиндров: длина 50 и 52 мм, диаметр 16 и 17 мм. Четыре остальных предмета имеют вид слабоискривленных замкнутых конусовидных оконч-

⁴⁴ Мелюкова А.И. К вопросу о взаимосвязях скифского и фракийского искусства // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976. С. 116, 126. Рис. 10, 11.

ников, свернутых из золотой пластины. По основанию конуса и у вершины припаяны пояски, точно такие же, как и на цилиндрах. Полость конуса заполнена рыхлой костью. В конусовидном основании каждого предмета насквозь проходит клепка из свернутой трубкой пластинки, фиксирующей кость. Размеры конусов: длина — 60, 57, 44, 39 мм.

С этими предметами В.В. Плахов соотнес фрагменты изделий неясного назначения из разветвленного рога, видимо, лося. Оба фрагмента имеют по три обломанных конца, один из которых на каждом фрагменте толстый и два более тонких. На одном из фрагментов в месте слома меньших концов сохранились следы отверстий под клепки первого и третьего конусовидных золотых окончаний. На одном, меньшем по размеру конце второго фрагмента сохранилась часть отверстия под клепку второго конусовидного окончания. Надо полагать, что четвертый конусовидный окончание относился ко второму малому концу, а цилиндрические наконечники, возможно, соединялись с толстым концом V-образных предметов из рога. Таким образом, эти изделия имели по три золотых наконечника. В.В. Плахов высказал предположение о том, что это могли быть псалии. Правда, до сих пор подобного в уздечных наборах не только среднесарматского, но и предшествующего и последующего периодов в степи неизвестно. Следует сказать, что назначение этих предметов остается все же неясным.

Среди большого количества предметов, происходящих из разрушенной части погребения, видное место занимают украшения. Прежде всего это золотая пектораль, которая состоит из трех частей: пустотелой основы, на лицевой пластине которой изображены сцены терзания, и двух подвижных окончаний в виде голов барана (рис. 16, 17). Основа изготовлена путем тиснения с последующей доработкой чеканкой. Она собрана из двух приготовленных отдельно частей: выпуклой лицевой пластины и задней плоской пластины аналогичной формы. Последняя имела два клепочных отверстия для крепления окончаний и два отверстия под клепки на самой плоскости близ поврежденного правого наконечника — результат починки в древности. Тыльная часть пекторали соединена с лицевой пайкой. Внешний диаметр пекторали 170—175 мм, внутренний — 120—125 мм, ширина в нижней части до 35 мм, у концов 18 мм.

На лицевой пластине изображены три сцены. В центре композиции расположена сцена терзания двумя грифонами быка, который лежит на животе, вытянув передние и поджав задние ноги, головой влево, вытянутой вверх. Горло быка перехватывает клювом грифон, находящийся слева в сидячем положении на задних лапах, передние вытянуты в движении и находятся у груди быка. Ухо грифона высокое, острое, по шее проходит гребешок, ниже уха расположен крупный завиток, оплечье украшено оперением из трех рядов перьев. Крылья выражены длинными перьями в два ряда с нахлестом одного пера на другое. Правый грифон упирается левой лапой в спину быка, клювом он захватил его позвоночник. Левая задняя нога покоится на земле, правая — у хвоста быка в движении, в остальном характеристика изображения та же, что и левого грифона.

Слева расположена сцена терзания двумя львами лежащего головой вправо барана, поджавшего переднюю и заднюю правые ноги под себя, задняя левая нога вытянута назад. Крупные рога барана закручены за уши, на голове изображающий шерсть валик с рядом кружков и точек. Правый лев опирается задними ногами на голову барана, передними — на предплечье, пастью ломает позвоночник барана у лопаток. Голова его дана в профиль. Левый лев с головой анфас ломает пастью позвоночник барана у крестца; головы обоих хищников соприкасаются. Передней правой ногой лев наступил на бедренную часть вытянутой ноги барана, задняя левая стоит на земле, правая в движении над голенью барана.

Левее этой сцены изображено мифическое животное с телом кошачьего хищника в напряженной позе перед прыжком в левую сторону, сверху изображен гребень, как и у грифонов, шея украшена горизонтальными полосами, две из которых заполнены елочным орнаментом. Животное бескрыло, голова обрезана мастером на стыке с оконечностью пекторали; под ребром клепочное отверстие, сделанное при ремонте, под шеей золотая заклепка для крепления шарнира.

Справа от центральной сцены представлена композиция со львом и львицей, терзающими оленя, который лежит на животе мордой влево, передней и задняя левые ноги поджаты, правая задняя вытянута назад, ветвистые рога направлены вверх и вперед. Лев слева опирается правой задней ногой на голову оленя, левая задняя нога опирается на предплечье, а правая передняя — на плечо оленя. Голова льва дана в профиль, пастью он ломает позвоночник оленя. Голова львицы справа изображена анфас, ее пасть ломает позвоночник у крестца. Левая передняя нога опирается на бедренную часть вытянутой задней ноги оленя, задняя левая — на голень той же ноги, задняя правая покоится на земле. Правее этой сцены расположено лежащее вправо на поджатых ногах животное с телом кошачьего хищника. На спине изображена переходящая в хвост грива. Голова обрезана мастером на стыке с оконечностью пекторали; под грудной клеткой золотая заклепка шарнира.

Подвижные оконечности представляют собой головки баранов с длинной декоративной шейкой. Они спаяны из двух одинаковых половинок головы, выполненных глубоким тиснением с дочеканкой. Крученые рога баранов завернуты за уши. Шерсть изображена кружками с точками внутри. У рта припаяно проволочное ушко диаметром 1,5 мм. Шейка представляет собой сжатую в месте соединения с основной частью пекторали трубку с нанесенным на ней орнаментом из проволочек. По краям трубки расположены по два пояска, каждый из трех проволочек: две гладкие зажимают одну из зерни. Между ними вдоль идет орнамент из гладкой проволоки в виде зигзага с закрученными в спирали концами. Подвижные наконечники крепятся к основной части с помощью золотой пластинки, впаянной внутрь шейки, свободный конец которой выступает из-под ее обреза с отверстием.

При рассмотрении этого украшения бросается в глаза, что стиль изображений, композиционное построение ряда сцен терзания и двух припавших к земле животных на концах лицевой пластины, сама форма вещи и ее конструктивные особенности находят соответствие в памятниках скифской культуры гораздо более раннего времени. Абсолютно точных аналогий пекторали из Косики нет, но по форме лицевой пластины, она в основе близка пекторалям Большой Близницы и Толстой Могилы, несмотря на их гораздо большую сложность и совершенство⁴⁵. Сцены терзания косикинской пекторали также схожи с подобными сценами на различных художественных изделиях IV в. до н.э.⁴⁶, где встречаются и изображения хищников — львиц и грифонов⁴⁷ — с подчеркнутыми признаками пола. Подвижные окончания пекторали из Косики близки прежде всего наконечникам ритонов и гривен, найденных в богатых кур-

⁴⁵ Артамонов М.И. Сокровища скифских курганов. М., 1966. Табл. 295; Древнее золото из собрания Музея исторических драгоценностей УССР. М., 1975; Skythische Kunst. Leningrad, 1986. № 118, 119; 255, 256.

⁴⁶ См., например, сцены на фиале из Солохи (Артамонов. Ук. соч. Табл. 158—159), на головном уборе из Чертомлыка и ножен из Толстой Могилы (Skythische Kunst. № 233, 150—154 и т.д.).

⁴⁷ См. изображение львиц на двух кубках из Куль-Обы (Skythische Kunst. № 190, 194), грифона на чаше из Солохи (Артамонов. Ук. соч. Табл. 154).

ганах V—IV вв. до н.э. В Семибратнем кургане 4 найден ритон, конец которого оформлен в виде головки барана, но имеет гладкую короткую шейку⁴⁸; в Талаевском кургане окончания гладкой гривны представляют собой головы льва на длинной шейке, оформленной таким же орнаментальным мотивом, как и косикинская, отличие лишь в том, что в средней части добавлен еще один пояс зигзагообразного орнамента из закрученных проволочек⁴⁹. Почти такой же орнамент присутствует и на шейке окончания с головкой львов из погребения 2 кургана у с. Корнеевка⁵⁰. Наконечник в виде головы льва с шейкой, украшенной аналогично орнаменту пекторали, имеется на ритоне Толстой Могилы; отличие состоит в ряде ов по краям цилиндра⁵¹. Наконец, наибольшую близость с косикинскими имеет наконечник малого ритона из Гаймановой Могилы с головкой барана и такой же шейкой, где дополнительно введен лишь ряд ов⁵². Учитывая все сказанное, можно уверенно предполагать, что пектораль из Косики относится к IV в. до н.э. и является произведением мастеров, работавших по заказу скифской знати. Не исключено также, что она представляет собой механическое соединение деталей, предназначенных для разных вещей, поскольку головы животных у концов лицевой пластины обрезаны для последующего соединения с подвижными окончаниями. Быть может, пектораль, извлеченная из сокровищницы, была принесена в дар сарматскому скептуху так же, как и серебряный сервиз, но из гораздо более близкого области его обитания района.

Золотой браслет-наруч состоит из двух подвижно соединенных частей, из которых хорошо сохранилась одна (рис. 18). Обе идентичные друг другу половины вместе представляют собой усеченный конус длиной 138 мм. Ширина пластин сверху 115, внизу 138 мм. Каждая половина спаяна из пяти фриз, разделенных трубчатыми полосами, по бокам прикреплена зажимная лента с петельками для крепления половин с остатками бронзового стерженька. Фризы первый и пятый оформлены одинаково: на них изображен орнамент в виде разделенных линией набегающих влево волн, закручивающихся в круги, украшенные изнутри выпуклой «жемчужиной». Пространство между контуром (выполненным витой проволокой) волны и осью заполнено эмалью двух чередующихся цветов — зеленого и синего. Второй, ажурный, фриз состоит из четырех растянутых гладких шкур, обрамленных тонкой финифтью. В центре каждой шкурки глубоко оттиснута тушка барана: ножки показаны в рельефе, глаза — проволочным колечком с шариком в центре. Судя по остаткам второй половины браслета, таких шкур там было три. Третий, также ажурный фриз состоит из ряда напоминающих песочные часы фигур, обрамленных финифтью, закручивающейся внутрь у основания треугольников и украшенных в этом месте, как и на вершинах фигур, шариком. Всего таких фигур на первой половине 11 полных, причем еще две распределены между первой и второй половиной браслета, где их было, видимо, 10. Четвертый прорезной фриз, вырубленный из одной пластины, имеет вид наклоненных друг к другу триглифов. Каждый с боков обрамлен проволочной линией. На целой половине браслета было 11 таких фигур. Плоскости полос заполнены

⁴⁸ Артамонов. Ук. соч. Табл. 58.

⁴⁹ Там же. Рис. 135.

⁵⁰ Ковалева Н.В., Полин С.Ф. Скифские курганы у с. Корнеевка Запорожской области // Курганы степной Скифии. Киев, 1991. С. 43—44. Рис. 2, 1—4. Авторы отмечают, что сама гривна, шейка и головки львов являются механическим соединением разнородных частей различных золотых предметов.

⁵¹ Стены европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М., 1989. Табл. 46, 7.

⁵² Дрезнее золото...

Рис. 18. Золотой наручный браслет

вертикальным рядом из 9 или 11 полочек, разделенных проволочками с завернутыми в колечки концами, внутрь которых впаяны шарики. В центре полочек помещены такие же колечки с шариками.

Браслеты, подобные косикинскому, неизвестны. Впрочем, практически все встретившиеся в богатых погребениях этого времени браслеты индивидуальны. В некоторых случаях можно уловить лишь общее композиционное и конструктивное сходство. Например, двусоставный браслет из с. Дуздак быв. Сырдарьинской обл. имеется в Сибирской коллекции Петра, близкие известны в ряде погребений на нижнем Дону⁵³, но на всех имеется лишь один изобразительный ряд. Изредка встречаются браслеты с несколькими ярусами изображений: таков массивный незамкнутый литой браслет с тремя фризами сцен нападения волков на лошадь из Сибирской коллекции Петра⁵⁴. Для золотых браслетов интересующего нас времени характерен полихромный стиль, наруч же из Косики украшен только стекловидной полу-

⁵³ Руденко С.И. Сибирская коллекция Петра I. М.—Л., 1962. С. 29. Табл. XII, 2; *Bespalyi E.I. The Barrows with Roman Imports Excavated by the Expedition at the Azov Regional Museum in 1979-1986* // В кн.: *Raev. Op. cit.*; *Прохорова, Гугуев. Ук. соч.* С. 143—144. Рис. 5, 6; *The Treasures of Nomadic Tribes in South Russia. Tokyo, 1991. Tabl. 81.*

⁵⁴ Руденко. Ук. соч. С. 20. Табл. XIX, 4—6.

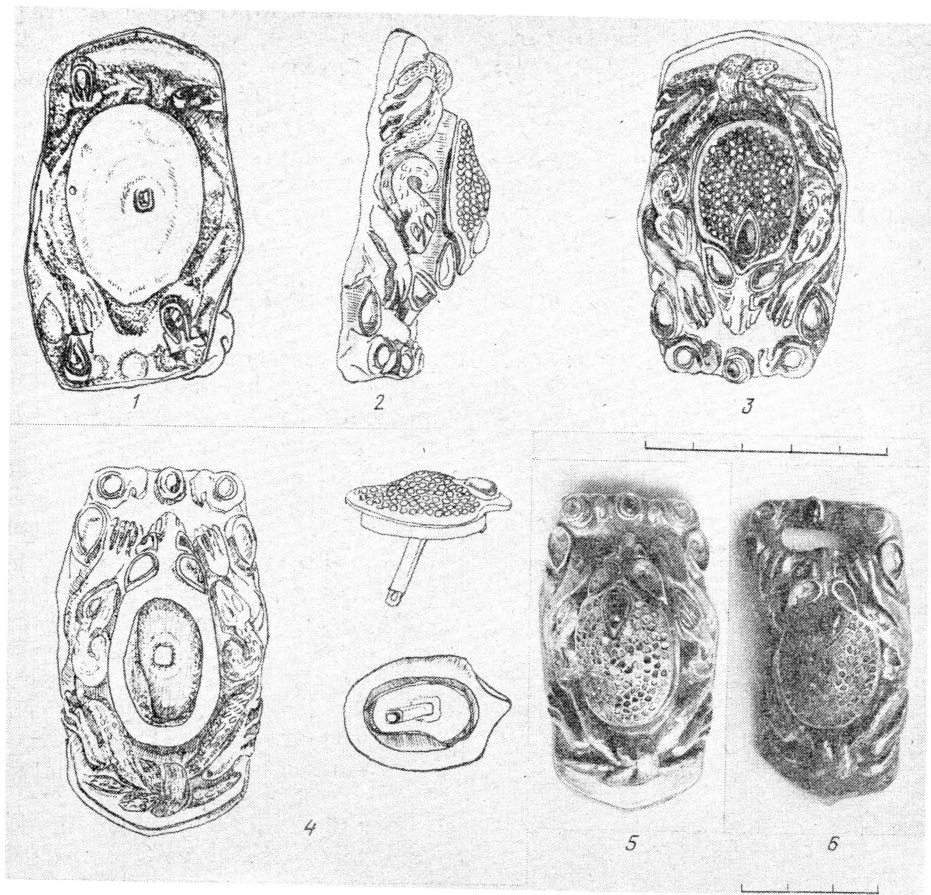

Рис. 19. Золотой наконечник парадного пояса (1 — оборотная сторона, 2 — вид сбоку, 3 — лицевая сторона)

прозрачной эмалью. В период распространения «полихромного» стиля цветная эмаль хотя и употребляется значительно реже, чем каменные или стеклянные вставки, но традиция ее применения не исчезает: ею украшены, например, некоторые вещи из погребений Тилля-Тепе, бляхи поясных наборов из Порогов и Первомайского⁵⁵ и т.д. Так же орнаментирован и один из наконечников портупейного набора в косикинском погребении (см. выше).

Особый интерес вызывает изображение тушки барана на растянутой шкуре второго яруса браслета, до сих пор еще не встречавшееся. Обращает на себя внимание и общее число этих изображений — семь. По всей видимости, здесь представлены жертвенные животные — баран как символ «небесной благодати» у древних иранцев; весь же данный сюжет носит символическое или магическое значение. На время изготовления данного браслета указывает, на наш взгляд, рисунок на кубке косикинского погребения, где по крайней мере четыре персонажа обоих фризов носят подобные крупные браслеты, похоже с шарнирными соединениями (в трех случаях они показаны на правой, в одном — на левой руке). Возможно,

⁵⁵ *Sarianidi*. Op. cit. S. 111, 145. Taf. 50, 83; *Симоненко, Лобай*. Ук. соч. С. 22—23, 51—52. Рис. 11, 3—6; 13, 1—4; 27, 1—3; 16, 1—8.

такой же браслет изображен и на левой руке всадника, стреляющего из лука, но без заметного шарнирного соединения, закрытого, вероятно, древком стрелы. Заметим, что все копейщики имеют браслет на правой руке, а лучники — на левой.

Замечательными произведениями ювелирного искусства являются золотые пряжки и аналогичный ей наконечник парадного пояса в виде фигурки ежа-ушастика с двумя змеями у ног и двумя стилизованными головками птиц перед передними лапками (рис. 19), основное различие которых состоит в том, что первая имеет прорезь для ремня и на передней рамке овальный каст на высокой ножке с камнем вишневого цвета. Все изображения находятся на высокой (до 5 мм) пятиугольной платформе. Оба предмета состоят из трех частей: 1) основания в виде тела ежа со змеями и головками птиц, 2) спинки ежа, иголки которой выполнены перегородчатой мозаикой из смальты и камней, 3) сосулика-вместилища внутри тела ежа.

Тело ежа изготовлено из золотой пластины глубокой вытяжкой с последующей дочеканкой мелких деталей. Еж лежит на животе, чуть растопырив задние лапки и положив передние у мордочки; те и другие трехпалые. Уши выполнены вычеканенными кастами (в левом, на оконечнике, сохранилась смальтовая бирюзовая вставка), глаза — глубокими треугольными кастами (на наконечнике в левом касте, а на пряжке — в правом сохранились беловатые смальтовые вставки с коричневым округлым зрачком). По бокам и сзади к телу ежа прижаты две связанные в узел хвостами змеи, тела их, перекинутые через задние лапки ежа, заворачиваются в кольцо между задними и передними лапами, а головы положены возле шеи. Шкура змей декорирована овальными контурами. На передних углах платформы расположены стилизованные головки ушастых грифонов, клювами к центру. В кастах из глаз уложены круглые прозрачные стеклянные вставки (одна не сохранилась — у левого грифона на пряжке). Уши выполнены в виде глубоких каплевидных кастов, все вставки которых утрачены. Между клювами грифонов наконечника красный овальный камень вставлен в двойной круглый каст, а на пряжке — в овальный каст на высокой ножке.

Тело ежа овальной формы, выполнено из пластины толщиной 3 мм с вертикальной закраиной (размер 24×15 мм). С тыльной стороны припаян венчик вместелища конической формы с овальным дном, зеркально повторяющим контур спинки, в центре его трубка длиной 12 мм. С оборотной стороны платформы по углам располагаются четыре ушка для крепления.

Спинка ежа изготовлена из слабовыгнутой пластины, на которую очень плотно напаяны мелкие касты. У переднего острого угла пластины в двойной каплевидный каст вставлен камень вишневого цвета. Вся поверхность спинки покрыта набором перегородчатой мозаики из мелких округлых камней и смальты зеленого, красного, голубого, синего и белого цветов. С реверса спинки в центре овального кольца припаян штырь из прямоугольной в сечении проволоки длиной 21 мм, с отверстием на свободном конце, который входит в обойму, приделанную к дну потайного вместелища в теле ежа. Штырь крышки-спинки закрепляется снаружи чекой. Длина спинки ежа 30 мм у пряжки и 32 мм у наконечника, ширина 22, высота 6—7 мм. Длина пряжки 71, наконечника 70 мм; ширина пряжки 31—34, наконечника 38 мм; высота обоих предметов со спинкой 23 мм.

Изображения ежей — редко встречаемый мотив в изобразительном искусстве сарматского времени. В Сибирской коллекции Петра имеются два предмета — пряжка и, видимо, наконечник пояса⁵⁶, сюжетно (несмотря

⁵⁶ Руденко. Ук. соч. С. 13. Табл. II, 4.

на существующую разницу в композиционном решении и в техническом исполнении) очень близких нашим, на которых также представлены ушастый еж, змея, головы грифонов. Изображения инкрустированы бирюзой, иглы ежа показаны ячейками для вставки самоцветов. В той же Сибирской коллекции хранится золотая полая подвеска в виде фигурки ушастого ежа с притупленной мордочкой. Иглы на шкурке имитированы зернью⁵⁷. Однако наиболее близкой параллелью косикинским пряжке и наконечнику пояса служит золотая подвеска-амулет в виде фигурки ежа из раскопок согдийского городища Еркурган⁵⁸, выполненная более реалистично. Она явно состоит из двух частей: базовая — практически все тулово животного и верхняя раковиннообразная крышка с рифлением (по фотографии нельзя, к сожалению, определить, была ли верхняя часть съемной). Уши, глаза, нос и верхние мышцы лапок инкрустированы бирюзой, иглы на нижней части спинки имитированы также бирюзовыми вставками в мелких кастах.

На основании аналогий, которые, как видим, относятся к восточным и юго-восточным районам распространения вещей «полихромного» стиля, мы вправе предполагать восточное, южносибирское или среднеазиатское происхождение изделий из Косики. Дополнительным подтверждением того, что мотив ежа имеет истоки в культуре восточных районов, служат довольно реалистично выполненные скульптурные фигурки ежей в ордосских бронзах⁵⁹. На территории к западу от Волги изображения ежей до недавнего времени не были известны. В 1982 г. на р. Сал в ограбленном погребении 5 кургана 70 у хут. Нового найдена золотая пряжка с сильно стилизованным зооморфным изображением, трактованное автором публикации как изображение ушастого ежа; ближайшую аналогию ему он видит в косикинских украшениях⁶⁰. Надо отметить, однако, очень большую условность изображения на этой пряжке: зона шкурки выделена, но иглы не обозначены, отсутствуют касты. Можно с определенным допущением согласиться с трактовкой образа на пряжке как примитивно исполненного ушастого ежа, но дата, предложенная автором на основании анализа погребального обряда и инвентаря, — II—I вв. до н.э. слабо аргументирована, так как датирующих вещей, кроме самой пряжки, в погребении нет: оно смело может быть отнесено и к I в. н.э.

Среди вещей описываемого комплекса есть крупный фрагмент прямоугольной прорезной железной накладки, имеющей определенное сходство с поясными ажурными пластинами «ордосского» типа с решетчатым орнаментом. Он представляет часть композиции из свастик, одна из которых сохранилась полностью (рис. 20, 1). С лицевой и оборотной стороны накладка имеет железные клепки-гвоздики. Ширина полос 5—6, толщина 3 мм, длина накладки 70 мм, ширина сохранившейся части 65 мм. Пластины «ордосского» типа достаточно хорошо известны к востоку от Енисея⁶¹. Накладка из Косики была, быть может, лишь отдаленной репликой бронзовых поясных «ордосских» пластин. Именно здесь, на Нижней Волге, в одном из погребений I в. н.э. в урочище Кривая Лука найдена единственная на территории восточноевропейской степи решетчатая пояс-

⁵⁷ Там же. Табл. XXI, 33.

⁵⁸ Древнейшее государство Кавказа и Средней Азии // Археология СССР. М., 1985. С. 291. Табл. СXXXVII, 9.

⁵⁹ Подобные имеются в коллекции И.Г. Андерсона (собрание Стокгольмского музея): *Andersson J.G. Hunting Magic in the Animal Style // BMFRA. 1932. Bull. 4; idem. Selected Ordos Bronzes // BMFRA. 1933. Bull. 5.*

⁶⁰ *Власкин М.В.* Золотые зооморфные пряжки из курганного могильника у х. Нового // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1988 г. (Тез. докл. к семинару). Азов, 1989. С. 32—34. Рис. 2.

⁶¹ *Дзюлет М.А.* Сибирские поясные ажурные пластины II в. до н.э. — I в. н.э. // САИ. Вып. Д 4—7. М., 1980. С. 14, 16—17.

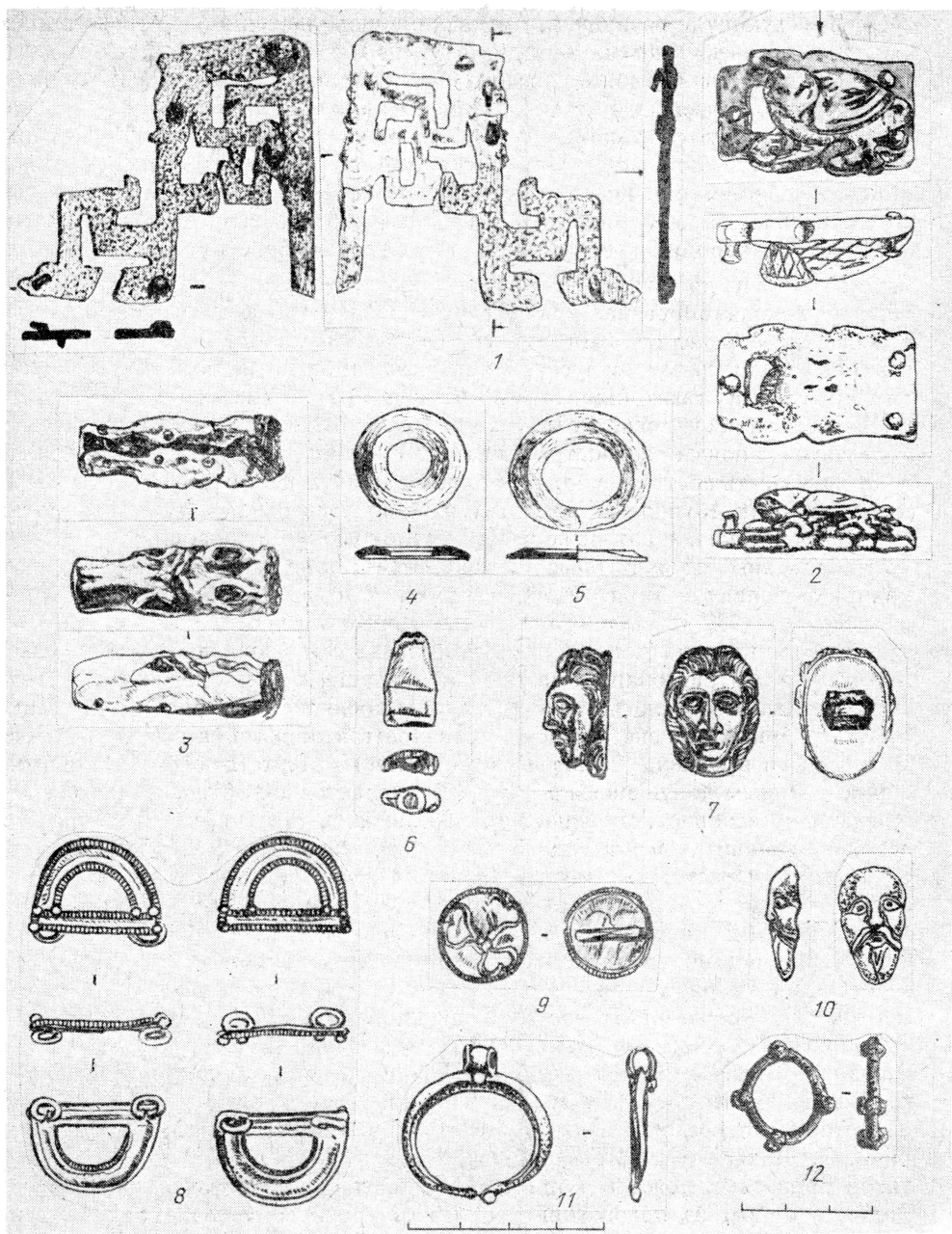

Рис. 20. Предметы личного убора: 1 — поясная пластина-накладка; 2 — наременная накладка; 3 — наконечник; 4, 5 — кольцо; 6 — подвеска к шнуру; 7 — пуговица; 8 — наременные оконечники; 9 — пуговица; 10 — накладная бляшка; 11 — подвеска; 12 — кольцо; (1 — железо; 2 — кость, золото; 4—9, 11 — золото; 10 — серебро; 12 — бронза)

ная пластина подобного типа⁶², которая отличается от восточносибирских покрытием из тонкого листового золота и наличием железного язычка.

⁶² Черный Яр, группа Кривая Лука XIII, курган 5, погребение 12; Дворниченко В.В., Малиновская Н.В., Федоров-Давыдов Г.А. Отчет о раскопках курганов в урочище Кривая Лука в Черноярском районе Астраханской области в 1971 г. Т. 1 // Архив ИА РАН. Р-1. Д. 5315. Л. 62.

Поясной накладкой служил, видимо, предмет из кости с фигуркой совы и с золотыми клепками (рис. 20, 2). В когтях сова держит небольшого зверька с длинным хвостом, тело птицы с тыльной стороны покрыто сетчатой штриховкой, с лицевой резцом обозначены крылья, клюв, голова анфас и мощные лапы. Перед головой совы удлиненное отверстие, за ним в центре рамки золотая заклепка для крепления ремня. С противоположного торца по углам также две золотые заклепки меньшего диаметра. Длина пряжки 39 мм, ширина 25 мм, высота пластины вместе с фигуркой совы 12 мм.

Сделанный из золотой пластины наконечник в виде стилизованной головки лошади принадлежит неизвестному предмету (рис. 20, 3). По краям его пробиты по четыре отверстия для гвоздиков из конусовидных трубочек длиной 7—8 мм. Торец морды запаян, на месте рта круглое отверстие, глазницы едва обозначены треугольными впадинами с отверстиями по центру, — уши — каплевидными кастами. С торца напаян плоский поясик из четырех витых двойных проволочек. Длина предмета 43, диаметр 9—11 мм. По всей видимости, наконечник был закреплен на деревянной или костяной основе. По характеру стилизации он напоминает один предмет Сибирской коллекции Петра I⁶³ (по определению С.И. Руденко, голова оленя) и концы браслета из Армавира с лошадиными головами⁶⁴.

Не совсем ясно назначение трех золотых эллипсовидных колец с ребром (рис. 20, 4, 5), длиной 27, 24 и 21 мм, шириной 23, 22 и 21 мм.

В неразрушенной части могилы на кожаном предмете найдены две золотые конусовидные подвески длиной 17 мм, на обрезе которых напаяны шайбы с отверстием для продевания шнура (рис. 20, 6). Очень выразительна литая золотая пуговица с изображением человеческого лица с прямым носом, покатым лбом, рельефно обозначенными ресницами, глазами, бровями и ноздрями (рис. 20, 7). Лицо и шея обрамлены волнистыми, зачесанными назад волосами, уложенными в пряди. На плоской оборотной стороне пуговицы выступает невысокое ушко из золотой проволоки. Длина 24, ширина 17, толщина 10,5 мм, длина ушка 7 мм.

Еще одна золотая пуговица имеет вид уплощенной полусферы с орнаментом на лицевой стороне в виде трех плющевых листов, соединенных остриями в центре (рис. 20, 9), выполненных напаянной на пластинку пуговицы проволоки, пущенной также и по абрису. На реверсе напаяна низкая петелька для крепления длиной 14 мм. Диаметр 18 мм. Орнамент на пуговице тот же, что и на футляре бритвы (рис. 12, 2).

К наконечникам ремней или пряжкам, возможно от обуви, можно отнести два золотых предмета в виде латинской буквы D. Основу их составляют две слегка изогнутые пластины толщиной 4—4,5 мм, по периметру краев которых напаяна проволока, имитирующая зернь. На стыках и на внешних углах припаяны шарики зерни. С реверса в углах каждой пряжки по два ушка для крепления. Длина изделий 25, ширина 18 мм.

Литая эллипсовидная золотая лунница-подвеска завершается петлей сверху в виде массивной дуги, а на одном конце шариком (рис. 20, 11). Длина лунницы 29 мм, ширина без навершия 25 мм. Золотые лунницы различных вариаций в составе ожерелий известны в средне- и позднесарматское время⁶⁵.

⁶³ Руденко. Ук. соч. С. 43. Табл. VI, 2.

⁶⁴ Манцевич А.П. Находка в Запорожском кургане (к вопросу о Сибирской коллекции Петра I) // Скифо-сарматский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976. С. 8. Рис. 8, 1, 2.

⁶⁵ Степи европейской части СССР. Табл. 82, 15, 57; Скрипкин А.С. Нижнее Поволжье в первые века н.э. Саратов, 1984. Табл. 14, 62.

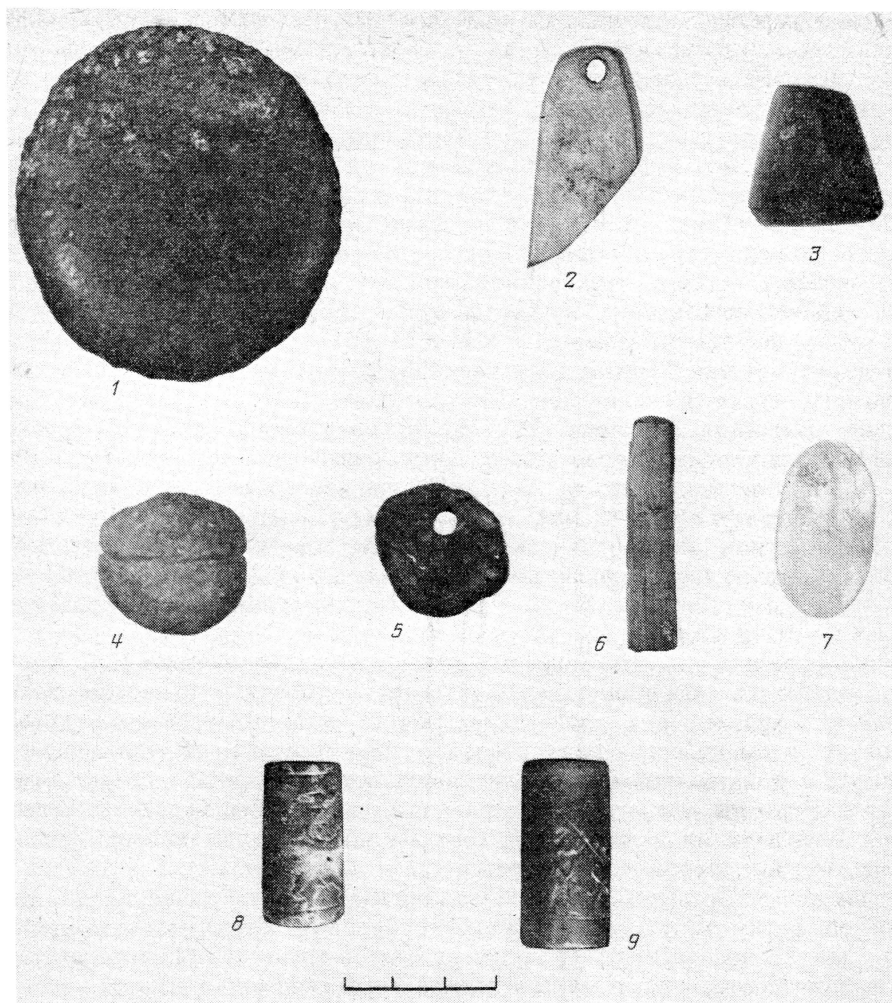

Рис. 21. 1—7 — амулеты из камня; 8, 9 — каменные цилиндрические печати

Среди вещей комплекса встречено бронзовое литое колечко с шипами-шариками (рис. 20, 12) диаметром 13 мм. Такие кольца, известные еще в скифскую эпоху, были очень распространены и в сарматское время. Назначение их могло быть разным: предполагается, что кольца большого диаметра служили окончаниями поясного ремня и выполняли роль своеобразных пряжек⁶⁶.

Серебряная литая накладная бляшка изображает лицо пожилого лысого человека с приплюснутым носом и покатым лбом (рис. 20, 10). Глазное яблоко выражено слабым рельефом, зрачок углублен; длинные прямые усы расходятся внизу в разные стороны, борода клинообразная. Длина 22, ширина 12 мм.

Некоторые вещи из комплекса с большой долей вероятности могут быть отнесены к амулетам-оберегам: к ним мы относим предметы

⁶⁶ Вязьмитина М.И., Иллінська В.Д., Покровська Е.Ф., Тереножкін О.І., Ковпаненко Г.Т. Кургани Біля с. Ново-Пилипівки і радгоспу «Аккермень» // Археологічні пам'ятки УРСР. 1960. Т. 8. Рис. 69, 13; Медаєдев А.П. Сарматы и лесостепь. Воронеж, 1990. Рис. 3, 2; 48, 13; Степи европейской части СССР. Табл. 82, 7.

из камня разных пород (рис. 21, 1—7) и, видимо, две каменных цилиндрических печати (рис. 21, 8, 9). Один камень дисковидной формы из темно-серого песчаника, судя по полированным следам, использовался некогда в виде терочника; размеры $70 \times 65 \times 15$ мм (рис. 21, 1). На обломке оселка из желтоватого песчаника сделано отверстие, размеры $45 \times 21 \times 12$ мм (рис. 21, 2). У предмета типа лощила из горного хрусталя в виде шестигранного кристалла грани заглажены; размеры $37 \times 20 \times 20$ мм (рис. 21, 7). На изделии из округлой гальки серого песчаника по периметру пропилена канавка; размеры $28 \times 27 \times 19$ мм (рис. 21, 4). У изделия в виде трехгранной призмы из мелкозернистой черноватой с включением кварца породы камня — яшмы или жадеита — плоскости отполированы. Размеры $27 \times 16 \times 28$ мм (рис. 21, 3). У изделия неясного назначения угловато-округленной формы из кровавика (?) темно-красного цвета с включением пятен охры близ одного края просверлено отверстие. Размеры $29 \times 25 \times 16$ мм (рис. 21, 5). У брусковидного предмета из окаменевшего дерева желтовато-коричневого цвета один торец подполирован, а на одной из плоскостей остались следы серы; размеры $46 \times 10 \times 45$ мм (рис. 21, 6). У фрагментов трех лощил или оселков из камня слабо-розоватого цвета (тонкий песчаник?) широкие и узкие грани заглажены; размеры $8—8,2 \times 7 \times 1$ мм. Кроме того, найдены кусочки мела или карбоната округлой формы; размеры $10—11 \times 8—10 \times 3—5$ мм.

Цилиндрическим печатям будет посвящена специальная статья И.С. Ключкова в одном из следующих номеров журнала, поэтому у нас нет необходимости в полном описании этих предметов⁶⁷. Коротко заметим, что одна из них — ахеменидская изготовлена из серо-голубого полупрозрачного халцедона с изображениями, выполненными в технике интальо (рис. 21, 9). Вторая цилиндрическая печать, вырезанная из пятнистого халцедона серого цвета с коричневыми включениями (рис. 21, 8), несет две колонки клинописного текста и изображение божества.

Вполне вероятно, что, как и в Соколовой Могиле⁶⁸, еще целый ряд предметов, в том числе и из других материалов — кости, металла, пасты и т.п., мог относиться к категории амулетов-оберегов. Цилиндрические печати, вполне вероятно, попали к сарматскому скелтуху в период участия его в борьбе за армянский престол.

Несколько слов в заключение. Как уже говорилось, мы не можем составить представление обо всех вещах комплекса погребения I у с. Косика. Некоторые из них дошли в сильно фрагментированном виде или вовсе утрачены. Тем не менее состав описанных вещей позволяет говорить о его особой значимости для разрешения некоторых вопросов хронологии, этнической и социальной истории. На основании анализа сохранившихся вещей наиболее приемлемой датой сложения всего комплекса нам кажется время, близкое к середине I в. н.э. Косвенным подтверждением этой даты является личный знак царя Аспурга на серебряной ложке. У нас нет возможности вступать в дискуссию об этнической принадлежности погребений I в. н.э. в степях Восточной Европы, отличающихся высоким социальным статусом, но мы вполне согласны с мнением А.С. Скрипкина, считающего, что появление многих новых элементов в культуре сарматов в Поволжье и Причерноморье связано с импульсом с Востока, особенно ярко отразившимся в погребениях этого времени, и взаимосвязано со всем кругом изменений, происходивших

⁶⁷ Фото и первые прорисовки печатей даны в статье: *Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А.* Что же мы знаем о древних кочевниках // *Наука и человечество.* 1990. С. 80.

⁶⁸ *Ковпаненко.* Ук. соч. С. 86—104. Рис. 93—109.

в сарматской среде от Средней Азии до Причерноморья⁶⁹. Конечно, это вовсе не значит, что погребение в Косике можно определенно считать аланским: в источниках этноним «аланы» появляется позже, но под их влиянием и вследствие начавшегося сильнеешего их давления появились в восточноевропейской сарматской среде многие черты, которые характеризуют среднесарматскую культуру начиная с I в. н.э.

⁶⁹ Скрипкин. Азиатская Сарматия... С. 188 сл.

SARMATIAN BURIAL OF SKEPTUCH OF THE 1-st CENTURY NEAR THE VILLAGE OF KOSIKA OF THE ASTRAKHAN REGION

V.V. Dvornichenko, G.A. Fedorov-Davydov

The article is devoted to the publication of the material from the grave in barrow I near the village of Kosika. The burial is one of a series of rich burials of the 1 st — the beginning of the 2 nd century, the majority of which occur on the lower Don. The set of objects in each grave is rather peculiar, but at the same time there are certain similarities. First of all, these are objects executed in the new wave of the animal style, characterized by polychromy, which has no immediate roots in East European steppe monuments of the previous periods, but finds closest parallels in Bactrian art.

Among objects made in this style found in Kosika there is a gold buckle, a belt tip in the shape of hedgehogs and snakes, phalarae, a bracelet and some other smaller things. These burials are also distinguished by new types of «gala» weapons, swords, the sheaths of which have four blades; their origin is connected with the Altai area. Gold polychrome sheaths are known to have existed there earlier. The Kosika sheaths are made of iron with gold inlays and turquoise insets in silver casts. Sets of utensils of precious metals, as well as of bronze, manufactured mostly in Eastern late Hellenistic and Italic centres are typical of the burials of this group.

In barrow I near the village of Kosika there are four silver vessels with gold cladding. Three of them can be traced to workshops working in the traditions of Eastern late-Hellenistic art, possibly Italic (a phial with a lid, *φογγίς*, a bowl with handles for suspension). The fourth one is a cup with boar-shaped handles and representations of scenes of a horse hunt for a wild boar and duils. It may have belonged to vessels of sacred character in the Sarmatian world. Similar sets were given to Sarmatian skeptuchs as gifts for their participation in military alliances. This may be confirmed by the inscription on the bowl bearing the names of Armenian King Artavasad and craftsman Ampsalah, the latter's name being typically barbarian, Sarmatian according to Yu.G. Vinogradov. The inscription confirms the words of Tacitus about the participation of Sarmatians in the Rome — Parthian conflict connected with the struggle for the Armenian throne. A number of objects in the burial belong to an earlier period. They may also have been received as gifts or obtained during incursions. These include a gold pectoral executed in the Scythian animal style of the 4th century B.C., possibly, in Bosporan workshops and two stone cylinder seals: the Achaemenidian one of the 5th century B.C. and the Babylonian of C. the mid 2nd millenium B.C. Cloths with gold thread and gold plates sewn on to them, many household objects decorated with gold, etc. — all this testifies to the fact that the dead man belonged to the top of the tribal hierarchy.

Appearance in East European steppes in the 1st century A.D. of such burials in wide rectangular pits with objects of oriental origin is connected with the changes which have been taking place in the Sarmatian world since the beginning of our era. Such monuments are a vivid manifestation of a sharply increased activity of the Sarmatians. They are a peculiarity of the middle Sarmatian culture and may be connected with a new wave of the movement of the Sarmatian nomads from the East and appearance of the Alani in the historical arena.

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

© 1993 г.

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ЭТЮДЫ С.А. ЖЕБЕЛЕВА, ТРИ НЕИЗДАННЫХ МЕМУАРА С.А. ЖЕБЕЛЕВА

В рукописном наследии С.А. Жебелева имеются три оставшихся неизданными очерка об ученых, бывших его коллегами по Петербургскому университету и Академии наук. Первый посвящен видному историку греческой и передневносточной культуры Якову Ивановичу Смирнову (1869—1918), второй — выдающемуся востоковеду, основоположнику отечественной университетской школы востоковедения Борису Александровичу Тураеву (1868—1920), а третий — также видному востоковеду, специалисту по литературе и религии древней и средневековой Индии Сергею Федоровичу Ольденбургу (1863—1934). С первыми двумя С.А. Жебелева связывала длительная личная дружба, третий — С.Ф. Ольденбург — был ему хорошо знаком. Более того, С.Ф. Ольденбургу суждено было сыграть заметную роль в жизни С.А. Жебелева, поскольку он в качестве неперменного секретаря Академии наук имел прямое отношение к избранию С.А. Жебелева в действительные члены Академии, а затем, в том же качестве, был вовлечен в так называемое «дело» Жебелева. И если в первом случае роль Ольденбурга была достаточно сомнительной, поскольку он долго противился продвижению Жебелева в полные академики, то во втором его содействие было буквальным образом спасительно для Жебелева.

Два первых очерка никак не датированы, но из их содержания с очевидностью вытекает, что они были написаны вскоре после смерти тех, кому они посвящены, третий же — об Ольденбурге — датирован в рукописи точно, 1 марта 1934 г., из чего следует, что он был составлен на следующий день после смерти Ольденбурга. Таким образом, по своему жанру все три являются некрологами, написанными сразу (или почти сразу) после кончины названных ученых. При этом, однако, они едва ли предназначались для немедленного опубликования. Последнее вытекает из откровенно выраженного в них неприятия всего того, что принесла с собой в жизнь русского общества Октябрьская революция. Впрочем, текстом первого очерка Жебелев позднее воспользовался для написания обширной статьи о Я.И. Смирнове, которая была опубликована в 1928 г. во II томе «*Seminarium Kondakovianum*» в Праге и имела столь неприятные для С.А. Жебелева последствия.

По своему содержанию публикуемые очерки неодинаковы: первые два — достаточно развернутые, опираются как на личные воспоминания, так и на документы и прежде всего на переписку Я.И. Смирнова и Б.А. Тураева с С.А. Жебелевым. Цитаты из их писем обильно уснащают изложение и делают его наглядно аргументированным. Заметка об Ольденбурге, напротив того, очень лаконична и является как бы развернутым общим суждением о покойном.

Все три очерка чрезвычайно интересны для истории нашей науки. Прежде всего они дают оценочные характеристики известных ученых, выдающихся представителей отечественной гуманитарной науки. При этом замечательно различие представленных типов. Я.И. Смирнов обрисован как ученый по преимуществу, не имевший иных привязанностей и увлечений помимо страсти к разысканию и изучению предметов древней культуры. При этом С.А. Жебелев с нескрываемой симпатией отмечает фактопоклонничество Я.И. Смирнова, его стремление познать древность прежде всего через оставшиеся от нее предметные реалии, вещи, которые должны быть объяснены, по возможности, из них самих и лишь затем вправлены и истолкованы в более широком историко-филологическом русле. Напомним в этой связи, что в пору молодости С.А. Жебелев, Я.И. Смирнов и М.И. Ростовцев составляли кружок страстных фактопоклонников, как они сами себя величали, объединенных общим почитанием их научного кумира — Н.П. Кондакова. В обрисовке Б.А. Тураева представлено более сложное сочетание чисто ученой деятельности и религиозного интереса, переходившего в подлинное православное подвижничество, — факт по позднейшим советским понятиям исключительный, однако понятный в контексте той повышенной религиозности, которой отличалась значительная часть русской интеллигенции на рубеже XIX—XX вв. Наконец, в облике Ольденбурга представлен тип ученого-администратора, большого академического деятеля, временами, может быть, и тяготившегося своими служебными обязанностями, но по большому счету не мыслившего себе жизни вне активной общественной деятельности и соответственной карьеры.

С другой стороны, эти мемуары весьма важны для суждения о взглядах и личности самого их автора, поскольку в его оценках отчетливо выступает его собственная натура. Так, прежде всего, замечательны суждения С.А. Жебелева о творческой деятельности ученого. В очерке о Я.И. Смирнове имплицитно высказано порицание бессистемным увлечениям, разбросанности и незавершенности ученых занятий. Напротив, в статье о Б.А. Тураеве показательно одобрение кипучей энергии и продуктивности научного творчества, не исключающих известной неотделанности деталей. Другая тема авторских размышлений — совмещение ученой и административной деятельности. Известно, что сам С.А. Жебелев не уклонялся от исполнения различных общественных обязанностей: он был редактором Отдела классической филологии в «Журнале Министерства народного просвещения», секретарем Классического отделения Русского археологического общества, деканом и даже ректором Петербургского университета и т.д. Из заметки о С.Ф. Ольденбурге видно, однако, как сильно он порицал крайнее увлечение административной карьерой, поскольку это шло в ущерб научным занятиям и могло обернуться, как именно и случилось с Ольденбургом, вынужденным отречением от собственных, впитанных, что называется, с молоком матери, принципов и убеждений.

Еще один любопытный аспект внутреннего мира С.А. Жебелева выступает в статье о Б.А. Тураеве. Здесь автор с нескрываемой симпатией касается темы русского патриотизма, сопряженного с ярко выраженной христианской, православной идеей. Эта «русскость» Б.А. Тураева сильно импонирует С.А. Жебелеву, который и сам тоже несомненно был привержен русской культурной традиции и православию, что, впрочем, никогда не доходило у него до националистических излишеств. С этой чертой переплетается и другая, также наиболее отчетливо выраженная в очерке, посвященном памяти Б.А. Тураева. Это — очевидное неприятие Октябрьского переворота с его разрушительным воздействием на традиционный мир науки. Глубокой горечью проникнут рассказ об уходе из жизни Б.А. Тураева: он умер, подчеркивает автор, не столько от физического

истощения, сколько от глубинного неприятия нового мира, поправшего две самые дорогие для него вещи — чистую науку и искреннюю и откровенную религиозность. Он не пожелал приспособляться к новым условиям и это *taedium vitae* — отвращение к жизни — и погубило его.

Публикуемые очерки расположены в хронологическом порядке с соответствующими комментариями к каждому из них. Документы издаются по авторским рукописям, хранящимся в Рукописном архиве Института истории материальной культуры и в личных фондах акад. С.А. Жебелева и акад. И.А. Орбели в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской АН. Сокращенные слова в случаях, не имеющих другого толкования, кроме предложенного авторами настоящей публикации, дополняются без квадратных скобок.

И.В. Тункина, Э.Д. Фролов

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О Я.И. СМИРНОВЕ

В первый раз я встретился с Яковом Ивановичем в конце 80-х гг. в Музее древностей Петербургского университета на лекциях по истории искусства Н.П. Кондакова¹; ближе познакомился с ним на вечерних занятиях, по пятницам, греческими надписями у покойного Ф.Ф. Соколова². С тех пор прошло 30 лет. За это время мы о многом переговорили с Яковом Ивановичем, очень часто спорили, иногда жестоко спорили, во многом не соглашались, на те или иные вещи смотрели по-разному, но ни разу между нами не было и минутной размолвки, и никакая черная кошка между нами не пробегала. Все, кто имел случай близко соприкасаться с Яковом Ивановичем, отлично знают, что отличительной чертой его характера был какой-то прирожденный дух противоречия, что этот дух проявлялся всякий раз, когда приходилось касаться вопросов не только спорных, но и бесспорных, к какой бы области они ни относились, за исключением разве вопросов, всецело относящихся к науке. Тут Яков Иванович обыкновенно не спорил, если убеждался в ошибочности своих мнений и заключений, либо, если он чувствовал за собою правоту, он всегда убеждал в ней и своего собеседника. Но в делах житейских Яков Иванович был великий спорщик и иногда доходил до защиты мнений явно парадоксальных. Интересно, однако, отметить, что при всей любви своей к спору, к противоречию у Якова Ивановича на этой почве никогда не возникало каких-либо недоразумений с людьми, и собеседники, жестоко поспорив, даже накричав друг на друга, наговорив один другому всякого рода «комплиментов», расходились такими же добрыми друзьями, какими они были до того.

Лица, близко знавшие Якова Ивановича, знают, что он был большой «критик», великий скептик, удивительный «парадоксограф». Но вместе с тем все мы прекрасно сознавали, что за суровой внешностью Якова Ивановича, за его постоянным упорством, упрямством, вечной несговорчивостью таилась душа удивительно добрая, незлобивая, благородно чистая, кристально честная, на редкость правдивая. За все 30 лет моей

¹ Кондаков Никодим Павлович (1844—1925), византист, историк искусства, археолог, профессор Новороссийского (1877—1888, 1919), Петербургского (1888—1897), Софийского (1920—1922) и Карлова в Праге (1922—1925) университетов; действительный член Петербургской Академии художеств (1893), академик Петербургской АН (1898); эмигрировал в 1920 г. Н.П. Кондаков, считавший Я.И. Смирнова своим лучшим учеником, оказал определяющее влияние на формирование научных интересов последнего.

² Соколов Федор Федорович (1841—1909), историк античности, эпиграфист, профессор Петербургского университета и Петербургского историко-филологического института, член-корреспондент Петербургской АН (1900).

дружбы с Яковом Ивановичем я не мог бы привести хотя бы одного случая, когда он сказал бы самую невинную неправду, или когда он хотя бы в мелочах покривил душой. Смело высказывая свои мнения, Яков Иванович не только терпимо, но и в высшей степени терпеливо относился к мнениям других людей, хотя бы эти мнения и шли в разрез с его личными мнениями. Свято охраняя свою индивидуальность, Яков Иванович с уважением относился к индивидуальности других, и ни на минуту не проявлялось в нем стремления подчинить индивидуальность другого человека своему «я».

Между тем все должны согласиться, что склад натуры Якова Ивановича был на редкость индивидуален и самобытен, что это был человек с ярко выраженной оригинальностью, определенно очерченной твердой волей, своеобразным складом ума, ума очень глубокого, гибкого. Казалось бы такие люди, каким был Яков Иванович, должны были несколько «давить» окружающих, заставлять их «сгибаться» пред собою, стремиться подчинять их своему авторитету. На деле же ничего подобного не оказывалось. У Якова Ивановича было много друзей и почитателей, но не было врагов и завистников. Все его любили, как человека, все преклонялись пред его знаниями и умом, и никто, несмотря на кажущуюся его строгость, его не боялся, хотя все чутко настораживались, если Яков Иванович о ком-либо или о чем-либо всерьез, а не словопрения ради, отзывался неодобрительно. Если в вопросах обыденных мы, близкие приятели Якова Ивановича, над суждениями его иногда и подтрунивали, хотя никогда не подсмеивались, то в вопросах серьезных, особенно в вопросах научных, с суждениями Якова Ивановича очень и очень считались не только мы, его сверстники, но и лица, сединами убеленные. Никогда не выставляя напоказ своих сведений, не кичась ими, не хвастаясь остротой своего ума и глаза, чуждый чего-либо показного или бьющего на эффект, относясь обыкновенно с самоуничтожающей критикой и к своей деятельности, и к своим бесспорным научным заслугам, Яков Иванович приобрел и среди своих учителей, и среди своих друзей, и просто лиц, более или менее близко соприкасавшихся с ним, очень большой авторитет. Но этим авторитетом Яков Иванович никогда не злоупотреблял. Наоборот, при своей удивительной скромности Яков Иванович как-то старался если и не держаться в тени, то и не выставлять себя напоказ. Он не склонен был в разговорах слишком злоупотреблять местоимением «я», хотя, конечно, с другой стороны никогда не позволил бы наступить себе на ногу.

И не на словах, а на деле Яков Иванович, чуждый каких-либо эгоистических эмоций, был альтруистом в самом возвышенном смысле этого слова. Он проявлял это свойство своей натуры даже в ущерб себе и своим занятиям. Можно было бы привести много примеров этого. Напомню два-три из их числа. Кто позаботился о том, чтобы «Материалы по археологии христианского Египта» покойного В.Г. Бока увидели свет Божий³? Яков Иванович. Кто посвятил много времени и труда на приведение в порядок библиографических материалов по мусульманской археологии, собранных покойным В.Г. Тизенгаузенем? Яков Иванович (совместно с К.А. Иностранцевым)⁴. Кто отдал в полное пользование

³ Бок Владимир Георгиевич (1850—1899), историк искусства, коптолог, хранитель Отделения Средних веков и эпохи Возрождения Эрмитажа (1886—1899), действительный член Императорского Русского археологического общества (1890) и хранитель его музея. Речь идет о книге: Бок В.Г. Материалы по археологии христианского Египта. СПб., 1901.

⁴ Тизенгаузен Владимир Густавович (1825—1902), археолог, нумизмат, востоковед, член-корреспондент Петербургской АН (1893); Иностранцев Константин Александрович (1876—1941), востоковед, главный хранитель этнографического отдела Русского музея (с 1902 г.). Речь идет о работе: Материалы для библиографии мусульманской археологии из бумаг барона В.Г. Тизенгаузена // ЗВРАО. 1906. Т. 16. С. 079—0145, 0213—0416.

Стржиговского⁵ богатейший материал, собранный Яковом Ивановичем во время его поездки по Малой Азии? Яков Иванович. Кто посвятил массу времени редактированию — и редактированию по существу — работы Б.А. Панченко о рельефах базилики Студия⁶? Тот же Яков Иванович. Всего не перечислить! А сколько времени уделял Яков Иванович своему «альтруизму» в Эрмитаже, где обращались к нему за советами, указаниями, справками и его сотоварищи по службе, и лица, работающие в Эрмитаже вообще? Стоило пойти к Якову Ивановичу за справками по какому-нибудь *своему* делу, и он моментально откладывал в сторону *свои* текущие работы, иногда на долгий срок, и не успокаивался до тех пор, пока не доводил до конца *чужого* дела, не наводил нужных справок, не доискался необходимой литературы предмета, не подыскал аналогий к тому памятнику, за справками по поводу которого к нему обращались. И тут сказывался не только присущий Якову Ивановичу альтруизм, но и его глубокое сознание важности, для успеха знания, коллективной работы, его преклонение пред научным знанием вообще. Когда я жестоко обрушился на Якова Ивановича за то, что он отдал все свои малоазийские материалы Стржиговскому, он мне заметил: «Самому мне не издать, или издать придется Бог весть когда, а для науки они нужны. Не хочу уподобляться собаке на сене...». Позже, конечно, Яков Иванович не преминул «облаять» Стржиговского за то, что тот не сумел, как должно, использовать отданные ему материалы, обещал поправить дело тем, что он напишет на «Kleinasien» Стржиговского⁷ «обстоятельную критику», которой он, впрочем, так и не написал.

Резкий иногда в своих словесных отзывах об авторах тех или иных сочинений, Яков Иванович избегал каких бы то ни было резкостей в своих печатных критических статьях. На диспуте Ф.И. Шмита последнему очень досталось от Якова Ивановича, но в рецензии на книгу «Кахриэ-Джами» Ф.И. Шмита⁸ все было значительно смягчено, отчего, впрочем, серьезность замечаний Якова Ивановича только усилилась. Когда я спросил Якова Ивановича, почему он не «изругал» Ф.И. Шмита как следует, он мне сказал: «Изругать-то легко, да и стоило бы, да вот поди-ка напиши такую книгу, какую написал Шмит. Все-таки он молодец!».

Я, однако, нахожу неудобным в своих воспоминаниях распространяться слишком много об Якове Ивановиче, как человеке. И вот почему: 1) Яков Иванович не любил, как он выражался, «копаться» в чужой душе (при этом он прибавлял: «И черт ее знаем, эту чужую душу, и своей-то не знаешь, да быть может ее и нет») — тем менее пристойно было бы «копаться» в его душе и пытаться ее характеризовать; 2) такого рода характеристика неизбежно была бы более или менее субъективной, а Яков

⁵ Стржиговский, или Стриговский Йозеф (Strzygowski Josef, 1862—1941), австрийский археолог и историк искусства, профессор университетов в Граце и Вене, основатель института по истории искусства при Венском университете.

⁶ Панченко Борис Амфианович (1872—1920), византист, ученый секретарь Русского археологического института в Константинополе. Речь идет о работе: Панченко Б.А. Рельефы из базилики Студия в Константинополе // Известия Русского археологического института в Константинополе. София, 1912. Т. 16. С. 1—359.

⁷ Точнее: *Strzygowski J. Kleinasien. Ein Neuland der Kunstgeschichte. Leipzig, 1903.*

⁸ Шмит Федор Иванович (1877—1942), историк искусства, ученый секретарь Русского археологического института в Константинополе (1908—1912), профессор Харьковского и Ленинградского университетов, директор Государственного института истории искусств в Ленинграде (1924—1929). Речь идет о кн.: *Шмит Ф.И. Кахриэ-джамии. I. История монастыря Хоры. Архитектура мечети. Мозаики нарфиков* // Известия Русского археологического института в Константинополе. София, 1906. Т. II. С. 1—306. См рецензию: *Смирнов Я.И.* Отзыв о сочинении Ф.И. Шмита «Кахриэ-джамии» // Протоколы общих собраний Императорского Русского археологического общества за 1899—1908 гг. Пг., 1915. С. 364—379.

Иванович сам был человек строго объективный; 3) душа Якова Ивановича была душой очень сложной, а для такого рода душ исчерпывающей характеристики не дашь в кратком очерке, да еще по воспоминаниям. Тут, в подтверждение даваемой характеристики, нужно опираться на факты, самим характеризуемым зарегистрированные в печатных ли работах, или в письмах хотя бы. А и на то, и на другое Яков Иванович более, чем скуп.

Пересмотрев напечатанные работы Якова Ивановича, я нашел в них лишь следующие места, которыми можно было бы воспользоваться как материалами для характеристики его взглядов как ученого. Вот одно из таких «общих» мест: «Археолог должен построить свои заключения исключительно на вещественных памятниках, не справляясь в первой стадии своей работы с показаниями истории письменной, так как преждевременное желание согласовать данные вещественные с данными летописными приводит обыкновенно лишь к сугубо ложным заключениям. Как в собственных своих хронологических построениях археологу должно быть крайне осторожным и осмотрительным, так надо ему избегать и слепой веры в новейшие построения историков литературы, критически разбирать историю дело не его специальности». Итак, здесь Яков Иванович призывает к осторожности и осмотрительности, дабы не впасть в «сугубо ложные заключения».

Вот другое «общее» место: «Увлечение начинающих ученых тою звездою, под которою им приходится вступать в свой научный путь, явление слишком обычное, и если из него можно выводить какую-либо мораль, так только ту, что увлечения в науке вредны вообще, а увлечения светил, занимающих центральное среди своих спутников место, — тем более».

В науке Яков Иванович придавал главное значение фактам. Вот отрывок из его письма ко мне из Афин (4 июля 1895 г.): «В рисунках [к статье Якова Ивановича о боге Месяце⁹. — С.Ж.] вся суть, листы же статей [т.е. рассуждения по поводу рисунков, воспроизводящих памятники. — С.Ж.], подобны листьям дерева; пока свежи они, и шумят, и что-то лепечут, и как высохнут, то развеваются буйным ветром во все стороны и, наконец, превращаются в ... чернозем; правда, опытный садовник на нем разводит пышные цветы, но ... оставим поэзию».

Вскоре же по окончании университетского курса Яков Иванович принял участие в археологической экспедиции под руководством Н.П. Кондакова в Сирию и Палестину¹⁰. Это было первое знакомство Якова Ивановича с Востоком, и оно наложило отпечаток на всю дальнейшую его ученую деятельность, а также и на его симпатии. Последние тяготели всегда к Востоку, которому Яков Иванович отдавал предпочтение перед «гнилым», как любил он выражаться, Западом. Яков Иванович любил Восток (Ближний), любил говорить о нем, особенно о нашей политике на Востоке, в которой он, правильно или неправильно — иной вопрос, считал себя достаточно компетентным. «В Европе, — писал мне Яков Иванович из Парижа в апреле 1897 г., — мне душно; желаю моря, пустыни, воздуха, разбойников, авантюристов etc. etc.».

По возвращении из экспедиции Яков Иванович, после долгих и настойчивых уговоров Н.П. Кондакова, согласился держать магистерские экзамены. Правда накануне экзамена Яков Иванович явился к Н.П. Кондакову и наотрез отказался идти на экзамен. Н.П. Кондаков, считаясь с «упрямством» Якова Ивановича, счел за лучшее заехать за ним в день экзамена и отвезти его в университет.

⁹ См.: *Смирнов Я.И.* О фригийском боге Месяце // *Στέφανος*. Сборник статей в честь Ф.Ф. Соколова. СПб., 1895. С. 81—135.

¹⁰ Речь идет об экспедиции 1891 г. Православного Палестинского Общества в Сирию и Палестину под руководством Н.П. Кондакова.

После окончания экзамена Н.П. Кондаков уговорил Якова Ивановича читать вместо него лекции на Высших женских курсах. И тут, конечно, Яков Иванович упирался, хотя потом всегда вспоминал с удовольствием о своей кратковременной преподавательской деятельности на курсах.

В 1894 г. Яков Иванович отправился в продолжительную заграничную командировку. Четыре года, с небольшим перерывом, были, бесспорно, счастливейшим временем жизни Якова Ивановича, и о них он постоянно вспоминал с особою радостью. К результатам своего пребывания за границей Яков Иванович относился, конечно, скептически и жалел, как он говорил, казенных денег, на него затраченных. На деле же результаты эти были очень значительны. За границей Яков Иванович, строго говоря, не только укрепил, но и завершил свое научное образование. Правда по заграничным университетам Яков Иванович, по его словам, слонялся мало (кажется, только во время своего пребывания в Вене он ходил слушать некоторые лекции в университет), зато с музеями, заграничными городами, жизнью и бытом в них он освоился великолепно и, благодаря прирожденному исключительному дару наблюдательности, подметил такие стороны заграничной жизни, мимо которых другие путешественники обыкновенно проходят равнодушно.

Начал свой «вояж» Яков Иванович с Вены. Оттуда он ездил на Первый Международный съезд христианских археологов в Сплате, бывший в августе 1894 г. Яков Иванович был конечно чужд какого бы то ни было ученого шовинизма. Тем не менее он не был «ученым-интернационалистом», близко принимал к сердцу успехи и интересы науки у нас в России. В конце отчета об упомянутом съезде¹¹ Яков Иванович выражает пожелание, чтобы «русские ученые явились в Равенну [где должен был состояться следующий съезд. — С.Ж.] представить достойным образом науку христианской археологии и доказать общепризнаваемую у нас прямую зависимость равеннских древностей от Константинополя».

Из Сплата, через Албанию и славянские страны Яков Иванович направился на дорогой ему Восток, где и провел более года. Прожив много месяцев в Афинах, изъездив и отчасти исходив большую часть Греции, Яков Иванович не только сроднился с эллинами, но и сам стал филэллином и таковым оставался до конца дней своих. И в минувшую войну Яков Иванович возмущался предположениями наших дипломатов забрать, как он выражался, Константинополь, не соглашался даже с мыслью об его нейтрализации, признавая за греками все права на Царьград. В Греции Якову Ивановичу все было по душе: и страна, и люди, и образ их жизни. Он отлично освоился с новогреческим языком, недурно изъяснялся на нем и любил вставлять в беседу греческие «крылатые слова» и наиболее типичные выражения. Из Каира Яков Иванович мне писал: «Здесь, в Каире, мне что-то все в Россию хочется, а в Афинах ничего, живется весело». Это «живется весело» нужно понимать так: в Каире я один, а в Афинах есть компания. Надо заметить, что Яков Иванович был очень общительным человеком, быстро сходился с людьми, любил общество (конечно, «свое общество»), а потому и за границей ему жилось «весело» там, где он такое общество находил. «Римская жизнь», — писал он мне из Флоренции в 1897 г., — легка вообще, а в хорошей компании особенно». В приятельских беседах, сопровождаемых обыкновенно обильным чаепитием — Яков Иванович мог выпить бесконечное количество стаканов чаю — (а иногда и более серьезным питием) Яков Иванович удержу, как говорится, не знал. С покойным товарищем

¹¹ См.: Смирнов Я.И. Первый международный съезд христианских археологов в Сплате (Spalato) // Археологические известия и заметки. 1895. Т. 3. С. 196—223.

своим Павловым-Сильванским¹² он однажды просидел за разговорами в течение что-то около семи часов подряд, и был этим очень доволен. В свое время по средам у Якова Ивановича, или по субботам у меня мы засиживались за беседою часов до четырех ночи, и Яков Иванович уходил лишь тогда, когда его уже окончательно начинало клонить ко сну. Собеседником он был чрезвычайно интересным, и темы для разговора у него были неисчерпаемы.

Ко времени пребывания Якова Ивановича в Афинах относится первая его большая работа «О фригийском боге Месяце», помещенная в сборнике в честь Ф.Ф. Соколова. Вот что пишет Яков Иванович во вступлении к этой статье: «Желая принять посильное участие в издаваемом сборнике, дабы выразить глубокое уважение к виновнику его издания, автор настоящей статьи предполагал издать два рельефа Афинского центрального музея, но работа разрослась в собрание материалов о культуре изображенного на этих рельефах бога». Эти слова чрезвычайно характерны для манеры работы Якова Ивановича вообще. Каждая из его работ, исходя из малого, вырастала в большое и по объему, и по содержанию. Какую бы тему не брал Яков Иванович, он старался исчерпать ее до конца и положительно не знал удержу в привлечении подлежащего (а отчасти и не подлежащего) исследованию материала. Проистекало это от различных причин. Прежде всего научная пылкость Якова Ивановича была так велика, что он не мог ограничиться только необходимым, насущным, но всегда искал случая расширить круг своих наблюдений и для этого привлекал все новые и новые материалы, а так как знания Якова Ивановича были чрезвычайно обширны и разнообразны, то эти материалы, так сказать, невольно сами собою притекали к Якову Ивановичу и расстаться с ними ему уже не хотелось. В одном из его писем он говорит: «Чем дальше, тем более и более является отвлечений во все стороны от прямых своих обязанностей. Но мне кажется, что тоже и зевать не следует, и если на охотника вместо ожидаемого зайца выскочит волк и *vice versa*, то и его упускать не следует».

Затем, в научном отношении Яков Иванович ставил, как истинный ученый, главной целью своих занятий если не признание истины, то хотя бы возможное приближение к ней; достигнуть же этого можно было, по его мнению, лишь опираясь на возможно большее количество фактического материала.

Наконец, научный склад Якова Ивановича проникнут был весь постоянным скепсисом; стремясь преодолеть его, Яков Иванович, естественно, единственный плод усматривал в привлечении возможно большего числа объективных, т.е. фактических данных. И по поводу статьи своей о боге Месяце он, когда статья была уже напечатана, писал мне: «Писано, писано, а не до чего не дописано — ничего в общем-то и не вышло». Точно так же по поводу статьи своей о христианских мозаиках Кипра¹³ Яков Иванович сообщает мне: «Статья все упирается, вперед не идет, а лишь толстее и толстее; придется прибегнуть, вероятно, к хирургическим мерам», а в другом письме пишет: «Хоть статья писалась долго, но ни одна часть ее с достаточной полнотой не обработана, чем длина ее и объясняется. Ибо пространно говорят обыкновенно те, которые ничего, в сущности, сказать не могут». Наконец, в третьем письме Яков Иванович

¹² Павлов-Сильванский Николай Павлович (1869—1908), историк, исследователь феодализма и общественной мысли в России, сотрудник Государственного архива Министерства иностранных дел, профессор Высших женских курсов (1907—1908).

¹³ Точнее: *Смирнов Я.И.* Христианские мозаики Каира // *Византийский временник.* 1897. Т. 4. С. 1—93.

выражается еще более решительно: «Вы знаете, что я себя ни в чем компетентным не считаю, а потому и дерзаю братья за все».

Ошибочно, однако, было бы думать, что работы Якова Ивановича дают лишь собрание материала. Правда сопоставление этого материала занимает в них значительное, иногда доминирующее место, но этим сопоставлением дело далеко не ограничивается. Материал, приводимый Яковым Ивановичем, обыкновенно не только сопоставляется, но всегда попутно и исследуется. Если Яков Иванович как-то старался удержать себя от синтеза, от всякого рода широких обобщений, если он редко позволял себе фантазировать, как он выражался, то в деле анализа это был первоклассный мастер, и произведенные им анализы как вещественных, так и письменных памятников представляются зачастую истинными *chef d'oeuvre*'ами. Наконец, само сопоставление материалов, даваемое Яковым Ивановичем, имеет ценность само по себе в том отношении, что материалы эти брались им обыкновенно из первых рук, а не заимствовались из всякого рода *Handbuch*'ов и энциклопедий. Это были действительно *новые* материалы, а не подносимые под новым соусом, или в новой распланировке материалы старые. И ученость Якова Ивановича, проявляющаяся в сопоставлении этих материалов, была ученостью не кажущихся, не мнимой, а ученостью истинной, реальной. Но оставим это, как любил часто говаривать Яков Иванович.

В Афинах, как и в других местах своего заграничного пребывания, Яков Иванович работал вовсю, интересовался всем и потому в письмах его постоянные сожаления о недостатке времени. В письме из Афин от января 1893 г. он пишет: «Пора собираться в Египет, надо делать тридцать дел и вообще, как и всегда, времени нет, и из многоделия получается безделие». В письме из Каира в марте того же года он пишет: «Жаль уезжать, не свершив всего желаемого, но ничего не поделаешь: везде так уезжать приходится. Просто беда: печально, если это происходит от собственной лени и привычки откладывать дела не завтра. То же будет и с Афинами, и с Грецией».

В Афины из Египта Яков Иванович вернулся в начале апреля 1895 г., чтобы принять участие в устраиваемых Немецким археологическим институтом *Peloponnesosreise* и *Inselreise*. По возвращении из этих путешествий Яков Иванович еще до августа оставался в Греции, а оттуда отправился в Салоники, где занимался исследованием вопроса о времени мозаик св. Софии Солунской.

Осенью 1895 г. Яков Иванович совершил большое путешествие по Малой Азии, провел две недели на Кипре. На Кипре ему посчастливилось сделать удивительную находку — две замечательных мозаики. Статья о них, к счастью, напечатана. Зато результаты поездки по Малой Азии Якову Ивановичу обработать не удалось. Это он как будто заранее предчувствовал. «О путешествии по Малой Азии, — писал он мне из Константинополя в марте 1896 г., — как можете заключать по прошедшему, настоящему и будущему, писать мне и вовсе не придется». Действительно, материалы, собранные в Малой Азии, Яков Иванович передал, как упоминалось выше, для обработки Стржиговскому, сам же ограничился лишь небольшой статьёю, напечатанною в «Живой старине»¹⁴. В этой статье Яков Иванович описывает пребывание свое в «самом отдаленном поселении русских раскольников в глубине Малой Азии», [рассказывает] о поселении казаков-некрасовцев на острове Мада, на Бейшегорском озере Гамид-абадского

¹⁴ Смирнов Я. И. Из поездки по Малой Азии. У некрасовцев на о. Мада на Бейшеирском озере, Гамидабадского санджака, Конийского вилайета // Живая старина. 1896. Т. 6. Вып. 1. Отд. 1. С. 1—31.

санджака Конийского вилайета. В этом же вилайете, в деревне 'Αρα[.]οστός (турецк. Ярпуз) Яков Иванович открыл два замечательных камня с рельефами и надписями, быть может киммерийскими; собственноручные копии с этих памятников доставлены были Яковом Ивановичем в Русское археологическое общество и изданы в его «Записках»¹⁵.

1896 год заграничного путешествия Якова Ивановича, после пребывания в начальные месяцы его в Константинополе, посвящен был Италии, в частности Риму. Из Константинополя Яков Иванович в мае уехал в Испанию, а оттуда на трансатлантическом пароходе перебрался в Геную, и в июле объявился в Риме, где мы с ним встретились и провели вместе около месяца. Об этом месяце можно было бы много рассказать — так было и поучительно, и интересно, и весело проводить время в «Вечном городе» с Яковом Ивановичем, где компанию нашу разделял и покойный скульптор В.А. Беклемишев¹⁶. Из многих сообщу лишь один эпизод, характерный для Якова Ивановича. Похали мы как-то в Тиволи и стали осматривать там виллу Адриана. Беклемишев и я предлагали при осмотре придерживаться Бедекера¹⁷. Яков Иванович энергично запротестовал, упрекая нас в том, что мы не можем действовать без немецкой указки и изобрел какой-то свой план осмотра виллы. В результате он завел меня (Беклемишев отстал) в какой-то тупик, оттуда, чтобы сойти вниз, приходилось прыгать чуть-ли не с двухсаженной высоты. Яков Иванович был чрезвычайно доволен, что мы осмотрели виллу не по Бедекеру, хотя и с опасностью свернуть себе шею... Это пустяк, но и в делах более серьезных Яков Иванович всегда предпочитал идти не по проторенной дорожке.

В Италии Яков Иванович оставался до конца марта 1897 г., когда он перебрался в Париж, а затем в Лондон, с тем чтобы там заняться исключительно тою работою, которая тяготела над ним, можно сказать, всю его жизнь и которую ему удалось выполнить только отчасти. Я имею в виду его «Восточное серебро». Тема и этой работы разрасталась у Якова Ивановича постепенно. Первоначально предполагалось, что Яков Иванович соберет в одном издании и исследует так называемые сассанидские блюда. Но именно за границей и расширились рамки работы Якова Ивановича, когда он осмотрел в оригинале и все блюда и кувшины, попавшие из России в музеи Западной Европы, и запаса фотографическими воспроизведениями их. За границей Яков Иванович искал преимущественно материалов для своей работы, собрал их в колоссальном количестве, но приступить к их обработке не мог, хотя и собирался сделать это. Из Флоренции в марте 1897 г. он мне писал: «Мне же теперь, когда я тронулся в скитания с насиженного места [т.е. из Рима. — С.Ж.], особенно привлекательным кажется, закончив странствия свои, вернуться в Питер и приняться за печатание блюд, но, увы! Я сильно сомневаюсь, чтобы удалось привезти что-либо готовое к печати, хотя я и написал сегодня Тизенгаузену, что надеюсь привезти». Из Лондона в мае 1897 г. Яков Иванович пишет мне: «В Питер я явлюсь не только с пустыми карманами, но и руками, так как конечно, несмотря на все клятвы, ни строки для печати блюд у меня не готово».

¹⁵ См.: *Смирнов Я.И.* Письмо о двух камнях с рельефами и надписями в селении Ярпуз на берегу р. Кизил-Ирмака // ЗРАО НС. 1896. Т. 7. С. 444—446.

¹⁶ Беклемишев Владимир Александрович (1861—1920), скульптор, профессор (с 1894 г.) и ректор (1900—1902, 1906—1911) Петербургской Академии художеств.

¹⁷ Бедекер — название широко распространенных путеводителей для путешественников по разным странам мира, главным образом на немецком языке. Свое название получили по имени немецкого книготорговца и издателя К. Бедекера (1801—1859), создавшего в Кобленце специальное издательство таких путеводителей (1827).

По возвращении в Петербург Яков Иванович действительно ревностно принялся за «блюда», но прошло 12 лет, когда появилось «Восточное серебро», и то в виде лишь атласа с кратким пояснительным текстом, но без исследования¹⁸. Между тем материал, собранный Яковом Ивановичем для последнего, колоссален и хранится в рукописном виде¹⁹. Удастся ли из этого материала создать связный текст ко всему атласу, сказать не берусь; частично, вероятно, удастся, и это надо непременно когда-нибудь сделать.

Если пересмотреть предметы, сопоставленные в Атласе, то станет отчасти понятно, почему текста к Атласу так и не появилось. Не говоря уже о сложности и новизне темы, о разнообразии материала, хронологические рамки, в которые он уложен Яковом Ивановичем, способны поразить всякого: ведь предметы, сопоставленные им в Атласе, охватывают эпоху почти в два тысячелетия, а характерные группы, на которые они распадаются, доходят до шести — и это только характерные, основные группы. А сколько, помимо них, найдется побочных! При этом нужно еще принять в расчет, что при исследовании сопоставленных памятников Якову Ивановичу пришлось быть в полном смысле слова пионером: предшественников у него в этой сложной, исключительно новой работе не было. Возможно, что исследователь, заботящийся главным образом о *своей* славе, рискнул бы объять необъятное и написал бы исследование. Но Яков Иванович заботился исключительно о славе того дела, которому он служил почти четверть века. Очевидно, он считал для себя приемлемым дать только такой текст, который удовлетворял бы его от альфы до омеги.

С другой стороны, если бы Яков Иванович по возвращении из-за границы сосредоточился исключительно над «Восточным серебром», ему, быть может, и удалось бы дать текст к нему. Но, во-первых, он должен был, как он говорил, «служить», а во-вторых, не в натуре Якова Ивановича было сосредоточиваться над чем-нибудь одним: при его широком научном горизонте его постоянно увлекали все новые и новые проблемы и темы, его прельщала не только кабинетная, но и внекабинетная работа. И всякой новой работе, делал ли он ее для себя, или исполнял для других, Яков Иванович отдавался целиком и, по складу своей натуры, не упрощал а усложнял ее.

Еще во время пребывания Якова Ивановича за границей тогдашний декан историко-филологического факультета И.В. Помяловский²⁰ настоятельно указывал ему на необходимость выступить и на поприще университетского преподавания. Яков Иванович не очень-то одобрительно относился к этому. В письме из Рима в феврале 1897 г. он пишет мне: «Никакого курса выдумать даже, тем менее читать, я не могу, особенно же по истории искусства, ибо решительно не имел случая ознакомиться с новейшими томищами Фуртвенглера, не говоря уже о прочем. Уж если что выдумывать, то полагаю что-либо вроде общего очерка вещественных памятников древнего мира, хотя бы Востока на первый семестр, нечто вроде общего хламоведения. Художества же и художественные школы и роль великих мастеров пусть развивают иные, я же полагаю нелишним дать понятие о реальных остатках древности во всем подавляющем множестве ничтожных, в сущности, вещей; при этом можно усиленно пользоваться Эрмитажем. А то

¹⁸ Речь идет о кн.: *Смирнов Я.И.* Восточное серебро. Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения, найденной преимущественно в пределах Российской империи. СПб., 1908.

¹⁹ О неизданных материалах ученого см.: *Беленицкий А.М., Зеймаль Е.В.* Рукописное наследие Я.И. Смирнова // *Художественные памятники и проблемы культуры Востока.* Л., 1985. С. 9—14.

²⁰ Помяловский Иван Васильевич (1845—1918), филолог-классик, эпиграфист, член-корреспондент Петербургской АН (1890), профессор Петербургского университета.

выдолбят [слушатели. — С.Ж.] все типы и характер разных (в значительной мере проблематичных) школ по литографированным лекциям, а мрамора от гипса не отличают. Теоретически мне таковые реальные лекции классической археологии казались бы бесполезными, а общего курса по истории искусства я ни за что читать не буду».

В 1898 г. Яков Иванович вступил в число приват-доцентов историко-филологического факультета нашего университета, но лекции он читал лишь в течение года. Когда летом 1899 г. последовало увольнение некоторых профессоров и приват-доцентов университета, Яков Иванович подал прошение об отчислении его из состава приват-доцентов. Вступил он вновь в число преподавателей университета лишь в последние годы своей жизни и лекции читал на факультете восточных языков по археологии христианского Востока. Подготовка к этим лекциям брала у него много времени, и хотя выходило так, будто Яков Иванович очень тяготился ими, но на деле Яков Иванович любил читать лекции. Впрочем, это были не столько лекции, сколько беседы. Большой аудитории Яков Иванович никогда не собирал, но те, кто у него учились, несомненно научились многому, как научились мы у него, его сверстники, друзья и приятели — научились на его докладах, на беседах. Исключительны и на редкость разносторонни были знания Якова Ивановича, удивительною чуткостью понимания художественных форм обладал он, а с зоркостью его глаза кто мог сравниться?! Как ученый, Яков Иванович в полном смысле слова был гигантом.

За последние полтора года жизни Якова Ивановича судьба, казалось, ему улыбнулась: он стал академиком, мечтал оставить службу в Эрмитаже (Эрмитаж он очень любил и сжился с ним; угнетало его лишь то, что ему по службе нужно было, как он говорил, отсиживать присутственные часы) и всецело отдаться науке. Но улыбка судьбы оказалась очень коварною: пошатнулось здоровье Якова Ивановича. На почве ослабления сердечной деятельности, вызванного очевидно переживаемыми обстоятельствами, у него появились отеки на ногах, развилась какая-то необычная раздражительность, повышенная нервность. Больно было видеть, как таял Яков Иванович, и все-таки в голову не приходило, что развязка так близка. В пятницу 18 октября, в полдень, мы встретились с Яковым Ивановичем в Музее древностей университета, поговорили, затем собрались идти вместе до Дворцового моста. Вдруг, о ужас, Яков Иванович пробует встать со стула и не может. И.А. Орбели²¹ и я помогли ему подняться на ноги. Пошли по нижней галерее университета, шли очень тихо, а Яков Иванович все предупреждает меня не идти быстро, потому что ему трудно передвигать ноги. Дорогой он говорил мне о том, что он скоро поедет к себе в деревню, где рассчитывает отъесться и отлежаться. Так мы еле-еле добрались до Дворцового моста и около него расстались. Я пошел по мосту. Оглянувшись, увидел, что Яков Иванович стоит около здания Зоологического музея и рассматривает выставленные в витрине книги...

Это была моя последняя встреча с Яковым Ивановичем — 23 октября его не стало...

ПФА РАН. Ф. 909. Оп. 5. Д. 22. Л. 1—29. Автограф.

²¹ Орбели Иосиф Абгарович (1887—1961), востоковед, директор Государственного Эрмитажа (1934—1951), академик АН СССР (1935), АН Арм.ССР и ее первый президент (1943—1947). В своих воспоминаниях он с теплотой пишет о Я.И. Смирнове. См.: *Орбели И.А. Воспоминания студенческих лет // Юзбашьян К.Н. Академик Иосиф Абгарович Орбели. М., 1986. С. 137, 153, 155—158.*

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О СТАРОМ ТОВАРИЩЕ

С Б.А. Тураевым мы — старые товарищи. Без малого 34 года минуло с тех пор, как мы — студенты-первокурсники Историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета — познакомились с ним в нашей alma mater. Четыре года слушали мы с ним лекции и участвовали в многочисленных тогда — и по древним языкам, и по истории — практических занятиях, сдавали вместе экзамены в государственной комиссии весной и осенью 1890 г., получили на них одинаковые отметки, оставлены были в один день, 1 декабря 1890 г., при университете, утверждены были, опять-таки в один день, 9 сентября 1904 г., профессорами.

За 34 года общения с Борисом Александровичем воспоминаний о нем у меня должно было накопиться достаточно. Но их пока трудно привести в систему: слишком недавно ушел от нас Борис Александрович. Поэтому то, что я сообщу о нем, будет носить, неизбежно, отрывочный характер.

Сurriculum vitae Бориса Александровича, как и большинства истинных мужей науки, не сложное и внешними событиями не богатое. Но внутренние факторы, обуславливавшие эти внешние события, прозрачные по своей яркости и ясности, наложили свой отпечаток на облик Бориса Александровича и как человека, и как ученого, и как общественного деятеля.

Будучи натурою вполне цельною и в некоторых отношениях весьма своеобразною, сохраняя всегда и проявляя во всем свою индивидуальность, Борис Александрович, однако, никогда этой индивидуальности не подчеркивал и лицам, не очень близко знавшим его, мог показаться человеком обыденного типа. Но это далеко не так. Натура Бориса Александровича была совершенно особенного, исключительного, на других не похожего склада. Индивидуальность Бориса Александровича не могла бросаться ярко в глаза всем и каждому потому, что он обладал двумя отличительными свойствами, особенно трогательными в наше время: удивительною скромностью, граничащей подчас не только с застенчивостью, но с каким-то самоотречением, и несомненным отсутствием эгоизма, того эгоизма, который побуждает человека во всем, что бы он ни делал, что бы он ни говорил, всегда заботиться о том, как бы порельефнее выставить самого себя. Свою «самость» Борис Александрович оберегал зорко и не позволил бы никогда и никому не считаться с нею, тем не менее его «я» никогда не стояло на первом плане. И о людях он судил по делам их, ибо и сам служил, прежде всего, делу, а потом уже людям, как носителям той или иной идеи, совершителям того или иного дела.

Какому же делу посвятил свою жизнь Борис Александрович? Не одному, а двум: одно дело было служение науке, другое дело было служение церкви, церкви православной. Какое из этих двух дел было ближе сердцу Бориса Александровича? Думается, в равной мере и то, и другое. Но думается вместе с тем, что если бы сложившиеся обстоятельства потребовали от Бориса Александровича во что бы то ни стало, без каких бы то ни было отговорок, выбрать непременно одно из этих двух дел и пожертвовать другим, он не задумался бы в своем выборе. И с болью в душе он сказал бы: вы наносите мне неисцелимую рану, вы отнимаете у меня половину моего существования, но хорошо, пусть будет по-вашему... я жертвую наукой, но я не жертвую церковью.

К счастью, судьба не потребовала от Бориса Александровича такой жертвы. Он имел возможность беспрепятственно и невозбранно, до конца жизни, служить и науке, и церкви. Многих интересовал вопрос, как мог он совмещать служение и науке, и церкви. Ответ дал Борис Александрович

в составленном им некрологе В.В. Болотова¹. То, что он пишет о глубоко чтимом им ученом, может быть применено и к нему самому. «Наука и церковь были для него тесно связаны; служение первой было в тоже время и подвигом во славу второй. Он был ревностным и верным сыном православной церкви, но вместе с тем и убежденным сыном; я сказал бы даже, был верным потому, что был убежденным. Историческая истинность православия была для его критического ума не только верою, но и знанием, очевидным до осознательности». И далее Борис Александрович приводит выдержку из лекции В.В. Болотова²: «Вероисповедный характер церковной истории не стоит в противоречии с требованием безусловной правдивости. Истина вероисповедания для христианина есть лишь конкретное выражение истины вообще. Он держится своего вероисповедания потому именно, что видит в нем свидетельство истины в догмате и истории, и обязан отказаться от него, если пришел к убеждению, что истина не на стороне его церкви. Чувство меры всегда должно служить предостережением против крайнего понимания вероисповедного начала в истории. Правильно понятое, оно дает место объективности в историческом исследовании. Вера, что истина существует только в православной церкви, не дает права в истории церковей инославных видеть только темные стороны, в их системах — только сцепление логических ошибок, и в православных деятелях не замечать ни нравственных недостатков, ни исторических промахов. Исторический объективный материал господствует над историком, и он должен только осветить его с православной точки зрения, т.е. указать именно на те стороны факта, которые имеют значение для православных, но не должен видеть во что бы то ни стало свои православные desideria осуществившимися: это повело бы уже к искажению данных истории».

Борис Александрович начал свои занятия с изучения древнего Востока, в частности древнего Египта. Постепенно расширяя и углубляя их, он перешел к Востоку христианскому, в частности к Египту христианскому. И тут и там интересы его возвращаются по преимуществу вокруг вопросов, связанных с религией и богослужебным культом. Магистерская диссертация Бориса Александровича «Бог Тот»³ представляет главу из истории древнеегипетской религии; его докторская диссертация — «Исследования в области *агиологических* источников Эфиопии»⁴. В «Истории древнего Востока»⁵ вопросам, относящимся к религии и культу, отводится очень широкое место; главы, им посвященные, изложены с особым подъемом. Все это не случайно, все это органически вытекает из основной стихии Бориса Александровича, его служения церкви.

Где бы ни был Борис Александрович, чем бы он ни занимался, он никогда не забывает церкви и всего с нею связанного. Вот он в Берлине,

¹ Болотов Василий Васильевич (1854—1900), историк церкви, профессор Петербургской духовной академии, член-корреспондент Петербургской АН (1893). См.: Тураев Б.А. В.В. Болотов /Некролог/ // Журнал министерства народного просвещения. 1900. № 8. Отд. 4. С. 81—101; он же. Памяти В.В. Болотова // ЗВОРАО. 1900. Т. 13. С. 041—045.

² Вероятно, речь идет о «Лекциях по истории древней церкви», вышедших после смерти В.В. Болотова под редакцией проф. А. Бриллиантова (СПб., 1907—1913. Т. 1—3).

³ См.: Тураев Б.А. Бог Тот: Опыт исследования в области египетской культуры. СПб., 1898.

⁴ См.: Он же. Исследования в области агиологических источников истории Эфиопии. СПб., 1902.

⁵ Тураев Б.А. История древнего Востока. Курс, читанный в Санкт-Петербургском университете. СПб., 1911. Ч. 1—2. Изд. 2. СПб., 1913—1914. Указатель. Пг., 1915. Третье издание, готовившееся автором при жизни и сданное в печать в 1917 г., вышло не в полном виде: в 1924 г. был опубликован лишь первый том под редакцией и с примечаниями учеников Б.А. Тураева — В.В. Струве и Н.Д. Флиттнер. Наиболее известное четвертое издание вышло в двух томах в 1936 г.

штудирует у Эрмана⁶. Сообщив в письме от января 1895 г. о том, как Эрман объясняет птолемеевские тексты, Борис Александрович непосредственно продолжает: «В окрестностях Берлина недавно сооружена новая хорошенькая церковь, стоящая среди лесов и полей и напоминающая не только монастырь, но и целую пустынь. Мы как-то раз во время праздников улучили свободный часок и отслужили там всенощную, оглушив нашим звоном пустынную окрестность. Приятно было послушать на чужбине эти высоко поэтические стихиры и вспомнить готовящихся к празднику соотечественников». И далее в том же письме: «Недавно я посетил славный Лейпциг, был в стенах его университета, посетил музей, книжных торговцев, и даже ... архиерейскую службу в греческой церкви ... Она помещается прямо в неприличном месте — на третьем этаже наемного грязного дома, переполненного кабаками и мастерскими. В довершение всего, прислуживает немка-старуха, то и дело спящая в алтаре».

В письме от 29 мая того же 1895 г. Борис Александрович делится со мною своими итальянскими впечатлениями: «Посетил я, между прочим, Grottaferrata, этот монастырь вертопрахов и искариотов-униатов. Пришли мы туда в 11 часов. Спрашиваем, когда служба. Говорят, обедня была рано, а через полчаса начнется утренняя и часы ... Когда мы пришли в церковь, утренняя была уже на конце — читали пасхальные стихиры. Сравнил я невольно нашу чудную службу этой дивной седмицы, это неумолкаемое Хригос Воскресе, это торжественное пение канона, это непрерывное каждение и обилие света — с убогим бормотанием под нос сидящих в алтаре отступников, причем не было даже священника в облачении и не было зажжено ни одной свечи».

Где бы ни был Борис Александрович в Европе, православная церковь его всегда и особенно интересует, и к представителям ее он относится иногда с беспощадною суровостью. В письме от 25 июля 1897 г. он пишет мне: «Заграничные представители нашей церкви, кроме достопочтенного берлинского причта, по-прежнему конкурируют друг с другом в тунеядстве и ничегонеделании. В Копенгагене не служат всенощную, а в Дрездене батюшка ... запер церковь с 15 июля по 15 сентября, т.е. на 4 двенадцатых праздника и сам завалился на дачу... Зато в Берлине, по-прежнему, неутомимы и энергичны. Гекен готов служить хоть каждый день, несмотря на то, что его приход — целый уезд. Мы с ним изрядствуем и служим заутреню».

В 1909 г. исполнилась заветная мечта Бориса Александровича. Он попал в Египет, где в Каире был тогда Международный археологический конгресс. Сообщив о нем и о делах ученого характера, Борис Александрович неукоснительно мне в письме сообщал: «По части церкви плохо. Не пришлось быть ни в Вербное Воскресенье, ни в Великую Субботу на обедне. Мы с Фармаковским⁷ ходили на "Се жених" в Саввин монастырь в Александрию и на Благовещение к обедне в тамошний великолепный собор, где был как раз храмовый праздник. Был я там и на Двенадцать евангелий и на выносе плащаницы. Хорошо! К субботней заутрене приехал уже в Каир, где гораздо хуже. И тут и там архиереи. Толпа, давка и гам в церкви превосходят вероятие. В пасхальную ночь мы пошли в коптский собор, где служил патриарх, потом я ходил в православную церковь к заутрене и к поздней обедне».

⁶ Эрман (Erman) Адольф (1854—1937), немецкий египтолог, профессор Берлинского университета (с 1883 г.), директор Египетского музея в Берлине (с 1884 г.), член Прусской АН (1894).

⁷ Фармаковский Борис Владимирович (1870—1928), археолог, историк античного искусства, член-корреспондент Петербургской АН (1914).

В Петербурге ли, в Москве ли был Борис Александрович — время его всегда делилось между наукой и церковью. И как неутомим он был в занятиях наукою, так не знал он усталости и в отстаивании церковных служб. Будучи исключительным знатоком церковного устава, Борис Александрович тщательно выискивал те церкви, где он более или менее строго выполняется. И тут никакие расстояния его не останавливали. Проживая на Васильевском острове, ходил он на Разъезжую улицу, в Александро-Свирское подворье, на Николаевскую улицу в единоверческую церковь, ходил потому, что, как он говорил, там служат хорошо. А «служить хорошо» значило в его глазах справлять службу, по возможности, полно и истово.

На погребении Бориса Александровича один из церковнослужителей, в прощальном слове к нему обращенном, правильно заметил, что Борис Александрович вращался не около церкви, как это многие у нас делали и делают, но что он был в церкви. Борис Александрович был «церковником» в лучшем и чистом значении этого слова. И не нужно смешивать его «церковность» с его «религиозностью». Конечно, он был искренне верующим человеком и какое-либо ханжество было ему а priori чуждо. И он не слеп, а зрячими глазами верил. Было бы неправильно назвать его религиозным фанатиком, но в отношении церковности он, если бы понадобилось, дошел [бы] до фанатизма в отстаивании того, в чем он был искренне убежден и что, по его мнению, шло на потребу церкви. Как он был счастлив, когда, после февральского переворота, поставлен был, наконец, вопрос о назревшей реформе церкви! С какой радостью приветствовал он созыв церковного собора! Каким не только ревностным, но пламенным участником его заседаний он был! Сколько надежд возлагал он на результаты занятий съезда и как должно было скорбеть его сердце, когда начатое дело не только не было завершено, но, в силу изменившихся обстоятельств, приняло гибельный для его церковности оборот! С каким жаром отдался он в последние два года приходской работе, богословскому институту! С каким трогательным умилением исполнял он обязанности старосты нашей университетской церкви! А когда, по чьей-то злой воле и явному недомыслию, приказано было прекратить в ней богослужение, с какою ревностью стал он, как говорил, «строить» свою церковь в доме № 8 по Биржевой линии. И он «построил» ее, и лелеял ее, и готов был всего себя отдать за нее. Минувшею зимою я сам видел, как он нес сам по набережной несколько поленьев в церковь.

Незадолго до кончины Борис Александрович принял посвящение в стихарь. В стихаре, как чтеца, согласно его желанию, и положили его в гроб. Если бы Бог продлил веку Бориса Александровича, он, можно быть уверенным в этом, принял бы священнический чин. Борис Александрович жил и умер истинным служителем церкви, вернейшим сыном ее. И невольно хочется уподобить Бориса Александровича тем людям, которые в древней церкви назывались *исповедниками*.

Как ученый, Борис Александрович уже при жизни признан был не только у нас, но и за границей крупной величиной. Но и в служении науке, как и в служении церкви, Борис Александрович был активным деятелем, а не пассивным созерцателем. Ученые познания его не были, как это нередко встречается и в среде крупных ученых, мертвым капиталом. Ученый капитал Бориса Александровича был пущен им в самый широкий оборот, вложен был в колоссальное предприятие. Это был светильник, который светил всем, «иже во храме суть». По отношению к своим личным работам Борис Александрович не принадлежал к числу тех, которые с излишней щепетильностью и ревностною боязливостью относятся к их опубликованию и ждут да ждут, пока все точки над *i* будут поставлены, пока и тени сомнения в правильности выводов не останутся. Науке Борис Александрович служил

так и истово и рачительно, как служил он церкви. Он работал даже с какою-то лихорадочную поспешностью, вечно что-либо издавая, описывая, исследуя. Своих знаний он не скрывал под спудом, напротив, стремился поскорее сделать их общим достоянием. Он всегда говорил, что на русском ученом лежит, прежде всего, обязанность двигать науку вперед во что бы то ни стало, особенно такую «экзотическую», и только что зародившуюся у нас науку, как та, которой он служил с таким рвением и самозабвением. Да, именно с самозабвением, потому что для Бориса Александровича в его ученой деятельности стояла прежде всего сама наука, а затем уже и удовлетворение личных научных интересов. Когда возникал вопрос о том или ином важном научном деле, ученом предприятии, Борис Александрович забывал совершенно себя и весь отдавался этому делу. Нависла опасность потерять для России Голенищевское собрание⁸ — Борис Александрович звонит во все колокола, чтобы спасти его. Нужно собрание это переправлять в Москву — Борис Александрович денно и ночью следит за упаковкой. Коллекция благополучно достигает Московского музея изящных искусств, и нужно там размещать, каталогизировать, изучать и пр. — Борис Александрович в течение целого ряда лет, предпринимает длительные, а подчас и очень утомительные поездки в Москву, живет там на положении студента, питаясь в различных вегетарианских столовых. Эти московские поездки, особенно тягостные за последнее время, Борис Александрович прекратил только тогда, когда все то, что нужно было по его мнению сделать в Москве для Голенищевского собрания, было сделано им, и он мог начать подумывать о приспекании себе преемника. Так всегда и во всем действовал Борис Александрович, когда дело шло о научных интересах. А с какою ревностью ездил Борис Александрович, и ездил систематически, по различным русским городам, где, как он знал, имелись египетские вещи! Как он «охотился» за этими частными собраниями! И при этом он не испрашивал себе ни дальних, ни тем более близких «ученых командировок», не хлопотал о «покрытии путевых издержек». И если бы у него денег не оказалось на такие поездки, он последний сюртук снял бы со своего плеча, а все-таки поехал бы! Служение науке было у Бориса Александровича совершенно бескорыстное и даже в некоторых случаях материально убыточное для него. Наука никогда не была для него «дойной коровой» и о материальных выгодах, с ней сопряженных, он не помышлял ни одной секунды. Не было в нем и ученого тщеславия и никогда не выставлял он себя на первое место даже в тех случаях, где это первое место ему принадлежало по праву.

На науку Борис Александрович смотрел как на общечеловеческое достояние. Но к интересам науки в России относился он чутко, присматриваясь к ним зорко. Многие из нас, прошедшие заграничную школу, образуются затем в каких-то «интернациональных» ученых и даже кичатся этим «интернационализмом». Борис Александрович, прошедший также заграничную школу, остался национальным ученым, остался, конечно, потому, что он был русским человеком. Воздавая должное Германии, где он провел большую часть времени своего заграничного пребывания, Борис Александрович вовсе не обратился в ее безусловного поклонника. В августе

⁸ Голенищев Владимир Семенович (1856—1947), египтолог, ассириолог, семитолог, собравший громадную коллекцию египетских и переднеазиатских древностей (свыше 6 тысяч предметов). Благодаря Б.А. Тураеву, коллекция В.С. Голенищева была приобретена русским правительством, в апреле 1911 г. перевезена из Петербурга в Москву и стала достоянием Музея изящных искусств (ныне ГМИИ им. А.С. Пушкина). С 1912 г. Б.А. Тураев заведовал этим собранием, издавая вместе с В.К. Мальмбергом «Памятники Музея изящных искусств в Москве» (М., 1912—1913. Вып. 1—4). и «Описание египетского собрания Музея изящных искусств» (М., 1917. Ч. 1—2).

1895 г. он писал мне из-за границы: «В этом году немцы устроили две выставки: на французской границе в Страсбурге и на русской в Кенигсберге. Хотят запугать мир своей скороспелой культурой и новорожденным величием. Будем надеяться, что оно не только новорожденно, но и мертворожденно».

Когда началась великая европейская война и когда начальный оборот ее сулил России много великого и хорошего, Борис Александрович как-то раз сказал мне, что он чувствует себя даже недостойным жить в *такое* время. В малораспространенном журнале «Экскурсионный вестник» за 1915 г. им напечатана замечательная статья «Задачи русской науки на Переднем Востоке в связи с настоящими мировыми событиями»⁹. Она очень характерна для мировоззрения Бориса Александровича, и я приведу из нее несколько выдержек: «Провидение судило нам быть современниками великих событий. Через несколько месяцев границы мировых держав будут иные, и мы верим, что наше Отечество в этом отношении окажется в более выгодном положении, чем было до сих пор. Уже дошедшее до своих этнографических пределов и избавившее целую большую ветвь своего коренного племени от позора подъяремности, оно достигает и своих естественных исторических и политических границ, осуществив вековые чаяния и заветы своей истории. Мы верим, что святые места нашей религии и священные области человеческой культуры частью войдут в наши пределы, частью попадут в иные, более выгодные для нас и для науки политические условия. Погребение двух трупов — Австрии и Турции — и парализование разбойничьих поползновений Германии должны создать более здоровую и благоприятную для науки атмосферу и обстановку на дорогом для нас Ближнем Востоке, который казался уже в значительной своей, и притом наиболее близкой к нам части, обреченным на поглощение как материал для новой мировой империи ученых варваров. Еще Фридрих-Вильгельм IV, поклонявшийся Москве с террасы Румянцевского музея, через 25 лет после воссоздания его государства Россией, при содействии египтолога Бунзена¹⁰, учреждает в Иерусалиме для противодействия влияния России и совращения православных так называемый протестантский епископат, который должен был сделаться вселенским центром протестантизма, но который, вследствие благородной роли англиканства, потерял значительную долю своего агрессивного характера. Тогда воинствующая Пруссия выдвинула другие средства — экономические и научные, имеющие, конечно, целью превращения Турции в прусскую провинцию, каковой она временно стала на наших глазах. Для нас, русских, непонятна подобная профанация религии и науки. Мы привыкли относиться к науке с почитанием почти религиозным и считаем недопустимым пользование ею для каких-либо иных целей, кроме идеальных. Но там и религия, и наука служат мирским целям, подготавливая экономическое преобладание и политические захваты. "Сперва миссионеры, потом консулы, а затем и солдаты", — сказал еще абиссинский царь Феодор; если бы он был в Турции, он должен был бы к миссионерам прибавить ученых, особенно археологов. И одно обстоятельство не может не внести неприятных нот в наше преклонение пред теми действительно крупными заслугами, какие оказали делу изучения Ближнего Востока и Deutsche Orientgesellschaft, и Deutsche Palaestina-Verein, и Vorderasiatische Gesellschaft, и другие организации миссионерского и научного характера. Стремления воинствующего германизма не ограничивались Малой Азией, Сирией и Месопотамией — они вторгались в наши пределы. Кавказский

⁹ См.: Тураев Б.А. Задачи русской науки на переднем Востоке в связи с настоящими мировыми событиями // Экскурсионный вестник. 1915. № 1. С. 3—12.

¹⁰ Бунзен Христиан Карл (1791—1860), немецкий востоковед и дипломат.

хребет должен был служить границей между австрийским Grossfürstentum Kiew и азиатскими колониями Германии. Для подготовки германской Армении учреждались специальные общества и снаряжались ученые экспедиции ... Одновременно с этим Оттоманский музей все более и более превращался в филиальное отделение берлинского ... Волею providения мы видели крушение планов наших непримиримых исконных врагов; мы верим, что наше торжество будет полным и что классические страны очагов культуры и религии вновь придут в близкую связь с теми, кто имеет на них культурные и исторические "права"».

Служение науке было для Бориса Александровича в полном смысле слова подвигом, ради которого он готов был на какие угодно жертвы и лишения. По окончании университетского курса, во время заграничной командировки, даже первые годы после нее ему приходилось жить со своей матушкой буквально на гроши, получаемые от университета, чтобы сохранить все время для научных занятий. Борис Александрович не брал никакой посторонней службы, дававшей бы ему заработок. Из Парижа он пишет мне в мае 1895 г.: «Был я в Версале, и он мне очень понравился, ухитрился всеми правдами и неправдами побывать в Сен-Клу и тоже остался доволен. Карманный вопрос не позволяет тратиться на это (т.е. на поездки за город), живу на остатки сумм, надо экономить каждый грош». В 1897 г., когда Борис Александрович был в Берлине, чтобы устроить дело с печатанием своей магистерской диссертации, он пишет мне, что усмотрел в Берлинском музее «немало новых приобретений по египетской части, и в том числе новых томов. Эрман предоставил все в мое распоряжение. Не знаю только, как быть: фотографии у меня нет, покупать не на что, да и учиться некогда, а заказывать дорого. Придется, все-таки, решиться на последнее». Чтобы показать на одном примере скромность ресурсов Бориса Александровича, достаточно указать, что путешествовал он по Германии в ... IV классе. Так жили молодые ученые 25 лет тому назад!

А когда Борису Александровичу не приходилось уже экономить каждый грош, на что тратит он свои излишки, если вообще можно говорить об излишках у русского ученого типа Бориса Александровича? На покупку книг, на собиране коллекции. Страсть — а это была именно страсть у бесстрастного в общем Бориса Александровича, — к собиранию предметов старины началась у него давно. Еще в феврале 1895 г. он писал мне из Берлина: «Проходя сегодня по одной из берлинских [улиц], я увидел в витрине одного магазина древностей прелестную пальмирскую скульптуру — известного типа женский бюст. Как жаль, что нет лишних денег, а то купил бы. Колбаса (так в шутку называет Борис Александрович антиквара. — С.Ж.) хочет 500 марок». Известно, какую прекрасную коллекцию удалось, в конце концов, составить Борису Александровичу, как он этой коллекцией восхищался, с какою радостью ее показывал!

Так делил свое время между служением науке и церкви Борис Александрович. Служение церкви выражалось в посещении церковных служб, а в последние годы и в активной работе по реформе церкви. Служение науке выражалось в постоянных упорных кабинетных и музейных занятиях, в чтении лекций и руководстве своими учениками, в деятельности в ученых обществах, преимущественно Русском археологическом. К общественной, а тем более к политической жизни Борис Александрович не чувствовал себя призванным, и всецело стоял на платформе «наука аполитична». Университетские тревожения, нарушившие правильный ход занятий, раздражали его. И чего они, говорил он о волнующихся студентах и профессорах, сидели бы, да учились; книг что ли мало? Работы нет? В факультете, тем более в Совете Борис Александрович выступал очень редко, в исключительных случаях. И вообще всякого рода дела и вопросы, не касавшиеся ближайшим

образом его ученой специальности, его мало трогали и интересовали, скорее даже тяготили его.

Чрезвычайно скромный и воздержанный, обыкновенно молчаливый и сосредоточенный, Борис Александрович приходил в раздражение, когда ему приходилось слышать о чем-либо некрасивом, позорящем науку и все, что с нею связано. Зато, когда, бывало рассмешишь чем-нибудь Бориса Александровича, он заливался таким неудержимым смехом, каким, говорят, умеют смеяться только дети, да истинно хорошие люди.

И вот такой хороший человек взял да и умер, умер преждевременно, далеко не сказав последнего слова, не исчерпав отпущенных ему природою сил и дарований, умер с полным сознанием, что ему лучше умереть, чем продолжать жить: он ведь просил «отпустить» его на тот свет. Что это значит? Откуда это *taedium vitae*? Говорили и будут говорить, что Борис Александрович умер от физического истощения, от недостатка питания — теперь это такая модная тема. Нет, не от физического истощения умер Борис Александрович — объяснять этим его смерть обидно было [бы] для него, жившего духовными интересами, обидно было бы для его близких. Борис Александрович умер от истощения, это — правда. Но какого? Морального. Мне, да и другим, он за последнее время неоднократно говорил, что дух его начинает угасать ранее, чем угасает тело. Для чего жить, сказал мне он раз, когда люди душу продали. И действительно, положение для такого человека, каким был Борис Александрович, сложилось тягостное, невыносимое, катастрофическое. Те два идеала, которым он служил всю свою жизнь, оказались попранными или, в лучшем случае, отошли на задний план в сознании большинства людей. Церковь признается только терпимой, а в своем внешнем обиходе испытывает явное умаление. Наука, та наука, которой служил Борис Александрович, признается роскошью — а для него она была хлебом насущным. Университет подвергается всякого рода экспериментам. А люди ... занимаются тем, что «приспосабливаются».

Не такая натура была у Бориса Александровича, чтобы он мог, чтобы он стал к чему-нибудь и к кому-нибудь «приспосабливаться». И разве мог он допустить, чтобы к чему-то стали «приспосабливать» даже науку. Борис Александрович готов был переносить; да и переносил ради своих идеалов какие угодно лишения, но «приспосабливать» свои идеалы он не хотел, да и не умел. Наконец, ему, как человеку глубоко и сознательно любящему Родину, родное, было и душно и тошно в окружавшем его «интернационале». И вот он просил в предсмертный час «отпустить» его.

Когда мы, в годы нашего студенчества, занимались греческими надписями у Ф.Ф. Соколова, последний как-то раз назвал Бориса Александровича «агиос» — святым. Когда я смотрел на Бориса Александровича, лежащего в гробу, облаченного в белый стихарь, с венчиком на лбу, он напоминал мне русских святых, в том, по крайней мере, типе их, в каком их любит изображать на своих картинах и образах художник Нестеров¹¹.

РА ИИМК РАН. Ф.2. Оп.2. Д.445. Л.1—27. Автограф.

¹¹ Нестеров Михаил Васильевич (1862—1942), живописец, работавший над историческими и религиозными темами, один из авторов росписи Владимирского собора в Киеве (1890—1895), мозаик и икон церкви Спаса «на крови» в Петербурге (1894—1897) и др.

С.Ф. ОЛЬДЕНБУРГ

Вчера вечером скончался С.Ф. Ольденбург — очень умный, очень образованный, очень культурный человек. Все это делало общение с ним приятным и интересным, хотя он и редко был экспансивен и, по характеру своему, [был] холоден, во всяком случае сдержанным. Не берусь судить, насколько Ольденбург преуспел в науке. Но по справедливости должно сказать, что он и не успевал и не успел бы преуспевать в ней: административная деятельность забрала его почти целиком, и, нужно сказать правду, Ольденбург был прекрасным администратором. За ту четверть века, в течение которой Ольденбург был непререкаемым секретарем, он потрудился очень много для Академии и в дореволюционное время принес ей, несомненно, очень много пользы, поднял ее престиж в ученом мире, и нашем, и заграничном, превосходно поставил в Академии издательское дело. Отличительной чертой Ольденбурга было то, что он понимал интересы науки, сочувствовал им, всячески поддерживал их. Это много значит и это показывает, что по натуре своей Ольденбург был *vir doctus*¹. Но при этом столь же отличительной чертой Ольденбурга было его честолюбие, и потому-то он так и цеплялся за всякого рода «администрации», ибо они давали случаи удовлетворять честолюбие в различных отношениях и направлениях. Сколько раз Ольденбург говорил мне, как его угнетают административные дела, как они мешают ему научно работать. А когда я говорил Ольденбургу «бросьте их», он мне всегда замечал: «Надо же кому-нибудь заниматься и административными делами».

В дореволюционное время Ольденбург был, несомненно, *spiritus movens* Академии, и так как он был очень деловитый человек, очень работоспособный, то неудивительно, что он близко сошелся с таким вице-президентом Академии, каков был П.В. Никитин². Оба они взаимно очень ценили друг друга, и еще года три тому назад Ольденбург восторженно отзывался мне о Никитине. Худо то, что он, когда для этого была возможность, не устроил, чтобы портрет Никитина был помещен в Малом конференц-зале.

По своему направлению Ольденбург был «либерал». Когда явились кадеты, он стал кадетом³, иными словами лжелибералом. Ему следовало эмигрировать, как это сделали другие видные кадеты. Ольденбург этого не сделал и, с начала революции, он неизбежно должен был сойти с рельсов, по которым плавно, мерно и успешно шел раньше. Это объясняет и все дальнейшие перипетии в судьбе Ольденбурга, столь неприятные и для него самого, и для его ближайшего окружения. Они сильно омрачили последние 10 лет его жизни, и за последние годы лишили его со стороны многих той симпатии, которой Ольденбург пользовался у всех, кто его более или менее близко знал. Ольденбург хотел «переключиться», сначала путем «приспособления» к новому, а затем и полным поворотом к нему, но это ему не удавалось и не могло удасться. Он сам себя поставил в фальшивое положение, и это ясно чувствовалось всеми, а более всего, вероятно, им самим. Он не воспользовался удобным случаем — двадцати-

¹ С.Ф. Ольденбург, избранный в 1900 г. адъюнктом по литературе и истории азиатских народов, в 1903 г. экстраординарным, а в 1908 г. — ординарным академиком Петербургской АН, оставил яркий след в истории Академии, являясь непререкаемым секретарем (1904—1929), исполняющим обязанности вице-президента АН СССР (1926—1929), директором Азиатского музея — Института востоковедения (1916—1934).

² Никитин Петр Васильевич (1849—1916), филолог-классик, академик (1892) и вице-президент Петербургской АН (1900—1916).

³ Будучи видным деятелем конституционно-демократической партии, летом 1917 г. С.Ф. Ольденбург стал министром народного просвещения Временного правительства.

пятиве́тием своего неперемнного секретарства, не оставил его, и что же? [Через] несколько, два-три месяца, Ольденбургу пришлось против воли, по принуждению свыше, оставить пост неперемнного секретаря⁴. Но и это не остановило Ольденбурга пред тем, чтобы добиваться и стать «администратором» хотя бы и куда меньшего калибра, чем то было при его неперемнном секретарстве. Та трезвость мысли, та дальновидность, которые столь характерны для Ольденбурга, оставили его, и за ним числится много faux pas, от которых ранее он был совершенно свободен.

Неизбежная «реформа» Академии во многом была подготовлена этою половинчатою деятельностью Ольденбурга в революционное время. Сначала он «спасал» то, что было обречено на гибель, а когда «спасать» стало поздно, Ольденбург круто повернул руль влево⁵, но в этот поворот вряд ли кто поверил и верит, и это охладило симпатии многих к Ольденбургу, даже столь любезных его сердцу востоковедов, интересы которых Ольденбург старался противопоставить всему прочему, что касалось гуманитарного отделения. Во всяком случае, наши востоковеды (академические) должны быть очень признательны Ольденбургу: он умел их «устраивать» и «благополучие» нашего востоковедения многим Ольденбургу обязано. Но это востоковедение уже далеко не то, каким оно было при бароне Розене⁶, которому, в свою очередь, Ольденбург во многом обязан своей «карьерой». Последнюю Ольденбург вел умело и с большим тактом; кончил ее печально, потому что утратил ту принципиальность, которая раньше его отличала. Человек европейской культуры, Ольденбург не мог стать «советским ученым», но пожелал стать им из далеко не принципиальных соображений. Ничего не вышло: ни богу свечка, ни чёрту кочерга.

⁴ По настоянию правительственных органов, во время работы Правительственной комиссии Наркомата рабоче-крестьянской инспекции СССР по чистке аппарата АН под председательством Ю.П. Фигатнера 30 октября 1929 г. С.Ф. Ольденбург был отстранен от должности неперемнного секретаря. Подробнее см.: *Перчёнок Ф.Ф.* Академия наук на «Великом переломе» // Звенья: Исторический альманах. М., 1991. Вып. 1. С. 195—206.

⁵ Намек С.А. Жебелева на резкий поворот С.Ф. Ольденбурга в отношении к большевикам. Сразу после Октябрьского переворота 1917 г. собралось экстраординарное Общее собрание Российской АН («ввиду того, что происшедшие события угрожают гибелью стране»). Наряду с акад. А.А. Шахматовым, А.С. Лаппо-Данилевским, М.А. Дьяконовым, Н.С. Курнаковым и М.И. Ростовцевым, С.Ф. Ольденбург вошел в избранную на заседании комиссию для составления текста обращения от имени РАН. 21 ноября 1917 г. представленный комиссией текст был утвержден Конференцией АН: «Великое бедствие постигло Россию: под гнетом насильников, захвативших власть, русский народ теряет сознание своей личности и своего достоинства; он продает свою душу и, ценою постыдного и непрочного сепаратного мира, готов изменить союзникам и предать себя в руки врагов. Что готовят России те, которые забывают о ее культурном призвании и о чести народной? — внутреннюю слабость, жестокое разочарование и презрение к ней со стороны союзников и врагов. Россия не заслужила такого позора: всенародная воля вручает ответственное решение ее судеб Учредительному собранию; оно должно сохранить ее от внутреннего и внешнего насилия; оно призвано обеспечить рост ее культуры и упрочить ее положение в среде просвещенных государств. В твердом единении верных сынов Родины служители науки и просвещения сознают ее мощь и преклоняются перед ее волей: они готовы всеми своими знаниями и всеми своими силами содействовать той великой творческой работе, которую свободная Россия возлагает на Учредительное собрание» (ПФА РАН. Ф.1. Оп.1а—1917. Д.164. ОС. § 306—307. С. 288—300). В сентябре 1919 г. С.Ф. Ольденбург был арестован, но по приказанию В.И. Ленина, знавшего его со студенческих лет, через две недели освобожден. Возможность обратиться к Ленину, минуя инстанции, не раз спасала Академию и её членов в критические моменты. Оказавшись в роли посредника между советской властью и творческой интеллигенцией, Ольденбург пытался преодолеть взаимное недоверие и неприязнь двух сторон, направить их отношения в русло взаимного сотрудничества. Психологическую характеристику Ольденбурга, во многом совпадающую с оценкой С.А. Жебелева, см. в воспоминаниях 1923 г. сотрудницы Пушкинского дома РАН Е.П. Казанович: Два эпизода из жизни литературных организаций / Публикац. Н. Крамера // Минувшее: Исторический альманах. М., 1990. Вып. 1. С. 329—330.

⁶ Розен Виктор Романович (1849—1908), востоковед-арабист, академик Петербургской АН (1890), создатель новой школы востоковедения в России.

Мое общение с Ольденбургом началось с 90-х гг. прошлого века. Помню беседы с ним, всегда интересные, в университетском Музее древностей. Помню нашу совместную работу в Русском археологическом обществе. Помню прекрасную его речь по моему адресу, когда справлялось мое 35-летие и когда приветствуя меня от имени Академии, Ольденбург, воспользовавшись тем, что я ему говорил до заседания об очерке классической филологии Виламовица и той характеристике, которую последний дал Науку, назвал меня, совершенно незаслуженно, «внуком Науки»⁷. Моему избранию в Академию Ольденбург сначала сопротивлялся, но после моего юбилея переменял это сопротивление в мою пользу. Никогда не забуду того трогательного отношения, какое проявил ко мне Ольденбург во время «ноябрьского инцидента» со мною в 1928 г.⁸ Достаточно сказать, что все «письменные объяснения», которые мне пришлось делать в связи с этим инцидентом, составлены, на основании моих забракованных им проектов, самим Ольденбургом и мною только подписаны.

1 марта 1934 г.

ПФА РАН. Ф.729. Оп.1. Д.26. Л.1—1 об. Автограф.

⁷ Речь идет о торжественном заседании в Государственной Академии истории материальной культуры (1926 г.), посвященном 35-летию научной деятельности С.А. Жебелева. Ульрих фон Виламовиц-Меллендорф (1848—1931), немецкий филолог и историк античной культуры; Наук Август Карлович (1822—1892), филолог-классик, экстраординарный (1858) и ординарный (1861) академик Петербургской АН.

⁸ Речь идет о пресловутом «деле» С.А. Жебелева 1928 г. Ольденбург помог С.А. Жебелеву составить объяснительные письма в АН СССР и Секцию научных работников, напечатанные в местных и центральных газетах. Этот шаг предотвратил исключение Жебелева из числа членов АН СССР. Подробнее см. в комментариях к «Автобиографии» С.А. Жебелева (ВДИ. 1993. № 2).

© 1993 г. **АКАДЕМИК МИХАИЛ ИВАНОВИЧ РОСТОВЦЕВ**
(Неизвестные и малоизвестные архивные материалы
из коллекций США)

(Краткий обзор)

За последние годы интерес к жизни и творчеству М.И. Ростовцева — одного из самых ярких антиковедов XX в. — заметно возрос. Это связано не только с открытием его архива в Санкт-Петербурге¹, но, прежде всего с тем, что многие труды ученого продолжают сохранять свою актуальность, а идеи, высказанные несколько десятилетий назад, находят блестящее подтверждение в свете новых материалов археологии и эпиграфики². В конце 1990 г. вышла книга голландского историка М. Веса «Михаил Ростовцев,

¹ См.: Зуев В.Ю. Краткий обзор фонда М.И. Ростовцева из Центрального государственного Исторического архива СССР // ВДИ. 1991. № 4. С. 145—151.

² М.И. Ростовцев сыграл немалую роль в развитии американской исторической науки в целом. В 1935 г. он был избран Президентом Американской Исторической Ассоциации; за всю историю американской науки этой чести удостоивались лишь несколько антиковедов (см.: Novick P. That Noble Dream: the «Objectivity Question» and the American Historical Profession. Cambridge University Press, 1988; Pocock E. Presidents of the American Historical Association: a statistical analysis // American Historical Review. 1984. V. 80. P. 1016—1036).

историк в изгнании»³; она привлекла внимание антиковедов, историков науки и даже русистов⁴; изданы французские переводы «Социальной и экономической истории Римской империи» и «Социальной и экономической истории эллинистического мира» (с превосходными введениями Ж. Андро)⁵; появились статьи, посвященные эпистолярному наследию М.И. Ростовцева⁶, отдельным периодам его жизни и научной деятельности⁷. На страницах «Вестника древней истории» был проведен международный «круглый стол», в котором приняли участие российские (В.Ю. Зуев, Ю.Г. Виноградов, Э.Д. Фролов, Д.С. Раевский, В.И. Кузищин) и зарубежные ученые (Г. Бауэрсокс, Х. Хайнен, С. Мэтесон, А. Марконе, Ж. Андро, А. Фаркаш)⁸.

Участие в подготовке и проведении этого международного «круглого стола» и явилось главной причиной, побудившей меня заняться поисками новых архивных материалов о М.И. Ростовцеве в период научной командировки в США (Патринстон, Institute for Advanced Study, сентябрь 1992 — март 1993 г.). Первым стимулом, пожалуй, стало стремление отыскать ранее неизвестные свидетельства о поездке М.И. Ростовцева в 1937 г. в Индию, на Цейлон, Яву, в Юго-Восточную Азию, о чем мне было известно еще до командировки в США (об этом упоминает в своей книге и Маринус Вес). Но поиск «индологических» материалов неизбежно привел к знакомству с рядом крупных архивных коллекций (прежде всего на восточном побережье Америки).

Архив в Университете штата Висконсин (город Мадисон), где М.И. Ростовцев проработал первые годы своего пребывания в США (1920—1925 гг.), был подробно изучен Г. Бауэрсоком⁹ — одним из лучших в мире знатоков творчества М. Ростовцева.

Поэтому главное внимание я уделил работе в Нью-Йорке в архиве Б.А. Бахметьева (посла Временного правительства в Америке) — богатейшем в США собрании документов по русской истории и культуре (в том числе и эмигрантской)¹⁰, в архиве Йельского университета (Sterling Memorial Library)¹¹ и главное — в архиве Ростовцева, который сейчас хранится в Библиотеке

³ *Wes M.A. Michael Rostovtzeff. Historian in Exile. Stuttgart, 1990.*

⁴ См. блестящую рецензию канадского антиковеда Брент Д. Шоу: *Shaw B.D. Under Russian Eyes // The Journal of Roman Studies. 1992. V. 82. P. 217—228.* См. также рецензию У. Кальдера на книгу М. Бека (*William M. Calder III // Bryn Mawr Classical Review. V. 2. N° 3. 1991. P. 158—162.*)

⁵ *Rostovtzeff M.I. Histoire économique et sociale de l'Empire Romaine. Traduit de l'anglais par Odile Demange. P., 1988 (Andreau J. Antique, moderne et temps present: la carrière et l'oeuvre de Michel Ivanovič Rostovtzeff. Ibid. P. I—LXXXIV); idem. Histoire économique et sociale du monde hellénistique. Traduit de l'anglais par Odile Demange. P., 1989 (Andreau J. La dernière des grandes synthèses historiques de Michel Ivanovič Rostovtzeff. Ibid. P. I—XXIX).*

⁶ *Pack E. Una lettera di Johannes Hasebrock a M.I. Rostovtzeff // Athenaeum. 1987. V. 75. P. 542—547; Marcone A. Michele Rostovtzeff e l'Istituto Archaeologico Germanico di Roma: la corrispondenza con Christian Hülsen (1894—1927) // Critica Storica. 1988. V. 25. P. 339—350; Gavrilov A. Drei Briefe von Ulrich von Wilamovitz-Moellendorff an Mikhael I. Rostovtzev aus dem Jahre 1914 // Philologus. 1990 Bd 134 Ht 2. S. 238—247; William M. Calder III. The Latter Letters of Ulrich von Wilamovitz-Moellendorff to Michael I. Rostovtzev // Ibid. S. 248—253.*

⁷ *Marcone A. Peitroborgo — Roma — Berlino: l'incontro di M.I. Rostovtzeff con l'Altertumswissenschaft tedesca // Historia. 1992. Bd. 41. S. 1—13; idem. Una poco nota recensione di M. Rostovtzeff // Athenaeum. 1987. V. 75. P. 541—542; Wes M.A. The Russian Background of the young Rostovtzeff // Historia. 1988. Bd. 37. S. 207—221.*

⁸ См.: ВДИ. 1989—1992.

⁹ См.: *Bowersock G.W. Rostovtzeff in Madison // The American Scholar. 1986. Summer. P. 391—400.*

¹⁰ Описание архива см.: *Russia in the Twentieth Century. The Catalog of the Bachmeteff Archive of Russian and East European History and Culture. The Rare Book and Manuscript Library, Columbia University. Boston, 1987.*

¹¹ Описание архива М.И. Ростовцева было составлено У.Э. Брауном и отпечатано ксилографическим способом в 1983 г. (Mikhail I. Rostovtzeff Papers by William E. Brown, Jr. New Haven, 1983). Архив хранится под № 1133 в Manuscripts and Archives, Sterling Memorial Library, Yale University.

лиотеке Особых коллекций Дьюкского университета в г. Дареме (Duke University, Durham, North Carolina)¹².

Последняя коллекция — подлинная сокровищница не только для исследования жизни и творчества М.И. Ростовцева, но и для изучения истории мирового антиковедения и русской эмиграции (прежде всего — в США). Она была передана в 1992 г. в Библиотеку Особых коллекций (Special Collections Library) Американским обществом папирологов (the American Society of Papyrologists), которое сохранило все права по использованию и изданию материалов архива М.И. Ростовцева.

Пользуюсь случаем, хочу выразить глубокую признательность профессорам Г. Бауэрсоку (Принстон) и Дж. Оатсу (John F. Oates), заведующему кафедрой классических исследований Дьюкского университета, за содействие в получении разрешения на ознакомление с этим архивным фондом.

Моя заметка не претендует на полноту информации; она ставит целью дать самые общие сведения о неизвестных и малоизвестных архивных материалах архивов США, связанных с жизнью и научным наследием М.И. Ростовцева.

Итак, по порядку.

I. *Бахметьевский архив Колумбийского университета в Нью-Йорке* содержит немного материалов, непосредственно принадлежащих перу М.И. Ростовцева. Прежде всего это письма Михаила Ивановича к своему ученику и другу Г.В. Вернадскому — известному историку России, одному из организаторов Семинария, а затем и Института имени Н.П. Кондакова в Праге, профессору Йельского университета; именно Ростовцев сделал все возможное, чтобы в 1927 г. Г.В. Вернадский был приглашен в Йель¹³. Судя по письмам 1925 г., Ростовцев принимал непосредственное участие в создании Научного института им. Н.П. Кондакова и организации при нем Российско-американского Комитета, членом которого он состоял.

Некоторые письма этого времени важны и для уточнения биографии Ростовцева. Особый интерес представляет письмо от 5 февраля 1931 г.: он рассказывает о своих научных командировках в первые годы после окончания Университета. Ряд сходных свидетельств более подробно изложен в письмах к близкому другу Ростовцева крупному византисту А.А. Васильеву. Письма также хранятся в Бахметьевском архиве.

Для меня, как индолога, особо значимы письма, посланные М.И. Ростовцевым Г.В. Вернадскому из Индии, в том числе письмо из Агры (27 января 1937 г.), в котором дается общая характеристика индийской

¹² Несмотря на исключительную важность коллекции она в течение долгого времени оставалась неразобранной, не было ее каталога. Видимо, этим можно объяснить тот факт, что почти никто из антиковедов, даже американских, лично незнакомился с материалами архива и ссылаются на него, исходя лишь из сведений, полученных из Дьюка. Насколько мне известно, из американских антиковедов в архиве работал профессор Э. Баддиан (Гарвардский университет); письма Ф.Ф. Зелинского к М.И. Ростовцеву привлекли внимание польских ученых. Проф. Джон Оатс, который любезно пригласил меня приехать в Дарем, сообщил мне, что я первый из ученых России, кто ознакомился с архивом. Кстати, даже М. Вес, много работавший в архивах США, при подготовке своей книги о М.И. Ростовцеве, с указанным архивом не познакомился, хотя и указал на то, что проф. А. Самуэль (A.E. Samuel) показал ему коллекцию в Торонто (тогда архив находился еще в Торонто). Профессор Brent Шоу в рецензии на книгу М. Веса пишет о коллекции в Дюке: «It is to be hoped that researchers like Wes will both have access to, and be able better to exploit, the resources of this collection in the future, since it is clearly critical to an understanding of Ro:stovtzeff's formative years» (Under Russian Eyes. P. 219). Сам Brent Шоу информацию об этой коллекции получил от профессора Джона Оатса и Марии Саломон Арел (из Duke University).

¹³ Этому посвящена восьмая глава книги М. Веса.

культуры¹⁴. Письма к Г.В. Вернадскому охватывают немалый период — от 1924 до 1939—1940 гг. — и являются важным источником для изучения жизни и творчества Ростовцева. В частности, фонд Г.В. Вернадского содержит ценные свидетельства о взаимоотношениях Ростовцева и В.В. Набокова¹⁵.

Несколько писем М.И. Ростовцева к крупному русскому художнику М.В. Добужинскому находится в коллекции последнего¹⁶. С Добужинским Михаил Иванович был знаком еще по Петербургу, и их отношения как бы вновь возобновились после приезда художника в США в 1939 г. Хранящиеся в архиве писателя М.А. Алданова письмо М.И. Ростовцева (от 16 января 1941 г.) свидетельствует о значительной роли, которую сыграл ученый в организации в США «Нового журнала»¹⁷, который издается в Нью-Йорке и в настоящее время. Письмо М.И. Ростовцева к А.В. Гольштейн, известной деятельнице русской эмиграции в Париже, по-новому освещают тему «Михаил Ростовцев и Вяч.Ив. Иванов»¹⁸. О политических взглядах М.И. Ростовцева наглядно свидетельствуют его письма к писательнице А.В. Тырковой-Вильямс, с которой он был дружен в течение многих десятилетий, начиная с предреволюционных лет в Санкт-Петербурге вплоть до последних дней жизни ученого в США¹⁹.

II. *Фонд М.И. Ростовцева в Йельском университете* хорошо известен специалистам. Он был подарен Йельскому университету Ростовцевым в 1942 и в 1947 гг. и является самой крупной коллекцией рукописей ученого (34 ящика-картона)²⁰. Общая характеристика фонда была уже дана в небольшой статье У. Э. Брауна, напечатанной в ВДИ (1991. № 1). Укажем только на некоторые малоизвестные материалы, которые заслуживают более глубокого изучения и публикации.

Прежде всего, это лекции, прочитанные в Йельском и других университетах в 1930—40-х годах («Археология и история», 1940—1941 гг.; «Древняя история и археология», 1941—1942 гг.; «Греческий город-государство», 1943—1944 гг.), лекции для аспирантов (б.г.), публичные лекции («Древний и современный мир», 1944 г.). Не опубликована до сих пор лекция «Некоторые замечания об Индии и ее раннем искусстве», прочитанная в Йельском университете в 1938 г., после возвращения Ростовцева из Индии. Любопытны выписки, сделанные ученым из книг об Ашоке, Чандрагупте, «Артахаштрах» и др., подбор фотографий памятников индийского искусства из музеев Индии и Европы. В связи с изучением «звериного стиля» и истории сложения и развития скифского искусства в целом Ростовцев проявлял живой интерес к китайской культуре, прежде всего к памятникам эпохи Хань (в архиве имеется его переписка с музеями Европы по вопросу об изготовлении необходимых фотографий, письма ученых-синологов, в частности П. Пельо).

Богатейший материал по результатам работы возглавляемой Ростовцевым экспедиции в Дура-Европос хранится в Йельской галерее искусств (отчеты, фотографии, переписка и т.д.). Сейчас над этими материалами работает С. Мэтесон²¹.

¹⁴ М. Вес не полностью приводит в своей книге английский перевод письма (в оригинале — по-русски). Целиком письмо до сих пор не опубликовано.

¹⁵ Тема «М.И. Ростовцев и В.В. Набоков» заслуживает специального освещения.

¹⁶ Пользуюсь случаем выразить признательность сыну художника Ростиславу Мстиславовичу Добужинскому (Париж) за разрешение ознакомиться с письмами М.И. Ростовцева.

¹⁷ О том же говорят и письма М.А. Алданова к М.И. Ростовцеву, хранящиеся в коллекции Дьюкского университета (см. ниже).

¹⁸ Статья на эту тему будет опубликована в следующем номере ВДИ.

¹⁹ Подробнее см.: Борман А.А. А.В. Тыркова-Вильямс по ее письмам и воспоминаниям. Лувен, Вашингтон, 1964.

²⁰ Пользуюсь случаем поблагодарить сотрудников архива за помощь, которую они мне оказали при работе над материалами фонда Ростовцева

²¹ См.: Мэтесон С.Б. М.И. Ростовцев и Дура-Европос // ВДИ. 1992. № 4.

III. *Фонд М.И. Ростовцева в Дьюкском университете* по объему относительно невелик (три ящика-картона), но по значимости исключительно важен. В основном он содержит письма к Ростовцеву зарубежных и русских ученых, писателей, деятелей культуры, некоторые черновики его писем, а также документы личного характера, автобиографические материалы, официальные документы об избрании в Академии многих стран мира и научные общества, о занятии должностей, фотографии и переданные супругой ученого Софьей Михайловной Ростовцевой некрологи и письма соболезнования. Кроме того, на кафедре классических исследований университета хранится оставшаяся часть личной библиотеки Ростовцева и большая коллекция отставков, подаренных ему учеными разных стран мира. Она позволяет судить о широте его научных интересов и является ценным справочным пособием.

Большую часть корреспонденции составляют письма к Ростовцеву профессора Бредфорда Уэллса — его ученика и коллеги по Йельскому университету, и письма Ростовцева к Уэллсу. (Они составили часть Фонда после смерти Уэллса). Эти письма охватывают значительный временной период — от 1930 до 1946 г. и позволяют восстановить многие факты жизни и творчества Ростовцева, его деятельность как профессора, а затем и почетного (с 1944 г.) профессора, древней истории и классической археологии Йельского университета, руководителя экспедиции в Дура-Европосе, директора Археологических исследований Йельского университета (с 1939 г.). Среди корреспондентов Ростовцева — всемирно известные ученые: Р. Мюнцер (R. Münzer), Ф. Кюмон (F. Cumont), Э. Минз (A. Minns), У. Тарн (W.W. Tarn), А. Нок (A.D. Nock), В. Отто (W. Otto), Ф. Хайхельхайм (F. Heichelheim), А. Фуше (A. Foucher), А. Момильяно (A.D. Momigliano), Э. Бикерман (E. Bickerman), М. Пру (M. Prou), Ф.Ф. Зелинский, С.А. Жебелев, В.П. Бузескул и др.

М.И. Ростовцев активно помогал многим ученым, которые спасались от нацизма, переехать в США; об этом свидетельствует его переписка с различными американскими организациями (прежде всего с проф. А. Джонсоном — директором «Новой школы социальных исследований»), через которые Ростовцев пытался получить для ученых визы и устроить их на работу в американские университеты. Фонд содержит десятки писем зарубежных ученых с просьбой помочь вырваться из Германии и переехать в США. Много помогал Ростовцев русским ученым и писателям, стремившимся перебраться в Америку. К нему обращались за помощью В.В. Набоков, Г.В. Вернадский, А.А. Васильев, историк Н.П. Толль, известный литературовед В. Ледницкий, издатель берлинского журнала «Руль» друг семьи Набоковых И. Гесен, писатель М.В. Вишняк, историк-славист Л. Страковский. Судя по материалам архива, Ростовцев был одной из центральных фигур в русской эмиграции США, помогал он и русской эмиграции в Париже (письма А.И. Коновалова). Он был одним из организаторов Толстовского фонда (письма А.Л. Толстой), входил в руководство Института международного образования (письма Э. Фишера), был почетным председателем «Общества друзей русской культуры», членом Консультативного комитета «Фонда помощи ученым России», одним из создателей «Нового журнала» (письма И.А. Бунина, М.А. Алданова) и др.

Сохранившиеся в Фонде официальные документы (в частности, выданные Российской академией и Петербургским университетом сертификат об отъезде Ростовцева в Европу в 1918 г. и его отчет о научной командировке, датированной июлем 1919 г.) позволяют по-новому осветить вопрос об его эмиграции, вопрос, неоднозначно трактуемый современными учеными. В свете материалов Фонда специального рассмотрения заслуживает тема «Ростовцев и Гарвард» (в Фонде имеются личные письма и официаль-

ные документы, позволяющие ответить на вопрос — почему Ростовцев не перешел в Гарвард в конце 1938 г.).

Весьма ценны для изучения биографии ученого написанные им по-английски небольшая заметка (б.г.) «Приключения профессора колледжа» и «Автобиография» (1940 г.)²².

Уже с ранней молодости Помпеи стали для Ростовцева одним из самых сокровенных памятников древней культуры. Он не изменил Помпеям и после того, как стал руководить раскопками в Сирии (Дура-Европос). В течение более четверти века его постоянным сотрудником, представителем (позднее и официальным секретарем) была его ученица еще по Петербургу Т. Варшер, жившая в Риме в том числе и во время войны. Письма Т. Варшер к Ростовцеву — это не только отчеты о проделанной работе, но и своего рода источник для реконструкции истории этого города.

Горько читать находящиеся в Фонде так называемые неотправленные письма Ростовцева, которые он написал уже будучи тяжело больным (писал он их и в больнице, и дома). Будущий биограф Ростовцева, очевидно, должен будет коснуться и этого трагического периода жизни ученого.

Многочисленные письма А.В. Тырковой-Вильямс содержат ценные свидетельства о политических взглядах Ростовцева.

Исключительный интерес не только для изучения личности ученого, но и истории русской культуры представляют письма к Ростовцеву И.А. Бунина, В.В. Набокова, Н.К. Рериха, К.А. Сомова, С.В. Паниной, А.Л. Толстой, П.А. Сорокина, Н.О. Лосского, Г.Д. Гребенщикова.

Заслуживают внимания также письма Ростовцева, хранящиеся в архивах Гуверского Института (Станфорд, Калифорния)²³: три письма к известному писателю и общественному деятелю П.Б. Струве²⁴ (они представляют несомненный интерес для понимания политической позиции ученого в первый период пребывания в США) и письмо к профессору А.С. Яценко — юристу, редактору издававшегося в Берлине журнала «Русская книга»²⁵ (письмо 1921 г. — своего рода отчет о научной деятельности в 1919—1921 гг. в Англии, Франции и США)²⁶.

Благодаря любезному разрешению живущего в США проф. С.П. Сорокина я получил фотокопии писем Ростовцева к его отцу П.А. Сорокину, которые хранятся в фонде Сорокина в архиве университета Саскачеванского (Канада). Письма содержат некоторые любопытные свидетельства о преподавательской деятельности Ростовцева в Йеле, очерчивая круг его близких друзей. По моей просьбе, Сергей Питиримович прислал мне из личного семейного архива фотокопии нескольких писем Ростовцева к его отцу, посланные в 1937 г. из Индии²⁷.

Таков краткий обзор коллекций, содержащих малоизвестные материалы о жизни и творчестве Ростовцева, его неопубликованные рукописи и письма. Но даже этот обзор, несмотря на явную неполноту, ясно свидетельствует о том, что перед антиковедами и востоковедами стоит нелегкая, но увлекательная задача — изучить и издать неизвестные до сих пор архивные документы из США, которые во многом по-новому рисуют творческий портрет Михаила Ивановича Ростовцева.

²² «Автобиография» не полностью была опубликована Б. Уэллсом в «The Russian Review», 1953. V. 12. P. 128—133.

²³ Благодарю сотрудницу архива Е. Даниельсон за содействие в получении фотокопий этих писем.

²⁴ Коллекция П.Б. Струве.

²⁵ Коллекция Б.И. Николаевского.

²⁶ К письму приложен список работ, опубликованных за эти годы.

²⁷ Пользуясь возможностью, хочу на страницах журнала выразить признательность С.П. Сорокину — профессору анатомии Бостонского университета — за оказанную помощь.

Совместное исследование американских коллекций, отражающих эмиграционный период его жизни, и богатейшего фонда ученого в Центральном государственном Историческом архиве (Санкт-Петербург), относящегося в основном ко времени до 1918 г., позволит более полно восстановить биографию и научное наследие М.И. Ростовцева.

Г.М. Бонгард-Левин

PROFESSOR M.I. ROSTOVITZEFF.
NEW DOCUMENTS FROM AMERICAN ARCHIVES
ON HIS LIFE AND SCHOLARLY ACTIVITY

G.M. Bongard-Levin

The author had a lucky chance to see and study of the American archives connected with the life and work of Prof. M.I. Rostovtzeff — the Bachmeteff Archive, the Butler Library, Columbia University, New York, Rostovtzeff Papers, Sterling Library, Yale University, New Haven and Special Collections Library, the Duke University (Durham, North Carolina). The article contains the short description of the Archives, the information about unknown documents relating to the life and scientific activity of Prof. M. Rostovtzeff.

* * *

Международный проект «Академик М.И. Ростовцев и его вклад в изучение древних цивилизаций» осуществляется с 1993 г. с помощью New York Foundation of the Arts.

The International project «M. Rostovtzeff and his contribution to the study of Ancient Civilizations» has been implemented since 1993 with the help of New York Foundation of the Arts.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

© 1993 г.

В.Д. НЕРОНОВА. Формы эксплуатации в древнем мире в зеркале советской историографии. Пермь, 1992

В то время когда наше общество пересматривает свои общественные воззрения и начинается новая историческая эпоха, как нельзя более своевременно и в нашей науке оглянуться назад и посмотреть, что было нами в ней сделано в эпоху безраздельного господства марксистской идеологии. В книге В.Д. Нероновой, появившейся очень вовремя, подвергается рассмотрению все, что было создано в советской (и в зарубежной марксистской) исторической науке в области изучения производственных отношений древнего мира, и подводятся итоги целой эпохи в нашей науке. Эта эпоха началась в 1929 г., после публикации лекции В.И. Ленина «О государстве» и превращения марксизма в обязательную для всех ученых догму.

В зарубежной науке — а также среди молодого поколения наших ученых — очень распространено мнение, будто советская историческая наука с тех пор всегда только безоговорочно следовала примитивной марксистской «формационной» схеме рассмотрения всемирно-исторического процесса и что самые вопросы социальной структуры общества и тем более форм эксплуатации вообще не заслуживают рассмотрения. Однако всякий серьезный исследователь истории знает, что это не так. Во-первых, социальные структуры общества, и в том числе формы эксплуатации одних классов другими, являются объективной реальностью, которую учитывали и учитывают серьезные исследователи, принадлежащие к самым различным научным школам. Во-вторых, развитие науки о древности и изучение социальных отношений в бывшем СССР вовсе не сводились к подгонке фактов под марксистскую схему. Довольно примитивные построения В.В. Струве¹, правда, действительно сделались официальными, поскольку они были негласно положены в основу директивных установок Сталина в «Кратком курсе истории ВКП(б)» (1938 г.); тем не менее социально-экономическая проблематика истории древнего мира разрабатывалась и у нас фактически независимо от этих или подобных догматических установок в работах таких ученых, как Л.Б. Алаев, О.Д. Берлев, Е.С. Богословский, К.В. Васильев, М.А. Дандамаев, К.К. Зельин, В.П. Илюшечкин, С.Я. Лурье, Ю.Я. Перепелкин, Е.М. Штаерман, В.А. Якобсон, Н.Б. Янковская и многих других. За последние 30—40 лет русская историческая наука, занимавшаяся древним Востоком и античным миром, развивалась вполне самостоятельно²; от марксистской теории оставалась только концепция закономерной смены исторических (социально-экономических) формаций, толковавшихся весьма неоднозначно.

В книге В.Д. Нероновой рассматриваются практически все работы, посвященные социально-экономической структуре стран древности, вышедшие в СССР от начала его существования до середины 80-х годов. Каждая работа оценивается взвешенно и объективно: это незаменимое пособие по изучению советской историографии древнего мира, которую нельзя перечеркнуть.

¹ Струве В.В. Проблема зарождения, развития и упадка рабовладельческих обществ древнего Востока // ИГАИМК. Вып. 77. Л., 1934.

² «На Западе, — пишет известный американский археолог Ф. Коль, существует тенденция отвергать советские работы — по незнанию (и по неумению читать по-русски) — как догматичные и неинтересные. Такое осуждение не только невежественно, но и парадоксально: как могла бы столь отсталая (benighted) теория породить столь высококачественную научную продукцию?» (Early Antiquity / Eds I.M. Diakonoff, Ph. Kohl. Chicago — London, 1991. P. XXII).

Необходимо особо отметить, что книга В.Д. Нероновой — не библиографический перечень, а основательное исследование перипетий исторической науки в нашей стране. Эта работа могла бы быть защищена как докторская диссертация по историческому источниковедению.

В конце книги автор излагает собственную позицию по вопросу об исторической оценке социально-экономических отношений в древнем мире. Она дистанцируется как от тех исследований, которые считают древнее общество рабовладельческим, понимая этот термин в «узком смысле», т.е. как общество, основанное на эксплуатации рабов (как класса и как сословия), лишенных собственности на средства производства, эксплуатируемых путем внеэкономического принуждения и являющихся собственностью эксплуататоров; так и от тех, кто понимает термин «рабовладельческое общество» в «широком смысле», имея в виду наличие класса, эксплуатируемого путем внеэкономического принуждения, но не обязательно являющегося собственностью эксплуататоров и иногда даже не вовсе лишенного собственности на средства производства. В.Д. Неронова приходит к выводу, что «класс-сословие рабов» не является основным объектом эксплуатации в древнем обществе, взятом в целом, и считает неудачным употреблением термина «рабство» в широком смысле слова. По ее мнению, древняя формация характеризуется прежде всего всеобщим применением внешнеэкономического принуждения. «Меры экономического и морального стимулирования... до поры до времени оставались на уровне количественного накопления» (с. 284). «Основную массу эксплуатируемого населения в древних обществах составляли земледельцы нерабских статусов...» (с. 285). Лишь переход количества в качество указывает на переход от древнего к средневековому общественному строю.

Несколько неожиданно автор все же предлагает сохранить термин «рабовладельческая формация» на том основании, что «самым классическим вариантом внешнеэкономического принуждения, зафиксированного в законодательстве, являлось рабство» (с. 286). Автор отвергает наше предложение — применять термин «древний способ производства». По существу кажется, что, отвергнув концепцию «рабства в широком смысле слова», автор все же в некотором смысле примыкает к ней же. В этом ее нельзя особенно упрекать. Мнения о характере древнего производства так или иначе сближаются в нашей науке, и спор ведется уже скорее о терминах.

Хотелось бы заметить, что сейчас необходимо уже не столько формулировать название того или иного этапа исторического процесса в традиционной схеме, сколько поставить вопрос о самом определении этапов этого процесса. Как всякий материальный процесс, история имеет свои закономерные этапы развития, рассматривать ли ее с марксистской или с любой другой точки зрения. Нам кажется, что ход истории определяется не только развитием производства, но и развитием социальной психологии, способов мышления и системы эмоций; все это влияет и на производство. С учетом этого фактора, возможно, окажется необходимым так или иначе пересмотреть общепринятую до сих пор марксистскую (вернее постмарксистскую) «пятичленную» схему смены исторических формаций и даже самое понятие «формация».

Я не вполне могу согласиться с соображениями автора по поводу налогов как формы эксплуатации в древнем мире. Как известно, налоги платит и Рокфеллер. Для того чтобы установить, какой налог является формой эксплуатации, а какой необходим для поддержания данного общества в целом, нужны большие и тщательные исследования, превосходящие которые вряд ли следует.

Еще раз хотел бы отметить, что работа В.Д. Нероновой — основательный и своевременный труд в момент, когда нам надо решать — что брать с собой из прошлого, а что — оставить позади.

И.М. Дьяконов

DANS LES PAS DE JEAN CLÉDAT. L'EGYPTE EN PÉRIGORD. Catalogue raisonné de l'exposition. Musée du Périgord, 16 mai — 15 septembre 1991. Editions Peeters, Paris — Louvain, 1992. 121 p., ill.

В мае 1991 г. исполнилось 120 лет со дня рождения выдающегося французского археолога и талантливого художника-копииста Жана Кледа (1871—1934). Национальная Ассоциация коптологов Франции отметила этот юбилей проведением 16—18 мая конференции коптологов на родине Ж. Кледа — в Перигё (главном городе провинции Перигор). Кроме ученых Франции в ее работе приняли участие специалисты из Австрии, Бельгии, Германии, Канады, СССР, Швеции. В местной библиотеке была устроена выставка печатной продукции, связанной с разнообразной деятельностью Ж. Кледа. В местном музее была развернута выставка «По следам Жана Кледа. Египет в Перигоре». Материалы на выставку представили: местный музей (42 экспоната), Лувр (14 предметов), несколько частных лиц (39 памятников). Выставленный материал можно разделить на три группы: первая связана с самим Ж. Кледа (его портреты, дневники, рисунки, фотографии, статьи, книги и проч.), вторая — с памятниками древнего Египта, третья — с коптским Египтом. Значение этого материала трудно переоценить, поскольку почти половина представленных памятников публиковалась впервые и большинство из них воспроизведено в выпущенном к выставке рецензируемом здесь каталоге. Участие в подготовке выставки и каталога ведущих специалистов Франции обусловило высокий уровень издания. Наша задача — отметить несколько спорных моментов и внести некоторые уточнения.

Фараоновский раздел, включающий 41 памятник, невелик, большая часть вещей в нем ординарна, но некоторые памятники интересны. № 15 (с. 16) — голова статуи фараона из известняка — самый важный памятник фараоновского периода на выставке. Значительная поврежденность поверхности памятника и неважная иллюстрация затрудняют его датировку. № 25 (с. 24) — погребальный конус «царского сына Куша» (частное собрание). Среди аналогий следовало бы указать на три идентичных памятника из собрания Эрмитажа¹. № 40 (с. 36) — погребальная маска (музей Перигора). Дата ее, предлагаемая составителями — «греко-римская эпоха», слишком широка. Аналогичные памятники, как правило, относятся к римскому периоду.

Коптскому разделу было отведено две трети выставочной площади. Он включал самый разнообразный материал: каменную и деревянную скульптуру, кости, керамику, стекло, изделия из металлов, ткани, широко (от острака до коптско-арабских рукописей) были представлены памятники письменности; здесь же были выставлены копии росписей Бауита и Дейр Абу Хиннеса, выполненные Ж. Кледа. № 93 (с. 77—78) — три керамических фрагмента с росписью (частная коллекция). Составителями идентифицирована только одна сцена — Три отрока в печи огненной. На другом фрагменте наверняка представлен один из соглядатаев, несущий увесистую кисть винограда (Числ. XIII). № 124 (с. 102) — кусок ткани с многоцветными изображениями (музей Перигора). В медальоне с тремя человеческими фигурами, нам кажется, следует видеть не «царя Давида, принимающего посетителей» (как указано в каталоге), а сцену представления юноши Давида царю Саулу. Вероятно, по ошибке, указана и дата этого памятника — IV в., он наверняка выполнен в IX в. Подобных памятников в мировых собраниях более десятка², и примечательно, что этот обнаружен Ж. Кледа при раскопках Бауита (что косвенно может указывать на время выполнения некоторых росписей этого монастыря).

Фрески монастыря апы Аполлона в Бауите, в которых уже Ж. Кледа отмечал руки разных мастеров и разновременные пласты, в целом датируются от IV до VII в. X. Торп относил давидовский цикл (12 сцен в III часовне) к VI в.³ В связи с этим

¹ Богословский Е.С. Конусы наместника египетской Эфиопии Май-Масэ в Эрмитаже // Сообщ. Гос. Эрмитажа. 1972. XXXV. С. 62—66.

² Каковкин А.Я. Уникальная коптская ткань с эпизодом истории Давида // ВВ. 1991. Т. 52. С. 238.

³ Торп Н. Two Sixth-century Coptic Stone Reliefs with Old Testament Scenes // Institutum Romanum Norvegiae. 1965. V. II. P. 118.

уместно вспомнить высказывания Д.В. Айналова о сцене расправы Давида с Голиафом (цв. илл. на с. 47 справа внизу). По мнению Д.В. Айналова, «головы, выглядывающие из-за холмов [слева, со стороны Давида, это израильтяне, справа, над Голиафом — филистимляне. — А.К., А.Б.], близки к изображениям в арабских рукописях, что указывает во всяком случае на принадлежность фресок времени после арабского завоевания»⁴. Кстати, неверно определена и сцена ухода Давида на поединок с Голиафом из дворца Саула (она названа составителями «Давид перед Саулом» — с. 47).

№ 125 (с. 103) — ткань с погрудным изображением человека (музей Перигора). Серьги в ушах у персонажа свидетельствуют о том, что это женщина, а не мужчина, как значится в каталоге. Датировка памятника VIII веком, на наш взгляд, поздновата, скорее всего, он выполнен в VI—VII вв.

№ 134 (с. 109) — кусок ткани с многоцветными изображениями (музей Перигора). В «оранте в византийском одеянии, стоящем в фас и держащем в поднятых руках веревку» мы видим олицетворение месяца, а в «морском монстре с головой человека, оседланного nereидой, — тритона».

На с. 3 опечатка — статья Х. Торпа появилась не в 1931, а в 1981 г.

Закрывают каталог ценные сведения, непосредственным образом связанные с коптологией во Франции: данные о национальной ассоциации коптологов, указатель собраний коптских памятников во Франции⁵, перечень учреждений и учебных заведений, в которых изучают или преподают коптский язык, историю, философию, религию, искусство и др., указания коптологических изданий, выходящих во Франции, и т.п. Это издание несомненно будет интересно для специалистов и лиц, интересующихся историей, культурой, искусством древней страны фараонов.

А.Я. Каковкин, А.О. Большаков

⁴ ВВ. 1905. Т. 12. С. 294.

⁵ Указатель в каталоге значительно (на несколько десятков!) пополняет сведения Стефана Эммеля (*Emmel S. An International Directory of Institutions Holding Collections of Coptic Antiquities outside of Egypt. Roma, 1990. P. 20—26*).

© 1993 г.

S. GRAZIANI. *Testi editi ed inediti datati al regno di Bardiya (522 a.C.)*. Napoli, 1992 (Supplemento n. 67 agli Annali. Istituto Universitario Orientale. V. 51. 1991. Fasc. 2). XXXVII+64 p. XII tavole.

Рецензируемая работа выполнена в рамках Ахеменидского проекта, целью которой является публикация неизданных вавилонских документов персидского времени и колляция уже опубликованных. Проект этот осуществляется в течение многих лет в Институте востоковедения Неаполитанского университета под руководством Л. Каньи. Книга является частью обширного исследования вавилонских хозяйственных и юридических документов, датированных по правлению Бардии, Навуходоносора III и IV в 522—521 гг. до н.э., а также Бел-шиманни и Шамаш-эрибы в 484—482 гг. до н.э., но по издательским причинам документы времени Бардии выделены в отдельную работу.

В отличие от других упомянутых царей-узурпаторов, которые были вавилонянами, Бардия, если верить Бехистунской надписи Дария I, был мидийским магом, выдававшим себя за сына Кира и наследника престола. Он поднял восстание против персидского царя Камбиза и короткое время правил Ахеменидской державой.

Работа состоит из пространного введения с описанием и характеристикой документов, транслитерации и переводов текстов, указателей и таблиц с фотографиями (автография документов не прилагается). Всего книга содержит 36 документов, датированных по царствованию Бардии, ровно половина которых публикуется впервые. Из ранее изданных 18 текстов 16 сверены заново. Один документ происходит из Хумадешу (в районе Персеполя в Иране), остальные — из Вавилона, Бурсиппы, Урука, Сиппара и Ниппура. Все ранее неизвестные тексты происходят из коллекций Британского музея. Как отмечает С. Грациани, пять

документов того же времени, хранящиеся в Вавилонской коллекции Йельского университета, пока остаются неопубликованными. Попутно отметим, что имя Бардии в вавилонских документах пишется, следуя мидийской диалектальной форме, *Barziya*. Лишь в одном документе (BM 64780, № 21 в рецензируемой работе) имя это появляется в его древнеперсидской форме *Vardiya*.

По поводу одного из текстов, отнесенных Грациани ко времени Бардии, возникают сомнения. № 33 в рецензируемой книге датирован 11-м днем месяца *арахсамна* (8-й месяц вавилонского календаря), первого года царствования *Tarziya*. Поскольку царя с таким именем не существовало, напрашивается предположение, что здесь имеется в виду Бардия, в имени которого первый знак написан ошибочно. Однако А. Пибель и Дж. Камерон еще полвека назад считали, что такое предположение невозможно принять, поскольку интересующий нас текст составлен через месяц и один день после казни Бардии (или Лже-Бардии), который, по свидетельству Бехистунской надписи, был убит в 10-й день месяца *ташриту* (7-й месяц вавилонского календаря) того же года (29 сентября 522 г.). Вряд ли писец этого документа мог не знать, что Бардия был давно свергнут с престола. Исходя из этого, Камерон высказал предположение, что интересующий нас текст относится к царствованию Камбиза, имя которого в вавилонских текстах обычно пишется *Kambuziya* (следует отметить, что в датировочной формуле текста после года и перед *Tarziya* стоит знак *kam*, который обычно ставится после порядковых числительных, а в данном случае, по мнению Камерона, относится к имени Камбиза). Но Грациани отвергает такое предположение (см. с. XIV—XV, там же приведены ссылки на работы Пибеля и Камерона). Тем не менее представляется крайне маловероятным, что писец мог датировать документ по уже мертвому правителю, который был объявлен самозванцем и государственным преступником. К тому же более месяца до составления этого документа Вавилонией уже правил Навуходоносор III (см. ниже).

Однако трудности в датировке документов времени Бардии не ограничиваются попытками интерпретации этого текста. В каталоге вавилонских текстов из района Сиппара, в настоящее время хранящихся в Британском музее, упомянут документ № 59425, датированный 20-м днем месяца *арахсамна* первого года царствования Бардии (10 ноября 522 г. до н.э.)¹. Однако давно известны три документа, датированные по правлению Навуходоносора III и составленные 3, 6 и 9 октября того же года. К тому же первый из них происходит, как и упомянутый выше текст 59425, из Сиппара. Очевидно, уже мертвый Бардия и новый царь Навуходоносор не могли одновременно править Вавилонией. Поэтому нами было высказано предположение, что составитель указанного каталога при весьма сжатом описании многих тысяч текстов мог допустить неточность в чтении даты данного текста, и предложено читать название месяца как *нисанну*² (первый месяц вавилонского календаря), поскольку знаки для обозначения этих месяцев в нововавилонской графике выглядят сходно. В таком случае интересующий нас текст был написан 15 апреля 522 г., что находится в полном соответствии с другими синхронными документами. Грациани не решается принять или отвергнуть это предположение, полагая, что в настоящее время нельзя окончательно выяснить этот вопрос. Она также отмечает, что знак с обозначением месяца в настоящее время уже не виден и читает его в квадратных скобках и с вопросительным знаком как *арахсамна* (см. № 34). Как выше говорилось, по свидетельству Бехистунской надписи, Бардия (или самозванец, выдававший себя за него) был убит 29 сентября 522 г. Эту дату вряд ли можно подвергнуть сомнению. Составитель надписи, конечно, не мог ошибиться в датировке казни главного врага Дария I и к тому же ему не было никакой выгоды исказить эту дату. Кроме того, как уже было указано, начиная с 3 октября 522 г. вавилонские документы датированы по царствованию Навуходоносора III. Поэтому трудно согласиться с Грациани, когда она, ссылаясь на пропагандистский характер Бехистунской надписи, допускает возможность, что Бардия продолжал править в октябре и ноябре 522 г. (см. с. XVIII). Ее призыв попытаться решить проблему на основе просопографических исследований также не представляется нам перспективным,

¹ *Leichty E.* Catalogue of the Babylonian Tablets in the British Museum. V. VI. Tablets from Sippar I. L., 1986. P. 284.

² *Dandamaev M.A.* A Political History of the Achaemenid Empire. Leiden—New York, 1989. P. 93—94, Not. 18.

поскольку с 11 марта 522 г. по 27 ноября 521 г. в Вавилонии правили три узурпатора (Бардия, Навуходоносор III и IV) и поэтому одни и те же лица могут быть упомянуты не только в документах, датированных по их царствованию, но также в текстах времени Камбиза и Дария I.

Издание текстов и их комментированные переводы составляют основную часть рецензируемой работы. Это долговые и залоговые документы, расписки и другие тексты из частных и храмовых архивов, которые дополняют обширный фонд нововавилонских источников. Копии текстов представляются точными. В них мы заметили лишь одну ошибку. На с. 36 и 62 вместо *turšar Bābili* («писец Вавилона») следует читать *šangū Bābili* («жрец Вавилона»).

В заключение остается сказать, что ассириологи будут благодарны Грациани за ее кропотливую и тщательную работу по копированию клинописных текстов, их изданию и исследованию. Можно также не сомневаться в том, что ее книга о документах смутного времени, когда в Вавилонии правили Навуходоносор III и IV, а также Бел-шимани и Шамаш-эриба будет встречена ассириологами с большим интересом, когда она выйдет в свет.

М.А. Дандамаев

© 1993 г.

Gifts to the Gods. Proceedings of the Uppsala Symposium 1985. Edited by T. Linders and G. Nordquist / Boreas. Uppsala Studies in Ancient, Mediterranean and Near Eastern Civilizations. 15. Uppsala, 1987.

Материалы симпозиума «Дары богам», состоявшегося в 1985 г., изданные Упсальским университетом, несомненно, вызвали интерес у широких кругов читателей, главным образом антиковедов. В целом проблемы интерпретации дара, разграничения между приношением (*offering*) и жертвоприношением (*sacrifice*), роли отношений дарения в функционировании ранних обществ в последнее время привлекают пристальное внимание как зарубежных, так и российских ученых¹.

На симпозиуме было представлено десять докладов, очень разных по затронутым вопросам. Но именно этот момент позволяет выявить различные группы проблем, возникающих при изучении феномена дара в религии. По-видимому, сама тема предполагает два основных направления исследования. С одной стороны, это работы теоретического характера, среди них вопрос о происхождении дарения, с другой стороны — разработка семантики дара. В остальных же сообщениях, как правило, рассматриваются предметы, найденные в результате археологических раскопок, либо изображенные в сценах жертвоприношения. При этом проблема интерпретации дара сводится к утверждению, что его приносили с ожиданием ответных благоприятных действий божеств.

Необходимо указать еще на один аспект проблемы. Ведь дары богам — лишь часть сферы функционирования отношений дарения в древних обществах. Дар — универсальный способ обмена, проявляющийся в экономике, праве, мифологии, в области социальных отношений. Впервые многосторонний анализ этого феномена был сделан в классическом исследовании М. Мосса, которое во многом не потеряло своей актуальности и по сей день².

¹ *Le sacrifice dans l'Antiquité.* Vandoeuvres, Genève, 1981; *Faith, hope and worship.* Leiden, 1981; *Sacrificio e società nel mondo antico.* Roma, 1988; *Иванов Вяч.Вс.* Происхождение семантического поля славянских языков, обозначающего дар и обмен // *Славянское и балканское языкознание. Проблемы интерференции и языковых контактов.* М., 1975; *Жуковская Н.Л.* Категории и символика традиционной культуры монголов. М., 1988. С. 101—109.

² *Mauss M.* *The gift.* L., 1970. См. также: *Гофман А.Б.* Социологические концепции Марселя Мосса // *Концепции зарубежной этнологии. Критические этюды.* М., 1976.

Центральное место в сборнике занимает доклад В. Буркерта «Жертвоприношение в перспективе: отказ, распределение, обмен». Автор многочисленных работ по истории древнегреческой религии и мифологии В. Буркерт попытался выявить причины возникновения института дарения³. Он отмечает, что giving служит универсальным способом общения и основой всего экономического развития примитивных обществ. Корни этого феномена следует искать в поведенческих особенностях человека на заре его истории, он проявляется в форме жертвы или частичного самопожертвования и возникает в двух противоположных ситуациях: при несчастье и при изобилии.

Таким образом, рассматривая институт дарения с точки зрения биолого-антропологической, В. Буркерт моделирует две ситуации: 1) отказ от желаемого объекта, главным образом от пищи, происходит в случае угрозы со стороны более сильного существа; этот отказ представляет собой частичное самопожертвование; 2) распределение пищи среди группы индивидов (оно существует в зачаточной форме у шимпанзе и служит основополагающим принципом функционирования охотничьих обществ).

Процеируя эти поведенческие реакции на греческую культовую практику, В. Буркерт приходит к выводу, что в приношениях богам, героям и предкам все еще различимы инстинкты отказа, частичного жертвоприношения. Одно из возможных подтверждений своей точки зрения он видит в мифе об Оресте. Подобно тому, как лиса, очутившись в капкане, может отгрызть себе лапу, так и Орест отрубает свой палец, который становится жертвой гонящимися за ним Эриниям. Смысл этого ритуала — «отвращение» (беды, несчастья, преследования). Очевидно, в исторической перспективе преследование конкретным существом (Эриния или Аэт, настигающий Ясона и Медею) трансформировалось в абстрактный гнев богов, который усматривали в военном нашествии, чуме либо голоде. С другой стороны, человеческая или частичная жертва заменялась приношением животного или пищи. К отказу восходит также, по мнению В. Буркерта, и ритуал «козла отпущения». Его суть заключалась в том, что человека, который олицетворял собой все несчастья города, изгоняли за его пределы или убивали. В данном случае весь коллектив понимался как целое, и удаление одного человека символизировало частичное жертвоприношение.

Интересно отметить, что ритуал во всех этих случаях выступает как реакция на действия какой-то враждебной силы. Сама же эта сила понимается не как первоначальная причина ситуации, а как следствие неправильных действий человека. Весь цикл причинно-следственных связей может быть выражен следующим образом: нарушение человеком установленного космического порядка (убийство, нечестие и т.п.) → гнев богов → отказ/частичное жертвоприношение. Таким образом, в основе данного вида жертвы лежат представления о вине, нечистоте, которые возникают при пренебрежении божественными законами. И при этом жертвоприношение завершает ситуацию, восстанавливая утраченную гармонию, а не создает ее (в последнем случае в ответ ожидается дар божества).

Вторая ситуация, рассмотренная В. Буркертом, в раннегреческом обществе находит свое выражение в совместной трапезе, которая конституирует закрытую группу, обладающую четкой структурой, выражаемой через последовательность и количество порций пищи, достигающих каждому из участников. В религиозном сознании в это распределение также включаются и воображаемые члены социума — боги, герои, предки; они — старшие партнеры, поэтому получают свою долю первыми. Таким образом, дары богам создают основу для экономического накопления и перераспределения.

В отличие от В. Буркерта Г. Энглунд в докладе «Дары богам — необходимость сохранения космоса и жизни» стремится рассмотреть дар изнутри культуры — выявить понимание дара и отношение к нему древнего человека. В фокусе внимания — египетские храмовые рельефы, которые, по мнению докладчика, явно демонстрируют идею круговращения сакральной энергии в космосе. Два основных знака, воплощающих идею дара — Око Гора и Маат. Это символы

³ В. Буркерт обращался к этой проблеме и ранее: *Burkert W. Structure and history in Greek mythology and ritual. Berkeley, etc., 1979. P. 35 ff.; idem. Homo necans. An anthropology of ancient Greek sacrificial ritual and myth. Berkeley, etc., 1983.*

восстановления и укрепления существующего мироздания. Сходное значение имеет принесение в жертву царем своего имени, которое понимается как вариант приношения Маат. С другой стороны, считает Г. Энглунд, можно рассматривать принесение в дар царем своего имени, так же как и своей статуи, как самопожертвование. Характерно, что круговорот даров в соответствии с принципом *do ut des* непосредственно изображен на храмовых рельефах. Приношения царя немедленно провоцируют ответ божества, которое протягивает руку со знаком, обозначающим жизнь, или с комбинацией знаков жизни, стабильности и благополучия. Помимо прочих значений, эти дары также подтверждают божественный статус царя.

Так как в докладе рассматриваются жертвоприношения, совершаемые царем, то естественно, что дары принимают значение способа установления космического порядка. Интересно, что эта идея была особенно ярко осознана и выражена египетской культурой. На это указывает также Я. Бергман, который в докладе «Религиозно-феноменологические размышления по поводу многоступенчатого процесса дарения богам» отмечал, что только египетские храмы дают конкретную иллюстрацию космического взаимодействия божества и человека. Восходящие к солнцу и нисходящие после выполнения ритуала процессии, изображенные на рельефах в верхней части храмов, символизирующей небесную сферу мироздания, воплощают мысль о непрекращающемся процессе обмена дарами. Таким образом, храм выступает гарантом благополучия города, царя, страны (с. 34).

Вторая группа источников, использованных докладчиком, — погребальные стелы. Изображения на них ограничиваются кругом семьи, но и здесь понимание дара носит космический характер; при помощи жертвоприношения человек обретает статус божества. Однако, если в первом случае дары гарантируют существование страны, то во втором — они утверждают вечную жизнь отдельного человека.

Предметом исследования Б. Алрот в сообщении «Боги-посетители — кто и почему?»⁴ стала хорошо известная в античном мире практика посвящений в храмы изображений божеств. В докладе были рассмотрены вотивные статуэтки из бронзы и терракоты из святилищ материковой Греции, островов и Западной Малой Азии в геометрическое, архаическое и классическое время. На этот раз в центре внимания докладчика оказалась вещь, принесенная в дар. При этом важна не интерпретация статуэтки (атрибуция мелкой пластики чаще всего не вызывает трудностей), а выбор дарителем того или иного типа вотива. Поэтому встает вопрос о традиционности приношения божеству: что принято дарить, а что нет. Данные о «посетителях» сведены в таблицы, которые дают информацию о распределении фигурок на каждом конкретном памятнике, а также о соотношении изображений божества, которому посвящено святилище, и прочих богов. Чаще всего «посещали» других богов Афина, Гермес, Пан и Геракл. Реже всего встречаются изображения Геры и Деметры. Однако это, возможно, связано с трудностью атрибуции этих статуэток. Произведенный анализ позволил сделать вывод о том, что приношение статуэток в дар какому-либо божеству зависело от характера культа этого божества и от связей (мифологических или культовых) между различными божествами. С другой стороны, статуэтки посвящались просто как *ἄγαλμα* — прекрасная вещь, которая будет по достоинству оценена реципиентом (с. 20)⁵.

Доклад С. Беер «Сравнительная вотивная религия: изображения детей на Кипре, в Греции и Этрурии» также посвящен главным образом анализу самих вещей, принесенных в дар. В данном случае — это скульптурный тип, названный автором «храмовый мальчик» и изображающий ребенка, сидящего в определенной позе. Интерпретация подобного дара часто осложняется неизвестностью места находки и контекста. На Кипре эти скульптуры происходят обычно из святилищ, посвященных Мелькарту, Аполлону, Афродите. Присутствие этого типа в финикийских культовых комплексах в Аль Мине, Сукасе, Амрите, Сидоне позволили С. Беер связать его с финикийскими обрядами возрастных инициаций.

⁴ «Посетители» — изображения божеств, найденные в святилище, не посвященном этим божествам.

⁵ В этой связи необходимо отметить недопустимость определения принадлежности святилища тому или иному божеству, исходя только из интерпретации статуэток, найденных во время раскопок, так как в некоторых случаях количество изображений божества, которому посвящено святилище, меньше, чем изображений иных божеств.

Среди подобных скульптур, найденных в Греции и Этрурии (одни из них напоминают «храмовых мальчиков», другие имеют несколько иную иконографию), есть отдельные экземпляры, представляющие детей, больных тяжелым недугом. Анализ этих изображений приводит докладчика к довольно общему положению, которое известно а priori и может быть отнесено к любой группе вотивов: изображения детей выполняли различные функции, но всегда были связаны с пожеланием здоровья, счастья и богатства ребенку.

Проблематика доклада *И. Эдлунд* «*Mens saga in cogrote sano: целительные культы как политический фактор в этрусской религии*», на наш взгляд, выходит за рамки темы симпозиума. Хотя культ, несомненно, имеет отношение к дару, так как представляет собой тот контекст, в котором разворачивается акт дарения, но предметом исследования автора стал не этот аспект, а связь места и формы культа с изменениями в политической структуре общества, с его историческим развитием. Что касается вотивов, то перемены в практике дарения связаны с трансформацией религиозного сознания, а именно — с победой во II—I вв. до н.э. римской религии, для которой не были характерны конкретные приношения (вотивные терракоты и пр.) (с. 56).

Италийскому материалу посвящен доклад *Б.М. Фрид-Ханесон* «Вотивные терракоты из Италии: типы и проблемы». В центре внимания докладчика оказался вопрос интерпретации определенного иконографического типа: анализируются две группы терракот из Южной Этрурии и Лация, изображающих сидящую женщину с ребенком. Эти вотивные приношения из храмов и святилищ, датирующиеся IV—II вв. до н.э. Отмечается, что эти статуэтки можно рассматривать через призму орфических представлений, распространенных в Южной Италии. Их реконструкция во многом стала возможна благодаря находкам в южноиталийских погребениях так называемых золотых табличек⁶. Б.М. Фрид-Ханесон считает, что рассматриваемые терракоты воплощали идею вечной жизни, которая обретается посредством божественного усыновления. При этом маленькая фигура, помещенная под платьем богини, представляет умершего, который как бы входит в ее чрево, чтобы вновь родиться. Слово *κόλλος*, встречающееся в текстах, обозначает одновременно «лоно» и «пазуха» (одежды). Статуэтки же, изображающие богиню, кормящую грудью безжизненно лежащего у нее на коленях человека, символизируют акт возрождения к новой жизни после испытания божественного молока (с. 71). Докладчик находит параллели этим представлениям в египетских текстах пирамид — фараон, вскормленный богиней, получает силу и власть в загробном мире (с. 73).

В докладе *У.Э. Хагберга* «Скандинавские вотивные депозиты оружия и украшений в римском железном веке и в период миграций» рассматривались дары богам, сосредоточенные в виде вотивных депозитов в заболоченных местностях. Предметом анализа стали шесть памятников из Дании и один из Скандинавии, относящиеся к разным периодам в рамках I тыс. н.э. Основные находки — дорогие предметы вооружения: серебряные пряжки, накладки на ножны с резьбой, а также украшения. Другая отличительная черта этих вещей — то, что практически все они были предвзвешенно сломаны. Докладчик справедливо полагает, что у скандинавских племен могли существовать обычаи, аналогичные культовой практике германцев и галлов, описанной античными авторами, в частности Тацитом. Исходя из этого открытые депозиты понимаются как посвящение богу части военной добычи и служат свидетельством битв и побед одних племен над другими.

Наличие значительного числа письменных источников позволило *А. Хультгарду* в докладе «Сожжение даров в ранней еврейской религии» проанализировать ритуал жертвоприношения. Интересно, что в этом очерке отражены практически все основные вопросы, возникающие при изучении даров богам: разделение функций между приносящим жертву молящимся и жрецом, непосредственно совершающим жертвоприношение, вопрос о том, что приносили в жертву (животных, жидкости, растительную пищу, благоволия и т.п.), временная структура ритуала. Вне поля зрения автора осталась пространственная структура жертвоприношения (несомненно, имеющая особое значение в акте принесения дара), хотя попутно и рассматриваются ее отдельные элементы: храм, алтари, священный участок. Все эти изыскания позво-

⁶ Собрание этих текстов и их переводов см. в издании: *Zuntz G. Persephone. Three essays on religion and thought in Magna Grecia. Oxf., 1971.*

лили А. Хультгарду достаточно подробно воссоздать ритуал, созданный в Иерусалиме, который был основной формой поклонения божеству в период Второго Храма (500 г. до н.э. — 70 г. н.э.).

Р. Хэг в докладе «Дары героям в геометрической и архаической Греции» обратился к анализу конкретных комплексов посвящений с целью выявить характерные особенности жертвоприношений богам и героям⁷. Он считает необходимым различать функциональное назначение находок в святилищах: были ли они специально принесены в качестве дара, либо оставлены после использования в ритуале. Если верно последнее, то археологически должны проследиваться остатки ритуала — сожжения жертв либо трапез. Общеизвестным считается, что вещи геометрического времени в микенских гробницах свидетельствуют о культах героев. Один из классических примеров — голос Мениды в Аттике. Р. Хэг отмечает, что набор даров здесь таков, что все они могли служить и приношением в святилище. Это сосуды, терракотовые щиты и таблички. То же самое можно сказать и о находках из погребений Просимны — доисторического поселения на месте Аргосского Герайона. Среди них лутерии, кувшины и гидрии, по-видимому, мыслимые как приношения для принятия ванн героем. Предметы из бронзы — фибулы и булавки — очевидно, украшали одежду. Бронзовые диски и сосуды аналогичны вотивам, найденным в Герайоне. Однако отличительной чертой героонон архаического и геометрического времени, по мнению Р. Хэга, является то, что в них, как правило, мало находят металлических изделий, не встречаются бронзовые статуэтки и котлы, нет каменной скульптуры и надписей. Проведенное в докладе сравнительное исследование позволило сделать очень интересный вывод о том, что в раннее время не существовало четких границ между практикой погребальных церемоний, культа предков и почитания героев. Также и различия между культурами богов и героев остаются крайне неясными.

Анализу символики дара был посвящен доклад А. Якобсен-Виддинг «Пиво для предков, шляпа для "белой дамы"». Обращаясь к рассмотрению этнографических материалов из Зимбабве, докладчик опирается на теоретические положения, выработанные антропологической школой. Мысль о тесной связи дара и дарителя подвергается проверке на основе конкретного материала. Характерно, что дар может принимать различные значения в зависимости от социального уровня жертвоприношения. Во время церемонии вызывания дождя богам-предкам от имени всей общины приносят в дар пиво, которое, с точки зрения докладчика, более соответствует реципиенту. С другой стороны, то же пиво, но принесенное в жертву предкам отдельной семьи ее живыми членами, символизирует дарителя — мужскую зрелость главы семьи.

С. Лэнгдон в докладе «Обмен дарами в геометрических святилищах», так же как и Р. Хэг, обратилась к проблемам греческой культовой практики геометрического времени. В центре ее внимания — бронзовые вотивы из святилищ. Отмечая поразительный факт обилия треножников и статуэток (эти предметы, по-видимому, изготовлялись исключительно для культовых целей), С. Лэнгдон предлагает искать его объяснение в специфических формах самих вотивов. Эти дары восходят к запечатленной в гомеровских поэмах практике аристократического мира, в котором система обмена дарами служит основой всех социальных взаимодействий⁸. Также и жертвоприношение выступает частным случаем этого обмена. Нельзя не согласиться с мыслью С. Лэнгдон о том, что в периоды социальной, политической и экономической нестабильности возникла необходимость в обращении к высшей силе — божеству, однако вряд ли именно в этих ситуациях следует видеть происхождение

⁷ Вопрос о месте культа героев в процессе формирования раннегреческой религии занимал многих исследователей. См., например: *Colstream J.N. Recollection of the heroic past // Geometric Greece. L., 1977. P. 431—357; Sredgrass A.M. An archaeology of Greece. Berkeley, etc., 1987. P. 159 ff.*

⁸ Этот вопрос был подробно рассмотрен в книге: *Herman G. Ritualised Friendship and the Greek City. Camb., 1987.* См. также: *Morris J. Gift and Commodity in Archaic Greece // Man. 1986. 27. P. 7—13; Donlan W. Scale, Value and Function in the Homeric Economy // AJAH. 1981. 6. P. 101—117; idem. Reciprocities in Homer // CW. 1981—82. 75. P. 137—175; idem. Homeric τέμενος and the Land Economy of the Dark Age // Museum Helveticum. 1989. 46. P. 129—145; idem. The Unequal Exchange between Glaucus and Diomedes in the Light of the Homeric Gift-Economy // Phoenix. 1989. 43. P. 1—15.*

ритуала жертвоприношения. Несомненно, одна из функций ритуала — восстановление порядка в случае любого конфликта. Но в древнем обществе с его представлением о цикличности бытия и космоса жертвоприношение выступает вообще способом утверждения продолжения жизни. Определенные сомнения вызывает мысль о связи основания больших панэллинических святилищ с деятельностью исключительно аристократических родов, которые стремились защитить почитание собственных родовых культов. Скорее, дело не в закреплении власти аристократии на землю, которое, как пишет С. Лэнгдон, достигло апогея в VIII в. до н.э., а в получении права на землю широких крестьянских масс, в появлении идеи гражданства, в наделении крестьянства социальным статусом, связанным с землевладением, т.е. во всех тех феноменах, которые составили начало процесса становления полиса⁹.

В докладе Т. Линдерс «Боги, дары, общество» был поставлен вопрос о функциональном назначении вотивов из золота и серебра, хранящихся в святилищах. В литературе бытовало мнение о том, что временами эти сокровища могли использоваться для экономических нужд государства. Однако исследование храмовых инвентарных списков позволило Т. Линдерс утверждать, что поступившие в храм дары считались вечным владением божества. Вотивы, по крайней мере драгоценные, не понимались как материальное имущество. Они отражали связь между божеством — патроном полиса и не только народом, но и отдельными правящими органами и группами граждан. Храмовые сокровища символизировали весь полис — его организацию, общественную жизнь, достижения. Добавим, что эти сокровища служили и выражением статуса государства, демонстрировали его силу и богатство¹⁰.

Н. Маринатос предложила в своем докладе анализ сцены жертвоприношения шафрана на фреске из дворца в Акротири (Фера). Фреска расположена над адитоном (называемым обычно световым колодцем), который, по-видимому, использовался для жертвоприношений и церемоний секретного характера. На фреске изображены девушки, собирающие шафран и приносящие его богине. Само жертвоприношение совершается существом, которое раньше считалось демоном — спутником Великой богини. Н. Маринатос видит в нем обезьяну и считает, что она была божественным посредником между человеком и божеством (с. 128). В этой интерпретации докладчик следует высказанному на основании изучения иного материала мнению М. Нильсона, считавшего, что «гении» были слугами Великой богини. Их основные функции — возлияние и жертвоприношение. Н. Маринатос полагает, что изображенное принесение даров было составной частью обряда возрастных инициаций.

В докладе М. Оттоссона «Жертвоприношение и священная трапеза в древнем Израиле» рассмотрен обряд приготовления священной пищи в древнем Израиле. Докладчик исходит из положения об изначальной идентичности как функций жилища человека и храма, так и их архитектурного воплощения. М. Оттоссон занимался изучением открытых в результате археологических раскопок святилищ Палестины. Итогом его работы стала книга, которая вышла в свет в той же серии, что и рецензируемый сборник¹¹. В представленном на симпозиуме докладе он попытался на основе анализа письменных источников дать интерпретацию элементов конструкции культовых памятников. Интересна мысль о том, что ежедневное приготовление пищи, которое происходило во дворе жилого дома, находит параллели в ритуале жертвоприношения животного, совершавшегося во дворе храма. Подроб-

⁹ Morris J. Burial and Ancient Society. Cambr., 1987. В этой работе на основе анализа погребальных комплексов Аттики был сделан вывод о связи возникновения идеи гражданства (как основополагающей идеи формирующегося полиса) с расширением корпоративной группы, погребавшей своих предков.

¹⁰ Для греческой культуры вообще свойственно стремление к подчеркиванию собственного статуса, которое находило выражение в создании материальных памятников. Самый яркий пример — строительство на афинском акрополе после победы над персами. В этом же ряду следует упомянуть установление скульптур в святилищах победителями в различных состязаниях, а также тенденцию воплотить память об умершем в надгробии. См.: Humphrey S.C. The Family, Women and Death. Comparative Studies. L., 1983. P. 145—151.

¹¹ Ottosson M. Temples and cult places in Palestine // Boreas. Uppsala Studies in Ancient Mediterranean and Near Eastern Civilization. Uppsala, 1980.

ности этого ритуала довольно точно устанавливаются на основе текстов Ветхого завета. Основное действие — заклятие жертвы — происходит на алтаре. Первоначальный смысл слова алтарь — место, на котором убивали животное, впоследствии им стали обозначать платформу, на которой сжигали его жир (с. 135). Как показали археологические исследования, подобные алтари располагались напротив входа в храм. Другой элемент ритуала — приготовление священной пищи. На то, что это происходило во дворе храма, указывают находки тысяч фрагментов кухонной посуды и многочисленных костей домашних животных на памятнике Нахарья. Узкое длинное строение во дворе М. Отгоссон предлагает рассматривать как зал для трапез.

Доклад *Р. Паркера* «Праздники аттических демов» имеет лишь косвенное отношение к проблеме дара. На основании анализа календаря Торика, а также других аттических демов ставится вопрос о соотношении культов общеполитских и локальных. Докладчик справедливо отмечает, что дем может рассматриваться как муниципалитет, который копирует религиозную жизнь Афин, только в меньшем масштабе (с. 137). Как правило, былая самостоятельность проявлялась именно в сфере религии, а не политики, и народное собрание дема решало вопросы, связанные с культурами. Анализируя параллели в праздниках Афин и Торика, Р. Паркер приходит к выводу о том, что Афины как центр Аттики утверждались не путем перенесения местных культов в город, а созданием новых государственных праздников, таких, как Панафинеи, городские Дионисии, Тесейи, Гестестейи.

В центре внимания сообщения *В. Стернkvист* «Культы у источников в Скандинавии в доисторическое время» — особый вид культовой активности, прослеженный на двух памятниках в Южной Швеции, — жертвоприношения возле источников. Рассмотрение различных категорий вещей, приносимых в дар божеству (среди них главным образом кости домашних животных и посуда), приводит к выводу о связи культа с аграрной экономикой.

Ф. ван Стратен в докладе «Греческие изображения жертвоприношений: цены на скот и религиозное сознание» обратился к анализу жертвоприношений животных в древней Греции. Он привлекает три вида источников: изображения на вазах, рельефах, календари жертвоприношений. Характерно, что каждый источник дает различное процентное соотношение домашних животных, приносимых в жертву. Объяснение этому факту дается исходя из существовавших цен на скот и из функционального назначения различных типов источников: эпиграфические материалы и изображения на рельефах свидетельствуют о преобладании мелких животных (овцы, свиньи), на которых, по-видимому, были более низкие цены, что было предпочтительно во время жертвоприношения небольшой общины либо отдельной семьи. Во время же официальных государственных праздников приносили в дар более дорогих коров и быков. И именно сцены этих праздников были популярны среди вазописцев.

Предметом исследования *Г. Вальберг* «Ранние критские святилища: керамика» стала категория находок, еще недостаточно изученная. Подход к проблеме переключается с подходом Р. Хэга — делается попытка ответить на вопрос о функциональном назначении сосудов, найденных в святилищах в пещерах и на вершинах гор, во дворцах и домах: приносили ли в них жертвы, использовались ли они в ритуале или это были дары богам. Однако основная цель доклада — оценка возможности идентификации святилища на основе керамического материала. Проведенный Г. Вальберг анализ показал, что в святилищах использовались для культовых нужд, как правило, те же сосуды, что и в повседневной жизни. Некоторые специфические формы сосудов могли изготавливаться только для культовых целей (snake-tubes и fire-boxes). Если говорить о расписной керамике, то здесь некоторые изображения могли ассоциироваться с культом — например, танцующая женщина и стоящий мужчина, крокусы и пальма. Однако в целом расписные вазы стиля Камарес не изготавливались для религиозных целей и ничто не указывает на то, что сами они понимались как дары богам (с. 174). Таким образом, только на основании изучения керамики трудно делать какие-либо выводы относительно критских культов и этот источник должен использоваться в комплексе с другими материалами.

Рассмотрению вотивов из Калопсиди и Афиену (Кипр) посвятил свой очерк *П. Астрем* «Вотивные депозиты позднекипрского бронзового века». В Калопсиди

в траншее (размеры: 5×1 м (и глубиной 81 см) было найдено более 200 000 черепков и миниатюрных сосудов. Фрагменты бронз, медные шлаки и окалина позволили исследователям сделать вывод о наличии здесь бронзолитейного производства. В докладе в противовес ранее высказанной гипотезе выдвигается идея о культовом назначении памятника. Раскопки в Афиену помогают понять характер находок в Калопсиди. В западной части двора, фланкированного с севера и востока комнатами, были открыты ямы, в одной из которых найдены кости, зола, раковины и букраний, подобный тем, которые украшали святилища в Энкоми и Китионе. Медные предметы, происходящие из Афиену, главным образом руда и шлаки, весом около полутонны, свидетельствуют о существовании медной мастерской. Характер и набор керамики (около 10 тысяч фрагментов и целых сосудов) напоминают материалы Калопсиди. Анализ комплекса находок позволяет предположить, что эти два памятника были святилищами, посвященными богам — покровителям металлообработки. При этом жертвоприношения могли проходить в форме банкетов-симпозиев, подобных тем, которые были распространены в крупных центрах микенского мира — Пилосе, Микенах, Кноссе, а также позднее в протогеометрической и геометрической Греции.

Очень важным представляется то, что материалы симпозиума через призму конкретных докладов и подходов к теме позволяют увидеть в целом комплекс проблем, возникающих при изучении отношений дарения в древних обществах. Очертим кратко этот круг вопросов. Прежде всего вызывают интерес истоки института дарения. Затем возникают идеи по поводу различных взаимоотношений в триаде «даритель — дар — реципиент». Если в центре внимания оказывается даритель, то важно установить, сам ли он приносит дар, либо через специального посредника между человеком и божеством — через жреца. При обращении участников симпозиума собственно к дару ставятся основные вопросы — что приносили, почему, с какой целью. Среди приношений есть вещи с постоянно высоким семиотическим статусом¹² (к ним относятся бронзовые треножки и терракотовые шиты из раннегреческих святилищ), другие же предметы обретают символическое значение, лишь когда их дарят божеству (например, керамика). Если вещь становится знаком, то важно, кого она обозначает — дарителя, реципиента, либо она понимается как воплощение «сакральной энергии» или отражает установление каких-то отношений зависимости. Роль реципиента, как правило, рассматривается в связи с проблемой отдаривания. Его ответный жест — необходимость или добрая воля? Интересно, что дары оказываются так же необходимы божеству, как и людям: греческие боги озабочены тем, что жертвы могут прекратиться (Hes. Op. 134—139; Hom. Hym. V. 311—313). Однако чтобы не отвечать на просьбы людей, они могут не принять дар. Особо следует выделить вопросы, связанные с временной и пространственной структурами, в которых разворачивается акт дарения. И наконец, есть еще одна проблема, которая имеет особое значение для археологов, так как она связана с понятием вотивного депозита — судьба дара после приношения.

К.А. Семина

¹² См. Байбури А.К. Семантические аспекты функционирования вещей // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. Л., 1989. С. 73 слл.

© 1993 г.

THEODOR MOMMSEN. Römische Kaisergeschichte. Nach den Vorlesungs-Mitschriften von Sebastian und Paul Hensel 1882/86 hrsg. von Barbara und Alexander Demandt. München: Beck, 1992. 634 S.

Однозначно оценить эту книгу довольно непросто, хотя, думается, что назвать крупной научной сенсацией публикацию курса лекций Т. Моммзена по римской императорской истории все же не приходится. Издатели, супруги А. и Б. Демандт, приходят к выводу, что отсутствующий IV том «Римской истории» в полной мере данный курс лекций, старательно записанный студентами Берлинского универси-

тета Себастианом и Паулем Хензелем¹ в 1882—1886 гг., конечно, не восполняет: «Императорская история» Моммзена относится, таким образом, как и «Система чистой философии» Канта, «Навсикая» Гете и «Воля к власти» Ницше, к написанным книгам немецкой литературы. Ценность данного издания сводится главным образом к тому, что антиковедение обладает, наконец, законченным моммзеновским видением римской истории от Августа до Алариха. В основательном историографическом введении² А. Демандт подчеркивает, что помимо конспектов Хензелей науке были известны 10 записей лекций Моммзена по истории Римской империи. Все они отличались от конспектов Хензелей существенной неполнотой: в них совершенно отсутствовало изображение поздней античности, хотя, как показывают архивы Берлинского университета, половина лекционных курсов знаменитого ученого, читавшихся в течение 1863—1886 гг., была посвящена именно поздней античности. Рукопись С. и П. Хензелей, приобретенная А. Демандтом в 1980 г. в одном из нюрнбергских антикварных магазинов, полностью восполнила недостатки уже известных конспектов.

Манускрипт состоит из трех частей, первая из которых (три тетради) посвящена периоду от 46 г. до н.э. (африканская война Цезаря, расценивавшаяся Моммзеном в качестве «начала монархии и конца республики») и до 69—70 гг. до н.э. (батавское восстание). Вторая часть (переплетена как книга, 376 страниц) охватывает эпоху от Веспасиана до Кара. На оборотной стороне титула также переплетенной третьей части значится «Mommisen, Diocletian bis Honorius». Реконструкция истории текста, убедительно проведенная А. Демандтом, показывает, что если первая часть рукописи представляет собой собственно запись лекций, сделанную в аудитории П. Хензелем, то вторая и третья являются обработанным после учебных занятий материалом. С. Хензель, чьему трудолюбию и обязано антиковедение опубликованным текстом, прилежно переписал дома набело свой конспект, позаботившись о расшифровке всех сокращений, придании тексту правильной грамматической формы; имена собственные и цитаты из древних авторов по большей части корректны. Это и придало, по мнению А. Демандта, манускрипту Хензелей высокое качество по сравнению с уже известными науке конспектами моммзеновских лекций по истории принципата.

Однако перед нами, подчеркивает А. Демандт, не авторский текст Моммзена, что снимает с издателя моральную ответственность за нарушение высказанного в завещании самого Моммзена запрета на публикацию его лекций по императорской истории. Свою цель А. Демандт видит поэтому не в издании написанного Хензелями, а в реконструкции сказанного Моммзеном. Исходя из этого сформулированы редакторско-технические принципы подготовки рукописи Хензелей к печати. Наибольшей обработке подверглась первая часть, записанная П. Хензелем в аудитории и содержащая ошибки, которые не могли восходить к Моммзену (неверная передача имен собственных и специальных терминов). Издателями устранены сокращения, слова-паразиты, нормализована длина предложений, стандартизована пунктуация и орфография, текст разбит на абзацы, введены промежуточные титулы; греческие термины латинизированы, античным топонимам приданы современные эквиваленты. В ряде мест текст П. Хензеля пополнен смысловыми дополнениями из анонимного конспекта, владельцем которого долгое время был крупнейший биограф Моммзена Л. Викерт. При сравнении обеих рукописей А. Демандт замечает, что «Аноним Векерта» хотя и не столь подробно записывал лекции Моммзена, зато больше осмысливал их. Последняя четверть лекционного курса, прочитанного в течение зимнего семестра 1882/83 гг., вообще сохранилась только в конспекте «Анонима Векерта»; издатели добавили ее к рукописи П. Хензеля.

¹ Себастиан Хензель (1830—1898) — берлинский предприниматель, автор биографии семьи композитора Мендельсона. Пауль Хензель (1860—1930) — его сын, профессор философии в университете Эрлангена. Отец и сын начали вместе посещать лекции Т. Моммзена осенью 1882 г. В октябре 1885 г. Пауль переехал во Фрайбург, а его отец в 1885/86 учебном году продолжал слушать Моммзена в Берлине, переписав параллельно для отсутствующего сына свои конспекты набело. Совмещать свои занятия с предпринимательством ему позволяло то обстоятельство, что Моммзен четырежды в неделю неизменно начинал чтение лекций с 8 часов утра.

² Текст введения является слегка переработанным и переструктурированным вариантом (в основном с учетом новой литературы и расширения главы «Почему отсутствует IV том?») статьи А. Демандта, уже известной специалистам: *Demandt A. Die Hensel-Nachschriften zu Mommsens Kaiserzeit-Vorlesung // Gymnasium. 1986. Bd 93. S. 497—519.*

Вторая и третья части конспекта, заботливо составленные С. Хензелем, потребовали от А. Демандта обработки другого рода. Наряду с минимальным количеством ошибок, допущенных С. Хензелем, наличествуют и неточности, восходящие к самому Моммзену. Это побудило А. Демандта сделать в подстрочных сносках поправки. Кроме того, издатель дал все необходимые ссылки на источники (наиболее трудным было восстановление ссылок на эпиграфические своды; сам Моммзен легко оперировал при чтении лекций текстами надписей по памяти), использованные Моммзеном при построении его лекционного курса, а также на основные современные исследования, отражающие сегодняшнее состояние проблематики истории императорской эпохи в науке. В тексте сохранена оригинальная пагинация Хензелей и «Анонима Викерта»; название «Römische Kaisergeschichte» Моммзен сам неоднократно давал своим лекциям.

Чрезвычайно важным оказался вопрос об идентичности концепции римской императорской истории Моммзена-преподавателя и Моммзена-исследователя. Настораживало известное противоречие между строго научной формой (сухой, по определению современников) V тома «Римской истории» и чрезвычайно живой, доходящей до *soaggio dell'ergare* (по выражению Дж. Болоньини) манерой рассуждений ученого перед студентами; однажды он сам обронил: «Нет ничего легкомысленнее на свете, чем чтение курса лекций». Поэтому находка конспекта Хензелей породила у А. Демандта надежду, что, возможно, сохранилась моммзеновская концепция лекционного курса. Долгие бесплодные поиски привели в конце концов к тому, что 5 марта 1991 г. в архиве Академии наук бывшей ГДР А. Демандт натолкнулся в фонде Моммзена на тетрадь 47/1, озаглавленную «Ein weiteres Ms. zur röm. Gesch.». Обгоревшие поля тетради свидетельствуют о том, что она побывала в пожаре в доме Моммзена 12 июля 1880 г. (тогда погибло 40 тысяч книг!). Среди различных заметок 89-страничной тетради имеются 10 страниц, содержащие проект начала VI книги (т.е. первой части IV тома) «Римской истории». В свою очередь четыре из них содержат общую характеристику императорской эпохи и были написаны, как полагает А. Демандт, еще в цюрихский период жизни ученого. В целом эта характеристика, данная во фрагменте Академии наук, вполне созвучна оценкам, представленным в самых разных конспектах моммзеновского курса лекций. Идентичность взглядов Моммзена-исследователя и Моммзена-преподавателя по целому ряду позиций, особенно в том, что касается истории институтов, подтверждается и V томом «Римской истории», «Римским государственным правом», «Очерком римского государственного права»; сноски на соответствующие совпадения приводятся А. Демандтом, но, разумеется, далеко не все. Собственно полностью соотнести ученого и лектора на примере конспекта Хензелей издатель и не намеревался. Как он заметил, правда по другому поводу, если текст Хензелей встретит у читателей достаточный интерес, то может быть найдется позже филолог, который подготовит издание *verbatim* с приложением *apparatus criticus*. Демандта же интересует видение Моммзеном императорской эпохи на концептуальном уровне. Поэтому ценность конспектов Хензелей ему видится в том, что они позволили уточнить представление Моммзена об императорском времени и более точно, нежели ранее, включить их в историю науки. Они показали, с одной стороны, как далеко Моммзен продвинул то изображение, которое затем разработали его ученики — Отто Зеек, Лудо Мориц Хартманн, Альфред фон Домашевски, Герман Дессау и Эрнст Корнеманн, а, с другой стороны, сделали ясным, в какой высокой степени Моммзен был обязан Эдуарду Гиббону.

Структура курса лекций, согласно имеющимся конспектам, представляет собой сочетание изложения политической истории (сначала от Августа до Веспасиана и затем от Диоклетиана до Гензериха), истории институтов и, лишь специально для периода от Веспасиана до Диоклетиана, обзора истории провинций в весьма своеобразной форме — «театр военных действий» — на римском Западе, Дунае, Востоке. На наш взгляд, А. Демандт вряд ли прав, полагая, что моммзеновский курс лекций течет полностью параллельно V тому «Римской истории». При внимательном прочтении конспектов трудно согласиться и с его утверждением, что в историческом изображении Моммзена доминирует политическое, его интерес к цивилизаторскому, культурному и религиозному стоит позади. В конспектах, напротив, достаточно много говорится и о романизации (гражданско-правовой политике, основании городов, роли армии), и об императорском культе, и о христианстве (причем

не только в негативных оценках знаменитого моммзеновского атеизма), и об этно-лингвистической ситуации в империи. А серьезные структурные различия — специальное вычленение в курсе лекций истории институтов принципата — мотивируются, на наш взгляд, стремлением дать слушателям (не читателям!) связный и законченный их обзор. Наконец, Моммзена лимитировало и отпущенное на лекционный курс время. Например, в конспекте С. Хензеля, записанном в течение летнего семестра 1883 г., отсутствует половина материала о провинциях, содержащегося в вышедшем в феврале 1885 г. V томе «Римской истории» (конкретно: главы 1. «Северная граница Италии», 7. «Греческая Европа», 8. «Малая Азия», 10. «Сирия и страна набатеев», 11. «Иудея и иудеи», 12. «Египет»). Свой необычный термин «театр военных действий» в курсе лекций Моммзен в общем виде определил как историю провинций; в V томе он выразился точнее: «Так называемая внешняя политика императорского времени включена в качестве интегрирующей части провинциального управления; войны, которые мы могли бы назвать имперскими, никогда не велись против зарубежья при Империи»³. Учитывая, что в обоих случаях (в лекционном курсе и в V томе) интерес Моммзена к деталям процесса романизации каждой провинции значителен, считаем возможным предположить, что он пользовался термином «театр военных действий» в качестве эквивалента «Pax Romana»⁴.

Изложение истории империи от Веспасиана до Диоклетиана в лекционном курсе чрезвычайно интересно тем, что оно, в отличие от V тома, изобилует многочисленными оценками Моммзена по поводу крупных и мелких фактов, целых процессов, деятельности и личности отдельных императоров. Любопытны нарочито упрощенные для понимания слушателей дефиниции как отдельных специальных терминов, так и целых государственных институтов. Например, определение конституции Августа как конституционной монархии, *Notitia Dignitatum* как *Staatskalender*, легата легиона в качестве адъютанта, а префекта претория как премьер-министра и генерал-почтмейстера, почему и вопрос о компетенции *praefectus praetorio* представляется глупым. Отдельные суждения прямо-таки парадоксальны: например, оценка последствий административных реформ Диоклетиана как развития от времени, когда императоры самостоятельно руководили делами, к чиновничьему и правовому государству.

Оспаривать мнение мастера (если только речь не идет однозначно о фактических ошибках) вряд ли уместно спустя столетие «безгласия» конспектов Хензелей (а следовательно, в какой-то мере и самого Моммзена): его лекционный курс, в котором во многом повторены оценки «Римского государственного права» и ряда статей, в значительной мере является объектом историографии, нежели современной научной дискуссии. При этом в нем представлено немалое количество гипотез, сформулированных в ходе чтения *ad hoc*. Часть из них отмечена А. Демандтом⁵, но думается, что это лишь первый шаг: каждый специалист по истории империи, вне сомнения, найдет в лекциях что-то для себя. Особенно это касается позднеантичной эпохи, суждения Моммзена о которой до сих пор были представлены десятком с небольшим специальных статей (включая заметки к «*Chronica Minora*» и «*Prolegomena in Theodosianum*») из всего его колоссального научного наследия.

Структура изложения позднеантичной истории Моммзена близка по построению знаменитой «Истории упадка и разрушения» Э. Гиббона, но не идентична последней. Вначале Моммзен дает довольно обширный очерк государственных институтов Поздней империи, обрисовывает источниковую ситуацию и дает общие оценки эпохи, а затем переходит к подробной нарративной части, конструкцию которой позже станет традиционной: Диоклетиан, Константин, сыновья Константина, Юлиан и Иовиан, Валентиниан и Валент, от Феодосия до Алариха. В курсе лекций о поздней античности Моммзен в той или иной мере затронул все наиболее важные проблемы этого периода: все аспекты реформ и политики Диоклетиана и Константина, вопрос о разделах империи в IV в., взаимоотношения христианства и римского государства до Миланского эдикта, церковная политика императоров и т.д.

³ *Mommsen Th. Römische Geschichte*. 11. Aufl. B., 1993. S. 5.

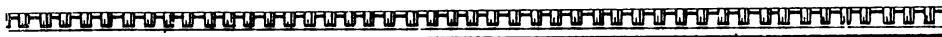
⁴ Ср. А. Демандт: «Изображение Pax Romana отсутствует» (*Mommsen. Römische Kaisergeschichte*. S. 40).

⁵ В разделе введения «*Mommsens Bild der Kaiserzeit*».

Разумеется, лекционный курс Моммзена во многом окрашен его политическими взглядами; предостаточно сравнений имперской эпохи с Европой XIX в.: «Tout compte chez nous», — неоднократно утверждает он. Наиболее яркие проявления моммзеновских политических установок, его национализм, милитаризм и при этом либерализм, как и знаменитую ненависть к Бисмарку, отметил во введении к изданию А. Демандт. Думается, однако, что детальная проработка этой проблематики еще ждет своих исследователей, поскольку зачастую исторические и политические оценки Моммзеном Римской империи достаточно противоречивы. Например, с одной стороны, империя для него является полным политическим банкротом тогдашней цивилизации с политической, военной, экономической и нравственной точки зрения, с другой стороны — в военном и административном отношении при переходе от республики к монархии, по его мнению, можно говорить только о прогрессе.

Завершая это общее представление нашему читателю курса лекций Т. Моммзена по конспектам С. и П. Хензелей по истории Римской империи хотелось бы выразить надежду на то, что он все-таки увидит свет в русском переводе и российское антиковедение (и ученые, и студенты) будут иметь своего «полного» Моммзена.

Е.П. Глушанин

К 70-летию Владимира Ароновича ЛИВШИЦА

Многоуважаемый и дорогой Владимир Аронович!

Многочисленные ученики, друзья и коллеги сердечно поздравляют Вас — выдающегося ученого-ираниста, крупнейшего согдолога, лингвиста и филолога, историка и палеографиста, лучшего в мире знатока ираноязычных гетерографических письменностей, автора основополагающих работ по афганскому, таджикскому, ягнобскому, согдийскому, парфянскому, бактрийскому, хорезмийскому и другим иранским языкам, трудов по иранским языкам в целом и по не-иранским языкам, Вас, внесшего существенный вклад в изучение истории и истории культуры Средней и Центральной Азии, Ирана и Афганистана, непревзойденного дешифровщика разнообразных письмен арамейского происхождения, общепризнанного авторитета во многих областях древней и средневековой истории, неумоимого участника археологических и этнолингвистических экспедиций в Таджикистане, Туркмении, Киргизии, Узбекистане, Казахстане и Монголии, Вас — заботливого наставника, замечательного рассказчика и вдохновенного лектора, украсившего своими сообщениями и блестящей полемикой не одну научную конференцию и симпозиум, в том числе в последние годы и международные, Вас — члена Британской Академии, члена-корреспондента Итальянского Института Среднего и Дальнего Востока, действительного члена Русского Географического общества, Российского Палестинского общества, члена редсовета журнала «Вестник древней истории» и Международного комитета «Корпус ираноязычных надписей», награжденного за достижения в области индоиранского языкознания медалью Бенгальского отделения Азиатского общества. Поздравляем Вас — ветерана Великой Отечественной войны, человека исключительного обаяния, душевной теплоты и щедрости с семидесятилетием, желаем здоровья и благополучия и, восхищаясь Вашими научными успехами, ждем от Вас новых ярких свершений во славу не только родной Петербурго-ленинградской востоковедной школы, но и российской гуманитарной науки в целом.

*Кафедра иранской филологии Восточного факультета
Санкт-Петербургского университета,
Санкт-Петербургский филиал Института Востоковедения РАН,
Отдел истории и культуры Древнего Востока ИВ РАН,
редколлегия и редсовет журнала «Вестник древней истории»,
семинар петербургских иранистов,
семинар петербургских афганистов*

К 70-летию Бориса Анатольевича ЛИТВИНСКОГО

Имя и труды Бориса Анатольевича Литвинского, крупнейшего археолога и историка-востоковеда известны всем исследователям в нашей стране и за рубежом, научные интересы которых связаны с историей и культурой Средней Азии и шире — Востока.

Б.А. Литвинский родился 17 апреля 1923 г. в Ташкенте, учился в Среднеазиатском Государственном университете, студентом ушел на Великую Отечественную войну. Командиром взвода автоматчиков он сражался на 1-м Белорусском фронте и был ранен на Кюстринском плацдарме. После войны Б.А. Литвинский закончил образование в Ташкенте, преподавал здесь в университете, работал в Узбекистанском научно-исследовательском Институте искусствознания. С 1951 по 1971 г. он — зав. сектором археологии и нумизматики Института истории АН Таджикской ССР. С 1971 г. Б.А. Литвинский — сотрудник Института востоковедения АН СССР, зав. сектором, а с 1989 г. — зав. Отделом истории и культуры Дальнего Востока ИВ РАН.

С самых первых шагов своей научной деятельности Б.А. Литвинский проникся сознанием необходимости широкого междисциплинарного подхода к изучению прошлого. В немалой степени этому способствовало то, что в Ташкентском университете он учился у таких ученых, как В.В. Струве, Л.В. Ошанин, А.А. Семенов, К.В. Тревер, М.Е. Массон и др. Нет такой области в прошлом Средней Азии и соседних регионов начиная с бронзового века, которые не привлекали бы внимания Б.А. Литвинского, — курганы кочевников Западной Ферганы и Памира и религиозно-мифологические представления ираноязычных народов, буддизм в Средней Азии, этнография и этническая история народов Центральной Азии, эллинистическая культура Востока, история древнего и средневекового города. Широта обобщений всегда сочетается со скрупулезными исследованиями источников, что хорошо известно всем, кто сотрудничал и продолжает сотрудничать с Б.А. Литвинским.

Эрудиция Б.А. Литвинского без преувеличения уникальна. Любая его статья, посвященная самому частному вопросу, — это фундаментальное исследование, за которым стоит кропотливый труд. Б.А. Литвинский — автор десятков монографий и множества статей, опубликованных также и за рубежом, он активно участвует во многих международных организациях и проектах. Его заслуги высоко оценены: Б.А. Литвинский — академик АН Таджикистана, член-корреспондент Германского Археологического Института, член итальянской Академии Национале дей Линчеи.

Редколлегия и редакция журнала, коллеги, друзья и многочисленные ученики поздравляют Бориса Анатольевича с юбилеем, ждут его новых ярких трудов, желают ему крепкого здоровья.

К 60-летию Эдуарда Давидовича ФРОЛОВА

В 1993 г. исполнилось 60 лет доктору исторических наук, вице-президенту Российской Ассоциации антиковедов, заведующему кафедрой истории древней Греции и Рима Санкт-Петербургского университета Эдуарду Давидовичу Фролову.

Имя Э.Д. Фролова широко известно среди антиковедов не только отечественных, но и зарубежных по его многочисленным статьям, книгам, докладам и выступлениям на конгрессах и конференциях. Его исследования, посвященные социально-политическим сюжетам, истории общественной мысли, истории культуры древней Греции, читаются с огромным интересом не только специалистами, но и всеми, кто интересуется античной историей. Превосходный знаток античного наследия, Э.Д. Фролов создал стройную картину политической истории древних греков, их общественного и государственного устройства. Им внесен неоценимый вклад в проблему изучения становления и развития греческого полиса, значения его как одной из важнейших социальных структур античного мира, форм и принципов государственной организации. Эти проблемы рассматриваются Э.Д. Фроловым на широком историческом фоне в сопоставлении с римской *цивитас*, эллинистическими государствами, Причерноморским регионом. Широкий кругозор, разносторонний охват проблематики, свойственные Э.Д. Фролову, находят эффективное применение в его работе в качестве вице-президента Российской Ассоциации антиковедов и члена редколлегии журнала «Вестник древней истории».

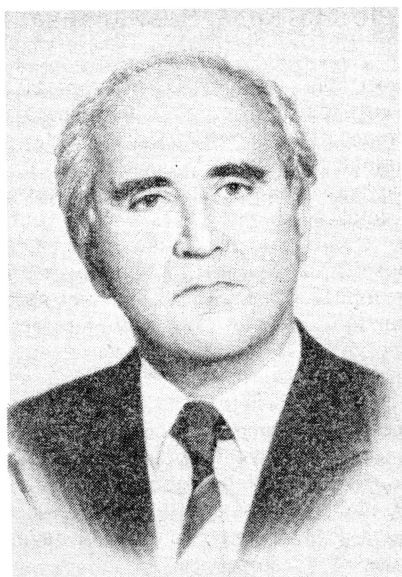
Э.Д. Фролов — великолепный популяризатор сложнейших проблем античной истории. Его слушают с большим интересом не только студенты исторического факультета Санкт-Петербургского университета, но и сотрудники-искусствоведы Государственного Эрмитажа, Русского Музея, где он читает лекции по истории античного искусства в течение ряда лет. Задавая себе вопрос о причине успеха этих сюжетов у слушателей, Э.Д. Фролов пришел к выводу, что большую роль здесь играет соотношение античности и современности, те близкие нашему поколению проблемы, которые находят отклик у слушателей.

Профессор Э.Д. Фролов — член редколлегии журнала «Вестник древней истории», и его высокий профессионализм приносит журналу большую помощь.

Э.Д. Фролов много сделал для развития науки об античности. Проводимые им регулярно начиная с 1979 г. в рамках Санкт-Петербургского университета конференции объединяют ученых антиковедов из различных городов страны, а печатающиеся сборники их докладов свидетельствуют о больших результатах проделанной работы, о широте кругозора и интересах участников.

Демократизм и обаяние Э.Д. Фролова привлекают к нему многочисленных учеников — студентов, аспирантов и молодых ученых, желающих повысить квалификацию и всегда получающих от него помощь и высококвалифицированный совет.

Редколлегия и редакция «Вестника древней истории», Российская Ассоциация антиковедов, сектор античной истории ИВИ РАН поздравляют Э.Д. Фролова и желают ему дальнейших творческих успехов.

ГЕВОРК АРТАШЕСОВИЧ ТИРАЦЯН

(1926—1993)

Отечественное антиковедение понесло большую утрату. На 67-м году жизни скончался Геворк Арташесович Тирацян — директор Института археологии и этнографии АН Армении.

Г.А. Тирацян родился в 1926 г. в Румынии, в семье педагога. Учился в армянской, немецкой и румынской школах г. Бухареста. В 1945—1947 годах прослушал курс лекций на историческом факультете Бухарестского университета.

В 1948 г. вместе с семьей Г.А. Тирацян репатриировался в Армению и в том же году поступил на II курс исторического факультета Ереванского государственного университета. По окончании его в 1952 г. успешно сдал экзамены в аспирантуру Института истории АН Армянской ССР и провел ее в Ленинграде под руководством академика Б.Б. Пиотровского.

В 1957 г. Г.А. Тирацян защитил кандидатскую диссертацию по материалам раскопок крепости Гарни, в которых он принимал самое активное участие. Уже тогда определился круг интересов молодого ученого, которым он посвятил всю свою жизнь. Начав с изучения культуры Армении первых веков нашей эры, Г.А. Тирацян все более расширял круг своих интересов — изучая историю возникновения этой культуры (вплоть до Урарту) и до истории раннего средневековья. Он был участником практически всех крупных экспедиций на территории Армении. В 1960—1968 годах он руководил раскопками античной крепости Ацаван, а в 1970 г. и до последних дней жизни Геворк Арташесович являлся руководителем археологической экспедиции античного Армавира.

Свой многолетний труд по исследованию древней Армении Г.А. Тирацян обобщил в монографии «Культура древней Армении (VI в. до н.э.—III в. н.э.)», по которой защитил докторскую диссертацию в 1987 г.

Научное наследие Г.А. Тирацяна составляет более 100 трудов, в том числе две монографии, статьи и рецензии по истории, культуре и археологии древней Армении. Г.А. Тирацян был одним из авторов «Истории армянского народа» (I том), а также автором статей по археологии античной Армении в многотомнике «Археология СССР».

Г.А. Тирацян был постоянным автором журнала «Вестник древней истории», опубликовав такие интересные статьи, как, например, «Новонайденная надпись Арташеса I,

царя Армении» (ВДИ. 1959. № 1), «Еще одна арамейская надпись Арташеса I, царя Армении» (ВДИ. 1980. № 4), «Армянская тиара» (ВДИ. 1982. № 2). Г.А. Тирацян постоянно участвовал в авторско-читательских конференциях ВДИ.

С 1988 г. Г.А. Тирацян был директором Института археологии и этнографии АН Армении. Многие годы Геворг Арташесович занимался и педагогической деятельностью. Он был превосходным ученым, для многих стал незаменимым другом. Поэтому так тяжела для всех нас смерть Геворка Тирацяна. Память о Геворке Арташесовиче Тирацяне навечно сохранят все те, кто его знал, его научное наследие увековечит его светлое имя.

*Институт археологии и этнографии АН Армении,
Редколлегия и редакция ВДИ*

© 1993 г.

V НАУЧНЫЕ ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА В.Д. БЛАВАТСКОГО

2—3 февраля 1993 г. в Институте археологии РАН проводились очередные V Научные чтения памяти профессора В.Д. Блаватского, выдающегося ученого-антиковеда, интересы которого охватывали широкий круг вопросов, связанных с историей и искусством античного мира, с изучением археологических памятников эпохи античности, а также проблем, касающихся взаимоотношений варварской периферии с центрами античной цивилизации. Это обстоятельство обусловило разнообразие тематик прозвучавших на Чтениях докладов. Среди участников были сотрудники научных учреждений Москвы, Харькова, Симферополя, Керчи.

Чтения были открыты д.и.н. *Р.М. Мунчаевым*. Во вступительном слове была отражена роль В.Д. Блаватского в русском антиковедении. Благодаря многолетней педагогической деятельности ученого можно говорить о школе антиковедения Блаватского, объединяющей несколько поколений исследователей. Традиции, сложившиеся в российской археологии трудами В.Д. Блаватского, продолжают жить благодаря исследованиям его учеников, благодаря функционированию созданного при Отделе классической археологии ИА РАН Мемориального кабинета-библиотеки проф. В.Д. Блаватского.

В докладе *И.Л. Маяк* (МГУ) «Проблема соотношения римского и греческого полисов» отмечена необходимость отработки четкого понятийного аппарата в научных исследованиях. В частности, докладчица остановилась на дефинициях полиса и *цивитас*. Анализ античной традиции позволил И.Л. Маяк сделать вывод о том, что они являются однотипными по образованию, но не идентичными структурами. В частности, были отмечены следующие особенности *цивитас* в отличие от полиса: временные различия в возникновении государственных институтов в формировании римской и греческой общин, консервативность в социальном развитии при большей восприимчивости в экономической сфере.

Доклад *Н.П. Сорокиной* (ГИМ) и *О.Н. Усачевой* (ИА РАН) «Памятники ритуального назначения из некрополя Кеп» был посвящен деталям поминального обряда, зафиксированным для захоронений конца II—I вв. до н.э. Кепского некрополя (раскопки 1959—1966 гг.). Наиболее типичными свидетельствами отправления этого обряда являются находки эсхар — известняковых плит небольшого размера со сквозным отверстием для возлияния, а также ритуальные столики для тризы, перекликающиеся с сюжетами росписей некоторых Боспорских склепов. Отмечено, что эсхары в большей мере характерны для некрополей Азиатской части Боспора.

В докладе «Уникальный клад из Анапы» *Н.А. Фролова* (ГИМ) отметила, что значительным прогрессом в развитии археологического изучения античной Горгииппии, в частности находкой этого комплекса, наука обязана многолетней деятельности безвременно ушедшего из жизни А.С. Шавырина. Клад (517 монет), найденный в 1987 г., может быть отнесен к первой группе (до 238 г. н.э.). В его составе оказались монеты широкого хронологического (с III в. до н.э. по 238 г. н.э.) и географического (Боспор, Тира и Херсонес) диапазона.

А.К. Коровина (ГМИИ им А.С. Пушкина) сделала доклад на тему: «Архаическая Гермонасса». Она сообщила о том, что в результате исследований архаических слоев городища, достигающих мощности 2,7 м, была уточнена дата основания Гермонассы — середина VI в. до н.э. Находки свидетельствуют о связях архаической Гермонассы с Ионийской Грецией, Аттикой и Ольвией (находки

ольвийских монет-рыбок). Выделена группа местной кружалной посуды, произвожденной в городе в этот период. О существовании в Гермонассе в VI в. до н.э. храмовой постройки свидетельствует находка ионийской капители.

Археолог из Албании, ученик проф. В.Д. Блаватского, *Демосфен Будина* выступил с докладом «Античный город Бутринт в Албании. Новые исследования». Античные руины г. Бутринта (Южная Албания) впервые были описаны в 1435 г. итальянским антикваром Чириако ди Анкона. Археологические работы на памятнике ведутся с 1928 г. (М. Уголини, Д. Мостини, с 1945 г. — автором доклада). Выделено четыре строительных периода в истории города, просуществовавшего с X в. до н.э. до XIX в.: 1) протогородский период; 2) греческий период; 3) период римского завоевания; 4) период поздней античности и средневековья. Названы некоторые наиболее интересные памятники этого города: оборонительная система протогородского периода, сооружения на античной агоре (театр, портик притансеев, храм Асклепия), акведук и баптистерий V в. н.э.

В докладе *С.Ю. Сапрыкина* (ИВИ РАН) «Правительницы-женщины Боспорского и Понтийского царств» проанализированы методы управления государствами, образовавшимися на развалинах державы Митридата VI, к которым прибегали Динамия, Пифодорида и Антония Трифена. Исследователь подчеркнул, что если Динамия стремилась достичь могущества путем опоры на местные эллинистические устои, ориентация же на Рим нужна была ей для сохранения Боспора как оплота митридатовских традиций, то деятельность Пифодориды и Антонии Трифены, которые покорно следовали в русле римской политики и пользовались обстоятельствами исключительно для собственной выгоды, в немалой степени способствовала превращению Понтийского государства в обычную римскую провинцию.

Доклад *Н.Ф. Федосеева* (Керченский музей-заповедник) «Датам и Синопа» посвящен истории этого центра в IV в. до н.э. Опираясь на данные письменных источников, нумизматики и керамической эпиграфики, автор датирует осаду и взятие Синопы началом 360 гг. до н.э. В докладе выдвинута гипотеза о том, что исчезновение эмблемы «орел на дельфине» связано с гибелью Датама в 362 г. до н.э. и освобождением Синопы от протектората Персии. Серия монет с именем Сисия, по мнению докладчика, выпускалась где-то в Персии одновременно с драхмами Датама. На настоящий момент нет основания связывать серию монет с арамейской надписью с Ариаратом I.

Д.Б. Шелов (ИА РАН) в докладе «К династической истории Боспора» проанализировал золотые статеры (13 экз.), выпускавшиеся боспорскими правителями в основном из соображений престижа, и отметил, что эти монеты, отчеканенные по образцу статеров Византия лисимаховского типа, не могут быть датированы ранее рубежа III—II вв. до н.э. Изучение золотых «перисадов» позволяет отнести правление Игиенонта к началу II в. до н.э. и выделить еще одного боспорского династа — Спартока VI, правившего, по всей видимости, в конце II в. до н.э., перед последним Перисадом.

Доклад *Д.И. Смирнова* (Курганский пединститут) «Эволюция политических режимов в Истрии и Аполлонии Понтийской (VI—V вв. до н.э.)» был посвящен проблеме формирования демократических форм правления в западнопонтийских городах, появление которых датируется концом V — началом IV в. до н.э. Докладчик выделил четыре этапа на пути становления демократических полисных структур и отметил факторы, ускорившие этот процесс.

Доклад *Э.Я. Николаевой* (ИА РАН) «О христианской символике (на материалах Ильичевского городища)» был посвящен находкам из культурного слоя юстиниановского времени (оттиски штампов с христианской символикой на краснолаковой посуде, предметы, связанные с отправлением христианского культа, привозные — стеклянные лампы, краснолаковые сосуды и т.п., а также местного производства, например, лепные фигурные сосудики). Докладчица подробно остановилась на смысловой нагрузке ряда христианских символов.

А.П. Мартемьянов (Харьковский пединститут) сделал доклад «О роли виноградарства и виноделия в экономике фракийских земель в первые века н.э.». Отмечено, что на территории древней Фракии к настоящему времени исследовано уже более 100 вилл I—III вв. н.э. Как показывают данные археологии, сооружения, связываемые с виноделием, на этих памятниках крайне редки. Это обстоятельство явно противоречит единодушному мнению болгарских специалистов о том, что виноградарство

и виноделие во фракийских землях в конце II — первой половине III в. н.э. испытывало подъем.

Г.А. Кошеленко, А.Н. Бадер, В.А. Гаубов (ИА РАН) выступили с докладом о результатах исследований, проводившихся Маргианской экспедицией в рамках составления полной археологической карты Маргианы. На основании данных разнообразных источников письменной традиции (Strabo, Ptolem., Isid. Char., Plin., Curt. Ruf., Amm. Marcel.), археологических и палеоэкологических данных, а также аэро- и космосъемки оазиса установлено, что сооружение, известное в настоящее время как «стена Антиоха», должно быть датировано первой половиной сасанидской эпохи, в то время как истинная «стена Антиоха», описанная Страбоном, находится в центральной части оазиса и носит название Гилякин-Чильбурдж.

Доклад *В.С. Долгорукова* (ИА РАН) «Два комплекса из Фанагории IV в. до н.э.» был посвящен некоторым особенностям строительного дела, засвидетельствованным при раскопках двух сооружений на территории Южного города. В частности, было отмечено, что необходимость строительства жилых комплексов на глинистом грунте городища обусловила применение черепяных субструкций при закладке фундаментов, а также широкое использование известкового раствора. Засвидетельствовано применение опалубки и деревянных брусков в качестве арматуры для усиления прочности субструкций.

Ю.М. Десятчиков (ИА РАН) в докладе на тему: «Боспор и варвары в конце II в. до н.э.» выдвинул гипотезу о том, что фиксируемые, по данным археологии, разрушения городов и хоры Азиатского Боспора в последней четверти II в. до н.э. связаны с вторжением на эту территорию тохаров. О тохарах, по мнению докладчика, сообщает Страбон как о племени, владеющем Боспором, покровительствующем пиратам и потребовавшем дани больше, чем прежде.

В.К. Голенко (ИА РАН) в докладе «Результаты работ Южно-Боспорской экспедиции» сообщил о результатах анализа новых данных по вопросам урожайности зерновых культур, произраставших на Боспоре, на основании которых докладчик оценил потенциальные возможности земледелия на европейской части Боспорского государства.

В своем докладе на тему: «Полуостров Казантип в античную эпоху» *И.М. Безрученко* (ИА РАН) использовал данные, полученные при раскопках поселений на западном и восточном побережьях. Античный период в истории Казантипа охватывает временной отрезок с VI в. до н.э. по IV в. н.э. Как показали исследования, жизнь на этих поселениях была тесно связана с колебаниями уровня моря. Это существенно сказывалось на условиях навигации и на защищенности этой территории от вторжений варварских племен. Отмечено, что в целях обороны на восточном побережье Казантипа приблизительно в середине III в. н.э. возводилась крепость с хорошо продуманной фортификационной системой.

В докладе *О.Н. Усачевой* (ИА РАН) «Земельные наделы античного Казантипа» сообщалось о результатах работ Казантипского отряда в 1992 г. Сотрудниками отряда были прослежены и обмерены следы древнего земельного кадастра. Установлено, что в античную эпоху на полуострове существовало не менее 150 земельных наделов в среднем 2,4 га, что может быть квалифицировано как мелкое крестьянское хозяйство, ориентированное на производство зерновых культур. Исходя из этих данных, можно заключить, что численность населения Казантипского полуострова вряд ли превышала 600—750 человек.

В докладе *С.М. Перевалова* (СОГУ) «Использование военных колесниц в Микенской Греции» были выделены черты, свидетельствующие о самостоятельности от древневосточной традиции практики применения военных колесниц. Это сказалось как в конструктивных особенностях самой колесницы и способе запряжки лошадей, так и в тактических приемах их использования. Греки, по мнению докладчика, выдвигая на первый план агональные, состязательные аспекты войны, отдавали предпочтение рукопашному бою, позволявшему проявить боевые качества воинов.

Доклад *А.А. Завойкина и С.И. Болдырева* (ИА РАН) «Третья точка зрения на монеты с легендой «ΣΙΥΔΟΝ» был посвящен анализу серии широкоизвестных боспорских монет. Целый ряд исследователей приписывает эти монеты синдам, тогда как не менее многочисленны сторонники гипотезы о принадлежности этих монет греческому городу Синдик (Синд). Указывая на слабые стороны в аргументации обеих сторон, авторы доклада, рассмотрев типологию и хронологию монет, их легенду,

пришли к выводу, что анализируемая группа монет является союзной чеканкой греческих городов, расположенных в Синдике.

В докладе *Д.И. Даньшина* (ИА РАН) «О критериях выделения "синдской скульптуры"» была подвергнута критике концепция о синдском происхождении целого ряда боспорских надгробий эллинистического и римского времени. Особенности этих надгробий объясняются не влияниями синдского населения Боспора, считает автор доклада, а общими закономерностями развития периферийного по отношению к образцам, выработанным в ведущих греческих центрах, искусства.

В докладе *А.В. Куликова* (Керчь) «Экологическая ситуация в акватории Керченского пролива в первых веках н.э. и связанные с ней проблемы рыболовства» было отмечено, что в связи с осложнением водообмена между опресненным Азовским морем и более соленым Черным морем в первые века нашей эры усилилась изоляция между представителями пресноводной азовской и причерноморской фауны, четче обозначились основные ареалы их обитания. Это обстоятельство позволило докладчику выделить шесть основных районов рыболовства на Боспоре.

В докладе *Н.Н. Болгова* (МПГУ) «Боспор и варвары в период поздней античности (III—V вв. н.э.)» рассмотрена роль в истории Боспорского государства этого периода трех племенных образований: сармато-алан, готов и гуннов. По мнению автора доклада, готы и гунны в отличие от сарматов не вызвали значительных изменений в государственных и этнических структурах Боспора.

В докладе *А.А. Мальшева* (ИА РАН) «Возвращаясь к истории Елизаветинского городища (Прикубанье)» систематизированы все известные сведения об этом памятнике, определены хронологические границы его существования (конец V в. до н.э. — I в. н.э.). Имеющиеся в нашем распоряжении данные позволяют выделить следующие этапы в истории Елизаветинского городища: 1) конец V в. до н.э. — рубеж IV—III вв. до н.э. — административный и культовый (?) центр меотв Среднего Прикубанья; 2) III — рубеж II—I вв. до н.э. Городище превращается в крупный ремесленный центр, в форпост боспорской торговли. Судя по данным археологии, на территории городища, по всей видимости, на холмах А и Б, существовала (под покровительством сарматского нобилитета — ?) фактория боспорян.

По окончании Чтений выступила *Т.В. Блаватская*. Она выразила глубокую признательность всем участникам заседаний и поделилась воспоминаниями, которые позволили прояснить один из сложных эпизодов в творческой биографии В.Д. Блаватского.

А.А. Мальшев

ПРИЛОЖЕНИЕ

© 1993 г.

ATHENAGORAE ATHENIENSIS LEGATIO PRO CHRISTIANIS

ПРЕДСТАТЕЛЬСТВО ЗА ХРИСТИАН АФИНАГОРА АФИНЯНИНА, ХРИСТИАНСКОГО ФИЛОСОФА

Перевод с древнегреческого,
вступительная статья и комментарии *А.В. Муравьева*

В ряду христианских писателей II в., называемых апологетами, т.е. защитниками христиан и христианской веры перед лицом государственного язычества, Афинагор занимает одно из главных мест. Весь этот период можно назвать Первой Апологетикой, имея в виду первую попытку христиан выступить против политеизма с оружием философии. Он характеризуется, с одной стороны, юридической задачей избавления христианской Церкви от официальных гонений, а с другой — широкой разработкой философских и богословских проблем с привлечением и определенного рода усвоением материала языческой философии. Предшествующий период церковной литературы (так называемых мужей апостольских) характеризовался активной борьбой за единомыслие в Церкви против гносиса и «зablуждений иудействующих». Перед апологетами стояла задача объяснения Истины христианства образованным язычникам, своеобразная культурная адаптация вероучения. Значение этого периода трудно переоценить: именно тогда было построено основание для использования достижений античной философии в объяснении христианского вероучения. Терминология апологетов существенно обогатила язык ученого христианства. И хотя мы не знаем, оказала ли их деятельность какое-либо влияние на антихристианскую политику императоров (скорее всего если и оказала, то весьма ничтожное), она способствовала принятию христианства обществом в целом.

В ряду остальных апологетов II в. (св. Иустин-Философ, Татиан, Феофил Антиохийский, Аристид, Минуций Феликс) Афинагор стоит особняком. Одной из главных тому причин является почти полное молчание христианской историографии и вообще церковной традиции о нем. Ни Евсевий, ни бл. Иероним Стридонский не упоминают его имени. Единственным косвенным свидетельством стала цитата из Афинагора у великомученика Мефодия Олимпского (пострадал ок. 331 г.), дошедшая до нас в передаче ересиолога Епифания Кипрского (Ранг. 64. 20. 21). Похоже, что в Византии единственным читателем произведений Афинагора был епископ Кесарии Арефа, по поручению которого и был составлен знаменитый список Parisinus Graecus 451, «Арефин кодекс»¹. Даже энциклопедист св. патриарх Фотий (конец IX в.) приводит его имя только в связи с упомянутой цитатой из Епифания (Bibl. cod. 243. 6293В).

А между тем личность и деятельность Афинагора заслуживают пристального внимания. Отрывочные сведения о его жизни мы можем почерпнуть лишь из фрагментов историка V в. Филиппа Сидета, цитируемого у Никифора Каллиста (Epitome Philippi Sidetis in Varoc 142, см. Theodoros Anagnostos. Kirchengeschichte. Hrsg. G. Hansen. GCS. 1971). Тот сообщает, что Афинагор был «... первым схолархом училища в Александрии, жил во время Адриана и Антонина, которым направил защитительную речь за христиан (ὄλερ Χριστιανῶν πρὸς βεβηκότων). Этот муж проповедовал христианство, сохраняя мантию философа, и был главою академической школы (πρῶστάμενος). Замыслив еще раньше Кельса писать сочинение против христиан, он погрузился в изучение Священного Писания... был исхищен Духом Святым... и, подобно Павлу, стал из преследователя учителем веры... Климент, автор "Стромат", был его учеником, подобно тому как Пантен — [учеником] Климента... Этот Пантен был [некогда] пифагорейцем, а его учеником и последователем был... Ориген». К сожалению, это свидетельство, столь важное для установления жизненного пути Афинагора, полно неточностей и неувязок — недаром историк Сократ (HE. VII. 27) и патриарх Фотий критиковали Филиппа как посредственного историографа. Из «Представительства» Афинагора со всей очевидностью следует, что он не был современником Адриана и Антонина, а жил при Марке Аврелии и Коммодe. Спорна также хронология Училища Священных Словес в Александрии. Традиционная хронология этого Училища (Пантен — Климент — Ориген) основывается на указании Евсевия (HE. VI. 6). Не исключено, что сама эта диадохическая схема есть, в известном смысле, насилие над исторической правдой, совершенное по аналогии с традицией Афинской Академии, и кесарийский историк спрямляет хронологию. Он сам (HE. V. 10) упоминает об отлучке Пантена на Восток, в Индию, для проповеди, а Александр Иерусалимский в письме к Оригену (приводимом, кстати, у того же Евсевия — HE. VI. 14) говорит о Пантене и Клименте как учителях Оригена. Если принять эту поправку, Афинагор вполне мог быть предшественником Пантена по должности схоларха. В пользу этой гипотезы высказывается современный исследователь Л. Барнард². Российский патролог П. Мирноносицкий считал, что Афинагор мог быть схолархом не знаменитого Училища, а христианско-платонической школы в Александрии. Б. Пудрон и Л. Барнард³ также обращают внимание на пассаж из сочинения Афинагора «О воскрешении мертвых», где приводится в пример строительство человеком загонов

¹ См. Bidez J. Arétas de Césarée éditeur et scholiaste // Byzantion. 1934. V. 9. P. 391—408.

² Barnard L.W. Athenagoras. A Study in Second Century Christian Apologetic. P., 1972. P. 14.

³ Pouderon B. Athénagore d'Athènes, Philosophe Chrétien (Théologie historique N° 82) P., 1989; Barnard. Op. cit. P. 15; Мирноносицкий П. См. библиогр. № 7, С. 38.

для верблюдов (ἄνθρωπος ποιεῖ μὲν οἶκον ...βοῦσι καὶ καμήλοις)⁴, что свидетельствует, вероятно, о близком знакомстве с этими животными, характерном для жителя Египта. Любопытно также, что Афинагор использовал терминологию Филона Александрийского — «ἐνθεον πνεῦμα» и «ἕξτασις λογισμοῦ»⁵ (гл. IX). Впрочем сами по себе эти параллели еще ничего не доказывают, ибо использование терминологии Филона могло происходить и через косвенную передачу. Можно упомянуть также, что, по сообщению Фотия⁶, некий Воиф (Βοῖθος) посвятил свое сочинение «О сложных выражениях у Платона» некоему Афинагору. Впрочем, здесь можно согласиться с Б. Пудроном, что на основании столь туманного и проходного упоминания непозволительно делать какие-либо выводы⁷.

С именем Афинагора связаны произведения «Предстательство за христиан» и «О воскрешении мертвых». Второе из этих произведений мы рассматривать не станем, ограничившись лишь тем, что укажем на его значительность и важность в историческом рассмотрении догмата о телесном воскресении и на первую в христианской науке попытку примирить естественнонаучные достижения эпохи с истинами христианского вероучения.

Публикуемое здесь произведение Афинагора «Предстательство за христиан» было написано, по всей вероятности, в 176—177 гг. В адресе «Предстательства» заключены очень важные termini: оно написано до смерти Марка Аврелия в Германии в 180 г., когда тот уже принял титул Sarmaticus, а с другой стороны, не раньше 176 г., когда Коммод принял титул императора (αὐτοκράτωρ). Указания в тексте на период мирного затишья, аллюзия к имени Перегрин Протея (гл. 26. 3—5) и параллелизм обвинений, предъявленных христианам, с актами лионских мучеников (ок. 177 г.) позволяют довольно точно датировать это произведение. Перед исследователями встает вопрос, была ли форма «Предстательства» лишь литературным приемом или Афинагор, подобно Филону Александрийскому в 39—40 гг., лично вручил или передал свое произведение императору. Исторические данные, пожалуй, свидетельствуют в пользу последней гипотезы. После египетского восстания буколов в 172 г. и мятежа наместника Сирии Кассия в 175 г. ситуация в восточных провинциях была крайне беспокойной⁸, что отражалось и на отношении их населения к христианам. 28 июля 175 г. Марк Аврелий был вновь признан в Египте⁹, принявшем поначалу сторону узурпатора Кассия. Император милостиво обошелся с египтянами и провел зиму 175—176 гг. в Египте. Можно предположить, что великодушное обращение Марка Аврелия с египтянами и побудило Афинагора подать ему лично свое «Предстательство». Сказанное, разумеется, не исключает возможности распространения «Предстательства» с протрептической целью среди читающей публики.

Обобщая, можно сказать, что на настоящий момент у нас нет неопровержимых доказательств «александрийской» гипотезы. Оставаясь всецело на почве фактов, мы, как и Б. Пудрон¹⁰, должны будем воздержаться от окончательного суждения о месте жизни и деятельности Афинагора (его именование «Афинянин» в принципе может обозначать многое, но может быть и просто почетным титулом). Впрочем, в смысле гипотетическом можно предпочесть «александрийскую» гипотезу «малоазийской»¹¹, для которой почти вовсе нет оснований.

⁴ *Athenag. De resurr.* XX. 2.

⁵ *Philo Alex. De spec. leg.* 49; *De Decal.* 35. 175.

⁶ *Phot. Bibl. cod.* 155.

⁷ *Pouderon. Op. cit.* P. 34.

⁸ *Dio Cass.* 71. 16.

⁹ *Dio Cass.* 71. 28.

¹⁰ *Pouderon. Op. cit.* P. 35.

¹¹ «Малоазийская» гипотеза опиралась в основном на параллелизм с актами лионских мучеников: ср. *Frend W.H.C. Martyrdom and Persecution in the Early Church.* Oxf., 1965. P. 236.

Вопрос о философской и богословской ориентации Афинагора на первый взгляд не вызывает трудностей. Разумеется, сам этот вопрос должен быть поставлен в таком смысле: с каким философским багажом пришел наш автор к христианству? Читатель сразу замечает, с какой строгой меркой подходит Афинагор к философским учениям античности — все, что так или иначе входит в противоречие с христианским учением, безжалостно раскритиковано им, а порой и высмеяно. С другой стороны, понятно, что, будучи главою платонической школы, он до определенной степени опирается на господствующее философское направление того времени, определяемое как *средний Платонизм*. Оно характеризовалось попыткой синтеза стоических категорий (прежде всего учения о λόγος'ах, мировом уме и мировой душе, этического учения о судьбе), элементов аристотелизма (учения о перводвигателе, *энтелехийности*, логико-категориального аппарата) с платоническим содержанием (трансцендентный Бог-демиург, мир чистых сущностей (*идей*), вся ноэтическая иерархия и т.д.). В рамках этой традиции ближе всего к Афинагору стоит платоник Алкиной, учивший в Смирне в 151—152 г., автор «Дидаскалика» («Eπιτομή»)¹². Можно вычислять точные историко-философские границы этой близости, но мы, отослав читателя к обстоятельным работам Д. Пауэлла¹³ и Б. Пудрона¹⁴, ограничимся указанием на разницу между высшим беспредпосылочным Божеством и Умом и на развитую демонологию Алкиной. Стоические мнения и терминология широко используются Афинагором, в частности, характерно отождествление стоического термина ἡγεμονικόν (Водительное) с платоническим λογιστικόν или употребление термина φυσικὴ ἔννοια, ассоциированного с платоновскими врожденными идеями¹⁵. Критика языческого многобожия в своей аргументации восходит к академической (послекарнеадовской) традиции критики аморальности богов¹⁶. К академической практике восходит, по-видимому, и употребление платоновских флорилегиев (Dicta Platonis). Вероятно, жесткая критика перипатетиков связана с традициями Среднего Платонизма. Относительно стоицизма надо добавить, что в учении о Христе-Логосе Афинагор кажется нам более осторожным и менее подверженным влиянию языческих импликаций (в смысле субординационистского понимания) стоической идеи Логоса, чем Иустин. Надо также отметить, что Афинагор был первым христианским писателем, обратившимся к широкому использованию орфической традиции (см. главы 18, 20, 22, 32 и соответствующие примечания). Впрочем, нам трудно судить о степени его оригинальности здесь, ибо сами орфические теогонии используются им для более успешной критики языческих богов, методология которой, как мы говорили, восходит к традициям Академии. Вообще говоря, весьма непросто оценить степень знания Афинагором того или иного философа или школы: как правило, философская традиция изучалась в школьной практике по флорилегиям. Например, очевидно, что Аристотеля наш апологет едва ли читал как такового, Платона он часто и охотно цитирует, но объем его знания платоновских текстов определить весьма трудно. Среди философских особенностей Афинагора Л. Барнард¹⁷ также отмечает первое в христианской традиции использование аналогии бытия Божественного (ὁ ὄν) и человеческого как философского аргумента.

¹² В российской науке прижилось неверное прочтение этого имени как «Альбин»; см. *Альбин*. Учебник платоновской философии // *Платон*. Диалоги (ФН т.98). М., 1986. С. 437—475.

¹³ *Powell D.* Athenagoras and the philosophers // *Church Quaterly Review*. 1962. V. 168. P. 282—284.

¹⁴ *Pouderon*. Op cit. P. 212—214. 216—224.

¹⁵ *Witt R.E.* Albinus and the history of Middle Platonism. Camb., 1937.

¹⁶ Ср. *Cic. De Nat. Deor.* 2. 25. 65; *Lucian*. Jupp. trag. 41.

¹⁷ *Barnard*. Op. cit. P. 181.

Богословское учение Афинагора отличает очень большая четкость и логичность изложения. Он выстраивает весьма ясную концепцию творения как проявления Божественного совершенства. П. Баланос¹⁸ отмечает в качестве особой заслуги применение Афинагором формально-логического метода для доказательства единства Божия. Для литургического богословия Афинагор важен тем, что он впервые употребил известный впоследствии термин *ἀναίμακτος*¹⁹ по отношению к литургической Жертве, а также подчеркнул гносеологический смысл вкушения меда и молока после таинства Крещения. В области нравственного богословия Афинагор интересен своим резким осуждением второбрачия как «прелюбодеяния под благовидным предлогом». Ко всему сказанному можно прибавить, что текстологический и богословский анализ выявляет определенную преемственность мысли Афинагора и св. Иустина Философа. У нас нет в этом вопросе полной ясности (тому виною биографическая традиция), но представить возможность контактов Афинагора с учениками Иустина (о существовании некоей школы в Риме вероятно и после 165 г. позволяют судить наличные источники) было бы довольно заманчиво²⁰.

Настоящий перевод сделан по изданию Э. Дж. Гудспида с учетом конъектур Т. Отто и Э. Шварца и сверен по новейшему изданию Б. Пудрона. В отдельных случаях неоценимую услугу переводчику оказали исправления и разъяснения, сделанные Арефой на полях рукописи Paris. Graec. 451. На русский язык Афинагор переводился П. Преображенским, однако этот перевод весьма устарел и, кроме того, малодоступен для российского читателя.

В тексте приняты следующие обозначения: [...] — конъектуры, предлагаемые издателями; {...} — слова, вставленные по смыслу переводчиком. В отдельных случаях в круглых скобках, в согласии с правилами русского синтаксиса, полагаются синтагмы, не отделяемые от остального предложения в греческом оригинале.

Ниже приводится список использованной литературы:

1. Athénagore. Supplique au sujet des Chrétiens. Sur la résurrection des morts / Ed. Par V. Pouderon / Sources Chrétiennes N° 379. Paris, 1992.
2. Die Ältesten Apologeten / Hrsg. von E.J. Goodspeed. Göttingen, 1914.
3. Athenagorae Atheniensis opera (Corpus apologetarum Christianorum saeculi sec. V. VII) / Hrsg. von J.K. Th. Otto. Jena, 1857.
4. Athénagore Supplique / Ed. par G. Bardy / Sources Chrétiennes N° 3. Paris, 1943.
5. Barnard L.W. Athenagoras. A Study in Second Century Christian Apologetic (Theologie historique N° 18). Paris, 1972.
6. Pouderon V. Athénagore d'Athènes, Philosophe Chretien / Théologie historique. N° 82/. Paris, 1989.
7. Мироносицкий П. Афинагор. Казань, 1894.
8. Преображенский П. Сочинения раннехристианских апологетов. М., 1856.

В заключение мне хотелось бы поблагодарить за помощь и советы моих коллег по кафедрам патрологии и древних языков Православного Свято-Тихоновского богословского Института А.И. Сидорова и А.В. Вдовиченко. Профессора Оксфордского университета С.Р. Вест я благодарю за ценные советы и разъяснения, дона Сильвио Франка — за неоценимую помощь с литературой, а моего коллегу из ИВИ РАН Д.Е. Афиногенова за полезные замечания и исправления.

¹⁸ *Μπαλάνος Δ.Ε.* Πατρολογία. Αθήναι, 1930. σελ. 78 αέξ.

¹⁹ *Athen. Leg.* XIII; ср. I Тим. 2. 8.

²⁰ *Pouderon.* Op. cit. P. 347—351.

ПРЕДСТАТЕЛЬСТВО ЗА ХРИСТИАН АФИНАГОРА АФИНЯНИНА, ХРИСТИАНСКОГО ФИЛОСОФА

Императорам Марку Аврелию Антонину
и Луцию Аврелию Коммоду [властителям]
Армянским, Сарматским, а наипаче всего философам

1. Подданные вашей всемирной державы, великие государи, разнятся обычаями и законами, но никому из них ни законодательство, ни боязнь преследования не возбраняют любить отеческие установления, если даже они смешны. Троянец, например, называет богом Гектора и поклоняется Елене, признавая в ней Адрастию. Спартанец чтит Зевса под именем Агамемнона и в лице Филонои, дочери Тиндарея — {Артемиду} [Энодию]. Афинянин приносит жертвы Эрехтею как Посейдону, и даже в честь Агравлы с Пандросою, которые, как считается, совершили нечестивое дело, отворив {пресловутый} ларчик, афиняне справляют посвящения и таинства¹. Словом, у разных народов и в разных краях люди по-разному приносят жертвы и справляют по-разному таинства. Египтяне вообще почитают богами кошек, крокодилов, змей, аспидов и собак. И всем им вы и ваши законы дают разрешение на это, считая, что скверно и нечестиво — вовсе не признавать Бога, но каждому человеку должно поклоняться тем, кого он считает за богов, чтобы страх перед божеством удерживал людей от преступлений. В нашем случае (не возмущайтесь, подобно черни, лишь только услышав) враждебность вызывает уже одно имя. Однако не имена достойны ненависти, а преступления — суда и возмездия². Именно поэтому, дивясь вашей кротости, всегдашнему миролюбию, незлобivosti и любви к людям, все имеют одинаковые права, города разделяют равную часть по своему достоинству, а все подданные Империи наслаждаются безмятежным миром³ благодаря вашей просвещенности. Мы же, называемые христианами, обойдены вашей заботой, так что вы позволяете нас, не совершающих никаких преступлений и относящихся, как видно из дальнейшего, с самым большим уважением и почтением к Божеству и Вашему царству, подвергать гонениям, обвинениям и преследованиям. Итак, поскольку чернь ополчилась против нас за одно имя, мы решились изъяснить вам свои взгляды. Вы увидите из наших слов, что мы подвергаемся страданиям без суда, вопреки закону и здравому смыслу. Мы просим вас обратить на нас свое внимание, чтобы нас перестали убивать по наветам клеветников. Они угрожают нам не денежными поборами, ни поражением в гражданских правах или чем-то еще

¹ Здесь мы видим одно из направлений критики Афинагором политеизма, принятое в духе Эвгемера Мессенского, который развил свой тип историко-рационалистической экзегезы греческих мифов, сводящий богов к смертным людям, обожествленным за свои исторические заслуги или из страха. Персонажи, упомянутые здесь, действительно отождествлялись с богами в локальных культах. Идентификация Елены со своей матерью Немесидой-Адрастией засвидетельствована также в Псевдоклементинах (*Нот.* V. 13), Агамемнон отождествлялся с Зевсом в Спарте (*Лукорфр.* Alex. 335). Ассоциация Филонои Тиндариды с Гекатой-Энодией не обнаруживается более нигде (чтение τῆν Ἐνοδίαν является конъектурой Э. Шварца, в рукописи это место читается неудовлетворительно). На идентификацию Эрехтея с Посейдоном также указывает Ликофрон (Alex. 158). Агравла и Пандроса, дочери Кекропа, почитались в Афинах. М. Делькур упоминает об их идентификации с Афиной Палладой.

² Эта фраза некоторыми издателями (Геффен, Убальди, Шёдель) признается позднейшей вставкой в текст.

³ Эти слова указывают на *terminus post quem*: краткий период мирного затишья продолжался с осени 175 до начала 178 г.

(мы-то презираем все это, хотя многие считают сие целью, достойной страданий); ведь мы знаем, что не надо отвечать ударом на удар, не надо даже судиться с грабителями и лихоимцами и бьющим нас по щеке надо подставлять другую, а если будут отнимать плащ, отдавать и сорочку; но как раз тогда, когда мы добровольно отказываемся от имущества, те, кто распространяет среди черни обвинения в преступлениях, о которых нам и помыслить-то невозможно, но которые обычны для наветчиков и вообще людей подобного толка, злоумышляют на нашу душу и тело.

2. Однако если кто-либо может обличить нас в каких бы то ни было преступлениях, больших или меньших, мы не только просим нас наказать, но требуем самой жестокой и беспощадной кары. Если же обвинение основывается лишь на имени, ведь и по сей день все, что про нас сочиняют, есть не более, чем безответственная расхожая выдумка, — и никто еще не уличил христианина в подобном преступлении, то в этом случае ваш долг как величайших, человеколюбивейших и ученейших государей законом избавить нас от поношения, чтобы, подобно тому, как весь свет и каждый город осчастливлен вашими благодеяниями, и мы могли бы радостно благодарить вас за избавление от наветов.

Да и недостойно вашей справедливости, когда прочих, обвиняемых в преступлениях, наказывают не прежде, чем будут предоставлены доказательства их виновности, а для нас одно имя весит более, нежели доказательство вины, представленное суду, и судьи, проводя дознание, ищут не состава преступления в делах подсудимых, а поносят имя, как будто это и есть преступление. Ведь само имя как таковое не обозначает ничего ни дурного, ни хорошего, а считается скверным или добрым в зависимости от стоящих за ним дурных или благих дел. Вам это, конечно, известно благодаря вашему философскому и всякому другому образованию. И те, кто подвергается вашему суду, пусть даже они и рискуют своей головой, не падают духом, зная, что вы будете исследовать их жизнь и исходить не из имен, коли за ними ничего не стоит, и не из слов обвинителей, если те окажутся выдумкой, и сами они равно принимают как оправдание, так и осуждение. Мы просим всего лишь уравнять нас со всеми остальными, дабы нам не подвергаться наказаниям и ненависти только за то, что мы — христиане (да и что за преступление в нашем имени?), но судиться по тем обвинениям, что представляют истцы, и получать свободу в случае оправдания от обвинений, а наказание — если уличены в злодействе, а не из-за имени (никто из христиан не злодей, коли не притворяется христианином), но согласно преступлению. Возьмем, к примеру, тех философов, которые оказались под судом. Никто из них загодя не определяется судьей как дурной или хороший из-за своего учения или занятия, но если он окажется виновен, его наказывают, причем сама философия не подпадает под обвинение, ибо преступником является тот, кто философствует противозаконно⁴; сама же наука не имеет в себе вины, а если он оправдывается от наветов — отпускается на свободу. Пусть так же поступают и с нами. Надобно мне в начале моего слова в защиту наших взглядов просить вас, великие государи, стать нам беспристрастными слушателями и не судить предвзято, поддавшись распространенным нелепым слухам, а проявить и в нашем деле ваше усердие и правдолюбие. Стало быть, вы не погрешите по неведению, а мы, оправдавшись от безосновательной молвы, перестанем подвергаться гонениям.

3. Нам предъявляют три обвинения: безбожие, фиестовы трапезы и

⁴ Требование неприменимости осуждения философов к их учениям мы находим в первой апологии Иустина-Философа (IV. 8—9).

эдиповы смешения⁵. Будь это правдою, не жалейте никого, карайте за преступления всех: женщин и малых детей; перебейте нас всех до последнего, если хоть один живет наподобие дикого зверя. Да, впрочем, и звери дикие не касаются сродственников по закону природы и сходятся только в пору зачатия потомства, зная, с кем сходиться. А уж коли есть кто необузданнее этих зверей, то какого же наказания заслуживает он за такие преступления?! А если все это лишь выдумки и пустопорожня клевета, как это обычно бывает, когда порок ополчается на добродетель, вечно враждующая с ней по божественному установлению, и мы ни в чем не виноваты, что вы подтверждаете своим желанием избавить нас от необходимости признаваться, — вам стоило бы разбираться в обстоятельствах жизни, в учении, преданности и послушании вашему дому и государству, и таким образом проявить снисхождение к нам ничуть не большее, нежели к нашим гонителям. Ведь мы, конечно, победим их, бесстрашно положив жизнь за правду.

4. Тех, кто утверждает, что мы — безбожники (я буду отвечать на каждое обвинение по порядку), смешно было бы не изобличить. Вот Диагора афиняне справедливо прозвали безбожником: он не только разгласил орфическое учение и таинства Элевсина и Кабиров, а также расколол на дрова деревянную статую Геракла, чтобы сварить себе бобов, но прямо утверждал, что Бога вовсе нет⁶. Но мы-то различаем Бога и вещество и доказываем, что вещество — это одно, а Бог — иное; и многое разделяет их (ибо Божество не возникает, оно — вечно и созерцается только умом и размышлением, вещество же преходящее и гленно) — разве не глупо вменять нам в вину безбожие? Вот если бы мы помыслили сходно с Диагором, несмотря на множество явлений, побуждающих к богопочитанию: благочинность и вечную согласованность, величину, многоцветие, очертание и расположение мира, тогда бы нас, наверное, можно было бы назвать не почитающими Бога вовсе, за что и следовало бы нас наказать. Но коли мы учим, что Бог един, создатель вселенной, не возникший (ибо сущее не возникает, разве только несуществовавшее⁷) и сотворивший все Своим Словом, то мы не заслужили ни дурной молвы, ни гонений.

5. Когда поэты и философы принимались рассуждать о Боге, их никто не считал безбожниками. Еврипид, например, недоумевает по поводу тех, кого невежественное общее мнение называет богами.

Уж коли был бы Зевс-отец на небесах,
Его б избавил от ужасной участи⁸.

А о том, что постигаемое умом с помощью рассуждения есть Бог, он учит так:

Высокий и безмерный видишь ли эфир,
Объятъем влажным землю обнимающий?
Зови Зевесом, оогом именууй его⁹.

⁵ О подобных обвинениях упоминают многие апологеты (Иустин, Татиан, Феофил Антиохийский и др.). Особенную близость к формулировке Афинагора являет сохранившееся у Евсевия (Н.Е. V. 1.14) повествование о лионских мучениках, где епископу Пофину были предъявлены обвинения в фиестовых трапезах и эдиповых смешениях.

⁶ Диагор еще со времен Аристофана (Av. 1072; Nub. 831) считался расхожим образом безбожника.

⁷ В оригинале — μή ὂν, т.е. то, что не существует актуально.

⁸ Фрагмент Еврипида (Nauck, 900), известный только из Афинагора. Ср. «Финикиянки», ст. 86—87.

⁹ Фрагмент Еврипида (Nauck. 941), часто цитируемый апологетами, ср. *Clem. Alex. Protrg.* II. 25. 3; VII. 74. 1.

Он не усматривает у этих богов сущностей, которые бы обозначались именами¹⁰ («Не знаю ничего о Зевсе, кроме самого слова»)¹¹, или действительных вещей, которые стояли бы за именами (ведь то, чему не подлежит какая-либо сущность, имеет ли что-нибудь кроме имени?). А Бога он усматривал по творениям Его, эфиру и земле, мысля явление как видимый облик незримого. Именно Того, чьи это творения и чьим Духом они управляются, он ясно считал Богом, чему вторит и Софокл:

Один, поистине один великий Бог,
Воздвигший небо и всю ширь земли¹²,

которая, взирая на природу Божию, исполняется красоты Ее, уча также о том, где должен находиться Бог и что Он — один.

б. А Филолай, говоря, что вселенная как бы заключена Богом в темницу, доказывает лишь, что Он — один и выше вещества¹³. Так же учат Лисид и Опсим¹⁴: один из них определяет Бога как несказанное число, а другой — как разность между величайшим из чисел и ближайшим к нему. А поскольку самое большое число — «десять», как утверждали пифагорейцы, ибо оно есть четверица и содержит в себе все арифметические и гармонические отношения, а ближайшее примыкающее к нему число — «девять», то Бог есть монада, т.е. единица, ведь самое большое число превосходит ближайшее к нему на самое маленькое, т.е. на единицу. Что касается Платона и Аристотеля, то я не берусь излагать здесь подробно учения этих философов, возьму лишь их мнение о Боге. Ведь я знаю, что как вы превосходите все царство рассудком и мудростью, так же и подробным знанием во всех науках, владея любой областью учености лучше, чем те, кто выбрал себе одну, вы превосходите всех. Но раз уж доказательство невозможно без приведения имен, показывающих, что не мы одни понимаем Бога как единичность, то я обратился к примерам. Итак, Платон говорит: «Творца и отца этой вот вселенной найти нелегко, но даже найдя невозможно высказать вслух»¹⁵, имея в виду единого, невозникшего, вечного Бога. И если он и признавал иных [богов], луну, скажем, солнце или звезды, то знал их как возникших. «Боги от богов, я — ваш творец и отец вещей, которые неразрушимы без моей воли, хотя все соединенное — разъединимо»¹⁶. Ну, а если Платон не безбожник, считая, что Бог, не возникший Создатель всего — один, то мы и вовсе не безбожники, ибо мы признаем и держимся Бога, Словом Которого сотворено и Духом Которого соблюдается все на свете. Аристотель и его последователи признают одного Бога, считая его как бы живым существом, состоящим из души и тела, причем тело его, по словам их, состоит из эфира, блуждающих светил и сферы неподвижных звезд, вращающихся кругообразно. Что же касается души Его, то она есть разумное начало в движении тела, недвижимое, но являющееся причиной всякого движения¹⁷. Те же, что учат в Стое, хотя и множат Божество разными именованиями, сообразно изме-

¹⁰ Афинагор использует классическое противопоставление реальности οὐσία и имени ὄνομα, ср., например, *Plat. Crat.* 428e; *Albin. Epitome.* VI. 10.

¹¹ Фрагмент Еврипида (*Nauck.* 480) приводится у Плутарха (*Amat.* 13. 756 c) как относящийся к трагедии «Меланипп». Цитируется также в Псевдо-Иустиновой «О Монархии». 5.

¹² Фрагмент, приписываемый Софоклу (*Nauck.* 1025), возможно, подложный.

¹³ Фрагмент Филолая (*Diels—Kranz.* 15. P. 414), известный только из настоящей цитаты Афинагора.

¹⁴ Лисид и Опсим — ранние пифагорейские философы, о которых неизвестно почти ничего (*Diels—Kranz.* P. 420 f.).

¹⁵ *Plat. Tim.* 28c — пассаж, часто цитируемый апологетами.

¹⁶ *Plat. Tim.* 41a. В переводе отражена платоническая интерпретация этого фрагмента, содержащаяся в комментарии Прокла.

¹⁷ Докса Аристотеля, находящаяся только у Афинагора. Ср. *Diels. Doxographi Graeci (Aetius. Placita.* I. 7. 32). P. 305.

нениям вещества, через которое, как они учат, проходит Дух Божий, по сути все-таки почитают одного Бога. Действительно, если Бог есть «огонь искусный, прокладывающий путь к рождению миропорядка, содержащий в себе все семенные причины, от которых все рождается по воле Рока, а Дух Его проходит сквозь все мировое пространство», значит, согласно их учению, Бог один, Зевс — от жжения вещества (ζέον) так именуется, а Гера — от воздуха (ἀήρ) и все прочее сообразно той части вещества, в которой движется именуемый¹⁸.

7. Но раз в том, что Бог — един, независимо от желания, согласны почти все, кто исследовал начала вещей, а мы именно и утверждаем, что Тот, кто устроил эту вселенную, есть сей Бог, почему же им позволено безнаказанно писать и говорить о Боге то, что они хотят, а нам, которые могут удостоверить свои взгляды и истинность веры в единого Бога доказательствами рассудка и доводами истины, угрожают законом? Стихотворцы и философы, как и в прочих вопросах, здесь рассуждали по наитию, каждый по мере причастности Божественному Дуновению, пытаясь исследовать и по возможности понять и осмыслить истину. Каждый из них преуспел настолько, насколько глубоко он проник {в суть предмета}, не находя, однако, самой сущности, ибо все они решили искать познания Божества не от Бога, но каждый от своего разума. Поэтому-то каждый из них учил отлично от других и о Боге, и о веществе, и об идеях, и о мироздании. Наши воззрения и убеждения, напротив, подтверждаются свидетельствами пророков, которые в Божественном Духе изрекли и о Боге, и о присных Его. Ведь и вы, превосходя всех разумением и благочестием перед сущим Божеством, пожалуй, должны будете признать, что неразумно преклонять ухо к человеческим мнениям и отказывать в доверии исходящему от Бога Духу, Который как музыкальные инструменты заставил звучать уста пророков.

8. Добавим еще и такое умозаключение, доказывающее, что Творец этой вселенной есть именно единый Бог, дабы у вас было и разумное основание нашей веры; если бы богов и вправду было два или более, то либо они были бы тождественны, либо же — каждый бог по отдельности. Положим, быть тождественными для них было бы невозможно. Ведь если они боги, то не могут быть одним и тем же, но уже по одному тому, что они не возникли — они не тождественны. То, что возникло, тождественно образцу, а не возникшее не имеет тождества, не имея ни причины, ни образца возникновения. Что же касается второй возможности, то есть если они были бы составными частями единого тела подобно руке, глазу или ноге, слагающим единое, то Бог тогда один. Сократ, к примеру, возник и поэтому смертен, составлен из частей, значит, и на части разложимый, а Бог — не возникший, бесстрастный, неразложимый. Итак, Он не состоит из частей.

А если каждый из них сам по себе, а Творец мира — выше всего возникшего и над тем, что Он сотворил и устроил, где же тогда место второму или остальным? Ведь если мир, устроенный шарообразно, огражден небесными кругами, а сам Творец мира, пребывая выше возникшего, объемлет его своим Промыслом, где же тогда местопребывание второго бога или остальных? Оно не в самом мире, ибо мир этот принадлежит уже Другому. И не вокруг него, ибо над миром помещается сам Творец его — Бог. Ну, а если это место и не в мире, и не вокруг него (ведь все, что окружает мир, подвластно Богу), то где же? Может быть, выше и мира, и Бога, — в другом мире или вокруг него? Но если он в ином и относится к иному, то он, стало быть, не имеет отношения к

¹⁸ Стоицкие мнения цитируются по: *Diels. Doxographi Graeci (Placita Aetii. I. 7. 33). P. 305—306.* Тертуллиан цитирует это место, ссылаясь на Зенона (*Apolog. XXI*). Стоицкие этимологии имен античных богов широко использовались апологетами в критике многобожия.

нам (ибо не властен над миром), да и могущество его не очень велико, коли он помещается в ограниченном пространстве. Но если он и не в ином мире (ибо все исполнено Этим), и не вокруг иного (ведь все подвластно Этому), выходит, его и нет, если нет места, где быть ему. И чем он занимается, если мир, где он помещен, подвластен Другому, а сам он, получается, будет выше Создателя мира, не будучи ни в мире, ни вокруг мира? Но есть ли вообще какое-нибудь другое место, где бы мог находиться [возникший {бог}], но иной, помимо Сущего? Над ним Бог и присные его. И где же тогда будет место ему, если Бог наполняет Собою все, что над вселенной? Но может быть, он есть само Провидение? И то нет, коли он не творил. Итак, если он и не творит и не промышляет, да и места нет такого, где бы ему быть, выходит, один этот изначальный и единственный Бог — Творец мира¹⁹.

9. Если бы мы удовлетворились этими соображениями, тотчас бы сказали, что это наше рассуждение есть нечто сугубо земное и человеческое. Поэтому гласы пророческие удостоверяют наши соображения. Я думаю, что вы, будучи наиболее образованными и ученейшими, не пребываете в неведении относительно Моисея, Исаяи, Иеремии и остальных пророков, которые, движимые Духом Божиим, в исступлении отрешившись от своих собственных соображений, предрекли все то, что было им внушено, причем Божественный Дух их использовал как флейтист свою флейту. Итак, что же говорят они? «Бог — Господь наш. И не причтется иной к нему» или вот еще: «Я Бог первый и последний и нет Бога кроме меня». Вот и еще подобное: «Прежде меня не было иного Бога, и после меня не будет. Я — Бог и несть кроме меня»²⁰. А вот о величии: «Небеса — трон мой, а земля — подножие ног моих. Где же возведете вы дом мне, и где место покоя моего?»²¹. Впрочем, я предоставляю вам самим изучить их пророчества, взявшись за книги этих мужей, дабы вы по должном размышлении избавили нас от наветов.

10. Итак, то, что мы вовсе не безбожники, считая Богом невозникшего, вечного, бесстрастного, непостижимого и невместимого, созерцаемого единственно умом и рассуждением, облеченного светом и красотой, Духом и силой несказанной Бога, сотворившего, устроившего и соблюдающего вселенную — вполне довольно мной показано. Кроме того, мы учим и о Сыне Божиим. И не считайте смехотворными мои слова о том, что у Бога есть Сын. Мы ведь мыслим о Боге-Отце и Сыне не так, как стихотворцы, которые сочиняют всякие сказки и изображают богов ничуть не лучше людей. Напротив — Сын Божий есть Слово Отца, как в возможности, так и в действии. Сыном же и через Сына возникло все, ибо Отец и Сын — одно. Сын есть в Отце, а Отец — в Сыне единством и силою Духа, а Сын Божий есть Ум и Слово Отца. Но если вашему превосходному разумению желательно рассмотреть, что же означает «Сын», я вкратце скажу так: Он есть первое порождение Отца, но не как возникший (ведь Бог, будучи вечным Умом, изначально имел в себе Свое Слово и был вечно словесен), но как Исшедший, чтобы быть образом и осуществлением всех вещественных сущностей, которые не имели природного качества подобно необработанной земле и которые как бы подлежали, когда более густое смешалось с более разреженным²².

Согласен с этим рассуждением и Дух пророческий, говорящий: «Создал меня Господь началом путей Его для дел Его»²³. Впрочем, этот действующий в тех, кто пророчествует, Дух Святой мы называем истечением Божиим, истекающим и возвращающимся, подобно солнечным лучам.

¹⁹ В этом доказательстве можно увидеть применение аристотелевского формального метода, ср. *Ps.-Arist. Meliss, Xenoph., Gorg. III = Xenophanes A28 (Diels—Kranz)*.

²⁰ Варух 3, 36; Исаяя 44, 6; Исаяя 43, 10—11.

²¹ Не очень точная цитата из Исаяи (46. 1).

²² Мы приняли чтение Марана: ἄχρεϊας.

²³ Притчи Сол. 8. 22.

Да и кто не подивится, услышав, как безбожниками называют тех, кто признает Бога-Отца, Сына и Духа Святого, представляя Их как Силу в единстве и разделение по чину. Впрочем, наше богословие не ограничивается только этим: мы говорим также о сонме вестников и прислужников, которым Создатель и Творец мира Бог Словом Своим указал и назначил соблюдение вещественных начал — небес, вселенной и ее содержимого, а также благочинности всего этого.

11. Впрочем, не удивляйтесь, что я вхожу в такие подробности нашего учения. Я изыскаю столь подробно, дабы вы не поддались распространенному заблуждению, а могли бы знать правду. Ведь именно посредством нашего учения, не человеческого, но богореченного и воспринятого от Бога, мы можем убедить вас не считать нас за безбожников. Каково же то учение, на котором мы воспитаны? «Говорю вам: возлюбите врагов ваших, благословите проклинающих вас, молитесь за преследующих вас, дабы стать детьми Отца небесного, Который солнце возводит равно и над лукавыми, и над добродетельными, и дождем своим равно орошает и праведных, и неправедных ...»²⁴.

Позвольте мне, несмотря на великое возмущение, вызванное нашим учением, открыто излагать его, ибо я обращаюсь к государям-философам²⁵. Кто, например, из тех, что разбирают силлогизмы, разрешают двусмысленности, разъясняют этимологии или {учат} всем этим синонимам, омонимам, категориям, аксиомам, подлежащему и сказуемому и которые обещают сделать счастливыми с помощью подобных занятий тех, кто с ними общается, — кто из них настолько чист душою, чтобы любить врагов своих паче ненависти и благословлять оскорбителей вместо того, чтобы ответно поносить их (как это казалось бы естественно), и молиться о злоумышляющих на их жизнь? Напротив, они постоянно злобно выслеживают тех, кто говорит о них позорящие вещи, и вечно желают содейть нечто злобное, радея больше об искусстве слов, чем о делах. А у нас возьмите хоть простолюдина, хоть ремесленника или старуху: если кто не может принести пользы словом, то старается выказать ее делом, которое больше ему по душе. Ведь у них нет заботы прославиться словами, напротив, они стремятся совершать благие дела, не отвечая ударом на удар, не затевая тяжбы с грабителем, давая просящему и возлюбивши ближнего своего как самого себя.

12. Итак, были бы мы столь чистыми, если бы не признавали, что Бог надзирает за всем родом людским? Конечно же нет, напротив, именно от нашего убеждения в том, что мы отвечаем за нашу здешнюю жизнь перед Богом, сотворившим и нас, и мир, мы придерживаемся умеренного, человеколюбивого и смиренномысленного жития и считаем, что здесь мы не потерпим урона, даже если бы кто-то и лишил нас жизни, сравнимого с тем воздаянием, которое мы приобретаем от великого Судии за скромную, человеколюбивую и благомысленную жизнь²⁶. Платон, например, говорил, что {там} Минос и Радамант судят и карают дурных людей²⁷, а по нашему мнению никому не избежать суда Божия, будь ты хоть Минос, хоть Радамант, хоть их родитель. Однако выходит, что те, кто говорят о жизни здешней: «Ешьте и пейте, ведь завтра умрем»²⁸, а смерть считают просто

²⁴ Матф. 5. 44—45; ср. также Лук. 6. 27—28.

²⁵ Л. Барнард понимает под словом *λόγος* саму речь. Б. Пудрон считает, что имеется в виду «учение». Мы приняли сторону последнего.

²⁶ Аллюзия к Рим. 8.18.

²⁷ Минос и Радамант, сыновья Зевса, по Платону (*Gorg.* 523c—524a; *Apol.* 41a), судят людей в Аиде.

²⁸ Исая. 22. 13 (возможно, через I Кор. 15—32). Имеются в виду, скорее всего, эпикурейцы.

глубоким сном и забвением («Сон и смерть — близнецы»)²⁹ — называются благочестивыми людьми. А с другой стороны есть люди, которые почли здешнюю жизнь скудным и малым достоянием, ведомые единственно знанием об истинном Боге и Слове Его, знающие, что именно есть единство Сына и Отца, что есть общность Отца с Сыном, что есть Дух, и что — Их единение и различие Единяющихся (то есть Духа, Сына и Отца), сознающие, что наследуемая жизнь гораздо лучше, нежели можно выразить словом: пребывая в чистоте, избегшие всякого прегрешения и столь человеколюбивые, что возлюбили не одних лишь друзей («Ведь если вы, — говорит Он, — возлюбляете лишь любящих и ссужаете лишь ссужающим вам — какое воздаяние имеете?»)³⁰. Вот каковы мы и какую жизнь мы ведем, считаясь при этом не почитающими Бога!

Это — малая часть от великого и немногое от многого, дабы не отягощать вас сверх меры. Ведь и те, кто испробывает мед и молоко³¹, по малой части вселенной распознают, хороша ли она вся.

13. Большинство же из тех, которые обвиняют нас в безбожии, даже приближенно не представляя себе что есть Бог, не понимая ни грана в науке о природе и измеряя благочестие количеством жертвоприношений, вменяют нам в виду непризнание богов, чтимых в городах, — поэтому извольте рассмотреть, государи, здесь оба вопроса. И во-первых, — о том, что мы не приносим жертв.

Творец и Отец этой вселенной не нуждается, ни в крови, ни в туке, ни в курительном благовоении, будучи Сам совершенным благовоением, Самодовлеющим и ни в чем не Нуждающимся. Однако лучшей жертвой для Него станет, если мы отдадим себе отчет, кто протер и устроил шарообразно небеса, водрузив землю как бы посредине, кто собрал воду в моря и отделил свет от тьмы, кто украсил эфир светилами и устроил так, чтобы земля произрастила всякое семя, кто сотворил животных и слепил человека. Если же мы, признавая Творцом Бога, соблюдающего и пекущегося о мире с мудростью и искусством, присущим Ему во всем, «возденем Ему чистые длани»³², разве будет нужда в гекатомбе [о которой говорится]:

Но и богов — приношением жертвы, обетом смиренным,
Вин возлияньем и дымом курений смягчает и гневных
Смертный, молящий, когда он пред ними виновен и грешен³³.

Что же за нужда, спрашивается, во всесожжениях, которые не нужны Богу? Следует-то приносить бескровную жертву и совершать служение разума.

14. Другое, весьма незатейливое обвинение сводится к тому, что мы, дескать, не поклоняемся тем богам, которые почитаются в городах. Ведь даже те, кто обвиняет нас в безбожии, говоря, что мы не признаем тех богов, которым они поклоняются, сами не согласны здесь друг с другом, ибо афиняне выставляют богами Келея и Метаниру, спартанцы — Менелая, которому они приносят жертвы на праздниках в его честь, троянцы под другим именем почитают Гектора, кеосцы — Аристея, который, согласно их представлениям, есть одновременно и Зевс, и Аполлон, фасосцы — Феагена, который совершил убийство на Олимпийских играх, самосцы — Лисандра, притом, что на его совести много крови и всякого другого зла; Медею или

²⁹ Расхожая фраза из Гомера (II. XIV. 231; XVI. 672; Od. XIII, 79). Употребляется Афинагором также в трактате «О воскрешении мертвых» (XVI. 5).

³⁰ Неточная цитата из Матф. 5. 46 или Лук. 6. 32—34.

³¹ Возможно, имеется в виду раннехристианский обычай давать мед и молоко после крещения (ср. *Iren. Adv. Haer.* II. 19. 8) как символы Земли Обетованной.

³² Отсылка к письму апостола Павла (I Tim. 2.8).

³³ *Hom.* II. IX. 499—501 (перевод Н. Гнедича). Возможно, заимствовано через Платона (*Resp.* 364d—e).

Ниобу — киликийцы, сицилийцы — Филиппа, сына Бутакида, Онесилая — жители Амадунта, а карфагеняне — Амилькара³⁴. Впрочем, мне не достанет и целого дня на перечисление всего этого разнообразия. Если же они сами промеж собою не могут найти согласия в вопросе о богах, как же они предъявляют нам обвинение в том, что мы почитаем не тех богов? У египтян же — нечто и вовсе смехотворное: они собираются по праздникам в храмах и приносят жертвы богам, одновременно {оплакивая} их с биением себя в грудь, как если бы это были покойники. И это вовсе никого не удивляет. Они считают зверей богами, обривают их, когда те умрут, и погребают в храмах со всенародным плачем. Итак, если уже мы безбожники оттого, что наше богопочитание иное, тогда и все города, да и все народы также безбожны. Ведь все почитают разных, а не одних и тех же богов.

15. Но если все почитают одних и тех же богов — и что же? Получается, что если народ, не способный распознать, что есть вещество, а что — Бог, и сколь велико их различие, прибегает к сделанным из вещества идолам, то, стало быть, и нам, разделяющим и отличающим не возникшее и возникшее, сущее и не сущее, умопостигаемое и чувственное, наделяющим каждое из них подобающим именем, идти на поклонение к изваяниям? Ведь если вещество и Бог суть одно и то же, два наименования для одной вещи, то мы богохульствуем уже тем, что не признаем богами камни, деревья, серебро и золото. С другой стороны, если они весьма отличны друг от друга, и притом настолько, насколько мастер — от тех средств, которыми он пользуется в своем деле, — что же вменяют нам в вину? Возьмем, к примеру, гончара и глину³⁵: глина есть вещество, а гончар — мастер. Так и Бог — Творец, а вещество служит Ему в Его творчестве. Однако, как глина сама собою, минуя мастерскую, не может превратиться в сосуды, так и всеприемлющее вещество без Бога-Творца не восприняло бы различия в себе, очертания и порядка. Мы ведь не чтим глину более, нежели того, кто обработал ее, или чаши и золотые кузины выше того, кто отлил их; но если он искусен, мы хвалили мастера, и именно он пожинает славу за свои сосуды. То же самое — с Богом и веществом: за устройство и упорядочение вещества славою справедливо почтено не оно само, а его Творец — Бог. Так что, если мы признаем богами виды вещества, то нас можно будет назвать вовсе не выдающими Бога, раз мы приравниваем разложимое и тленное к вечному.

16. Прекрасен этот мир, объемлющий и превосходящий величиной, протяжением и шарообразным видом своим то, что заключено между эклиптической и полюсами³⁶. Но поклоняться следует не ему, а Создателю его. Ведь и ваши подданные, приходящие к вам, не преклоняются перед вашим почтенным жилищем, забыв оказать почести вам, начальникам и владыкам, от которых они могли бы ожидать исполнения своих просьб, но, хотя и дивятся красе царского дворца, если попадают в него, всю славу безраздельно уделяют вам. Более того, вы, будучи государями, устраиваете царское жилище для своих нужд, мир же произошел не потому, что Бог имел в нем какую-то потребность. Ведь Бог есть Все, Сам в Себе, «Свет недосыгаемый», совершенный порядок, Дух, Сила и Слово³⁷. Если мир есть как бы

³⁴ Карфагенский царь, бросившийся в огонь после поражения под Сиракузами. Культовые статуи возводились ему в Карфагене и карфагенских колониях (*Herod.* VII. 167).

³⁵ Образ гончара, по-видимому, заимствован из Ветхого Завета (Ис. 45.9). Здесь Афинагор пользуется приемом философской аллегории.

³⁶ Туманное выражение, по-видимому, восходящее к стоическим учениям (ср. *Diels. Doxographi...* P. 293).

³⁷ Выражение, заимствованное из ап. Павла (I Tim. 6.16). Термин *δύναμις* для описания Божества употребляется у Алкиноя (Епитоме. XIV.7), но также см. Матф. 22. 29; Марк 12. 24. Термины *λευδα* и *λβυος*, по всей видимости, стоического происхождения, хотя в раннехристианской литературе первый термин употреблялся в значении Божественной природы во Христе, а второй традиционно связывается с прологом Четвертого Евангелия.

благозвучный инструмент с ритмически колеблемыми {струнами}, то я поклоняюсь тому, кто, настроив, извлекает из него мелодию и сопровождает ее созвучным пением, а не самому инструменту. Ведь и устроители музыкальных состязаний не присуждают венки кифарам, забыв о кифаредах. И если мир — это искусное творение Божие, как говорит Платон, то я, дивясь красоте мира, обращаю взор на художника его. А если он — сущность и тело, как утверждают перипатетики, то мы не падем до «немогущих и слабых вещественных начал»³⁸, пренебрегнув поклоном причине движения — Богу, и не будем поклоняться, по их словам, «бесстрастному воздуху»³⁹, {ни тем более} — веществу, подверженному страстям. Ну, а если кто считает части мироздания силами Бога, то мы почитаем не эти силы, а Творца и Владыку их. Я не требую от вещества того, чего у него нет, и не служу, пренебрегая Богом, вещественным началам, которым дано лишь исполнять повеления. Ведь если они и прекрасны на вид, то лишь благодаря искусству Божию, будучи, впрочем, по самой природе вещества разложимыми. Платон также подтверждает эти умозаключения: «Каковое небо мы и назвали космосом, так как оно причастно многим блаженным свойствам от Отца, хотя и приобщилось тела. Вот поэтому-то и невозможно для него стать неподверженным изменению»⁴⁰. И если, дивясь искусному устроению небес и вещественных начал, я не поклоняюсь им как богам, сознавая их подверженность распаду, как же я могу называть богами тех, которых я знаю как произведение человеческое?

17. Давайте совершим краткое исследование. Тот, кто произносит защитительную речь, должен подбирать наиточнейшие доводы даже об именах [этих богов], так как они совсем недавние, и об их статусе, так как они появились, можно сказать, лишь вчера или еще днем раньше. Вам-то это известно лучше, чем мне, так как вы глубже и больше всех приобщились к древности. Так вот, я говорю, что именно Орфей, Гомер и Гесиод были сочинителями и родословия, и имен тех, кого они называли богами. Я приведу слова Геродота: «Ведь Гесиод и Гомер жили, по-моему, не ранее, чем за четыреста лет до меня. Они-то впервые и сочинили для греков родословную богов, дали им имена и прозвища, разделили между ними почести и поле деятельности и описали их вид»⁴¹. Что же касается изображений, то о них никто еще и не помышлял, так как живописи, начертательного искусства и скульптуры еще не было. А уж когда впоследствии родились Саврий Самосский, Кратон Сикийский, Клеанф Коринфский и юная коринфянка⁴², тогда уже и была придумана Саврием теневая живопись. Он срисовал тень озаренной солнцем лошади, а Кратон придумал начертательное искусство, нарисовав на выбеленной доске контурное изображение мужчины и женщины. Коринфянка же придумала объемные лепные изображения. Будучи влюблена в некоего человека, она подстерегла его во сне и очертила тень его на стене, после чего отец ее, который, надо сказать, был гончаром, подивившись чрезвычайному сходству, выдолбил [в стене] углубление по очертаниям рисунка и наполнил его глиной: произведение это до сих пор хранится в Коринфе. Потом пришел черед Дедала, Феодора и Смилида, которые впервые выдумали ваение и лепку. Так что изображения и вообще все изготовление идолов имеют столь недавний возраст, что

³⁸ См. Послание апостола Павла галатам. 4.9.

³⁹ См. *Diels. Doxographi...* P. 336. Обожествление воздуха (эфира) связывают с учением раннего Аристотеля (см. *Diels. Doxographi...* P. 654).

⁴⁰ *Plat. Polit.* 269d.

⁴¹ *Herod.* II. 53.

⁴² Подобное развитие темы см. у Феофила Антиохийского (Ad Aut.I.10). Интересна постановка в один ряд мифологических персонажей и исторических лиц. Саврий и Кратон известны только по этому упоминанию.

можно назвать изготовителя для каждого бога. Вот, например, эфесское изваяние Артемиды и Афины⁴³ (скорее даже Афины: так именуют ее посвященные в таинства, ибо она не была выкормлена грудью), древнюю статую Афины-заступницы⁴¹, а также Восседающую богиню изваял Эндий, ученик Дедала. [Аполлон] Пифийский — создание Феодора и Телеклея, а Феб Делийский и Артемиды [...] — Тектея и Ангелиона. Изваяние Геры Самосской и Аргосской — работы Смилида, Фидия же — остальные идола⁴⁵. Афродита, что на Книде, изваяна Праксителем, а эпидаврский Асклепий — творение Фидия. Словом, никто из этих богов не появился на свет без участия человеческих рук. Но коли они все же боги, почему же они не были издревле? Почему их ваятели старше их самих? Почему же для того, чтобы произойти, им пришла нужда в человеческом искусстве? Все они суть не более, чем земля, камни, дерево и изощренное искусство.

18. Впрочем, поскольку некоторые говорят, что это лишь изображения, а боги — это те, кому уподоблены изваяния, а также что торжественные шествия, посвященные им, и жертвы для них и в честь их есть единственный способ обращения к богам («трудно к богам обращаться, коль в истинном виде предстанут»)⁴⁶, а доказывают они, что дело обстоит именно так, приводя действительные проявления некоторых идолов, давайте исследуем значение, заключенное в их именах⁴⁷.

Однако я хотел бы, великие государи, наперед попросить извинения за изъяснение истинных доводов. В мои задачи не входит доказывать ложность идолов, но, отражая клевету, я представляю основание нашего выбора. Сравните вашу державу с Небесным Царством. Подобно тому, как у вас отцу и сыну все покорны, ибо царская власть дана вам свыше («Душа царя в руке божией», — говорит Дух пророческий)⁴⁸, точно так же единственному Богу и Слову Его, нераздельно мыслимому Сыну все подчинено. Именно это следует вам принять во внимание прежде всего прочего. Боги не существовали издревле, как иногда говорят, но каждый из них появился на свет подобно тому, как и мы возникаем. И этот вывод разделяется всеми {писателями}. Гомер, например, говорит:

Происхождение богов — Океан и мать Фетиду⁴⁹. Орфей же, который впервые придумал им имена, вывел родословие и определил деяния каждого, считался в вопросе о них наиболее сведущим — даже сам Гомер во многом, и особенно в отношении богов, следует ему⁵⁰ —, тоже полагает источник их возникновения в воде: «Океан, что всем прародитель»⁵¹. Ведь, согласно Орфею,

⁴³ Сильно испорченный фрагмент, читаемый нами по конъектуре У.Ф. Виламовица-Меллендорфа (Pouderon, P. 125).

⁴⁴ Вместо рукописного чтения τῆς ἑλαίας мы принимаем конъектуру Херрингтона τῆς ἀλέας.

⁴⁵ Увальди и Пудрон считают эту фразу позднейшей вставкой.

⁴⁶ *Hom. II. XX. 131.* Буквальный смысл этой фразы: «Проявление богов в их истинной форме трудновыносимо».

⁴⁷ Выяснение имен было весьма распространено в античной традиции. Классическим примером являются этимологии Сократа в платоновском «Кратиле». Очень активно занимались этимологиями стоические граммматики, использовали ее и неоплатоники (см., например, *Plot. Enn. V.1.*)

⁴⁸ Неточная цитата из Ветхого Завета (Притч. 21. 1). Учение о божественном происхождении царской власти см. у ап. Павла (Рим. 13. 1—2).

⁴⁹ Гомеровское выражение (*II. XIV. 201, 302*), цитируемое Платоном (*Крат. 402b*).

⁵⁰ Согласно хронологии, разделяемой большинством античных писателей, Орфей жил задолго до Гомера и был современником Геракла и Тезея. Несмотря на то, что христианская иконографическая традиция использовала орфические образы (например, образ Доброго Пастыря), в христианской апологетике прослеживается явная антиорфическая линия. Если Климент Александрийский (*Protg. I. 3.1*) высказывался в отношении орфической философии весьма терпимо и иногда даже с симпатией, у Афинагора мы находим весьма резкое его осуждение (ср. *Предст. XVII. 1; XVIII. 3—6; XX. 2—5; XXXII. 1.*)

⁵¹ *Hom. II. XIV. 246.* ср. *Plat. Crat. 402b.*

началом всех вещей была вода, из воды возник ил, а из того и из другого возникло животное Змей с присосшей головой льва, а посредине этих голов находился лик бога по имени Геракл или Хронос. И вот этот Геракл породил громаднейшее яйцо, которое, переполняясь силой своего родителя, от трения расколосось надвое. Верхняя его половина стала небом, а нижняя — землею. Произошел также некий двутелый бог. Небо, совокупившись с Землею, рождает дочерей Клото, Лахесис, Атропос и сыновей — Сторуких Котта, Гига, Бриарей и Киклопов — Бронта, Стеропа и Арга. Узнав, что он будет низвержен своими детьми, Уран заковал их и сбросил в Тартар. Земля же, разгневавшись на то, родила Титанов:

Юношей Уранионов родила владычица Гея,
Коих Титанами также по имени величают,
Ибо они отомстили великому звездному Небу⁵².

19. Стало быть, и они верили, что у богов и у вселенной было одно и то же начало. Что же тогда выходит? Каждый предмет, возводимый ими в божественное достоинство, {имеет} начало и, стало быть, [неизбежно подвержен тлению]. Ведь если они возникли, не существуя до этого, как говорят о них {эти} богословствующие, то тогда их вовсе не существует. Потому что нечто может быть либо невозникшим и вечным, либо возникшим и тленным. И здесь нет противоречия между мной и философами: «Что есть вечно сущее и не имеющее происхождения, а что — становящееся, но отнюдь не сущее?»⁵³. Платон, рассуждая об умопостигаемом и чувственном, учит, что вечно сущее, умопостигаемое, не возникло, а не сущее, чувственное, — возникло, имеет начало и конец. Стоики также говорят, что все будет сожжено и вновь возникнет, когда мир снова начнет существовать⁵⁴. Однако, ежели, по их учению, есть две причины: одна — деятельная и главенствующая, по которой {есть} Промысел, а другая — подчиненная и изменяющаяся, по которой {существует} вещество, и для вселенной, несмотря на то, что она управляется Промыслом, невозможно оставаться в том же состоянии, раз она произошла, — как же могут эти боги оставаться в том же состоянии, будучи не по природе сущими, а возникшими? Что же это за боги, стоящие выше вещества, но имеющие водный состав? Впрочем, даже эта их вода не является началом всему. Да и что может состоять из простых единообразных частиц? И вещество нуждается в работнике, и работник в веществе. Разве могут все эти изображения произойти неким образом без работника? Не имеет смысла также предположение, что вещество древнее Бога. Выходит, что созидаящая причина неизбежно предшествует всему становящемуся.

(Продолжение следует)

⁵² Орфический фрагмент № 57 (Kern). Ср. *Hesiod. Theog.* 207—210. Форма двойственного числа τῖσασθῆν по отношению к семи сыновьям Урана поставлена здесь, по-видимому, в силу убеждения, что dualis есть признак древности текста. Имя «Титан» возводится здесь к глаголу «мстить» (τινομαι).

⁵³ *Plat.* 11m. 27d.

⁵⁴ Отсылка к стоической теории о всеобщем уничтожении (ἐκπύρωσις) и вечном возвращении к началу (ср. *Cic. De nat. deor.* II. 46. 118).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АГСП — Античные города Северного Причерноморья. М., 1984.
АДЖ — *М.И. Ростовцев*. Античная декоративная живопись на юге России. М., 1913
АИБ — Археология и история Боспора. Симферополь, 1952
ЗКМ — Закарпатский краеведческий музей
ЗООА — Записки Одесского археологического общества
ИАК — Известия Археологической Комиссии
КАМ — Культура античного мира. М., 1966
КБН — Корпус боспорских надписей. М. — Л., 1965
КИАМ — Культура и искусство античного мира. Л., 1971
МАР — Материалы по археологии России
ОИМ — Очерки истории музейного дела в России. М., 1960
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников
СГМИИ — Сообщения Государственного Музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина
Тр.Гим — Труды Государственного Исторического музея
Тр. ГЭ — Труды Государственного Эрмитажа
ТСА РАНИОН — Труды секции археологии Института Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук
ХКААМ — Художественная культура и археология античного мира. М., 1976.
ААН — Acta archaeologica Hungaricae. Budapest
АЕ — Archaeologiai Ertesitö. Budapest
АМН — Acta musei Napocensis. Cluj — Napoca
АМР — Acta musei Porolissensis. Zaláu
АНRW — Aufstieg und Nidergang der römischen Welt
АР — Archeologicky rozhledy. Praha
ДАФИ — Cahiers de la Délégation Archéologique Française en Iran
ГК — Geschichte der Karthager
НААН — Histoire ancienne de l'Afrique du Nord
НС — Historica Carpatica. Košice
HZ — Historische Zeitschrift
IOSPE — Inscriptiones antiquiorae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae
К — W — *G. Kieseritzky, C. Watzinger*. Griechische Grabreliefs aus Südrussland. Berlin, 1909
МДР — Mémoires de la Délégation de Perse
ММАИ — Mémoires de la Mission Archéologique en Iran
ММАР — Mémoires de la Mission Archéologique de Perse
РА — Pamatký archeologicke
СА — Slovenská archéologia. Bratislava
SCIV — Studii si cercetări de istorie veche. București
SMSC — Satu Mare studii si comunicări. Satu Mare
SN — Slovenska numizmatika
WA — World Archaeology
ZfA — Zeitschrift für Archäologie. Berlin

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Юсифов Ю.Б., Алимурзоев А.Н.</i> (Баку) — К расшифровке знаков-цифр протоэламского письма	3
<i>Ярхо В.Н.</i> (Москва) — Поэтика литературной игры (<i>Папирусные тексты Каллимаха и Гермесианакта</i>)	21

ПУБЛИКАЦИИ

<i>Хабихт Х.</i> (Принстон) — Иасос и Самофракия в середине III в. до н.э.	38
<i>Яценко В.В.</i> (Ростов-на-Дону) — Клад электровых боспорских статов с Гниловского городища	43

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

<i>Шарма Р.Ш.</i> (Патна) — Переход от древности к средневековью в Индии	55
<i>Вигасин А.А.</i> (Москва) — Переход от древности к средневековью. Данные санскритских источников и их интерпретация (<i>По поводу статьи Р.Ш. Шармы</i>)	72

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

<i>Маламуд Ш.</i> (Париж) — Отрицание насилия в ведическом ритуале жертвоприношения	79
<i>Яйленко В.П.</i> (Москва) — Общность коммуникативной и социальной терминологии архаической Греции и раннего Рима: историко-лингвистический аспект ...	88
<i>Печатнова Л.Г.</i> (С.-Петербург) — Гипомейоны и мофаки (<i>Структура гражданского коллектива Спарты</i>)	100
<i>Оржиховский О.С.</i> (Москва) — К вопросу о предыстории Ганнибаловой войны	116
<i>Котигорошко В.Г.</i> (Ужгород) — Римские импорты и выделение экономических районов в Верхнем Потисье	121
<i>Хэгг Т.</i> (Берген) — От античной биографии к византийской агиографии	136

ДРЕВНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ: НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ

<i>Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А.</i> (Москва) — Сарматское погребение скептуха I в. н.э. у с. Косика Астраханской области	141
--	-----

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

<i>Тункина И.В., Фролов Э.Д.</i> (С.-Петербург) — Историкографические этюды С.А. Жебелева. Три неизданных мемуара С.А. Жебелева	180
<i>Жебелев С.А.</i> — Из воспоминаний о Я.И. Смирнове; Из воспоминаний о старом товарище; С.Ф. Ольденбург	191
<i>Бонгард-Левин Г.М.</i> (Москва) — Академик Михаил Иванович Ростовцев (Неизданные и малоизвестные архивные материалы из коллекций США) (<i>Краткий обзор</i>)	202

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Дьяконов И.М.</i> (С.-Петербург) — В.Д. Неронова. Формы эксплуатации в древнем мире в зеркале советской историографии. Пермь, 1992	209
<i>Каковкин А.Я., Большаков А.О.</i> (С.-Петербург) — Dans Les pas de Jean Ciédat. L'Égypte en Périgord. Catalogue raisonné de l'exposition. Musée du Périgord, 16 mai — 15 septembre 1991. Paris — Louvain, 1992	211
<i>Дандамаев М.А.</i> (С.-Петербург) — S.Graziani. Testi editi ed inediti datati al regno di Bardiya (522 a.C.). Napoli, 1992	212
<i>Семина К.А.</i> (Москва) — Gifts to the Gods. Proceedings of the Uppsala Symposium 1985. Ed. by T. Linders and G. Nordquist. Uppsala, 1987	214
<i>Глушанин Е.П.</i> (Барнаул) — Theodor Mommsen. Römische Kaisergeschichte. Nach den Vorlesungs-Mitschriften von Sebastian und Paul Hensel 1882/86 hrsg. von Barbara und Alexander Demandt. München, 1992	221
	253

PERSONALIA

К 70-летию В.А. Лившица	226
К 70-летию Б.А. Литвинского	227
К 60-летию Э.Д. Фролова	228
Г.А. Тирация (1926—1993)	229

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Мальшев А.А.</i> (Москва) — V Научные чтения памяти профессора В.Д. Блаватского	231
--	-----

ПРИЛОЖЕНИЕ

Предстательство за христиан Афинагора Афинянина, христианского философа. Перевод с древнегреческого, вступительная статья и комментарии <i>А.В. Муравьева</i> (Москва)	235
--	-----

CONTENTS

<i>Yu.B. Yusifov, A.N. Alimirzoev</i> (Baku) — On the Decipherment of Numerical Signs of the Proto-Elamite Script	3
<i>V.N. Yarkho</i> (Moscow) — Poetics of a Literary Play (<i>Papyrus Texts by Callimachus and Hermesianax</i>)	21

PUBLICATIONS

<i>H. Habicht</i> (Princeton) — Iasos and Samothrace in the mid III Century B.C.	38
<i>V.V. Yatsenko</i> (Rostov on the Don) — The treasure of electrum Bosporan staters from Nozhnegnilovskoye site	43

DISCUSSIONS

<i>R.S. Sharma</i> (Patna) — From Antiquity to Middle Ages in India	55
<i>A.A. Vigasin</i> (Moscow) — Some Problems of Interpretation of Sanskrit Texts (<i>rejoinder to R.S. Sharma</i>)	72

REPORTS AND COMMUNICATIONS

<i>Ch. Malamoud</i> (Paris) — The Rejection of Violence in Vedic Sacrifice	79
<i>V.P. Yailenko</i> (Moscow) — Commonality of Communicative and Social Terminology of Ancient Greece and Early Rome: Historico-Linguistic Aspect	88
<i>L.G. Pechatnova</i> (St.-Petersburg) — Hypomeiones and Mothaces (<i>Structure of Sparta's Civic Community</i>)	100
<i>O.S. Orzhekhovskiy</i> (Moscow) — On the «Pre-History» of the Second Punic War ...	116
<i>V.G. Kotigoroshko</i> (Uzhgorod) — Roman Imports and Development of Economic Regions in the Upper Theiss Basin	121
<i>Th.Hægg</i> (Bergen) — From Ancient Biography to Byzantine Hagiography	136

ANCIENT CIVILIZATIONS: NEW DISCOVERIES

<i>V.V. Dvornichenko, G.A. Fedorov-Davydov</i> (Moscow) — Sarmatian Burial of Skeptuch of the 1-st Century Near the Village of Kosika of the Astrakhan Region	141
---	-----

PAGES OF HISTORIOGRAPHY

<i>I.V. Tunkina, E.D. Frolov</i> (St.-Petersburg) — Zhebelev's Historiographic Studies. Three Unpublished S.A. Zhebelev's Memoirs	180
---	-----

<i>S.A. Zhebelev</i> — From Recollections on J.I. Smirnov; From Recollections on the Old Friend; S.F. Oidenburg	191
<i>G.M. Bongard-Levin</i> (Moscow) — Professor M.I. Rostovtzeff. New Documents from American Archives on His Life and Scholarly Activity	201

REVIEWS AND BIBLIOGRAPHICAL

<i>I.M. Diakonoff</i> (St.-Petersburg) — V.D. Neronova. Formy Ekhspluatatsii v Drevnem Mire v Zerkale Sovetskoi Istoriographii. Perm, 1992	209
<i>A.Ya. Kakovkin, A.O. Bolshakov</i> (St.-Petersburg) — Dans Les pas de Jean Clédat. L'Egypte en Périgord. Catalogue raisonné de l'exposition. Musée du Périgord, 16 mai — 15 septembre 1991. Paris — Louvain, 1992	211
<i>M.A. Dandamayev</i> (St.-Petersburg) — S. Graziani. Testi editi ed inediti datati al regno di Bardiya (522 a.C.). Napoli, 1992	212
<i>K.A. Syomina</i> (Moscow) — Gifts to the Gods. Proceedings of the Uppsala Symposium 1985. Ed. by T. Linders and G. Nordquist. Uppsala, 1987	214
<i>Ye.P. Glushanin</i> (Barnaul) — Theodor Mommsen. Römische Kaisergeschichte. Nach den Vorlesungs-Mitschriften von Sebastian und Paul Hensel 1882/86 hrsg. von Barbara und Alexander Demandt. München, 1992	221

PERSONALIA

The 70-th Birthday of V.A. Livshits	226
The 70-th Birthday of B.A. Litvinsky	227
The 60-th Birthday of E.D. Frolov	228
<u>G.A. Tiratsyan</u> (1926—1993)	229

SCIENTIFIC EVENTS

<i>A.A. Malishev</i> (Moscow) — The V-th Scientific Readings in the Memory of Prof. V.D. Blavatsky	231
--	-----

SUPPLEMENT

Athenagorae Atheniensis Legatio pro Christianis. Introduction, Translation and Commentary of <i>A.V. Muraviev</i> (Moscow)	235
--	-----

Технический редактор *Е.Н. Ларкина*

Сдано в набор 20.05.93	Подписано к печати 27.07.93	Формат бумаги 70×100 ^{1/16}
Офсетная печать	Усл. печ. л. 20,8	Усл. кр.-отт. 70,8 тыс.
	Тираж 3365 экз.	Уч.-изд. л. 24,8
		Бум. л. 8,0
		Цена 25 руб.

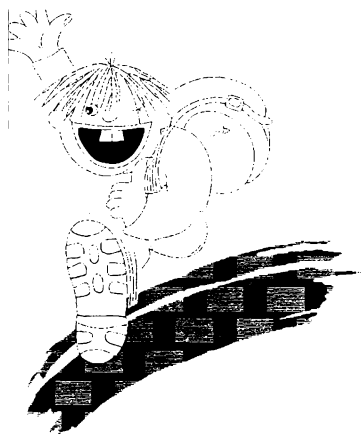
Адрес редакции: 117334, Москва, Ленинский проспект, 32-А.
Институт всеобщей истории РАН. Тел. 938-19-12
Московская типография № 2 ВО "Наука", 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6

Вниманию авторов
«ВЕСТНИКА ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ»

Редколлегия и редакция журнала обращаются к авторам с просьбой присылать резюме к статьям на английском языке, либо резюме на русском языке объемом не более 1 страницы машинописного текста с приложением списка встречающихся в статье специальных терминов, географических названий и имен собственных на английском языке.

Статьи просьба присылать обязательно в 3-х экземплярах, текст статьи и сноски напечатанными через 2 интервала, сноски — внизу страницы, нумерация — сплошная.

Статьи, оформленные не по правилам, приниматься в портфель редакции не будут.

Фирма "Полис" соучредитель
международного фонда "Ширак" и
туристическая компания "Поиск.ЛТД".

Основная сфера деятельности-издание научной, научно-популярной и художественной литературы.

Через фонд "Ширак" фирмы участвуют в организации международных археологических экспедиций, выставок, а также в проведении научных конференций, "круглых столов", семинаров, симпозиумов. Устанавливают профессиональные и деловые связи с отечественными и зарубежными исследовательскими центрами в вопросах организации обмена опытом и научного туризма. Мы готовы взять на себя все заботы по размещению в гостиницах, бронированию и приобретению авиа- и железнодорожных билетов. Мы также готовы финансировать проведение и организацию юбилейных научных чтений и презентаций, оказывать спонсорскую помощь Центру сравнительного изучения древних цивилизаций.

тел. (095)373-18-44, (095)476-53-00, факс (095)370-44-64
телекс 411700 бокс N9166, e-mail:VARD.INNEX.MSK.SU

25 р.

Индекс 70119

Фонд «СКИФ».

Фонд учрежден
акционерным обществом
Всероссийский
научно-промышленный
концерн «Скиф Троицк».

Фонд разрабатывает и способствует научной разработке проблем культуры скифо-сармато-аланского мира, этногенеза и истории ираноязычных народов и их роли в судьбах населения евразийских цивилизаций.

Фонд направляет свою деятельность на:

1. Финансирование, организацию и проведение исследований по вопросам истории, археологии, этнографии, лингвистики и фольклора.
2. Организацию и проведение научных конференций, симпозиумов, семинаров, «круглых столов», а также осуществление издательской деятельности; помощь в работе историко-археологических экспедиций.
3. Установление и развитие культурных и деловых связей с российскими и зарубежными учеными, научными центрами и ассоциациями и другими научно-культурными организациями по направлениям деятельности Фонда.
4. Содействие в подготовке квалифицированных исследователей в области науки и культуры.

Почетным Председателем Фонда является выдающийся ученый, профессор В.И. Абаев.

Фонд оказывает спонсорную помощь Центру сравнительного изучения древних цивилизаций.

103031, Москва, а/я 53; Телефон: 155-65-18

«НАУКА»